

*П. В. Алексеев
А. В. Панин*

Диалектический материализм

*учебное пособие
для вузов*

*П. В. Алексеев,
А. В. Панин*

Диалектический материализм

(ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ)

Допущено к изданию
Главным управлением преподава-
ния общественных наук Мини-
стерства высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов философских фа-
культетов университетов

МОСКВА
« ВЫСШАЯ ШКОЛА » 1987

ББК 15.1
А47

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. И. С. Нарский (Академия общественных наук при ЦК КПСС); кафедра философии Московского института инженеров транспорта (зав. кафедрой д-р филос. наук, проф. В. Г. Виноградов)

Алексеев П. В., Панин А. В.

А47 **Диалектический материализм (Общие теоретические принципы): Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1987. — 335 с.**

Пособие представляет собой курс лекций, прочитанных авторами в течение ряда лет на философском факультете МГУ. В нем в единстве представлены основные теоретические принципы диалектического материализма: принцип материального единства мира, принцип развития и принцип детерминизма, в содержание которых органично включены соотносительные категории диалектики.

А **0302020100(4309000000)—476** **50—87**
001(01)—87

ББК 15.1
1М

ВВЕДЕНИЕ

В период ускорения социально-экономического развития страны существенно возрастает роль марксистско-ленинской теории, значимость мировоззренческой и общеметодологической функций диалектико-материалистической философии. Этой теорией Коммунистическая партия Советского Союза руководствуется в решении сложнейших проблем, связанных с обеспечением мира между народами, с дальнейшим совершенствованием социализма, с построением коммунистического общества. В Программе КПСС отмечается, что «партия считает своей важнейшей обязанностью дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской теории на основе изучения и обобщения новых явлений в жизни советского общества, учета опыта других стран социалистического содружества, мирового коммунистического, рабочего, национально-освободительного и демократического движений, анализа достижений естественных, технических и общественных наук.

КПСС будет постоянно заботиться о том, чтобы все советские люди глубоко овладевали марксистско-ленинским учением...»¹.

В решении выдвинутых партией задач по формированию научного мировоззрения у всех тружеников нашего общества, по ускорению социально-экономического развития, научного, технического прогресса важную роль призваны сыграть кадры молодых специалистов, подготавливаемые ныне в вузах и университетах страны.

Современный этап общественного развития предъявляет новые, высокие требования к подготовке молодых специалистов, ко всей системе высшего образования.

Как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «новое мышление, которым всем надо овладеть, — это диалектическое мышление»². Формирова-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 163.

² См.: Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук// Коммунист. 1986. № 15. С. 5.

ние диалектического мышления возможно только при тесной связи марксистской теории с социальной практикой и с современными проблемами науки, техники, с выработкой умения самостоятельно и творчески решать сложные противоречия жизни. Важнейшей предпосылкой выработки такого мышления является овладение основными принципами теории диалектического материализма.

В настоящее время понятие «перестройка» все глубже проникает в сферу высшего образования, требуя решительного улучшения содержания, методики преподавания, учебных программ по общественным наукам. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (октябрь, 1986 г.) отмечались три направления, по которым должна идти перестройка работы кафедр общественных наук: 1) приближение преподавания к практике, 2) повышение идейно-теоретического, учебно-методического уровня преподавания, 3) всемерная активизация научно-исследовательской работы кафедр. Характеризуя эти направления, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев квалифицировал второе из них как узловой момент перестройки¹. На совещании было указано на чрезмерную дифференциацию в преподавании общественных наук и на необходимость обновления учебников и учебных пособий.

В отношении учебных пособий студенты философских факультетов университетов оказываются в некотором смысле в более сложном положении, чем студенты нефилософских специальностей: за последние десять лет не было издано ни одного пособия по общей теории диалектического материализма для студентов-философов.

В принципе, изучение философии на философских факультетах должно вестись по первоисточникам. Любой, даже хороший учебник содержит опасность схематизации и догматизации материала, что не способствует глубокому изучению философии, которое требуется от студента философского факультета. Но, с другой стороны, интенсификация философского образования, ограниченный объем часов, отводимый на изучение той или иной философской дисциплины, требуют создания для студентов философских факультетов таких учебных пособий, которые в концентрированном и систематизированном виде излагали

¹ См.: Доклад члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук // Коммунист. 1986. № 15. С. 18—20.

бы основные идеи философии диалектического материализма, ориентировали бы в работе над первоисточниками, ставили бы проблемы и способствовали целостному восприятию изучаемого предмета. Это и обусловило подготовку настоящего учебного пособия.

Поясним некоторые его особенности.

Предлагаемая работа является именно пособием, преследующим цель — помочь будущим специалистам по марксистско-ленинской философии уяснить ряд узловых вопросов диалектического материализма. При его составлении авторы не стремились к максимальной полноте изложения материала.

В определении степени раскрытия вопросов в данном пособии авторы исходили также из того, что студенты философских факультетов часть вопросов программы обсуждают более углубленно на семинарах; студентам рекомендуется материал из «Философской энциклопедии», «Философского энциклопедического словаря», из журналов «Вопросы философии», «Философские науки»; они изучают многотомные издания по материалистической диалектике, вышедшие в последние годы: «Материалистическая диалектика как общая теория развития» (рук. Л. Ф. Ильичев); «Материалистическая диалектика» (ред. Ф. В. Константинов и В. Г. Марахов); «Марксистско-ленинская диалектика» (гл. ред. М. Б. Митин); широко используется студентами коллективная монография, подготовленная под руководством П. Н. Федосеева «Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории» (2-е изд. — 1985). Ряд семинаров на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (где читают лекции по диалектическому материализму авторы данного учебного пособия) специально посвящен анализу дискуссий в современной философской литературе, например дискуссии по проблеме развития (по дискуссионным сборникам: «Диалектическое противоречие». М., 1979; «Диалектика отрицания отрицания». М., 1983; и др.). Такой анализ позволяет будущим специалистам-философам, опираясь на положения классиков марксизма, полнее представить состояние научной разработки изучаемых проблем, а главное — выработать навыки самостоятельного владения методом материалистической диалектики в решении до конца не изученных еще моментов темы (не говоря уже о формировании этических норм ведения научных дискуссий).

Все это определяет целевую специфичность данного учебного пособия, выбор проблем и их аспектов для рас-

смотрения, степень глубины освещаемых сторон диалектического материализма. При этом авторы руководствовались положением, которое было сформулировано В. И. Лениным и которое, как мы полагаем, должно относиться к любому учебному пособию по марксистско-ленинской теории: «Главная задача всякого руководства — дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение»¹.

Авторы стремились к тому, чтобы в избранных направлениях учебное пособие было, во-первых, информативным, во-вторых, методологичным и, в-третьих, проблемным. Но такая нацеленность может быть полностью реализована лишь при том условии, что диалектический материализм будет изложен в трех своих аспектах: в аспекте общей теории (т. е. будет изложено содержание его общетеоретических мировоззренческих принципов), в аспекте теории познания и в аспекте диалектической логики. Настоящее учебное пособие предполагается продолжить в издании «Теория познания. Диалектическая логика».

Учитывая то обстоятельство, что диалектический материализм является исходной дисциплиной при изучении других дисциплин марксистско-ленинской философии, в пособие в качестве вводного включен раздел о природе и специфике философского знания, в котором дается также обоснование той структуры изложения диалектического материализма, которая принята в предлагаемом пособии.

Разделы I, III и глава 4 раздела II написаны П. В. Алексеевым; разделы II (главы 1—3, 5, 6) и IV — А. В. Паниным.

Авторы выражают искреннюю благодарность коллективу кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова за поддержку и помощь в работе над учебным пособием.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 40.

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

К философии нельзя подходить с общими мерками, которые сформировались в сознании при изучении нефилософских дисциплин. Подход к философскому знанию с позиции критериев и стандартов, сложившихся при изучении естественных и некоторых общественных наук, может привести и приводит к редуцированию философии до частных наук, т. е. к ее ликвидации.

Между тем философия — специфический вид знания, имеющий свой особый предмет познания, не сводимый к предметам частных наук; в философии специфичны проблемы, ею решаемые; специфичны язык, методы, средства исследования; в философии своеобразны доказательства, аргументация, дискуссии, сами функции философии. И все это нисколько не отменяет общих черт с наукой, идеологией, искусством, обыденным знанием.

Природу и специфику философского знания в последние два десятилетия исследовали многие философы-марксисты, среди которых можно выделить П. В. Копнина, Т. И. Ойзермана, Б. М. Кедрова, В. Г. Афанасьева, Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, Э. В. Ильенкова, А. С. Богомолова, Г. А. Брутяна, В. А. Лекторского, И. Т. Фролова, Л. К. Науменко, А. Г. Спиркина, В. Н. Сагатовского, Э. Г. Юдина, З. М. Оруджева, В. С. Готта, А. Н. Чанышева, С. Т. Мелюхина, Д. И. Дубровского, А. Д. Урсула, Э. П. Семенюка, А. И. Ракитова, М. В. Желнова, Г. Герца, В. Эйхгорна, К. Ф. Весселя, Й. Гонди, Н. Ирибаджаква, И. Калайкова, М. Янкова, Й. Мужика, М. Зиго, В. Черника, Я. Ладоса, А. В. Потемкина, В. С. Тяхтина, М. Н. Алексеева, И. И. Жбанкову, М. С. Слуцкого, В. П. Бранского, Г. В. Платонова, Е. Ф. Солопова, В. А. Демичева, Л. А. Микешину, В. Л. Акулова, В. У. Бабушкина, М. А. Булатова. Интенсивное развитие данного направления сделало вполне естественным постановку вопроса о создании в рамках марксистской философии особой дисциплины — теории философии.

В первом разделе нашей работы мы рассмотрим лишь некоторые вопросы, относящиеся к теории философии,

причем они будут фокусироваться на диалектическом материализме. Освещение этих вопросов может оказать помощь в уяснении механизма связи диалектического материализма с действительностью и тем самым — в решении задач, выдвинутых перед философами XXVII съездом КПСС.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИХ ПРЕДМЕТНОЕ ОСНОВАНИЕ

В обыденном сознании в течение многих веков существовало, да нередко встречается и в наши дни, представление, будто философия не имеет собственных реальных проблем. Не случайно символом философа был медведь, сосущий собственную лапу. К примеру, на титульном листе книги Я. Бруккера «Критическая история философии», изданной в 40-х годах XVIII в. имелось такое изображение, под которым был помещен афоризм: «*Ipse alimenta sibi*» (сам себе пропитание).

В современной буржуазной философии существует целое течение — неопозитивизм, объявляющее проблемы философии бессмысленными, беспредметными. Однако проблемы философии реальны.

Основная проблема (или основной вопрос) мировоззрения — отношение человека к миру в целом. Мировоззрение есть общая картина мира, т. е. более или менее сложная и систематизированная совокупность образов, представлений и понятий, в которой и через которую осознают мир в его целостности и единстве, а также (что самое главное) положение в этом мироздании такой его важнейшей (для нас) части, как человечество; основной вопрос мировоззрения — это вопрос о взаимоотношении «мы» (части) и «оно» (целого)¹.

Несмотря на то что состав проблем и их выражение у философов разных эпох и народов различен, в них в той или иной мере есть и общее, и уже одно это обстоятельство говорит о том, что они не случайны, а порождены какими-то глубокими причинами.

По И. Канту (1724—1804), философия является наукой «о последних целях человеческого разума. Это высо-

¹ См.: Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия. М., 1970. С. 44.

кое понятие сообщает философии достоинство, т. е. абсолютную ценность... Сферу философии... можно подвести под следующие вопросы: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?»¹

В книге А. Швейцера «Культура и этика» (русс. пер. М., 1973) названы следующие проблемы мировоззрения: Конечен или бесконечен мир? В чем смысл твоей жизни? Что тебе надо в мире? Чего достигли те, кто действовал до тебя? Какое значение имело то, к чему они стремились, для бесконечного мира? Что такое истина? Разрешима ли дихотомия человеческого существования: конечности тела и бесконечности духа? В чем счастье человека? Что такое красота, любовь, героизм? И являются ли они ценностями, ради которых стоит жить?

В современной литературе формулируются такие проблемы: Что такое внешний мир? Разделен ли он на материю и дух? Как дух соотносится с материей? Существуют ли в глубинах бытия сверхъестественные силы? Конечен или бесконечен мир? В каком направлении развивается Вселенная и имеет ли она цель в своем вечном движении? Существуют ли законы природы и общества или человек лишь верит в них в силу своей склонности к порядку? Что такое человек и каково его место во всеобщей взаимосвязи явлений мира? Какова природа человеческого разума? Как человек познает окружающий его мир и самого себя? Что есть истина и заблуждение? Что такое добро и зло? В каком направлении и по каким законам движется история человечества и в чем ее сокровенный смысл? Все эти и подобные им вопросы, отмечает А. Г. Спиркин, не могут не волновать каждого мыслящего человека, в какой бы сфере жизни он ни действовал. Размышляя о такого рода вопросах, человек может прийти и неизбежно приходит к определенной мировоззренческой позиции.

Исходный пункт мировоззрения неотделим от особенностей человеческого существования, от потребности человека в осмыслении своего места в мире. Для индивида весь мир оказывается расколотым на две части: на мое «Я» и остальное «не-Я», включая природу, общество, других людей. Вопрос об отношении человека к миру является главным, основным вопросом всякого мировоззрения. С ним соотносятся другие — проблемы смысла жизни, счастья, возможности личного бессмертия и т. п.

¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 331—332.

Все эти вопросы — «экзистенциальные», поскольку неразрывно связаны с существованием человека, с его духовной потребностью в осмыслении мира и своего отношения к нему. В этом плане только те проблемы материального бытия составляют проблематику мировоззрения, которые неотрывны от бытия человека, без которых невозможно представление о мире в целом, невозможно целостное видение мира и места в нем человека. Поэтому понимание жизни человека составляет важную сторону мировоззрения, а проблема человека выступает не только в явном виде, но и в неявном — во всех так называемых онтологическо-«метафизических» проблемах.

В этом — одно из отличий философского знания от естественнонаучного. «Если частные научные дисциплины в ходе своего развития все более удаляются от непосредственного (обыденного) опыта, то философия всегда тесно связана с ним, а значит, и с теми вопросами, которые им порождаются»¹. Для биологии и космологии человек есть одно из многих явлений в ряду других, в мировоззрении же в предметном плане «Я» оказывается равновесным «не-Я». Философия в отличие от естествознания антропоцентрична (в отмеченном отношении).

Итак, важным источником мировоззрения и его проблем является бытие индивида, осмысление им своего существования, перспектив своего бытия.

Истоки мировоззрения не замыкаются, однако, на индивидуальных потребностях души. Если уж каждый сознательный индивид стремится иметь мировоззрение, соответствующее его жизненному опыту, то это стремление тем более оправдано для социальных групп, классов, имеющих более многогранный исторический опыт. Социальный класс заинтересован в идеологии, обосновывающей его положение в мире (а не только в обществе), отношение мира к нему, отношение этого класса, общества к миру в целом. Для каждой социальной группы существует познавательная проблема «разорванности» всего мира на духовное и материальное.

Развитие общественных, гуманитарных наук рождает большое количество мировоззренческих проблем. Они неразрывно связаны с социальным бытием человека, с осмыслением этого бытия и человеческой деятельности. Таковы проблемы соотношения духовного и материального в жиз-

¹ Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982. С. 150.

ни общества, наличия или отсутствия нравственного прогресса, проблема добра и зла, проблема социальной справедливости и др. Потребности эстетического, художественного освоения мира также дают много проблем; центральной из них выступает проблема прекрасного.

Широким источником философских проблем является естествознание и научно-технический прогресс. В науках о природе коренятся, в конечном счете, проблемы первоосновы мира, бесконечности (или конечности) пространства, проблемы субъектно-объектных отношений при познании микромира и т. п. Обилие проблем мировоззрения, рождаемых естествознанием, побудило, например, А. Эйнштейна признать, что «всякая физика есть метафизика».

Таким образом, главные истоки проблем мировоззрения; 1) социально-классовые, 2) индивидуально-экзистенциальные, 3) внутринаучные, 4) художественно-эстетические. Проблемы философского мировоззрения являются порождением многообразных потребностей человека и детерминируются многообразной его деятельностью. Фактически любая сфера деятельности человека есть источник проблем мировоззрения, в то время как естествознание ограничено познанием неживой и живой природы и природного в человеческом существе. Эти проблемы не случайны, а необходимы, причем не в меньшей мере, чем проблемы физики, политэкономии или медицины. Философские проблемы возникали в прошлом, рождаются они и сейчас, особенно в социальной сфере. Много новых проблем, связанных с перспективами человеческой цивилизации (например, глобальные проблемы), с взаимоотношением двух социальных систем, с ускорением социально-экономического развития социализма требуют своего глубокого осмысления со стороны философов.

Для более целенаправленной, более эффективной деятельности молодым философам следует четко представлять, в чем заключается специфика проблем философии, чем эти проблемы отличаются от проблем частных наук.

Как и в частных науках, проблема в философии есть логическая форма познания. Понятие «проблема» родственно понятию «вопрос», точнее, проблема есть разновидность вопроса. Вопрос, заданный с целью проверить усвоение тех или иных правил пунктуации в немецком языке или, допустим, отдельных законов физики, есть вопрос, связанный с воспроизведением наличного у общества знания. Проблема — это вопрос, являющийся ор-

ганической частью поисковой познавательной ситуации, когда имеют место поиски новых явлений, процессов, структур, законов, новой информации. Это знание о незнании и некоторое предположение о неизвестном, подлежащем раскрытию. Проблема в философии, как и в частных науках, организует познавательную деятельность, направляет исследование.

Проблемы бывают реальные и мнимые, вечные и преходящие, существенные и несущественные и т. п. Псевдопроблемами являются, например, проблема вечного двигателя в естествознании и проблема первопричины в философии. Существуют также реальные, но ложно поставленные проблемы.

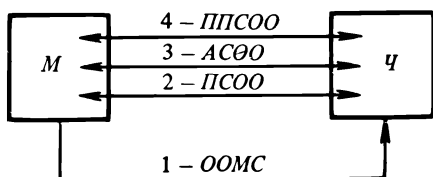
Несмотря на общность проблем философии и проблем частных наук, они имеют между собой существенные различия.

В ряду характерных признаков проблем философского мировоззрения на первом месте стоит их функция выражать и представлять специфический предмет философии. Все философские проблемы спроецированы на предмет философии, его отражают и его спецификой обусловлены. Своеобразие этих проблем — это прежде всего своеобразие предмета философии.

Что же является предметом философии?¹

Предмет философского знания, подобно предмету любой науки, вычленяется из совокупности реальных (материальных и духовных) объектов и связей, причем конституирующим фактором являются индивидуальные и общественные потребности в целостной, максимально обобщенной картине мира, человека и их взаимоотношений. *Предметом философии является всеобщее в системе «мир — человек».* Эта система при первичном подразделении распадается на две относительно противоположные, но взаимосвязанные подсистемы — «мир» и «человек». Каждая из сторон, в свою очередь, подразделяется на уровни, а взаимоотношения между этими сторонами — на четыре аспекта: онтологический, познавательный, аксиологический, предметно-преобразовательный. Это можно представить схемой:

¹ Мы касаемся этого вопроса в самой общей форме. Более обстоятельное его изложение см. в книге: *Алексеев П. В.* Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1983.

- М — материя, мир, объективная реальность
 Ч — человек, сознание
 ООМС — онтологические отношения материи и сознания
 ПСОО — познавательные субъектно-объектные отношения
 АСОО — аксиологические субъектно-объектные отношения
 ППСОО — предметно-преобразовательные субъектно-объектные отношения

В предмет философии входит всеобщее в материальном бытии и всеобщее, характеризующее целостное бытие человека (здесь отличие от частных наук — по степени общности законов). Но предмет философии в еще большей степени отличен от предмета частных наук, изучающих материальное бытие и человека, тем, что он представляет собой *отношение человека к миру, мира к человеку*. Правда (это следует особо подчеркнуть), такой срез предмета философии также берется в его всеобщей определенности. Если, к примеру, мы имеем дело с познавательным отношением человека к миру, то не все, что сюда входит, будет предметом философии. Изучение частных методик проведения какого-либо эксперимента есть ведь тоже изучение отношения мышления к бытию, но оно не есть сторона (момент, уровень, часть) предмета философии. Ими являются эмпирический и теоретический уровни познания, соотношение чувственного и рационального, истины и заблуждения и т. д. Все эти моменты (формы, закономерности познания) присущи любым отраслям знания. «Здесь мы имеем дело опять-таки с чем-то общим для всех отраслей знания, чем-то таким, что обладает той степенью общности, как и сами основные законы диалектики»¹. Столь же общие (или всеобщие) характеристики присущи и другим формам отношения человека к миру: переживанию, поведению, практике. К основным понятиям философии относятся

¹ Кедров Б. М. Как изучать книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1983. С. 55.

«Истина», «Красота», «Добро», «Действие», а не только «Мир» и «Человек». *Предмет философии в материальном бытии составляет не всякое всеобщее, а такое, которое связано с отношением к нему человека.* Философски всеобщее имеет важный признак: в нем выражен факт раскола мира на материальное и духовное (и их взаимосвязь). Иначе говоря, в предмет философии входит только то из материально-всеобщего, что включено в создаваемую человеком универсальную картину мира под призмой его понятий об Истине, о Красоте, Добре и Справедливости. Это все то, что, будучи всеобщим в материальной действительности, может служить человеку в качестве элемента для формирования системы мировоззрения.

Философия — это наука о мире в целом и об отношении человека к этому миру. На всеобщее в системе «мир — человек», составляющее предмет философского познания, и спроецированы проблемы философии. Они сами всеобщы, предельны — предельны для бытия человека, для его общей программы деятельности, для всей человеческой культуры. Проблемы философского мировоззрения охватывают мир в целом, жизнь человека в целом, отношение человека к миру в целом. Более широких проблем, чем в мировоззрении (по их значимости для деятельности человека), не бывает. Понятия материи, пространства, времени, движения, причины, возможности, необходимости и т. п. — предельные. Предельными эти понятия оказываются в силу того¹, что они находятся в основаниях любого рода человеческой деятельности. Например, вряд ли можно обнаружить род деятельности, который не вызывался бы определенного характера причинами, не протекал бы в определенных пространственно-временных условиях и т. д. Но как предельные, категории причинности, пространства, времени и другие не уясняются ни в одном из специальных видов деятельности. Можно выяснить причины любых явлений и человеческих поступков, но нелегко ставить вопрос о причине самой причинности. В качестве предельных понятий философские категории и принципы не подлежат уяснению в собственных терминах. Именно поэтому они исторически явились предельными, наиболее универсальными основаниями целостно-связной совокупности многообразных форм отношения человека к миру. Отсюда субъектно-

¹ См.: Лапицкий В. В., Шилков Ю. М. О специфике философского знания // Проблемы диалектики. Вып. VII. Л., 1978. С. 154.

объектный способ их уяснения как предельных оснований культуры. Предельная широта философских проблем и понятий связана, как мы видим, с их фундаментальностью для общего понимания мира, жизни, отношения человека к миру.

Все множество проблем философского мировоззрения может быть сведено в пять больших групп: 1) онтологическую, 2) антропологическую (жизневоззренческую), 3) аксиологическую, 4) гносеологическую и 5) праксеологическую. Интегратором, ядром всех проблем выступает основной вопрос философии.

Основной вопрос (или основная проблема) философии фиксирует онтологическое и гносеологическое отношение материи и сознания¹ и является центром философской проблематики, отражающим реальное ядро самого предмета философского исследования. Это предметное ядро философии и пытаются игнорировать сторонники антропологической и онтологической концепций. Вопрос о соотношении материи и сознания является «основным» потому, что без него не может быть никакого философствования, никакой подлинной философии. Другие проблемы (например, онтологические, этические) только потому и становятся философскими, что их, оказывается, можно рассматривать через призму онтологического и гносеологического отношения человека к бытию. Этот вопрос является основным еще и потому, что в зависимости от ответа на его онтологическую часть формируются две главные принципиально разные всеобщие ориентации в мире: материализм и идеализм. Основной вопрос философии, как отмечается в литературе, не только «лакмусовая бумага», с помощью которой можно отличить научный материализм от идеализма и агностицизма; он становится одновременно средством ориентировки человека в мире. Исследование соотношения бытия и сознания является условием, без которого человек не сможет выработать своего отношения к миру, не сможет ориентироваться в нем.

Но как бы ни была велика роль основного вопроса философии в формировании картины мира и в ориентировке человека в мире, его значение не абсолютно, и считать его основным в смысле «единственности», как это делают некоторые философы, вряд ли правомерно, так как это лишило бы относительной самостоятельности мно-

¹ См.: Нарский И. С. К анализу строения основного вопроса философии // Философские науки. 1983. № 6.

жество других важных проблем философии. Абсолютизация гносеологического отношения человека к миру ведет к редуцированию (а порой и к полному устранению) таких проблем, как проблема человека, смысла жизни, проблема мира в целом, проблема причинности и др. Предмет философии шире, чем отношения, фиксируемые в двух сторонах основного философского вопроса.

Итак, всеобщность (в отмеченном смысле), предельность — важнейшая и определяющая черта проблем философии.

Следующая особенность проблем философского мировоззрения (в сравнении с проблемами частных наук) — их «вечность». В частных науках проблема подобна задаче, которая возникает после выполнения предыдущей задачи. Теоретическая механика XX в. не занимается проблемами времен Ньютона: они решены, т. е. уже не являются проблемами. Конечно, и в естествознании имеются отдельные проблемы, возникшие сотни лет назад и не решенные по сей день. Однако это не правило, а исключение¹. Такие проблемы, как проблема тканевой совместимости, проблема злокачественных опухолей, являются не столько «вечными», сколько «долгосрочными»: со временем они будут разрешены окончательно. Проблемы философского мировоззрения в своем большинстве иные. Есть, конечно, такие, которые решаются в целом, в основном. Пример — проблема идеала общественного устройства. В. И. Ленин писал, что своей теорией К. Маркс и Ф. Энгельс дали ответы на те проблемы (вопросы), которые человеческая мысль уже поставила.

Но в мировоззренческом знании преобладают проблемы «вечные», постоянные для всех времен. Это проблема мира в целом, проблемы человека, смысла жизни, свободы, взаимоотношения философии и культуры, философии и естествознания и др. Философия, отмечал В. И. Вернадский, «постоянно касается таких вечных вопросов человеческой мысли, по отношению к которым никогда не может быть сказано последнее слово»². Человеческая мысль постоянно переосмысливает их в свете нового опыта, новых знаний, применительно к уникальной конкретной ситуации. Философские проблемы «вечны» в том смысле, что «они всегда сохраняют свое значение: в каж-

¹ См.: Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки С. 169.

² Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып. II. Пг., 1922. С. 57.

дую эпоху постановка этих проблем означает не просто продолжение традиции, но и выявление новой перспективы»¹.

Вечный характер проблем мировоззрения не означает, что отсутствует прогресс в глубине их осмысления. Проблема материи, например, от ориентации на единственную стихию или состояние вещества в античности эволюционировала к ориентации на первичные, в принципе неделимые атомы во французском материализме XVIII в., с переориентацией в марксизме исключительно в плане основного вопроса философии; такой поворот проблемы не есть ее исчерпывающее осмысление на все времена, но осмысление в стратегическом ее направлении. «Инвариантность» проблем философии создает видимость их неразрешимости вообще и отсутствия сколько-нибудь существенного прогресса в философии. М. Борн писал: «Я изучал философов всех времен и встретил у них множество ярких идей, но не смог усмотреть никакого стабильного прогресса к более глубокому познанию или пониманию сути вещей. Наука, напротив, наполняет меня чувством устойчивого прогресса»².

Вечность проблем философии не означает их принципиальной нерешаемости. Они решаемы, но только для каждого этапа развития общества и науки и в той степени, в какой это возможно при том или ином уровне научного знания, уровне развития общества, да и в зависимости от способностей самих философов. Как справедливо замечает У. Дж. Рапапорт, неверно измерять прогресс в философии, успешность мышления исходя из числа решенных проблем; в философии прогресс не столь очевиден, как, например, в физике; прогресс в философии реализуется в развитии мысли одного и того же философа, школы, ориентации; прогресс в том, что так или иначе выявляются тупиковые пути, в том, что становится ясно, какие предпосылки необходимо принять, чтобы лучше осмыслить проблему.

Итак, специфика проблем философии состоит также и в том, что значительная их часть является постоянно воспроизводимой на новой основе и в этом смысле «вечной».

Своеобразие проблем философии дает повод для их

¹ Ойзерман Т. И. К вопросу об истоках и специфике философских проблем // Вопросы философии. 1969. № 6. С. 125.

² Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 37—38.

противопоставления проблемам частных наук; наряду с этим существует мнение, будто философские и частно-научные проблемы настолько взаимопроникают, что их нельзя сколь-нибудь четко отдифференцировать друг от друга. Первая точка зрения ведет к изоляции философов от науки, культуры, вторая — к неразличению своих собственных задач, к попыткам решать не «свои» задачи и — к некомпетентному вмешательству философов в частные науки.

Однако специфичность проблем философии не исключает, а предполагает их связь с проблемами частных наук; в то же время нужно всегда стремиться к дифференциации проблем и к нахождению, выделению собственно философской конкретной проблемы.

Важность этой установки оттеняется хотя бы тем парадоксом, который был подмечен при определении статуса философских проблем естествознания: если это проблемы естественных наук, то почему говорится, что они «философские»; если же они философские, то при чем здесь в названии «проблемы естествознания»? В связи с этим не случаен вопрос: а правомерно ли существование философских проблем естествознания?

Но рассмотрим повнимательней, что представляют собой философские проблемы естествознания (аналогичная ситуация складывается ведь и с «философскими проблемами общественных наук», с «философскими проблемами научно-технической революции»).

В одной из лучших работ, специально исследующей феномен «философская проблема науки» («Философия и наука», авт. кол. В. И. Купцов и др.), такие проблемы раскрываются как комплексные, и это демонстрируется на примере проблемы динамических и статистических закономерностей. В этой проблеме — разнородные вопросы. Среди них такие, которые можно было бы назвать онтологическими: каково место динамических и статистических законов в самой действительности, как они друг с другом связаны, каково их отношение к детерминизму, причинности, необходимости и случайности и др. Существует обширная группа вопросов гносеологического характера, направленных на то, чтобы раскрыть познавательную ценность динамических и статистических законов науки, их соотношение в эволюции знания, выявить предсказательные, объяснительные, описательные возможности этих законов и сопоставить их. Сюда включаются также вопросы логического характера, связанные с определением понятий

рассматриваемых законов, с выявлением логической структуры построенных на их основе теорий, с доказательством их непротиворечивости и полноты. Наконец, обсуждение природы динамических и статистических закономерностей нередко затрагивает, по существу, вопросы частнонаучного характера. К ним можно отнести, например, возможность построения квантовой механики на основе представлений о скрытых параметрах или классической механики на базе вероятностно-статистических идей. Итак, подчеркивают авторы, проблема динамических и статистических законов представляет собой совокупность вопросов, различных как по своему содержанию, так и по своей природе, по способам и средствам их анализа и решения. Эти вопросы находятся в тесной связи друг с другом, образуя некоторый единый комплекс. Взаимосвязь проявляется как в том, что многие из них близки по содержанию, так и в том, что решение одних вопросов связано определенным образом с ответом на другие.

Но оставим в стороне взаимозависимость одних вопросов от других. Главное — это признание вычленяемости в составе единой проблемы ряда разнотипных вопросов. Как видно из приведенного перечня, это вопросы не информационные, а исследовательские, связанные с поисковой ситуацией, т. е. вопросы-проблемы. А раз это так, то их квалификация в качестве философских и частнонаучных определяется прежде всего не тем, кто ими занимается (физик или философ), а их принадлежностью к той или иной отрасли знания. Да и в приведенном примере довольно ясно указано на два типа проблем — философские и частнонаучные.

Однако далеко не всегда столь явно в комплексной проблеме выделяются, по сути, две разные группы заключенных в них вопросов. Нередко считают, что определенные проблемы (скажем, проблема происхождения жизни, проблема развития, проблема времени, проблема сверхсветовых скоростей, проблема сознания) едины и для частных наук и для философии, только исследуются ими с разных сторон. Тем самым затушевывается их дифференцированность, вследствие чего задачи философии могут недостаточно четко отграничиться от задач частных наук.

Но выявлять разнотипность проблем можно и необходимо. Так, одной из широко обсуждаемых ныне проблем теоретической физики является проблема тахионов, или гипотеза о возможном существовании процессов, передающих материальные взаимодействия со скоростями, превы-

шающими скорость света. Помимо собственно физических вопросов, непосредственно связанных, например, с отношением данной гипотезы к теории относительности А. Эйнштейна, здесь возникают и философские проблемы. и прежде всего вопросы о месте тахионов в общей картине мира, о нарушении, переформулировке или сохранении принципа причинности, о возможности обратного направления времени и т. п.¹

На первый взгляд, нерасчленима и проблема происхождения жизни. Но знакомство с гипотезой Опарина — Холдейна (в ней в единстве представлены становление и эволюция обмена и эволюции генетического механизма живого), с гипотезой В. И. Гольданского (признающей возможность протекания в космическом пространстве на частицах газопылевых межзвездных облаков синтеза достаточно сложных, в том числе и полимерных, молекул), с гипотезой Ж. Моно (о невозможности возникновения жизни на Земле из-за отсутствия достаточного количества молибдена и в окрестности «молибденовых звезд»), с гипотезой «направляемой панспермии» Ф. Крика (занесения на Землю зародышей жизни из космоса) показывает их частнонаучный характер.

В философии проблема происхождения жизни имеет предельно широкий смысл: она рассматривается в отношении к материи в целом. Эта проблема имеет специфическое решение. Если мир бесконечен в пространстве и во времени, если сохраняемость и неуничтожимость материи, ее атрибутов и модусов понимать не только количественно, но и качественно², то следует признать, что мир никогда не был и не может быть свободен от своего противоположения — духа (сознания), как и вообще от органической формы движения материи. В этом плане расколотость реальности на две части представляет собой не меньшую всеобщность, чем любая другая расчлененность материи.

Противопоставление материального духовному означает лишь то, что существование материи не предполагает с необходимостью наличия сознания; духовное же, напро-

¹ См.: Барашенков В. С. Процессы со сверхсветовыми скоростями; Баженов Л. Б. Теоретизированный мир и проблема тахионов; Молчанов Ю. Б. Сверхсветовые скорости, принцип причинности и направление времени//Философские проблемы гипотезы сверхсветовых скоростей. М., 1986.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 362—363.

тив, не существует вне материи¹. Признание первичности материи и вторичности сознания нисколько не противоречит признанию вечности сознания наряду с вечностью материи и положению о всеобщем характере разделения бытия на две стороны: материальную и духовную. Первое утверждение справедливо во всех случаях, когда ставится вопрос: что первично — материя или дух? Тем самым указывается, что вводится ограничение пространственного и временного характера на соотношение материи и сознания. Второе утверждение имеет силу при включении в анализ момента бесконечности, что само по себе (признание бесконечности материи) несовместимо с религиозными и идеалистическими исходными посылами.

Проблема происхождения жизни, как видим, фактически распадается на две проблемы. Одна из них касается возможности возникновения жизни (и сознания) на Земле или вне Земли, условий и механизма превращения неорганических образований в биополимеры и формулируется на языке химии, биохимии; при наличии в ней мировоззренческого аспекта, связанного с критикой идеализма и религии, она все же (особенно в наше время) является в целом естественнонаучной проблемой. Вторая проблема есть проблема качественной неуничтожимости материи, ее атрибутов, модусов, общих генетических отношений форм движения материи, т. е. проблема соотношения духа и материи вообще; вторая проблема включает в себя мировоззренческий аспект первой, но полностью к нему не сводится; она является специфически философской. Проблемы научно-философского мировоззрения и частных наук даже тогда, когда они близки в своих формулировках (например, проблема причинности в медицине и философии), не являются идентичными, но, имея общность в постановке и переплетаясь в решении, они остаются, несмотря на это, относительно самостоятельными, разнотипными проблемами.

Для того чтобы решать философские проблемы, нужно прежде всего владеть философскими средствами и опираться на историю философской разработки проблемы, на обширные философские знания. Для того чтобы решать частнонаучные проблемы, нужна специальнонаучная подготовка и соответствующие частнонаучные средства ис-

¹ См.: Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М., 1984. С. 51.

такие теоретические частнонаучные проблемы, предполагаемые решения которых (гипотезы, теории) требуют философской интерпретации. Здесь имеется возможность для совместной деятельности философов и представителей частных наук. При философской интерпретации гипотезы или теории часть получаемой информации остается внутри естественнонаучного знания, а часть передается философии для развития ее содержания.

Внутри теоретического естествознания существует определенный слой знания, подвергающийся воздействию со стороны философии и содержащий в себе понятия и идеи философии. С другой стороны, в самой философии имеются проблемы, по своему генезису уходящие в той или иной мере в частные науки и для решения которых привлекаются помимо философских также частнонаучные понятия и представления. В результате сам язык философов не является «чисто философским»: в нем имеются наряду с философскими категориями и субкатегориями также и термины частных теоретических наук (как и термины обывденного языка).

Рассмотрение специфики философских проблем и феномена «философская проблема науки» приводит, помимо прочего, к выводу, что философское знание по своему характеру неодинаково. Имеется фундаментальный тип знания, направленный на разработку всеобщих мировоззренческих категорий, законов, принципов, на развитие философской теории, и имеется прикладное философское знание, главной задачей которого является помощь частным наукам, а также конкретной практической деятельности людей. Диалектический материализм, как и исторический материализм, является фундаментальным типом философского знания, требующим для полноты своего функционального проявления (в том числе и для своего развития) тесной связи с философскими проблемами общественных, гуманитарных и естественных наук и вообще с многообразием природной, социальной и духовной действительности.

Большая роль проблем в процессе становления и развития философского мировоззрения находит свое отражение в возможности определить само понятие «мировоззрение» (или «философия») через главные вопросы мировоззрения¹. Философия есть не что иное как система

¹ См.: Герц Г. Марксистская философия и естествознание. М., 1982. С. 42.

развернутых ответов на мировоззренческие вопросы. И если сами проблемы своеобразны («Что такое мир в целом?» «Что такое истина?» и т. п.), то своеобразны и ответы однозначно связанные с ними.

Если бы дело обстояло так, что, к примеру, проблемы универсального развития складывались бы как механическая сумма проблем биологического, космологического, социального развития, то такая универсальность проблемы не была бы философско-мировоззренческой, да и комплекс ответов на соответствующие вопросы не выходил бы за рамки знания об отдельных частях или сторонах мира на уровень мира в целом. Но, сформулировав проблему на уровне всеобще-мировоззренческом в виде вопроса «Что такое развитие вообще?», философы соотносят проблему развития с материей как субстанцией и с атрибутами материи, прежде всего с движением. В этом ракурсе выявляются критерии развития, формы развития, соотношение развития и мирового круговорота и т. п. Ни одна из этих сторон не изучается какой-либо частной наукой, хотя без данных частных наук не может быть составлено подлинное научно-философское представление о развитии. Из этого следует, что если проблемы мировоззрения специфичны, несводимы к проблемам частных наук, то и философско-мировоззренческое знание специфично и несводимо к частнонаучному.

При определении специфики философии, а тем более ее природы, не нужно все-таки абсолютизировать роль проблем. Это чрезвычайно важный, но не единственный параметр, способный характеризовать ее своеобразие. Проблемность сама по себе релятивна и неопределенна. Лишь когда четко фиксируется предметное основание и теория, категории, законы, его отражающие, «проблема» становится одним из важнейших признаков, разделяющих мировоззрение и частнонаучное знание. Если те или иные компоненты философского знания могут казаться идентичными утверждениям, имеющимся в частнонаучном знании, то теория в целом, в силу специфики проблем, и проблемы, развернутые в теорию объекта, существенным образом отличают философское знание от частнонаучного.

В определении природы философского знания большое значение имеет его рассмотрение в контексте всей духовной культуры общества и социальной практики.

Место философии в структуре общественного сознания (речь идет о философии как форме общественного сознания) довольно сложное: она не относится только к науке

или только к идеологии; точнее, она есть и вид науки, и вид идеологии.

Как известно, та или иная совокупность знания имеет статус науки, если ей присущи по крайней мере следующие признаки: 1) самостоятельный (никакой другой наукой не изучаемый) предмет исследования; его специфические законы; 2) специфический метод (или методы) исследования; 3) способность объяснять и предсказывать. Важнейшим является первый, так как наличие предметной области с ее объектными законами детерминирует характер метода, системность знания, его проблемы, а также объяснительные и предсказательные возможности данной отрасли знания. Философия обладает самостоятельным предметом и методом исследования. Философия способна познавать всеобщие законы действительности и воздействовать на мир в соответствии с этими законами. В данном отношении философия есть вид науки.

Относясь к числу наук, философия в то же время является видом идеологии. Философия идеологична, классовая. Классовость философии проявляется в социальном назначении материализма и идеализма, в их постоянной борьбе, отражающей борьбу противоположных социальных групп общества (при всей неоднозначности связи политических позиций с мировоззренческими установками у отдельных философов).

Философия находится в точке пересечения двух срезов духовной жизни общества: науки и идеологии. Специфика философии как науки не только в ее предметном своеобразии, но и в том, что она идеологична. Специфика ее как вида идеологии — в способах отражения действительности субъектом, в том, что она относится также к науке как особой сфере общественного сознания.

Философия стремится к научному познанию объекта и в то же время к максимальному выражению интересов субъекта (класса). Во взаимодействии двух этих тенденций в истории философии нередко одна из них вытесняла другую, однако это обстоятельство не отменяет ни направленности философии на достижение истины, ни возможностей полного или частичного совпадения этой направленности с интересами субъекта партийности. В тезисе «философия есть наука» выражается не статус высокой научности любой системы философского знания, а внутренняя природа философии, ее законное место в ряде наук и ее имманентная тенденция к научности.

В качестве мировоззрения философия, однако, имеет

характеристики, выходящие за рамки того, что очерчивается как «вид идеологии» или «вид науки». Побудительные истоки мировоззрения шире истоков науки и идеологии. Социально-групповой интерес в истоках мировоззрения хотя и важнейший, но не единственный. Немаловажное значение имеет сам индивидуум, его интересы и стремления. Если основа идеологии как теоретического уровня общественного сознания заключена в общественном бытии, в экономических общественных отношениях, то основа мировоззрения — в общественном и в индивидуальном бытии.

В классовом обществе в конечном счете классово всякое мировоззрение. «Классовое» есть «особенное». Подлинно всеобщее, общечеловеческое мировоззрение может быть построено путем возведения единичного в особенное, а особенного — во всеобщее. «Снятие» единичного означает перевод на теоретический уровень осмысления многих проблем личного бытия, принятие всеобщего научного мировоззрения за адекватное выражение личных духовных поисков. Снятие «особенного» означает деструкцию всего связанного в нем с защитой реакционно-классового, одновременно сохранение классово-прогрессивного, его развитие в общечеловеческое; переход же от единичного ко всеобщему не должен противоречить развитию всего богатства единичного.

Среди духовных потребностей человека нет извечных, врожденных религиозных потребностей в утешении, есть лишь потребность в рациональном осознании мира, в представлении о месте человека в мире, о смысле жизни и т. п. Эта индивидуально-родовая потребность не биологична, а социально детерминирована, так как духовная сущность человека социальна.

Поскольку по своим истокам (общесоциальным, социально-классовым и индивидуальным) мировоззрение богаче, шире и науки и идеологии, постольку оно несводимо ни к науке, ни к идеологии.

Философия — одна из форм мировоззрения. От религиозной формы она отличается, помимо прочего, тем, что строит общую картину мира посредством понятий, теорий, логических аргументов, доказательств. Если для религии характерна слепая вера, логическая недоказуемость «истин», то положения философии логически доказуемы.

В утверждении «философия есть научно-теоретическая форма мировоззрения» выражается идеологичность и научность философского знания.

Связь научности (объективности) и идеологичности в философском знании неоднозначна, она зависит от принципиальных отношений субъекта партийности к науке и субъекта научного познания к идеологии; в самих источниках философского знания заложена возможность расхождения интересов науки и интересов классов, а следовательно, возможность конфликта разных его компонентов. Но в природе философского знания заключена также возможность построения его на основе науки. В определенных социальных условиях реализовывалась то негативная, то позитивная возможность, ведущая к органичной связи научности и классовости.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Возникновение марксистской философии не было случайностью.

Социально-экономические и классово-политические предпосылки ее формирования заключены в особенностях развития Европы первой половины XIX в. Несоответствие производственных отношений капитализма характеру производительных сил проявилось в экономическом кризисе 1825 г. Антагонистическое противоречие между трудом и капиталом обнаружилось в выступлениях рабочего класса: в восстаниях французских рабочих в Лионе (1831 и 1834), силезских ткачей в Германии (1844), в разворачивании чартистского движения в Англии (30—40-е годы XIX в.). Возникла потребность в теории, способной вскрыть сущность, перспективу социального развития, служить средством коренного преобразования социальных структур, построения общества, свободного от социальных антагонизмов. «Основоположники научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс, опираясь на исторический опыт классовой борьбы, достижения передовой мысли человечества, открыли объективные законы общественного развития, теоретически доказали неизбежность крушения капитализма и обосновали всемирно-историческую миссию пролетариата как творца нового, коммунистического общества»¹.

Марксистская концепция общества, создававшаяся в ре-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 121.

зультате обобщения уроков социально-политических движений, складывалась во взаимосвязи с формированием принципиально нового мировоззрения. Становление же научного мировоззрения требовало ассимиляции и творческой переработки всего ценного, что было в научной мысли той эпохи. Теоретические предпосылки возникновения марксизма можно разделить на общественнонаучные, естественнонаучные¹ и философские.

К естественнонаучным предпосылкам формирования диалектического воззрения на мир Ф. Энгельс относил ряд открытий, начиная с космогонической теории И. Канта 1755 г.

Общественнонаучные предпосылки следующие: классическая английская политэкономия, французский утопический социализм, французская история периода реставрации.

Марксистская философия продолжила традицию французских материалистов XVIII в. и немецкого материалиста XIX в. Л. Фейербаха; в отношении общего метода явилась преемником всего ценного, что было в диалектике Гегеля. Она представляет собой итог многовекового развития философской мысли.

Говоря о революционном перевороте, который совершили К. Маркс и Ф. Энгельс в философии, не следует расценивать его как разрыв с философской традицией прошлого. Этот переворот означает появление в марксистской философии нового содержания, не существовавшего в предшествовавших философских системах, но выработанного на основе внутренней преемственности с ними в решении ряда кардинальных философских проблем.

По каким же линиям можно и нужно проследивать сущность революционного переворота, совершенного в философии основоположниками марксизма? — 1) по социально-классовой основе; 2) по функциям; 3) по соотношению партийности и научности; 4) по предмету исследования; 5) по структуре (составу и соотношению) основных сторон, разделов содержания; 6) по соотношению теории и метода; 7) по отношению к частным наукам.

Социально-классовая основа марксистской философии — промышленный пролетариат; социально-классовое назначение — быть орудием освобождения от эксплуатации и созидания коммунистического общества; в этом — выражение коренных интересов человечества.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20 С. 350—354.

В марксизме взаимосвязаны революционность и гуманистичность. «Коммунисты, — подчеркивал М. С. Горбачев в докладе XXVII съезду КПСС, — всегда представляли себе пути социального прогресса во всей их внутренней сложности и противоречивости. Но — и в этом главное отличие коммунистического мировоззрения — в центре этих процессов неизменно стоит человек»¹.

В самой природе философского знания, как уже отмечалось, заключена возможность построения его на основе науки. Такая возможность в полной мере реализуется в марксистской философии. Благодаря чему это обеспечивается? Прежде всего благодаря особой гносеологической ориентации субъекта партийности — ориентации на максимально достоверное знание. Лишь достоверное, объективное знание способно стать орудием эффективного преобразования социальной действительности. Отсюда следует, что всякая найденная истина полезна пролетариату. «Все теории хороши, если соответствуют объективной действительности»². Пролетариат кровно заинтересован в объективном, всестороннем познании общества и природы. «Нам нужна *полная и правдивая* информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить»³. Только эта объективность, вся полнота правды и позволяет пролетариату успешно преобразовывать общественные отношения и природу в его интересах, в интересах человечества. Вследствие этого диалектический материализм оказывается возможным оценивать под призмой критериев научности: обоснованности (доказательности) положений, эссенциалистской направленности, т. е. направленности на воспроизведение сущности, закономерности предмета исследования, системности (в форме теории) и эвристических функций⁴. Именно потому, что субъективные интересы пролетариата (субъекта идеологии) сливаются с «интересами» процесса познания (субъекта познания), марксистско-ленинская партийность сливается с научностью. Единство партийности и научности, революционности и гуманистичности — характерная черта марксистской философии.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 21.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 184.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 446.

⁴ О критериях научности см.: Ильин В. В. Структура и развитие научных теорий. М., 1980 (гл. I, § 2); Кезин А. В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. М., 1985 (гл. I, § 3).

Марксистская философия специфична по своему предметному основанию. В каждую эпоху, в каждой философской системе имелось свое понимание предмета, структуры, задач философии, иначе говоря, существовал предмет, не сводимый к предмету, выявленному лишь в итоге многовекового развития философии.

Старый материализм и диалектический материализм тождественны в том смысле, что признают материю первичной, являются учениями о всеобщем в системе «мир — человек»; но они нетождественны так же, как нетождественны явление и сущность, эмпирическое и теоретическое представления о предмете. Справедливо поэтому утверждение, что предмет марксистской философии несколько иной, чем в предшествующие эпохи. Но это различие не снимает, однако, их соответствия в структурном плане. Те или иные философские системы прошлого оказываются в существенных своих моментах «вписанными» в главные исторические линии формирования научного представления о предмете философии, и их место в современном представлении о структуре предмета (вернее, место их «частного» предмета в целостном предмете философского исследования) может быть достаточно точно определено. Не только потому, что все философские системы суть науки о всеобщем, но и потому, что многие из них оказались «снятыми» марксизмом, можно говорить в определенном смысле об их предметном соответствии.

Заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса состояла в том, что проблему предмета философии они перевели с языка абстрактно-всеобщего на язык конкретно-всеобщего анализа, с односторонне-сущностного уровня на целостно-сущностный, теоретический уровень. Это означало не только расширение представления о предмете философии, но и качественно иное понимание важнейших его элементов. Здесь не могло быть простого сложения историко-генетических «сторон», не было и механического дополнения гносеологического и аксиологического аспектов субъектно-объектных отношений предметно-практическим аспектом. Благодаря созданию исторического материализма в проблематику марксистской философии в полную меру вошла категория практики, что означало коренное преобразование всех других аспектов. Создание исторического материализма — центральное звено в общей системе нового понимания предмета философии.

Исторический материализм возникал не как распространение уже сложившегося диалектического материализма на область социальных

явлений, а во взаимной обусловленности со становлением диалектического материализма; диалектический материализм складывался вначале в аспекте своей социальной, а значит, историко-материалистической стороны¹. Благодаря этому сложилось новое понимание бытия и сознания, отражаемых основным вопросом философии. Раньше материальное бытие понималось узко: либо как природа, либо как бытие индивидуума (суммы индивидов). Теперь оно дополнилось «общественным бытием». Более того, сознание индивидов предстало как обусловленное в решающей мере социальными факторами. Помимо индивидуального сознания было обнаружено и исследовано общественное сознание. Был подчеркнут примат материального бытия над сознанием в онтологическом аспекте и активность сознания в гносеологическом аспекте соотношения духа и материи.

Принципиально новым было обнаружение всеобщих законов развития природы, общества и мышления. Ни у одного философа домарксистского периода (даже у диалектиков) эти законы не были представлены в такой трактовке и не обладали такой системностью. Марксизм знаменовал выход философской мысли на уровень теоретического постижения целостно-всеобщего и внутренних законов этой целостности. Философия впервые в истории обрела в качестве объекта реальные законы (всеобщие законы развития материи и сознания, всеобщие законы отношения сознания и бытия), тем самым впервые стала подлинно научной.

Марксизм преодолел один из важнейших недостатков предшествующей философии — созерцательность (в теоретико-познавательном и функциональном отношениях). Теоретический, мировоззренческий аспект философии получил широкий выход в практику, в практическую деятельность субъектов, иначе говоря, философия марксизма выступила одновременно как всеобщий метод практической и познавательной деятельности.

Мировоззрение не обязательно должно быть особым методом научного познания. Лишь философское мировоззрение, связанное с наукой, обладает этим признаком.

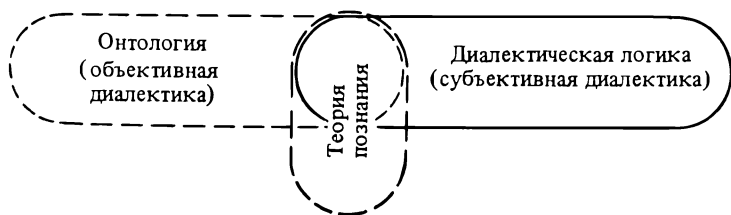
В марксистской философии не только диалектика, но и материализм методологически значимы; через соответствующие познавательные регулятивы категории материализма входят также в структуру метода. Все категории и законы диалектического материализма выполняют функцию метода. В этом смысле можно говорить о методе (принципе) диалектико-материалистического монизма, де-

¹ См.: *Нарский И. С.* Ленинская концепция становления диалектического материализма // *Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки*. М., 1970.

терминизма, конкретно-целостного, сущностного воспроизведения объекта субъектом, аналитико-синтетическом методе и т. д. Единство теории и метода, материализма и диалектики составляет одну из характерных особенностей марксистской философии.

К особенностям диалектико-материалистической философии, обеспечивающим ее методологическую эффективность, относится единство ее основных разделов: онтологии (объективной диалектики), теории познания и логики (диалектической), в то время как домарксистским философским системам был свойствен предметный разрыв между ними. Открытие всеобщих законов развития позволило преодолеть этот недостаток.

Когда в предмете философии, в предмете диалектического материализма вычленяются только всеобщие законы развития, между объективной диалектикой, диалектической логикой (субъективной диалектикой) и теорией познания имеет место тождество: каждая из трех сторон диалектического материализма в этом случае с полным правом может быть названа учением о законах развития. Но за этими рамками они имеют свои предметные области, не покрываемые никакой другой («пространство» в объективной диалектике, «истина» — в теории познания, «восхождение от абстрактного к конкретному» — в диалектической логике); поэтому каждая из них есть нечто большее, чем только наука о всеобщих законах развития. Теория познания, например, выясняет причину расхождения познания и действительности и определяет условия достижения конечной адекватности познания и реальности: все вопросы теории познания (в марксизме) связаны с обоснованием тезиса познаваемости мира и критикой агностицизма. Диалектическая логика опирается на данные, получаемые в гносеологии, и разрабатывает приемы, способы и принципы логического воспроизведения сущности развивающегося объекта. Соотношение объективной диалектики, теории познания и диалектической логики может быть представлено схемой:

Установление единства диалектики, логики и теории познания обеспечило структурное единство диалектического материализма, а заостренность онтологии, гносеологии и логики на законах развития позволила применять законы диалектики на практике и способствовала направленному воздействию человека на мир, на преобразование природной и социальной действительности.

Возникновение марксистской философии означало также установление нового соотношения всеобщего и частного научного знания. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹. Для буржуазной мысли характерна преимущественно односторонняя трактовка соотношения философского и частного научного знания, что выражается в двух позициях — натурфилософской и позитивистской. Диалектико-материалистическая трактовка соотношения всеобще-философского и частного научного знания является продолжением диалектической традиции, нацеленной на установление тесной связи этих сфер освоения действительности. Это — позиция синтетическая, интегративная по отношению к отмеченным типам знания. Тесная связь с естественными и общественными науками позволяет диалектико-материалистической философии, с одной стороны, оказывать позитивное воздействие на научный прогресс, с другой — иметь открытым широкий источник для собственного развития.

Марксистская философия — творческая наука. К. Маркс и Ф. Энгельс явились создателями новой, диалектико-материалистической философии. Важный вклад в творческое развитие марксистской философии внес В. И. Ленин. Он развил марксизм в новых исторических условиях — в условиях перехода капитализма от домонополистической стадии к стадии империализма. В своих философских произведениях («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др.) на основе обобщения социальной практики и новейших данных естествознания В. И. Ленин разработал дальше коренные понятия марксистской философии: материи, развития, детерминизма и т. д. Примером творческого развития марксистско-ленинской

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

теории является Программа Коммунистической партии Советского Союза (1986).

На XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркивал: «КПСС во всей своей деятельности исходит из того, что верность марксистско-ленинскому учению — в его творческом развитии на основе накопленного опыта. Сегодня в фокусе теоретической мысли партии — сложный комплекс проблем, вытекающих из современного, переломного характера развития нашего общества, мира в целом. Многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические — нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе. Мы испытываем настоятельную потребность в серьезных философских обобщениях, обоснованных экономических и социальных прогнозах, глубоких исторических исследованиях»¹.

Итак, характерными чертами диалектико-материалистической философии являются следующие: наследование лучших традиций философской мысли; выражение коренных интересов человечества; единство партийности и научности; гуманистичность; историко-материалистическое понимание общества; выявление в структуре предмета философии всеобщих законов развития; единство диалектики, логики и теории познания; взаимосвязь мировоззрения и методологии, мировоззренческих и методологических функций (преодоление созерцательности философского знания); тесная связь с естественными и общественными науками; способность к творческому развитию.

Г Л А В А 3. ПРЕДМЕТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Марксистская философия в структурном отношении является сложноорганизованным, многоуровневым, полиаспектным единым целым, что обуславливается целостностью, системностью предмета исследования.

В настоящее время марксистская философия представляет собой единую систему относительно самостоятельных дисциплин (в этом смысле наук). Сюда входят: диалектический материализм, исторический материализм, общая

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. с. 84—85.

этика, теоретическая эстетика, теория научного атеизма, философские проблемы естествознания, история философии. Приведенный комплекс дисциплин является минимальным, составляющим систему философии как науки на данном этапе. Можно полагать, что состав философских дисциплин будет расширяться.

В связи с дальнейшим ростом философской проблематики, в связи с процессом дифференциации и интеграции знания будет увеличиваться и количество философских дисциплин, имеющих относительно самостоятельный статус. Они, вероятно, могут появиться при анализе ныне неизвестных еще аспектов, уровней, моментов во взаимоотношениях духа и материи, в сфере всеобщего или вырасти из разделов существующих дисциплин. Таким путем от диалектического материализма отпочковались исторический материализм и философские вопросы естествознания, от исторического материализма — общая этика, теоретическая эстетика, теория научного атеизма. Философские вопросы естествознания, философские вопросы общественных, гуманитарных наук в свою очередь имеют тенденцию к дифференциации. Заслуживают внимания предложения о выделении в качестве самостоятельных дисциплин на базе сложившихся уже проблем теории философии, марксистской философской антропологии, аксиологии, философии науки, диалектики природы, эпистемологии.

В этой связи можно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что диалектическая философия есть «*живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание... (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка)...»¹. Если созревают условия для превращения того или иного раздела (или части) философского знания в относительно самостоятельную дисциплину (в «целое»), то эту возможность необходимо реализовать. Если в недалеком будущем оформятся новые философские дисциплины — марксистская онтология, гносеология, диалектическая логика, то диалектический материализм преобразуется из унитарной науки в науку комплексную.

Стремясь раскрыть содержание системы «мир — человек», научная философия разрабатывает общую теорию мира, выясняет его всеобщую структуру, всеобщие формы, свойства, закономерности развития. В центре ее внимания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

находятся законы действительности, функционирующие в объекте ее изучения; они проявляются одновременно во всех трех сферах — природе, обществе, мышлении — и во взаимоотношениях человека и объективного мира.

Диалектический материализм, подобно другим философским дисциплинам имеет в рамках общего для всех дисциплин предмета философии определенные стороны, специально не изучаемые никакой другой наукой. В системе «мир — человек» диалектический материализм непосредственно изучает всеобщие законы развития природы, общества и мышления, материю в ее всеобщих формах существования, онтологические отношения материи и сознания, гносеологические отношения мышления и бытия, включая логику диалектического познания.

Может показаться, что предмет диалектического материализма шире предмета исторического материализма, поскольку вбирает в себя добрую половину подсистем общего предмета философии. Однако понятия «мир» и «человек», отражающие субстратные подсистемы, подвижны по своему смысловому содержанию¹, потому изучаются не только диалектическим материализмом, но и другими дисциплинами. Так что диалектический материализм не имеет преимуществ в плане количественного охвата сторон предмета философии. Другое дело — его значение в общей системе философских дисциплин.

Диалектический материализм изучает мир с рационально-научной точки зрения, опирающейся на данные фундаментальных и общественных наук, осмысливает его как единое целое, закономерно порождающее сознание, в своей мыслительной всеобщности адекватное всеобщности материальной. Отсюда специальная задача диалектического материализма: разработка материалистической картины мира и ее противопоставление идеалистической, устранение дуализма и плюрализма в представлениях о мире в целом.

¹ Если взять за «точку отсчета» человека на уровне общества, то «мир» предстанет в качестве естественной природы. На этом уровне, кстати, со всей полнотой проявляется философская сторона космизации человека, экологических последствий современной научно-технической революции, фактически выступающая как проблема взаимоотношения общества и природы. Если же в системе «мир — человек» понятие человека брать на уровне индивида, то понятие «мир» предстанет в виде всего того, что окружает индивида. Сюда войдет не только естественная природа, но и все общество, окружающие человека люди. С этой подвижностью понятий «человек» и «мир» связаны многообразие и вариабельность субъектно-объектных отношений.

Это не составляет задачу этики, эстетики, исторического материализма или философских проблем естествознания. Научно-философское учение о мире есть субстанционально-атрибутивная модель мира, основой которой является диалектико-материалистическое решение вопроса о соотношении материи и сознания.

Диалектический материализм неразрывно связан с историческим¹. Правда, углубленная разработка каждой из этих дисциплин ведет порой к забвению их содержательного единства. Но дифференциация и здесь должна своевременно подкрепляться интеграцией, в том числе изучением проблем диалектического материализма под углом зрения исторического материализма. С одной стороны, у этих дисциплин единый предмет (то, что составляет предмет философии вообще), с другой — свои уровни, стороны, хотя и пересекающиеся, но имеющие свою специфику. В системе «мир — человек» исторический материализм делает акцент на понятии «человек», взятом на высших его уровнях (общество, класс). Он изучает структуру, наиболее общие закономерности общественного бытия и общественного сознания, закономерности соотношения общественного сознания и общественного бытия, включает в свой анализ предметно-преобразовательный и аксиологический аспекты отношения субъекта к объекту, разрабатывает общую методологию познания социальной действительности и т. п.

Специфическими проблемами, изучаемыми только в общей теории диалектического материализма, являются проблемы материи, ее связи с движением, проблемы соотношения конечного и бесконечного, единства мира и его развития, проблемы соотношения причины, следствия и условий, диалектика части и целого, формы и содержания и т. п. Исторический материализм не имеет задачи построения общей субстанционально-атрибутивной картины мира, равно как и задачи разработки общей теории

¹ См.: *Нарский И. С.* Ленинская концепция становления диалектического материализма//Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970; *Лябутин К. Н.* Ленинские принципы единства диалектического и исторического материализма и современные проблемы структуры философского знания//Философские науки. 1980. № 3; *Гречаный В. В., Караваев Г. Г., Сержантов В. Ф.* О сущностном тождестве диалектического и исторического материализма//Вестник Ленинградского университета. 1985. № 13; *Барулин В. С.* Исторический материализм. Современные тенденции развития. М., 1986.

познания и диалектической логики. Однако без исторического материализма не было бы диалектико-материалистического мировоззрения, а картина мира была бы существенно неполной. К проблемам исторического материализма относятся: соотношение форм общественного сознания, общественной психологии и идеологии, соотношение базиса и надстройки и т. п. Если при раскрытии теоретико-познавательного отношения человека к миру диалектический материализм лишь затрагивает аксиологический и предметно-преобразовательный аспекты субъектно-объектных отношений, то исторический материализм, опираясь на добытую гносеологией информацию, делает акцент на исследовании именно этих отношений.

Вместе с тем при исследовании всех своих проблем диалектический материализм неразрывно связан с историческим. Теория познания, например, занимается изучением социальных факторов познания, социальной обусловленности истины и заблуждения, производственной и социально-политической практики людей и т. п. В общей теории диалектического материализма рассматриваются проблемы материального, в том числе общественного, бытия, отношения социального и биологического, критерии общественного прогресса и т. д. Характер таких проблем определяется помимо прочего той предметно-содержательной связью, в которую они входят. Поэтому бессмысленно жестко отделять диалектический материализм от материализма исторического. Подобный подход привел бы к неправомерному разделению проблем и узкому их решению. Вследствие органической связи, имеющейся между этими дисциплинами, диалектико-материалистическая теория (и всеобщая методология) имеет каналы связи со специальными социологическими теориями и с теорией научного коммунизма.

В целостной системе философских дисциплин диалектический материализм выполняет функцию ядра, цементирующего всю структуру философского знания; он играет роль общемировоззренческого и общеметодологического базиса по отношению к остальным философским дисциплинам.

Теперь дадим краткое определение диалектическому материализму.

В литературе нередко встречается определение диалектического материализма через указание на всеобщие законы развития. Это определение ценно, поскольку в нем подчеркивается одна из характерных черт марксистской фи-

лософии, ее устремленность на анализ развивающихся систем. Но оно требует по крайней мере одного дополнения — констатации материалистического решения вопроса о соотношении сознания и материи, что имплицитно не содержится в указании на всеобщие законы действительности.

Исходным определением диалектического материализма может быть следующее: диалектический материализм есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления, рассматриваемых под углом зрения материалистического решения вопроса о соотношении сознания и материи. При этом нужно иметь в виду, что предмет диалектического материализма более широк; в него входят наиболее общие свойства, связи и формы действительности и всеобщие черты, законы познавательного отношения человека к природе и обществу.

ГЛАВА 4. СРЕДСТВА ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ

В любой науке применяются специфические (собственные) методы и методы других наук, связанных с нею предметно или функционально; используются конкретные методики проведения исследований; применяются разные приемы, способы изучения объекта; актуализируются те или иные познавательные способности человека. Все, что применяется субъектом для решения проблем некоторой области знания, и составляет средства исследования в ней. В философии используется много средств, одинаковых, в сущности, со средствами, применяемыми в общественных, естественных науках, при художественном отражении действительности, например приемы логического мышления, интеллектуальная интуиция и т. п. На этом основании может сложиться мнение об отсутствии у философии собственных, специфических средств исследования; аналогичное может произойти и с представлением о любой науке. Тем не менее всякая наука специфична; не составляет исключения и философия.

К сожалению, в нашей литературе до сих пор еще нет сколько-нибудь широкого систематизированного освещения вопроса о средствах философского исследования. Отдельные же экскурсы в эту сферу могут приводить и порой приводят (особенно тех, кто лишь начинает приобщаться к философии) к мнению, будто среди философов

имеются принципиальные разногласия в отношении средств исследования в философии. Сопоставим, к примеру, несколько положений, взятых из разных публикаций.

Так, в одной работе утверждается, что «для получения общих принципов и понятий философии нет другого пути, кроме движения от частного к общему, ибо никаких более общих принципов, чем философские не существует. Дедуктивный метод, с успехом применяющийся в математике, непригоден для выведения основных принципов философии»¹. В другой указывается, что понятия об объективной реальности не могут быть получены путем индуктивного обобщения; «они образуются как универсальные умообразные принципы с помощью концептуальной интуиции исследователя»². В третьей отмечается, что общий характер движения мысли в процессе систематизации категорий подчиняется гипотетико-дедуктивному методу; посредством дедукции из исходного минимума категорий выводятся затем остальные категории диалектического материализма³.

Несмотря на то что в последнем случае не отбрасывается и индукция, а в первых — дедукция (во втором обращается внимание также на рефлексию и умообразование), все же создается впечатление взаимоисключаемости установок, принятых в этих работах.

Однако более строгий учет разноаспектности применяемых в философии средств исследования и системный подход к ним способны снять такую альтернативность.

Рассмотрим более внимательно проблему средств исследования в философии.

В любой науке специфика познавательных средств выявляется, во-первых, выделением собственного, ведущего средства, неразрывно связанного со спецификой проблем и предметного их основания, отражаемого теорией, и, во-вторых, установлением особой организации остальных средств, выхода на передний план отдельных элементов из всего их комплекса.

Собственный метод детерминирован природой изучаемого объекта, соответствующей системой предметного знания. Так, исследование происхождения видов и факта целесообразности живых организмов привело к созданию эволюционной теории, которая, в свою очередь, обусловила разработку эволюционного, историко-биологического метода. Важнейшее требование к методу — быть предметно-содержательным. Именно отсюда его специфичность.

¹ Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971. С. 44—45.

² Микешина Л. А. Философское знание как объект методологического анализа // Проблемы диалектики. Вып. 9. Методологические проблемы развития материалистической диалектики. Л., 1980. С. 9.

³ См.: Сагадовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.

В этом плане и обнаруживается зависимость философского метода от философской теории, от мировоззрения. Противоположными подходами к истолкованию мира, противоположными методами философского исследования являются диалектика и метафизика. В истории философии существовали, подчеркивал Ф. Энгельс, «два философских направления: метафизическое с неподвижными категориями, диалектическое (Аристотель и особенно Гегель) — с текучими»¹. Диалектический метод формировался постепенно, пройдя фазы субъектно-операционалистской определенности и объективно-идеалистической трактовки; лишь основоположники марксизма установили связь субъективной и объективной диалектики. В дальнейшем остановимся на освещении метафизики как антидиалектики (разд. III, гл. 1), а сейчас рассмотрим существо метода диалектики в марксистской философии.

Помимо объективной, предметно-содержательной стороны метод имеет субъективную сторону. На основе познания объективных закономерностей вырабатываются приемы дальнейшего познания и преобразования действительности; метод непосредственно фиксирует не то, что есть в объективном мире, а то, как человек должен поступать в процессе познания и практического действия. Закономерности объекта, выраженные в системе истинного знания, преобразуются, переосмысливаются в методе в правила действий субъекта; познанные закономерности составляют объективную сторону метода, а возникшие на их основе правила, приемы исследования и преобразования явлений — субъективную². Метод — это не теория как таковая, а теория «снятая», модифицированная, преобразованная, адаптированная логико-гносеологически. Это система следствий из теории (законов, категорий), нацеленных на дальнейшее познание мира. Правильно говорится, что метод — это та же теория, но повернутая своим острием на процесс дальнейшего познания и преобразования мира. Все это относится к методу любой науки, в том числе к методу диалектического материализма.

Специфический, собственный метод материалистической диалектики представляет собой целостную систему нормативных принципов. В ней могут быть выделены две группы принципов. Первая — это методологические прин-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 516. См. там же. С. 19—22, 349, 369—371, 526—536; Т. 21. С. 287, 302—305.

² См.: Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 80—84.

ципы, вытекающие из представления о социальной природе философского знания, из учения о материальном единстве мира, из теории развития, в том числе из основных и неосновных законов материалистической диалектики, а также из марксистской теории познания. К ним относятся: принцип объективности, принцип монизма, принцип взаимосвязи (требование максимальной всесторонности изучения объекта), принцип развития (требование брать объект в «самодвижении»), принцип раздвоения единого на противоречивые стороны и их познание, принцип единства качества и количества (правило движения мысли от качества к количеству, затем к их единству), принцип детерминизма (движения мысли от обнаружения сосуществования к выявлению каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой), принцип конкретности истины и др.¹. Вторую подсистему познавательных регулятивов образуют специфические диалектико-логические приемы познания: восхождение от абстрактного к конкретному², восхождение от единичного через особенное к всеобщему, диалектическая дедукция³, принцип единства логического и исторического и др. В этой подсистеме способов научного познания стержневым является принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Эта группа принципов определенным образом субординирована с первой, а именно: их реализация базируется на первой подсистеме. Методологические предписания, включаемые в диалектический метод, выражают не только предмет философии, но и, что отмечается в литературе, уровень развития субъекта познания, его способность осуществить перевод теоретических прин-

¹ См., например, *Демин В. Н.* Принципы материалистической диалектики в научном познании. М., 1979; *Шентулин А. П.* Диалектический метод познания. М., 1983.

² См.: *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; *Готт В. С., Нарский И. С.* Принцип восхождения от абстрактного к конкретному и его методологическая роль // Философские науки. 1986. № 2.

³ Исследуя диалектическую дедукцию в «Капитале» К. Маркса, И. С. Нарский показал ее связь с формально-логической дедукцией и индукцией и главенствующее ее значение среди остальных приемов при решении проблем политэкономии (им выделен и проанализирован ряд этапов такого исследования). При этом обращено внимание на то, что диалектико-материалистическая дедукция есть содержательное выведение нового состояния объекта через исследование тенденций развития противоречий, присущих прежнему его состоянию (см.: *Нарский И. С.* Материалистическая диалектика как метод конкретного научного исследования. М., 1975).

ципов, законов, категорий в познавательные приемы, организующие процесс познания¹.

За каждым методологическим принципом стоит содержание, его обосновывающее. Пример тому — принцип развития с его требованиями изучать предметы, процессы в самодвижении, развитии, в борьбе противоположно направленных сил, тенденций изменения. Если оторвать этот познавательный регулятив от содержания учения о развитии, то образуется банальное положение, информационно бедное, которое можно интерпретировать правильно и ошибочно в научном плане, в частности субъективистски, метафизически и идеалистически. В таком виде он не связан неразрывно с материалистическим решением основного вопроса философии, с мировоззренческим принципом материального единства мира. Между тем сам ход истории науки, генезис концепции развития показывают содержательный характер идеи всеобщего развития, ее органичную связь с учением о материи, содержательность этого познавательного регулятива. Лишь предметная основа методологических принципов способна обеспечить их тесную связь между собой, их естественную субординацию, позволяет им эффективно выполнять эвристическую роль в исследовании различных сторон предмета философского мировоззрения.

Применяя принцип развития в единстве с принципом материалистического монизма в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», К. Маркс раскрыл причины отчуждения человека в обществе и стратегический путь преодоления этого отчуждения в отношениях между людьми, между человеком и природой. Столь же эвристичным было применение диалектико-логических принципов Ф. Энгельсом при создании диалектической картины природы. На примере применения принципа восхождения от абстрактного к конкретному к решению задачи установления «начала» и «клеточки» системы категорий диалектического материализма (см. разд. I, гл. 6) мы увидим обращенность всеобщего метода на собственное теоретическое основание.

Никто из философов-марксистов не ставит под сомнение необходимость использования диалектической логики в разработке проблем философского мировоззрения.

¹ В марксистской философии возможно выделение в качестве относительно самостоятельных материалистического и диалектического методов, соответствующих групп методологических принципов (см.: *Калацкий В. П. Методы научного познания. М., 1985*).

В этом отношении те авторы, из работ которых мы приводили отдельные положения, дававшие повод считать их позиции исключаящими друг друга, оказываются в своих главных установках на средства философского исследования солидарными. В арсенале философских средств диалектическая логика немыслима без логики формальной, без ее правил и законов. Немалую роль при этом играет индукция (пример — формулирование основных законов развития). Однако движение мысли от частного к общему не всегда возможно, а иногда приводит к ошибкам. Так, еще встречается точка зрения, будто понятие материи образуется в результате обобщения признаков различных материальных объектов. Если следовать этому, то представление о материи не будет выведено за пределы физической науки и будет тождественно совокупности видов физической материи (веществу и полю).

Большую роль в философском исследовании играет формально-логическая дедукция: выведение не только частного из общего, но и общего из общего. О том, например, что движущей силой развития могут выступать и внутренние, и внешние противоречия, говорит уже эмпирический опыт (индуктивные заключения), однако силу необходимости положение о единстве этих противоречий во всяком процессе материального развития обретает лишь после его выведения из положения о всеобщей системности мира, включающей представление о наличии у каждой системы связи с внешней средой, т. е. о ее вхождении в более широкую систему.

Или другой пример: в прошлом столетии не было ни одной страны с социалистическим строем, вследствие чего невозможно было делать соответствующих индуктивных обобщений. Основоположники марксизма пришли к выводу о неминувости гибели капитализма и переходе к социализму посредством диалектической дедукции.

В диалектическом материализме широко применяются формально-логические определения — через род и видовое отличие (например, определение понятий «субъективный идеализм», «прогресс» и т. п.). Распространенными являются определения через противоположность (примеры — понятия «материя», «качество» и др.).

Поскольку философское мировоззрение призвано дать картину мира в целом, исходя из неизбежно ограниченных для каждого этапа общества знаний о мире, создавать и совершенствовать такую (неизбежно ограниченную) картину мира можно лишь посредством использования

экстраполяций, идеализаций, мысленных экспериментов и других аналогичных средств познания. Экстраполяции¹ опираются на индукцию, дедукцию, формально-логический закон непротиворечивости. К примеру, сформулированы положения: 1) «природа в земных условиях находится в развитии»; 2) «природные явления на Земле материальны». Они получены посредством индуктивного обобщения. На основе только этого средства познания мы не можем сделать строго определенного вывода, касающегося мира в целом. В этом случае мы прибегаем к экстраполяции и формулируем положения «Мир (или «все в мире») развивается» и «Мир в целом материален». Эти положения полностью не подтверждаемы в опыте, поскольку мир в целом вечен и бесконечен. По своему характеру они вероятностны. Но их достоверность усиливается, и они получают статус истинных при рассуждении, контролируемом законом непротиворечивости мышления. Принимая одно из них за истинное и совмещая его с положением, противоположным по содержанию другому, мы в итоге приходим к противоречивому в формально-логическом плане философскому построению (об этом подробнее см. в разделе о единстве принципа материального единства мира и принципа развития). В результате доказывается единство принципа материального единства мира и принципа развития.

Важным средством философского исследования, вpleтeнным в логику познания, является мысленный эксперимент. Философ конструирует какую-либо идеальную модель, используя идеализацию, например модель «мир в целом», модель «сеть причинения», модель «индивидуальное сознание» и т. п., а затем в мышлении «экспериментирует» с этими идеальными объектами, ставя их (мысленно) в разные ситуации и выводя соответствующие следствия (пример — включение «мира в целом» в условия возрастания энтропии). «Теоретическое рассуждение в мысленном эксперименте строится в соответствии с методикой реального эксперимента. Первостепенную важность здесь приобретает механизм воображения, умение оперировать пространственными образами, способность наглядного представления различных экспериментальных

¹ «Экстраполяция есть специфический логико-гносеологический прием, представляющий собой акт переноса знания из одной предметной области действительности в другую, качественно отличную от нее, при отсутствии средств ее непосредственного познания и наличии оснований для переноса» (Попова Н. Л. Экстраполяция как средство научного познания и интегративный фактор в науке. Киев, 1985. С. 11).

ситуаций. Ученый должен уметь ярко и живо представить себе в уме все так, как если бы оно происходило в действительности. Вопрос «Что должно произойти, если...» является тем рычагом, который переводит субъекта из реальной действительности в плоскость воображения, но «воображения, регулируемого знанием объективно действующих законов»¹. Наличие в мысленном эксперименте воображения как специфического эвристического компонента, не сводимого к дискурсивному фактору², позволяет выделить мысленный эксперимент в качестве относительно самостоятельного средства исследования философов.

Еще одной стороной философского познания является герменевтическая интерпретация. Как и мысленный эксперимент, герменевтическая интерпретация тесно связана со средствами логического мышления, базируется на них, но к ним не сводится, как не сводится, скажем, понимание к знанию, хотя понимание и невозможно без знания.

С античных времен философия почиталась не только знанием, но и мудростью. Само слово «философия» довольно точно выражает специфику философского знания, достижение этого знания посредством философствования, размышления, понимания через посредство «любви к мудрости». Это лишь в наше время, не в меру машинообразному рассудку буквальный перевод слова «философия» кажется анахронизмом, подлежащим забвению.

В гуманитарном знании имеется понятие «герменевтика» (его не следует смешивать с герменевтикой как идеалистической философской доктриной), которое означает искусство понимания, метод, теорию понимания. Этот метод нацелен на раскрытие различных текстов, их внутреннего смысла. Через текст выявляются цели, замысел автора, его внутренний духовный мир, чувства, отношение к окружающему миру, мир его жизни, культурный и исторический фон его деятельности и т. п. Понимание связано с раскрытием уникальности событий и учетом специфики человеческой деятельности³. Для философов

¹ Славин А. В. Проблема возникновения нового знания. М., 1976. С. 278—279. См. также: Чернов А. П. Мысленный эксперимент. М., 1979, С. 7—22.

² См.: Коршунова Л. С. Воображение и его роль в познании. М., 1979.

³ См.: Рузавин Г. И. Понимание как комплексная методологическая проблема; *его же*. Проблема понимания и интерпретации в герменевтике // Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983; *его же*. Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность (критические очерки). М., 1985.

такой способ познания не ограничен литературными текстами, взятыми из истории философии, он охватывает все, во что вложены человеческие действия, мысль и чувства; жизненный опыт самого философа и других людей, осмысливаемый философом, тоже осваивается посредством герменевтики.

Применительно к явлениям природы понимание связано с выявлением значения тех или иных явлений в общей системе природы, для человека и человеческой цивилизации, их мировоззренческой значимости. За ними не стоит деятельность человека или какого-то иного духа, подлежащая расшифровке. В данном случае понимание есть истолкование, интерпретация.

Понятие «понимание» соотносительно с понятием «смысл»; они не могут рассматриваться в отрыве друг от друга; смысла так же нет вне понимания, как и понимание всегда есть усвоение некоторого смысла¹. Понимание — это процедура осмысления, выявления смысла, значения. Понимание есть результат и процесс применения герменевтики и интерпретации.

Составное название этого средства освоения действительности не является безусловным, оно отражает переходность от традиционного противопоставления герменевтики и интерпретации к их единству². В то же время оно включает в себя специфичность того и другого способа, ориентирующую на превалирование отношения «текст — автор» в гуманитарном познании и на отношение «субъект — объект» в трактовке явлений природы.

Герменевтическо-интерпретаторский метод опирается

¹ Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. Философско-гносеологический анализ. М., 1985. С. 42.

² Различие между герменевтикой и интерпретацией, на наш взгляд, мало существенно. Сам перевод этих иностранных слов на русский язык убеждает в их близости: герменевтика с греческого — «разъясняю», «истолковываю», интерпретация с латинского — «разъяснение», «истолкование» (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 111, 215). Кроме того, установившаяся в науке трактовка интерпретации весьма близка к той трактовке герменевтики, которая имеет место в гуманитарном знании и в искусстве. «Научная интерпретация — это совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо образом элементам некоторой теории» (там же. С. 215). Но если «смысл» вводится в естественные науки, то вместе с этим открывается возможность применять герменевтику и в них. Термин «смысл» может быть более широким по своему значению, чем это имеет место в классической герменевтике. Определенным смыслом обладают и явления природы, хотя за ними и не стоит никакая духовная деятельность Абсолюта.

на средства логического познания действительности, однако выходит за их рамки. Здесь оказываются вовлеченными все духовные способности человека. Прав Новалис, в свое время отметивший, что понимание осуществляется не только через разум, но посредством всех духовных сил человека. Понимание требует интенсивного эмоционального настроя, вчувствования, соотнесенности с деятельностью человека, с ценностями человеческого бытия; это осмысление, задаваемое нормативно-ценностными стандартами деятельности.

При наличии одинаковой (в принципе) информации, подлежащей осмысливанию, разные философы могут иметь различное ее понимание. Это может быть следствием как неидентичных идеологических позиций, так и разных исходных жизненных установок, разного стиля мышления, разного мироощущения. Такого широкого «разброса» понимания нет в естествознании, да и в гуманитарном знании.

Большое место в творческом процессе философов занимает интуиция. Ее, однако, не всегда признают в качестве способа достижения новых результатов, представляя себе движение мысли к этому результату в виде непрерывного разворачивания цепи умозаключений и доказательства. Такое мнение касается не только философии. М. Бунге пишет: «В науке широко распространен миф, будто ученые располагают двумя независимыми, хорошо отработанными и стандартизированными методами, опираясь на которые они в состоянии браться за любую научную проблему. Эти методы — дедуктивный и индуктивный — позволяют якобы ученому действовать без оглядок, без проб, а пожалуй, и без таланта... Трудно придумать что-нибудь нелепее и смешнее этой карикатуры на научную работу»¹. «Одна логика никого не способна привести к новым идеям, как одна грамматика никого не способна вдохновить на создание поэмы, а теория гармонии — на создание симфоний. Логика, грамматика и теория музыки дают нам возможность обнаруживать формальные ошибки и подходящие мысли, а также развивать последние, но они не поставляют нам «субстанцию» — счастливые идеи, новые точки зрения»².

Такие идеи дает *интеллектуальная интуиция*.

Науке известны многие ученые, сделавшие открытия

¹ Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967. С. 92—93.

² Там же. С. 109.

посредством интуиции (Архимед, Ньютон, Броун, Кекуле и др.) Богата такими фактами и история философии.

Вот, к примеру, свидетельство Ж. Ж. Руссо: «Я шел к Дидро... я захватил с собой номер «*Mercur de France*» и просматривал его дорогой. Глаза мои скользнули по столбцам газеты и вдруг остановились на теме, предложенной Дижонской Академией Наук для соискания премии. Если когда-либо мир видел внезапное наитие, то это было душевное движение, охватившее меня в ту минуту. В моем уме как бы сразу сверкнул свет, все озаривший. Масса идей, ярких и живых, представилась мне вдруг с такою силою и в таком количестве, что смущение и трепет охватили мою душу. Я как бы опьянел от наплыва мыслей и чувств... Все, что я мог удержать в памяти из этой массы великих истин, озаривших меня в течении $1/4$ часа... я поместил в трех главных моих сочинениях — в моей первой диссертации, в книге о неравенстве и в книге о воспитании»¹.

Еще один факт, который мы приведем, связан с открытием Ф. Энгельсом форм движения материи. В письме К. Марксу 30 мая 1873 г. Ф. Энгельс писал: «Сегодня утром в постели мне пришли в голову следующие диалектические мысли по поводу естественных наук.

Предмет естествознания — движущаяся материя, телá. Телá неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. Поэтому естествознание познает тела, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познавание различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания»². Далее Ф. Энгельс излагает мысли, возникшие у него в отношении того, какие существуют отдельные формы движения материи и как они связаны друг с другом. В своем письме Ф. Энгельс просил К. Маркса не разглашать его идею, пока он не разовьет ее сам. На разработку данной идеи у Ф. Энгельса ушло более десяти лет (подробнее об этом открытии см.: Кедров Б. М. Классификация наук. М., 1961. Т. I. Раздел «Возникновение у Энгельса идеи классификации наук»).

Общими чертами интуиции являются: непосредственность (в смысле — решение задачи без логического выведения), неосознанность (путей получения результата) и внезапность.

Необходимые условия формирования интуитивного решения: 1) основательное знание материала, фундаментальная профессиональная подготовка; 2) наличие поисковой ситуации (т. е. проблемности); 3) поисковая доминанта (на основе непрерывных попыток решить проблему, задачу); 4) подсказка (аналогия). На этой основе можно сделать практические рекомендации: субъекту необходимо стремиться к максимуму информации по своей специальности, по смежным дисциплинам, расширять диапазон

¹ Цит. по: Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. 1922. Т. 2. С. 101. См. также: Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969. С. 606.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 67—68.

интересов, включая музыку, чтение научно-фантастической литературы, откладывать на какой-то срок решение поставленной проблемы и т. п.

Большая ценность интуиции сопряжена, однако, с возможностью ее ошибок. Поэтому необходимо тщательно проверять интуитивные решения, обращаясь к логике, к логическому доказательству. Лишь после прохождения через логику такое решение можно считать достоверным. «Логика, которая одна может дать достоверность, — подчеркивал А. Пуанкаре, — есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства»¹. Логика предшествует интуитивным решениям, логика же и завершает творческий акт.

Таким образом, основные интрасубъективные средства философского исследования следующие: 1) средства логики, диалектической и формальной; 2) интеллектуальная интуиция; 3) герменевтическая интерпретация; 4) экстраполяция; 5) мысленный эксперимент.

Имеются и другие, не менее важные, средства (например, обращение к практике как критерию истинности, дискуссия как форма развития философской теории и т. п.), однако они носят несколько иной характер, чем только что рассмотренные, и требуют специального освещения.

Значительную роль в философском творчестве играет сомнение². Многие философы прошлого (М. Монтень, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Д. Юм и др.) считали сомнение одним из главных средств исследования философа, полагая, что философствовать — это значит сомневаться. Сомнение, по их представлениям, способно оградить философское размышление от догматизма и ненаучных наслоений. «Мы, — писал М. Монтень, — умеем сказать с важным видом: «Так говорит Цицерон», или «Таково учение Платона о нравственности», или «Вот подлинные слова Аристотеля». Ну, а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог бы сказать и попугай»³. М. Монтень призывал высоко ценить самостоятельность

¹ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 167.

² Под сомнением «принято понимать... расшатывание той или иной предполагаемой истины» (Гегель. Соч. М., 1959. Т. IV. С. 44). Сомневаться, это — колебаться, не решаться, думать на двоих, не доверять, не верить (Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. IV. С. 269).

³ Монтень М. Опыты. М.—Л., 1958. Кн. 1. С. 175.

размышлений и не идти слепо за авторитетами. Иначе философствование будет пустым, не дающим новых результатов. Глубокий смысл в этой связи заложен в его замечании: «Мы опираемся на чужие руки с такой силой, что, в конце концов, обессиливаем»¹.

В любой науке невозможно достигать нового, не сомневаясь. Это обусловлено характером научного поиска, постоянным выдвижением предположений, стремлением их опровергнуть. То же самое, если не в большей мере, относится к философии: в ней, помимо того, постоянно приходится иметь дело с экстраполяциями предельного масштаба, с вероятностными утверждениями, с субъективной уверенностью в правильности сформулированных положений, касающихся мира в целом или жизни человека в ее предельных основаниях. Через опровержение одних предположений возможно доказательство истинности других.

На пути философских, как и частных научных, поисков, могут стоять интересы и точки зрения, далекие от подлинной науки. И ученому для работы помимо рациональных средств исследования и профессиональных знаний требуются сомнение, принципиальность, твердость характера, мужество. «Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево?»² — спрашивал Карл Маркс. Он подчеркивал необходимость ориентироваться только на истину, относительно ко всякой вещи так, как того требует ее сущность. Человека же, «стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, — говорил он, — к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами, — такого человека я называю "низким"»³. Всякое приспособленчество, угодническое «развитие» теории, конъюнктурщина, догматизм мысли решительно осуждались основоположниками марксизма. «Подвергай все сомнению» — таков был любимый девиз К. Маркса. Ф. Энгельс называл скептически-критическую голову «главным аппаратом», который нужно всегда брать с собой и сохранять до конца в пригодном для работы состоянии⁴.

¹ Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 176.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 6.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 125.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 378.

Сомнение является не только компонентом психологии творчества, но и методологической установкой подлинно творческой личности.

Абсолютизация скептицизма, конечно, способна противостоять научному поиску и обратиться своим острием не против заблуждений, а против самой истины. Но классики марксизма не отрывали скептицизм от истины; они определяли меру скептицизма тем, насколько он помогал решению проблем науки, проблем исторически-позитивной практики. Такая ориентация философов, как показал опыт истории, единственно верна и особенно значима сейчас, в условиях перестройки.

Как видим, средства исследования в области философии многообразны и неравнозначны по своему характеру; но все они необходимы в научно-философском анализе проблем.

В марксистской философии нет стандартной установки на то, чтобы всегда и везде применять лишь одно из средств философского познания. Как и во всякой науке, возможен выбор любых познавательных средств, в любой их комбинации — лишь бы было достигнуто решение проблемы или обеспечено продвижение в ее разработке. Поэтому естественно, что для проблем жизневоззрения философы в первую очередь прибегают к герменевтике, вчувствованию, пониманию, при разработке законов развития материальных систем — преимущественно к индукции, обобщению материала физики, химии, космологии, биологии, при систематизации категорий — главным образом к дедукции, во всех этих случаях — к диалектической логике с ее нацеленностью на разрешение противоречий познания.

Использование рассмотренных средств философского исследования не исключает применения в философии каких-либо общенаучных или иных средств. Между тем некоторые философы полагают, что свои проблемы она, т. е. философия, должна решать лишь собственными своими средствами¹. Справедливо поэтому несогласие с этой позицией, все чаще выражаемое в литературе, и стремление применить в философии также не-философские методы (например, системный), а также логику, методологию научного исследования.

¹ Эта точка зрения не отличается оригинальностью. См., например: *Зиммель Г. Сущность философии*// Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1916. Т. VII. С. 236.

Не принимая неопозитивистскую подмену всеобщего философского общенаучным, диалектико-материалистическая философия в то же время чужда цехового методологического высокомерия и не содержит в себе запрета на использование методов других наук в решении частных задач философского познания или при главенстве специфически философских средств исследования.

Встает вопрос: каков ведущий элемент в общем комплексе средств философского исследования?

На этот вопрос в разных философских концепциях можно встретить разные ответы. Так, в книге П. Юшкевича «О сущности философии» утверждался примат интуиции и надстроечный характер логических средств, якобы придающих философскому знанию иллюзию научности¹. Это положение вело к выводу о том, что философские построения сугубо индивидуальны, общезначимое философское мировоззрение недостижимо. Аналогичный взгляд встречается и в современной экзистенциальной герменевтике, абсолютизирующей герменевтическое вчувствование и выставляющей герменевтику в качестве ведущего средства философского познания.

Общезначимость философского миропонимания действительно недостижима при ориентации только на интуицию, воображение, темперамент философа или герменевтику. Они различны у разных философов; и даже при одинаковом, в общем-то, арсенале средств они не могут быть абсолютно тождественными при конкретном их применении, зависимом и от индивидуальности субъекта познания, и от разнообразия выдвигаемых задач. Общезначимость обуславливается прежде всего научностью содержания философии, выражаемого в истинности главных ее положений, доказательностью строго логического мышления, проверкой положений на практике. Если система философского знания адекватна ее предмету (на том или ином его уровне или срезе), то такая система открыта для принятия любым непредубежденным индивидуальным сознанием и становится (или способна стать) общезначимой системой знания. В основе логического мышления, ведущего к истинностным результатам, лежит одна единственная логика — логика самого материального бытия.

Эта зависимость от логики бытия не абсолютна: филосо-

¹ См. Юшкевич П. О сущности философии (к психологии философского мирозерцания). Одесса, 1921. С. 15.

фу нужен свободный пробег мысли на пути решения своих проблем. Гегель писал: «Возбужденное опытом, как неким раздражителем, мышление ведет себя в дальнейшем так, что поднимается выше естественного, чувственного и рассуждающего сознания, поднимается в свою собственную, чистую, лишенную примесей стихию и ставит себя, таким образом, сначала в отчужденное, отрицательное отношение к этому своему исходному пункту. Оно сначала находит свое удовлетворение в себе, в идее всеобщей сущности этих явлений»¹.

В этом положении, хорошо оттеняющем свободу философского мышления, фиксирована и относительность этой свободы, ее заземленность опытом человека в самом исходном своем пункте. Но чтобы сохранить и дальше нацеленность на истину, а не трансформироваться в схоластику, свободное движение философского мышления должно периодически контролироваться обращением к действительности. Для научной философии важно не допускать принципиального отрыва от опыта, реальной действительности, а иметь твердую ориентацию на связь логического мышления с опытом, с многообразной практикой человечества.

Историческая практика выработала средства, позволяющие мышлению достигать истины при минимуме непосредственных контактов с объективной действительностью. Эти средства — законы и правила логики. При разработке, например, гармонически целостного представления о природе, как отмечал Ф. Энгельс, приходится часто оперировать с не вполне известными величинами, но «последовательность мысли, — подчеркивал он, — во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше»². Если субъект познания исходит из верных посылок и строго следует логическим правилам, то он приходит к верным выводам.

Логическое мышление ведет к приращению философской информации. Но роль логики не ограничивается этим. Она способна служить преградой эмпирическому релятивизму, представляющему собой абсолютизацию роли частных наук в развитии философского знания, т. е. такую установку, при которой считается, что чем больше частных наук знает философ, тем это лучше для его профессиональной деятельности. Такая установка, сама по себе

¹ Гегель Соч. М., 1929. Т. I. С. 29.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 360.

небесполезная, в идеале не реализуема, а потому способна репрессивно воздействовать на процесс познания. Глубокое же осмысление философских проблем одной какой-либо науки, равно как и проблем социальной действительности, для пытливого философского ума может дать значительно больше, чем поверхностное знание большого количества эмпирического материала. Главное — умение увидеть новую задачу или новый поворот старой, традиционной проблемы, способность на основе логики двигаться к новому философскому заключению.

Средства логического достижения нового философского знания являются фокусом всех других средств, применяемых в философии: они пронизывают их, выступая их глубинным основанием и интегратором. Они являются ведущей стороной в целостной системе средств философского исследования. К. Маркс писал: «...При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»¹. То же самое, если не в большей степени, относится и к философии. Смысл жизни, вечность природы, бесконечность материи в пространстве и многое другое постигаются силой абстракции, абстрактного мышления, инициирующего другие познавательные способности человека и логико-гносеологические средства познания.

Следование требованиям логики — диалектической и формальной — важное средство достижения общезначимости. Результаты любой специфической интуиции и любого размышления проходят проверку средствами логики, и либо получают право на существование, либо не получают, элиминируясь из состава достоверного знания. Логичность тех или иных результатов убеждает в их правильности, содействуя их принятию субъектами познания. В этом путь к общезначимости и результатов интеллектуальной интуиции, и результатов герменевтической интерпретации, экстраполяции и мысленного эксперимента.

Центральное место логических средств, или, что то же самое, «силы абстракции», в системе средств философского исследования дает основание для квалификации общего способа философского познания как умозрительного. Ничего предосудительного в использовании этого понятия нет, хотя, надо признать, некоторые сложности имеются.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

Термину «умозрение», прямо скажем, не повезло. В «Философской энциклопедии» вообще нет статьи об умозрении. В «Философском энциклопедическом словаре» статья имеется; в ней сказано, что умозрение — «идеалистически ориентированное философское мышление, абстрагирующееся от чувственного опыта... В истории идеализма выявились два типа умозрения — рационалистический и интуитивистский»¹. «Философский словарь», вышедший пятым изданием, сообщает несколько иное об умозрении. В нем говорится, что «умозрение — способ теоретического постижения истины, основанный на отвлеченных логических построениях, не связанных зачастую с научно установленными фактами наблюдения и эксперимента. Поэтому умозрение может приобретать ненаучный характер... Иногда умозрение трактуется как специфика философского познания»². В «Философском словаре», как видим, хотя и высказывается негативное отношение к умозрению, все же не исключается полностью возможность (при ряде условий) его использования.

Конечно, термин «умозрение» может трактоваться и в сугубо отрицательном смысле — как нечто схоластическое, формалистическое, идеалистическое. Будем, однако, считать, что в таком плане он применяется лишь в узком своем значении.

В русский язык, в культуру нашего народа «умозрение» давно уже вошло в более широком своем значении. В «Толковом словаре живого русского языка» В. Даля констатируется следующее: «Умозренье — заключение умственное, по умствованию, догадка ума, мыслительный вывод, теория — противоп. — опыт, дело, практика... Умозритель — теоретик, строящий заключения свои на умственных догадках. Умозоркий — человек, который видит умом, духом далее, глубже других»³. В такой трактовке умозрение может быть ведущим к истине и ошибочным (из-за отсутствия связи с опытом), философским и частнонаучным, например математическим, а внутри философии — материалистически и идеалистически ориентированным. Кстати, сторонники идеализма в идеалистическом духе истолковывают умозрение, связывая его только с «чистым» мышлением, и такую заявку идеалистов на

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 701.

² Философский словарь, М., 1986. С. 494.

³ Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. IV. С. 496.

монопольное владение умозрением некоторые наши философы, как свидетельствуют приведенные выше оценки умозрения, принимают, по-видимому, без должной осмотрительности. «Умозрение» — это «зрение умом», «очаи разума» того, что невозможно воспринять, уяснить непосредственно в опыте.

Умозрение не является привилегией одной только философии. Оно широко используется в теоретической физике, химии, биологии и в других науках. В. П. Бранский, например, показал, что научное познание проходит в своем развитии не две, а три ступени: наряду с эмпирическим и теоретическим исследованием выделяется еще умозрительное исследование. Оно начинается с образования умозрительных понятий, ведет к умозрительным принципам, а затем — к умозрительным концепциям. Из множества последних происходит отбор имеющих объективное содержание на основе теоретического исследования. Само теоретическое знание оказывается своеобразным синтезом двух противоположностей — эмпирического и умозрительного знания¹.

В чем же отличие умозрения в философии от умозрения в естественных науках? Во-первых, в его направленности на решение философских проблем, на выяснение предельных оснований бытия и деятельности человека. Во-вторых, в его месте среди других средств познания, в степени умозрительности философского знания. Как отмечает Т. И. Ойзерман, специфическим для философии является не сам по себе умозрительный способ развития понятий, а степень «спекулятивности» мышления, органически связанная с содержанием философии (и некоторых философских учений в особенности), с ее категориальным аппаратом, отправными теоретическими положениями и т. д. Но степень есть определение качества и в этом смысле действительно фиксирует качественное отличие философского знания от нефилософского, исключая вместе с тем метафизическое противопоставление философии другим формам теоретического исследования. Путь умозрения, в известной мере отрывающегося от фактов, конечно, очень рискованный путь, на котором неудачи постигают на каждом шагу, а открытия оказываются счастливой находкой. И все же именно на этот путь необходимо

¹ См.: Философские науки. 1975. № 1. С. 158—159.

вступает теоретическое исследование, не страшась опасности превратиться в пустое сочинительство. Этим путем идет философия, в этом специфика философского познания¹.

По своему содержанию главные средства философии — это всеобщие категории, а само философское знание — всеобще-категориальное. Философское мышление (или размышление) и разворачивается в сфере всеобщих категорий, неразрывно связанных с проблемами философии, с предметным основанием философии. Отсюда специфически философское умозрение.

Но сказанным не исчерпывается общая оценка средств философского исследования, особенно если речь идет о марксистской философии. Сам термин «умозрение» связан с противопоставлением абстрактного мышления экспериментальному и нерациональному, например мистической интуиции; в нем не отражается деятельностная позиция субъекта познания, а тем более — степень активности субъекта. Более того, исторически в него привнесен оттенок созерцательности, некоторой гносеологической пассивности (усмотрение чего-то уже «готового» в объекте, его постижение «вдруг»), что до сих пор из него окончательно не элиминировано. Но в научной философии, тесно связанной с естествознанием и общественной практикой, явно проступает (и должна всегда проступать) конструктивность духовной деятельности философов. Эту особенность, на наш взгляд, выражает понятие «критически-конструктивная рефлексия».

«Рефлексия» порой понимается как размышление о самом мышлении, как размышление о всеобщем в познавательной и духовной деятельности субъекта. Все это включается в понятие «рефлексия». Однако деятельностный подход к оценке средств исследования требует не только учета форм исследования и направленности познания на деятельность, но и выявления деятельностной стороны в самой системе средств философского исследования. Это означает, что только одностороннее отражение «предельных оснований» не выводит еще нас за рамки созерцания.

В истории философии, в диалектической традиции рефлексия понималась как процесс не односторонний, а двусторонний, именно так, что не только одна сторона рефлектирует другую, но и рефлектируется ею. По Гегелю,

¹ См.: Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. С. 88, 86.

два определения относятся друг к другу так, что каждое из них как бы отбрасывает другое (рефлектирует), каждое из них как бы является в другом, отражается другим¹.

Новое звучание приобрело это понятие в трудах К. Маркса благодаря его соединению с предметно-практической преобразовательной деятельностью. К. Маркс писал: «Отношение философской системы к миру есть отношение рефлексии. Одушевленная стремлением осуществить себя, она вступает в напряженное отношение к остальному. Внутренняя самоудовлетворенность и замкнутость нарушены. То, что было внутренним светом, превращается в пожирающее пламя, обращенное наружу. Таким образом, в результате получается, что в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской...»².

Такое отношение к миру, предполагающее реализацию философских идей, изменение мира и, с другой стороны, изменение содержания и средств исследования самой философии, обуславливает критически революционный характер философского познания и требование активного участия философов в общественной практике по преобразованию мира. Такое отношение философии к миру требует особой организации системы средств философского исследования — не затемнения роли метода материалистической диалектики какими-то другими, хотя и бесспорно важными средствами, но утверждения его в качестве первопланового средства познания, развертывающегося во взаимосвязи со всеми остальными средствами, на их основе и при их дополняемости. Средства познания марксистской философии — это разные, но взаимосвязанные моменты и звенья конструктивной духовной деятельности философов, направляемой всеобщим мировоззренческим, диалектико-материалистическим методом, и нацеленные в конечном счете на совершенствование природной, социальной и духовной действительности.

В монографии В. Черника «Система категорий материалистической диалектики (критика гегелевской логики как науки)»³ показывается, что полный, развернутый цикл научного познания проходит от практики (П₁) фазы эмпи-

¹ См.: Фишер К. История новой философии. Т. VIII. Гегель (первый полутом). М.—Л., 1933. С. 374.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 77—78.

³ Černík V. Systém kategorii Materialističkej Dialetiky (Kritika Hegelovej Logiky ako vedy). Bratislava, 1986 (к. XIII—XV).

рической, теоретической и духовно-практической (праксеологической) деятельности и замыкается в предметно-практической деятельности (P_2): $P_1 \rightarrow \mathcal{E} \rightarrow T \rightarrow ДП \rightarrow P_2$. В фазе праксеологической происходит трансформация теоретических понятий в методолого-праксеологические; философ разрабатывает не только метод объяснения действительности, но и метод преобразования действительности. Результаты философских разработок должны находить свою реализацию в новом уровне практики, в новой организации конкретной реальности. Без праксеологической фазы (а во многих наших учебных пособиях по философии она не выделяется) процесс философского познания оказывается представленным неполно.

Итак, если в самом общем плане характеризовать средства исследования в марксистской философии и в диалектическом материализме, то можно сказать, что эти средства, во-первых, *научные* (здесь — отличие от средств обыденного познания, художественного освоения действительности, от средств религии), во-вторых, *умозрительные* (в отличие от экспериментальных наук), в-третьих, *всеобще-категориальные* (что отграничивает их от теоретических частных наук, от математики) и, в-четвертых, *критически-конструктивно-рефлексивные* (в противоположность созерцательно-описательному, догматическому и схоластическому подходам к философии).

Г Л А В А 5. УРОВНИ ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Широко распространено мнение, будто философское знание сугубо теоретично. Философия якобы не имеет своей эмпирии, своего эмпирического уровня. Если и применяется в этом случае понятие эмпирического, то для указания чего-то, находящегося за пределами собственно философского знания.

К этой точке зрения примыкает представленное, согласно которому философия связана с явлениями материальной действительности не непосредственно, а опосредованно, через теории частных наук. Все научное знание оказывается как бы пирамидой, основанием которой служат опыт, эмпирические данные, вершиной — самые абстрактные теории, а середину занимают теории меньшей степени общности; философское знание образует самые верхние этажи пирамидальной структуры теоретического знания, и ее путь к объективной реальности проходит

через теоретический и экспериментальный уровни частно-научного знания.

Эта точка зрения выдвигается как альтернатива позитивизму, отрывающему частные науки от философии, и натурфилософскому знанию, противопоставленному естественным наукам. Но положительные моменты такой точки зрения слишком незначительны и не могут помочь в выявлении диалектики отношений всеобщего и частно-научного, философски-познавательного и объективно реального.

В самом деле, слишком жесткая связь философии и частных наук, ее однозначная зависимость от всего того, что дается естествоиспытателями (а к этому ведет «пирамидальная» концепция), лишают философов свободы критического осмысления данных частных наук, порождает ориентацию на некритическое их восприятие. Но уроки истории показывают, что в естествознании могут быть как лжефакты (как в лысенковских построениях), так и лжетеории при в общем-то достоверных фактах.

И нацеливать философов на установление связи с действительностью также через подобные «факты» и «теории» неправомерно. Это своеобразный позитивистский хвостизм, отказывающий философии в праве на самостоятельность в отношении к естествознанию, к его теориям и фактам эмпирического уровня.

Из этой концепции могут делать выводы элитарного характера, например, что любой человек, стремящийся развивать свое мировоззрение, должен всегда иметь дело только с научными теориями тех или иных сторон природы или общества и «обобщать» именно частнонаучные теории. В таком случае пришлось бы, помимо прочего, отказать значительному числу индивидов (музыкантам, художникам и др.) в праве самим, без теорий физики, химии, биологии, формировать свое философское представление о мире.

В этой концепции более четко проступает оторетизирование мировоззренческого знания в смысле отрыва его от непосредственных контактов с реальностью; каналы связи философского мировоззрения с реальностью оказываются чрезмерно зауженными. Создается почва для натурфилософской точки зрения, согласно которой философское знание носит исключительный характер: все другие науки теоретичны и эмпиричны, непосредственно связаны с реальностью, а философия «сверхтеоретична», «сверхабстрактна». Отсюда недалеко до поиска онтологи-

ческого коррелята теоретического высшей степени абстрактности.

Такая возможность реализована, в частности, в представлении, согласно которому частнонаучные теории изучают специальные сущности, а философская теория — сущность сущностей, более глубокую сущность тех же вещей. «Субстанция же является наиболее общей и, соответственно, наиболее внутренней и глубокой сущностью, по сравнению с которой все другие (специальные) сущности выступают в роли явлений»¹. Получается, что лишь философскому познанию доступны подлинные сущности элементарных частиц, атомов, молекул, отдельных видов живых организмов, галактик, а философы должны направлять частнонаучные исследования (ведь сущность, по определению, есть то, что обуславливает другие свойства и отношения материальных систем).

Наряду с тенденцией к чрезмерному отеоретизированию философского знания имеется также противоположная тенденция — стремление лишить философию собственно философского теоретического уровня и растворить ее в частнонаучном знании. Утверждается, будто в философии имеется эмпирический уровень познания, состоящий из общенаучных понятий и философских фактов, в качестве которых выступают и научные теории. В результате философское знание редуцируется (по крайней мере в данном аспекте) к частнонаучному знанию.

Мы сейчас оставляем в стороне формы связи философии и естествознания. Это особый вопрос². Во всяком случае его нельзя смешивать с вопросом о научности философского знания, а тем более с вопросом о специфике философии.

В создании мировоззрения, бесспорно, участвуют многие науки. Но каков способ и конечный результат такого участия? Нет иного способа, как обобщающая работа философского мышления, «снятие» частного во всеобщем. Конечный ее результат — высший уровень интегрированности научных знаний — философская картина мира и его познания, т. е. философское мирозерцание. Именно участие естественных наук в создании мировоззрения, со-

¹ Авалиани С. Ш. Абсолютное и относительное (отношение философии и специальных наук). Тбилиси, 1980. С. 192.

² См.: Слуцкий М. С. Взаимосвязь философии и естествознания. М., 1973; Платонов Г. В. Марксистско-ленинская философия и частные науки. М., 1982; Алексеев П. В. Наука и мировоззрение. Союз марксистской философии и естествознания. М., 1983 (разд. VI, IX и X).

ответствие последнего характеру развития естествознания, а не прямое вхождение в него теорий частных наук — один из важнейших признаков научности мировоззрения. «Главная характерная особенность научного мировоззрения в том, что оно разрабатывается не путем произвольной, субъективной рефлексии, а на основе философского обобщения полученных наукой данных и выводов из них»¹.

К мировоззрению ведет не столько путь индуктивного обобщения экспериментальных и естественнонаучных теоретических данных (он может в лучшем случае находиться в связи с другими, примером чего служит разработка всеобщих законов диалектики), сколько особый характер самих мировоззренческих проблем — их всеобщность (для индивида, класса), всеобщность не в формально-логическом, а в диалектическом смысле, как составляющая систему конкретно-всеобщего. Частное знание поставляет лишь материал, переосмысливаемый с целью решения мировоззренческих проблем; уровень частнонаучной информации, характер ее использования не определяют сущности мировоззрения. Последняя обуславливается прежде всего спецификой его собственных проблем.

Рассмотренный сциентистский подход к философскому знанию (в двух его вариантах) в наши дни завоевывает все меньше сторонников. Не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что обнаруживаются все новые трудности, к которым он приводит. Независимо от намерений его представителей он ведет к логическим противоречиям, к нарушению диалектической связи философии и частных наук, философского знания и объективной действительности.

Сложившаяся проблемная ситуация требует более пристального внимания. В качестве одного из возможных решений может быть принято предположение о наличии в философском знании по аналогии с естественнонаучным двух уровней освоения действительности — эмпирического и теоретического.

В естествознании эмпирический и теоретический уровни выделяются по многим признакам, среди которых наиболее значимы: во-первых, предметно-содержательное основание (эмпирическое соотносится с проявлениями сущности предметов, т. е. явлениями, а также с фрагментами сущности, теоретическое — с тотальной, целостной сущностью); во-вторых, характер методов, способов получения нового знания (эмпи-

¹ Федосеев П. Н. Мировоззрение, философия, наука. М., 1979. С. 8—9.

рическое связано с описанием, наблюдением, экспериментом, преобладанием индукции, анализа, а теоретическое — с объяснением, предвидением, формализацией, идеализацией, преобладанием дедукции, синтеза и т. п.); в-третьих, основные логические формы выражения знания (эмпирическое — это факты, теоретическое — теории); в-четвертых, характер познавательной деятельности (на теоретическом уровне — деятельность по выработке или развитию категорий, на эмпирическом — деятельность по их применению). В частных науках эмпирическое и теоретическое неразрывно взаимосвязаны: теоретическое базируется на эмпирическом, включает последнее в переработанном виде, объясняет факты, а эмпирическое несет на себе печать теоретического.

Философское знание во многом подобно естественно-научному. Для выделения в нем двух уровней освоения действительности имеется прежде всего первое, предметно-содержательное основание. Как уже говорилось, предмет философии целостен, но его сущность может рассматриваться с разных сторон, неодинаковых по своей глубине и имеющих разные проявления. Отражение фрагментов сущности и проявлений сущности может явиться основой для эмпирического, а отражение целостности, взаимосвязи отдельных сторон, тем более всех сторон сущности, может быть предметно-содержательным основанием для теоретического уровня философского знания. Что касается методов, средств познания, то они и в философии неодинаковы, а делятся на разные группы.

Сторонники одноуровневого (теоретизированного) представления о философии утверждают, что в философском мировоззрении при его разработке нет и не может быть эксперимента. Но нельзя отрицать, например, возможность участия философов-специалистов по философским вопросам естествознания в осуществлении каких-либо мировоззренчески значимых экспериментов. При изучении социальной действительности философу порой необходимо выходить на социальные эксперименты, организовывать их проведение или участвовать в их постановке. Причем это происходит без потери собственно философской направленности исследования. И все же эксперимент не составляет сколько-нибудь значительного фактора развития философии. Но такая особенность философско-мировоззренческого знания не дает основания отрицать его эмпирический уровень: эмпирическое хотя и связано с экспериментом, но не сводится к нему ни в естественных, ни в общественных науках. Если взять астрономию, то в ней, как известно, эксперимент не занимает значительного места, между тем эта наука имеет эмпирический

уровень, который формируется преимущественно посредством наблюдения. Да и в истории биологии, физики были периоды, когда развитие эмпирического знания было связано главным образом с использованием наблюдения и описания, а не эксперимента.

Философское мировоззрение — и в этом его специфика по сравнению с естествознанием — в целом не является экспериментальным знанием. Однако в процессе своего формирования оно широко опирается на наблюдение. Индивид, вырабатывающий мировоззренческие понятия и установки, а тем более специалист-философ осуществляют наблюдение природы, общества, познания, «поведение» действительности, изменения субъектно-объектных отношений, свое индивидуальное бытие, свои переживания бытия и т. п. Они размышляют над жизненным опытом отдельных людей, над историческим опытом человечества, над опытом познания природы и общества, производят сопоставления получаемых данных, интерпретируют эти данные, выдвигают на этой основе мировоззренческие предположения, философские догадки. Будучи центральным звеном, наблюдение сочетается с индукцией и дедукцией, анализом и синтезом, описанием и объяснением. Само размышление в ходе наблюдения и в последующем осуществляется путем умозрения, а выдвижение догадок происходит благодаря включению интуиции субъекта.

Основной логической формой выражения мировоззренческого знания на том его уровне, который мы пока называем эмпирическим, выступает, как и в частных науках, факт; только факт этот не «научный факт», а «философский факт», «факт мировоззренческий»¹. В философском факте заключено исходное философско-мировоззренческое обобщение. Появившаяся первичная информация мировоззренческого характера подлежит дальнейшему обобщению, ведущему к развитию отдельных категорий мировоззрения.

Явления действительности сами по себе не выступают в качестве философских фактов, знание о них должно быть подвергнуто философской интерпретации, чтобы

¹ Разные аспекты философских фактов рассматриваются в работах: Алексеев М. Н. Предмет и структура марксистской философии. М., 1973. С. 104, 107 и др., Сагатовский В. Н. Философия — категориальная основа мировоззрения // Предмет философии и система философского знания. Челябинск, 1981. С. 88—89; Жбанкова И. И. Философские принципы в научном познании. Минск, 1974. С. 106—107; Мартынович С. Ф. Факт науки и его детерминация. Саратов, 1983.

стать философским знанием, элементом самого философского мировоззрения и в этом смысле одним из звеньев философской теории. Так, диалектико-материалистическая философия обосновывает тезис о закономерном, материальном характере скачков в природе, об эволюционно-количественной предпосылке качественных переходов, о материальных противоречиях как движущей силе и эволюционного и революционного социального развития. В понимании скачкообразных изменений в марксистской философии отражены ее важнейшие идеи и в первую очередь взаимосвязь принципа материального единства мира и принципа развития. Именно это теоретическое и общеметодологическое положение в применении к оценке качественных изменений социальных материальных систем позволяет сформулировать мировоззренческий факт взаимосвязи и взаимозависимости эволюции и революции и включить данный факт в качестве составного элемента в теорию развития мира. В качестве философских фактов выступают многие другие положения: «способ производства — материальная основа общества», «причина есть взаимодействие», «главный критерий истины — практика» и т. п.

Следует подчеркнуть, что «философский факт» — это именно знание, а не какой-то материальный феномен. Исходя из рациональных моментов, имеющих в литературе, можно сформулировать следующее определение: философский факт — это такое знание, которое выражает какой-либо момент, фрагмент в предмете философии и вносит новое в обоснование и развитие философского мировоззрения и философской методологии.

Репрезентация отдельных фрагментов, моментов предмета философского мировоззрения — важнейшая особенность философского факта.

Вторая его особенность (в отличие от естественных наук) — разнообразие источников формирования. Факты естественных наук (физики, биологии, химии, астрономии и др.) опираются на относительно гомогенный источник. Физика элементарных частиц или физическая химия, несмотря на внутреннюю сложность и разнокачественность поступающей информации, в общем-то «заземлена» информацией о своем конкретном материальном предмете изучения, представляющем часть природной действительности. Философское мировоззрение имеет дело с качественно иным источником формирования философских фактов. «Элементы фактуального базиса фи-

лософии существенно гетерогенны по содержанию и включают в себя результаты практического и теоретического, научного и художественного и других способов освоения человеком действительности»¹.

Следует обратить внимание на то, что марксистское мировоззрение связано с живой действительностью не только непосредственно, но и опосредованно, через систему частных естественнонаучных и общественнонаучных теорий².

По своему отношению к теории философские факты могут иметь разную степень существенности, в связи с чем их можно подразделять на фундаментальные и частные.

Факты лежат в основе теории, служат основой постановки новых проблем мировоззрения и одним из важнейших условий дальнейшей разработки традиционных мировоззренческих проблем. Но их значение не следует абсолютизировать; это может привести к недооценке самостоятельности и ведущей роли теории. Факты всегда остаются фактами, даже если они — звенья теории. «Факты констатируют объективное существование, а теория объясняет причины существующего»³. Не факты сами по себе, а знание теории и фактов вооружает человека миропониманием, помогает ему объяснить реальность и выступить активной материальной силой. Абсолютизация фактов в системе мировоззрения или при формировании мировоззрения ведет к расплывчатости мировоззренческих установок, к снижению деятельностных возможностей индивида.

Переоценка фактов способна упустить из виду неточные факты и даже псевдофакты, которые могут появляться подобно естественнонаучным фактам и в сфере мировоззренческого знания. Сложность выработки точных фактов требует не только особого внимания к достижению адекватности философского факта тем фрагментам действительности, которые он призван отразить, но также

¹ Лебедев С. А., Лазарев Ф. В. Ф. Энгельс о природе философского знания // Вестник МГУ. 1983. № 4. С. 22.

² Важную роль при этом играет естественнонаучная картина мира. См.: Мостепаненко М. В. Философия и физическая теория. Л., 1969; Мостепаненко М. В., Ильин В. В., Кармин А. С. Диалектика развития физики // Материалистическая диалектика. Т. 3. Диалектика природы и естествознания. М., 1983; Дышлевый П. С., Яценко Л. В. Научная картина мира и мир культуры // Научная картина мира. Логико-гносеологический аспект. Киев, 1983.

³ Мерзон Л. С. Проблемы научного факта. Л., 1972. С. 48.

и к строгости истолкования наблюдаемых отношений, явлений в рамках мировоззренческой теории. Факты должны отвечать критерию проверяемости; они могут уточняться, корректироваться и в аспекте мировоззренческого знания, в рамках конкретных, индивидуальных мировоззрений, и в теоретической системе философии в целом.

Философский факт, будучи зависимым от целостности мировоззренческого характера, в то же время относительно самостоятелен по отношению к системе мировоззренческих представлений. В генетическом плане он испытывает мощное воздействие прежде всего от исходного материала самой объективной реальности, которую ему предстоит освоить. В этом отношении философские факты составляют внутреннее основание философской теории, которая должна опираться на факты, приводить их в систему, объяснять систему фактов.

Теоретический уровень мировоззренческого знания состоит из теорий разной степени общности. Наиболее близким к философским фактам оказывается подуровень, соотносимый с отдельными категориями (диалектического материализма, исторического материализма, общей этики, теоретической эстетики и др.). В последние десятилетия широко разрабатывались теории причинности, целостности, системности, теории времени, пространства и т. п. Был поставлен вопрос о создании теорий отдельных категорий.

Если взять такой раздел философско-мировоззренческого знания, как диалектический материализм, то следующим «этажом» теоретического уровня явится целый комплекс категорий, составляющий общетеоретические принципы: материалистического монизма, детерминизма, развития, познавательного отражения и др. Каждый из этих принципов развернут в теорию: в учение о материи, детерминации, развитии и т. п.

Третьим подуровнем теоретического уровня диалектического материализма выступают онтология, теория познания и диалектическая логика. Подобно тому, как в онтологии выявляется соотношение мировоззренческих общетеоретических принципов: материального единства мира, развития и детерминизма (аналогично и в теории познания, и в диалектической логике), так и на уровне целостной теории диалектического материализма — а это уже новый уровень систематизации — раскрывается соотношение онтологии, гносеологии и диалектической логики. Здесь становится возможной систематизация всего множе-

ства категорий диалектического материализма, формирование базовых, частных и производных систем диалектического материализма.

Таковы уровни теоретического знания в диалектическом материализме. В своей взаимосвязи они дают единую, хотя и иерархизированную, разнорядковую теоретическую конструкцию этой философской дисциплины. Нечто подобное можно обнаружить в историческом материализме, в теоретической эстетике и других философских дисциплинах. Наиболее общим, заключительным звеном в системе теорий марксистской философии является теория философского знания или, как ее предлагает назвать Й. Гонди¹, «теория философии». Здесь кардинально меняется характер и направленность теории: из предметно-содержательной, нацеленной прежде всего на отражение сущности предмета философского мировоззрения, какой она была, в особенности на первых трех подуровнях, она превращается главным образом в метатеоретическую, исследующую логическую структуру философского знания, способы его построения, мировоззренческие и методологические функции, отношение к науке, идеологии, искусству и т. п. Здесь решается вопрос о критериальных признаках философских категорий, о возможности включения того или иного общенаучного понятия в состав философских категорий и т. п. Наличие теорий разной степени абстрактности в составе теоретического философского знания позволяет осуществить разноуровневое и разноаспектное отражение предмета философии, воспроизвести эту сложность в системе разнообразных понятий, принципов и законов.

Как отмечает С. Ф. Мартынович, теория в науке создается не просто для описания непосредственно наблюдаемых явлений или объяснения и предсказания фактов. Цель теории состоит прежде всего в отражении сущностных связей, выступающих инвариантом всех возможных проявлений сущности. Теория — это система категорий и законов, отображающая в своей структуре сущность предмета исследования в целом, целостную структуру. Факты же науки призваны сохранить единство движения мысли от явления к сущности². Теория в составе философского

¹ См.: *Gondi J. A marxista filozófiatanról mint a marxista-leninista filozófia kialakulóban levő ágazatáról*//*Mag filozofiai szemle*. Budapest, 1982. Evf. 26. № 2.

² См.: *Мартынович С. Ф. Факт науки и его детерминация*. Саратов, 1983. С. 91—92.

мировоззрения отвечает признакам научной теории вообще.

Последнее основание разделения научного знания на эмпирический и теоретический уровни — характер деятельности — также применимо к философии: на уровне формирования философских фактов эта деятельность состоит в применении всеобщих категорий, а на теоретическом — в разработке философского категориального аппарата.

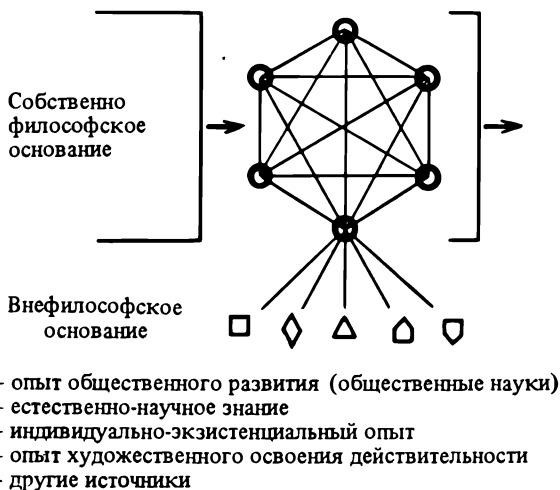
Наше предположение о наличии в структуре философского знания по аналогии со структурой знания частнонаучного двух уровней — эмпирического и теоретического — оказывается не беспочвенным. Но при этом возникает трудность терминологического порядка.

Эмпирическое в науке традиционно связывалось с экспериментом. Философия же, как отмечалось выше, в целом не экспериментальная наука. Она базируется в основном на умозрении, размышлении, понимании, связанных, помимо прочего, с наблюдением в «живом созерцании». Философское наблюдение отличается от наблюдения физического, биологического, астрономического своим интерпретаторско-мировоззренческим, аксиологическим подходом (в отличие от регистрирующе-констатирующего подхода естествознания). Оно во всех случаях «замыкается» на проблеме человека и проблеме мира в целом, на понимании, осуществляемом в этом ракурсе. «Эмпирия» специалиста-философа, как и индивида, размышляющего над проблемами мировоззрения, это не эмпирия в смысле, установившемся в естествознании. И терминологически, и по сути дела будет правильнее квалифицировать соответствующий уровень философского знания как-то иначе. Наиболее приемлемым представляется термин «фактуальный» как соотносимый с комплексом специфически философских фактов.

Помимо различения двух уровней мировоззренческого знания и познания — фактуального и теоретического — имеет смысл проводить более строгое разграничение между философским знанием и его внефилософскими основаниями.

Философское знание в своем развитии опирается на два рода оснований: собственно философские и внефилософские. К собственно философским предпосылкам (основаниям) относятся все философские факты и теоретические обобщения, имеющиеся в истории философии и способные содействовать приращению философского зна-

ния; сюда же относится имеющееся в общественном сознании и у философов знание о мире в целом и об отношении человека к этому миру. Внефилософский базис мировоззрения дифференцирован. Если представить философское знание в виде системы категорий и включенных в них философских фактов и выделить какую-либо одну из категорий, соотнося ее с источниками формирования ее содержания, то можно составить такую схему (рис. 3):

Если для естествознания одним из важнейших оснований развития служит философия, то для научной философии одним из главных оснований развития (но не единственным) является естествознание¹.

Опираясь на внутри- и внефилософские основания, философы разрабатывают содержание отдельных категорий; изменение содержания одной из категорий ведет к изменению содержания других, с нею связанных; результат — общее развитие содержания всей системы категорий. На базе тех или иных источников философы могут формировать новые категории (как, например, К. Маркс — категорию «общественно-экономическая формация»). Включаясь в состав уже имеющихся, новая категория меняет структуру системы категорий и оказывает влияние своим содержанием на содержание остальных. Так интен-

¹ См., например: Сивоконь П. Е., Леонтьев В. М. Роль естествознания в развитии общественных наук. М., 1976.

сивное развитие отдельных категорий оказывается сопряженным с экстенсивным развитием всей их системы.

Что касается естествознания, философская мысль направлена и на теории разной степени общности, и на естественнонаучные факты. Опосредованный путь к этим фактам — через теории — не единственный. Для философов не закрыт и прямой выход к естественнонаучным фактам, предполагающий формулирование каких-либо философско-умозрительных предположений об их значении для естественнонаучных теорий. Критически-конструктивной философской рефлексии должны подвергаться любые феномены естественнонаучного знания. Подобным же образом относится философия и к общественным, гуманитарным, медицинским, сельскохозяйственным и техническим наукам. Гносеологический подход к ним неотрывен от задачи соотнесения их феноменов с объективной реальностью, которую они призваны адекватно отражать. Для философа должен быть всегда открыт непосредственный выход к конкретным социальным и природным явлениям (как и к обыденной жизни). Ограничение деятельности философа только обобщением теорий частных наук, как это имеет место в одноуровневой концепции философского знания (в «пирамидальном» ее оформлении), может породить, и порой порождает, недооценку философского знания, эвристических возможностей марксистско-ленинской философии. Подобная ориентация философской деятельности — это еще не отрыв от жизни, но сужение контактов с ней.

Между тем такие контакты, глубокое проникновение философской мысли в практику содействуют не только развитию частнонаучного знания, но и расширению самой мировоззренческой проблематики, обогащению содержания категорий диалектики. Марксистская диалектика, отмечает В. Г. Афанасьев, «существует в определенной внефилософской среде. В этой среде диалектика находит собственное эмпирическое, теоретическое и практическое обоснование, черпает материал для конкретизации, уточнения, совершенствования и развития присущих ей компонентов, структуры, функций, служит основанием для введения в самое себя новых элементов и их взаимосвязей, новых функций»¹. Постоянно ощущать пульс живой жизни — главная предпосылка творческого развития матери-

¹ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 112.

листической диалектики. Именно это и выражает Программа КПСС, нацеливающая философов на более углубленную разработку аксиологического (ценностного) и социологического аспектов материалистического мировоззрения.

Внефилософское основание развития мировоззрения (философии) нередко называют «эмпирическим базисом философии». Можно, конечно, употреблять и данное выражение, учитывая соотносительный момент «эмпирического» и «теоретического»: теоретическое в одной системе отсчета способно становиться эмпирическим в другой. Но связывать понятие «эмпирическое» с теориями квантовой физики, генетики или математики даже в аспекте их отношения к философии вряд ли уместно. Соотносительность может превратиться в релятивизм, если не будет иметь своих границ. Придание статуса эмпирического естествознанию пусть и в очень узких пределах может актуализировать натурфилософские тенденции, что противоречит научности марксистского мировоззрения. Кроме того, теоретическое независимо от каких-либо изменений в системе отсчета само по себе, в своей определяемости сущностью предмета отражения, всегда теоретично. Вследствие этого выражение «эмпирический базис философии» нуждается в изменении. Можно использовать, например, выражения: «естественнонаучное основание мировоззрения», «общественнонаучное», «индивидуально-экзистенциальное», «социально-политическое основание» и т. п. Философское мировоззрение в своем развитии у индивидов, классов и общества имеет духовные и материальные «предпосылки». Все это может быть объединено каким-то одним понятием. Не имея пока более удачного, можно, по-видимому, употреблять выражение, которые мы и используем — «внефилософский базис мировоззрения». Если внутрифилософские предпосылки вбирают в себя уже имевшуюся ранее информацию мировоззренческого характера как в индивидуальном плане, так и в историко-философском, то «внефилософское основание» охватывает все источники, находящиеся за пределами философии и служащие формированию или разработке философского мировоззрения.

Научное творчество К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина дает пример тесной связи философской мысли с социальной и природной действительностью, с многообразным научным знанием, в своих понятиях и законах отображающим те или иные стороны этой действитель-

ности и дающим (даже при наличии конкурирующих теорий) достоверное знание. Мировоззренческие обобщения основоположников марксизма немыслимы были без опоры на частнонаучный материал и факты реальной жизни. Что же получится, если специалист-философ отстранится от задачи по размышлению над таким материалом? Бессодержательная беллетристика¹. И хотя эти слова Ф. Энгельса касаются отдельного философа, они имеют, на наш взгляд, и непосредственное отношение ко всем, стремящимся не только развивать философию, но и формировать у себя современное научное мировоззрение.

В то же время переоценка внефилософского основания ведет к тому, что разработка собственно философских проблем замедляется и может прекратиться вовсе. К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали некоторых представителей естественнонаучного материализма, претендовавших на новые открытия в мировоззренческой области, за то, что они, ассимилируя большой материал частных наук, не давали, по существу, ничего нового и не помышляли о том, чтобы развивать дальше мировоззрение. Опираясь на многочисленные работы физиков, математиков, экономистов, представителей других наук, основоположники марксизма не ограничивали свою задачу тем, чтобы как-то резюмировать их содержание; они развертывали на их основе философские обобщения, устанавливали новые философские факты и развивали дальше философскую теорию.

Итак, в своей структуре философско-мировоззренческое знание имеет два уровня — уровень фактуального знания (познания) и уровень теоретического знания (познания). Внефилософские основания мировоззрения находятся за пределами не только теоретического, но и фактуального уровня. Они многообразны, и тесная опора на эти основания является важнейшим путем формирования и развития научно-философского мировоззрения.

Рассмотрение вопросов об уровнях освоения действительности в философии и о средствах философского познания выявляет основные структуры познавательных циклов в философии — на фактуальном и теоретическом уровнях познания. На первом, фактуальном уровне этот цикл складывается из следующих звеньев: Философская проблема (или какая-либо ее сторона, конкретная задача) → Поисковая ситуация → Философское наблюдение → Интуитивный процесс → Философская догадка

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 514.

(идея предположение) → Обоснование догадки → Достоверное фактуальное положение, т. е. философский факт. На втором, теоретическом уровне философского познания основная структура познавательного цикла имеет примерно следующую схему: Философская проблема → Поисковая ситуация (как необходимость в объяснении философских фактов) → Интуитивный процесс → Философская догадка (идея, предположение, связанные с решением проблемы) → Обоснование догадки → Достоверное теоретическое положение (их система, теория, концепция).

Если теперь вернуться к самой общей схеме познавательного цикла в науке (В. Черника), то применительно к философии цикл познавательной деятельности будет складываться из трех фаз — фактуальной, теоретической и праксеологической (духовно-практической) и связываться с практикой: $P_1 \rightarrow \Phi \rightarrow T \rightarrow ДП \rightarrow P_2$.

Изложенный материал приводит к выводу: многосторонние связи философии с жизнью, с социальной и природной действительностью, глубокие и разнообразные знания о явлениях и процессах действительности, в том числе духовной и практической деятельности людей, являются необходимым условием продуктивной работы философов-марксистов.

Г Л А В А 6. СТРУКТУРА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Логическая структура философского знания аналогична логической структуре любой науки. Ее основными компонентами являются: 1) теоретические принципы, 2) законы, 3) методологические принципы, 4) категории.

Принципы материалистической диалектики — это прежде всего теоретические принципы. Их следует отличать от методологических принципов (правил-норм, регулятивов). В диалектическом материализме имеется целый ряд таких теоретических принципов: материального единства мира, развития, детерминизма, отражения и др. Принцип в этом смысле есть теория, а их взаимосвязь образует целостную теорию диалектического материализма.

В каждой из теорий диалектического материализма есть центральное положение. В нем концентрируется сущность соответствующей теории. Стержневое положение, играющее определяющую роль по отношению ко всем остальным положениям в системе данной теории, высту-

пает как принцип-положение. Как справедливо подчеркивал П. В. Копнин, такой принцип (принцип-положение) является исходным в построении той или иной теории; он выполняет строго определенную функцию — служит объединяющим центром всех входящих в данную теорию понятий; одна теория отличается от другой прежде всего своим исходным принципом, который определяет ее название.

Категории — это наиболее общие, философские понятия («противоположность», «качество», «истина» и др.). Они служат формой выражения других элементов диалектики. Вне и помимо категорий нет ни законов, ни методологических положений, ни принципов. Каждый закон есть определенная взаимосвязь категорий (например, отношение категорий «количество», «качество», «мера», «скачок» в законе перехода количества в качество).

На эту тесную взаимообусловленность приходится обращать внимание прежде всего потому, что в ряде учебников встречается жесткое противопоставление: сначала следует раздел «Законы диалектики», затем — «Категории материалистической диалектики». Если бы одновременно разъяснялось, что речь идет об относительно самостоятельных элементах диалектики, что законы выражаются в категориях (в том числе в парных, соотносительных), то это подразделение в какой-то степени было бы оправданным. Но такое структурное подразделение порой трактуется как факт, не требующий обоснования и пояснений. Может возникнуть представление, будто законы существуют вне категорий, а категории составляют узкую группу содержательных элементов диалектики, структурно расположенных где-то между принципом развития и принципом отражения. В настоящее время такое противопоставление законов и категорий преодолевается, но до конца не изжито.

Каждая философская категория, отражающая какую-либо всеобщую сторону (или свойство) действительности, отражает ее не в «чистом» виде, не вне отношения этой стороны к какой-то другой, а именно с данным отношением. Поскольку же имеется отношение, притом необходимое, устойчивое, повторяющееся, постольку есть и закономерность. Вследствие этого каждая из категорий имплицитно содержит в себе закон (например, категория «качество», «содержание» и т. п.).

Существенное различие между категорией и законом как логическими структурными элементами можно усмо-

треть в том, что если в законе акцент делается на самом отношении, то в категориях — на носителях, сторонах этого отношения. Но противопоставлять категории и законы (несмотря на их отличие друг от друга) нельзя.

Категории суть понятийная основа, логическая форма выражения и законов, и теоретических принципов. Принцип выражается и в законах, и в категориях, а поскольку каждый познавательный закон — отношение категорий, то можно считать, что общей формой выражения теоретического принципа являются категории. Если же взять методологические положения в качестве логического элемента диалектики, то окажется, что форма их выражения отнюдь не законы (хотя часть этих положений в модифицированном виде выражает законы), а категории. Следовательно, по сравнению с принципами, законами, методологическими положениями категории имеют всеобщее значение. В этом смысле их можно квалифицировать как универсальный элемент материалистической диалектики.

В последнее время интенсивно разрабатывается вопрос о методологических принципах построения систем категорий диалектического материализма, преимущественно базового, исходного типа. Наиболее результативными оказываются при этом принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип единства диалектики, логики и теории познания, принцип единства логического с историческим, принципы «круга кругов», триадичности («принцип триад»), «от общего — к частному» и др.

Бесконечность объекта философии в пространстве и времени, всеобщность его характеристик, неразрывность противоположных сторон в самой материальной действительности не позволяют, опираясь лишь на реальные факты, определить, какая из двух взаимосвязанных сторон действительности «первична». Поэтому при их изучении, изложении знаний о них нужно определять, с чего начинать изучение (изложение) двух сторон, т. е. что из них принимать (временно) за «первичное», что — за «вторичное».

Одним из методологических принципов, позволяющих решить эту задачу и построить своего рода структурные блоки, является принцип единства логического и исторического.

В истории философии («историческом») первоначально возникает категория «качество» (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, Гераклит), затем — «количество» (пифагорейская школа), наконец, — «мера» (Эмпедокл, Анаксагор, Аристотель). Дальнейший анализ этих категорий в истории философии, обнаруживает, что последовательные ступени развития

познания (движение от качества к количеству, затем к мере) повторяются снова, но на более высокой основе, с последующим углублением и обогащением соответствующих категорий¹. В итоге в «логическом» получается группа категорий в определенной последовательности (структурный категориальный блок): качество — количество — мера.

Принцип единства логического и исторического приводит к важным результатам. Но иногда допускается абсолютизация соотношения логического и исторического в производных аспектах: объективно-материальная основа соотношения логического и исторического недооценивается или элиминируется, а противостоящими друг другу оказываются два духовных феномена — познавательно-логическое и познавательно-историческое. «Историческое» предлагается в виде некоей историко-философской схемы, матрицы, по образу и подобию которой можно якобы строить не только отдельные группы категорий, а все категориальные блоки и всю систему категорий. Получается, что «логическое», т. е. современная структура категорий материалистической диалектики, должно отражать не реальную структуру объекта (предмета) философского исследования, а структуру процесса исторического познания; критерием истины познания становится само же познание. В результате недооценивается современный уровень познания и практики, а ограниченность исторического познания возводится в абсолют. Помимо указанного, такое понимание принципа совпадения логического и исторического не решает многих задач. Например, логика предмета требует исходить из понятия материи, однако исторически это понятие приобретает классическую форму лишь в трудах В. И. Ленина, т. е. после оформления категорий «качество», «количество», «мера» и др.; основные законы диалектики приобретают свою зрелую форму в трудах Гегеля, т. е. одновременно; историческое здесь не может наметить путь логическому, более того, оно ведет к искусственному отрыву понятий «движение», «качество» и других от понятия «развитие».

Позволяет решать проблему «первичности — вторичности», причем без обращения к историко-философской последовательности категорий, и принцип триад. Его сущность состоит в подчинении категорий-пар третьему понятию. Например, «вещь» есть и «сущность», и «явление».

Применяя принцип триад к выяснению структуры группы парных соотносительных категорий, составляющих

¹ См.: Категории диалектики как ступени познания. М., 1971. С. 155—156.

неосновные законы диалектики (в рамках детерминизма), можно обнаружить, что «причина» и «следствие» подчинены «необходимости», «действительность» и «возможность» — «причине» и т. д.

Оба принципа (единства логического и исторического и триадичности) требуют дополнения со стороны принципа «круга кругов» (или движения мысли вперед с возвращением назад).

В наших учебных пособиях, как правило, используется однолинейное движение мысли. Если, например, рассматриваются пары категорий «необходимость—случайность», затем «причина—следствие», то после причины—следствия не воспроизводится путь в обратном направлении, в то время как он может отличаться от первого. Сказанное относится и к основным законам развития, к выявлению их субординации. Методически это оправдано, однако следует иметь в виду, что в научном плане такой способ ограничен. Да и в учебных пособиях, там где это возможно, желательно дополнять однолинейный подход принципом «движение мысли вперед с возвращением назад», требующим периодического возвращения к уже пройденным категориям, выявления структурных связей и на обратном пути. Вот две схемы (рис. 4): 1) структура однолинейная и однонаправленная и 2) структура «круга кругов»:

Вторая схема имеет преимущество перед первой, так как при такой структуре более эффективно разрешается проблема «первичного—вторичного» и, следовательно, более адекватно отражается реальная взаимосвязь всеобщих сторон действительности, нет потери информации, неизбежной при первой схеме.

Первая схема, характерная для изложения основных законов диалектики, в информативном отношении более всего обедняет закон единства и борьбы противоположностей (если он ставится первым), так как его изложение не использует информацию о двух других законах. Этот закон здесь фактически недооценивается. При однолинейном варианте он больше выигрывает, когда замыкает цепь, т. е. когда его ставят не на первое, а на третье место.

Принцип «круга кругов» позволяет строить изложение основных законов диалектики в любом порядке. Главное состоит в том, чтобы было выдержано круговое движение мысли, обозначенное второй схемой (этот принцип, к сожалению, еще не используется в структуре учебников по диалектическому материализму).

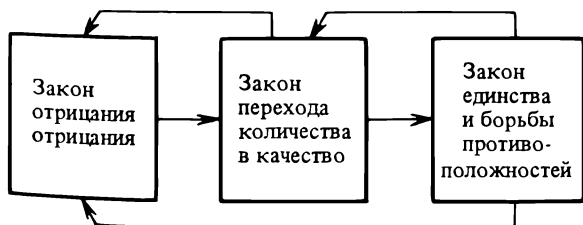
Вопрос о начальном и заключительном звеньях группы («блока») основных законов диалектики при использовании принципа «круга кругов» должен решаться каждый раз конкретно, в зависимости от характера познавательной задачи. Так, если проводится исследование только этих трех законов, то их изучение и изложение возможно в любых вариантах (схема 2). Если же строится исходная, базовая система категорий, то варибельность неправомерна. В этом случае необходимо учитывать место данного блока законов (блока «блоков категорий») в единой системе. В нашем случае он следует за блоком категорий, образующих принцип материального единства мира, и стоит перед группой неосновных законов диалектики.

Для раскрытия структуры этого блока следует также «подключить» принцип «от общего — к частному», тогда по пространственной и временной масштабности к принципу материального единства мира и его группе категорий ближе всего будет находиться закон отрицания отрицания, да и сама проблема развития, предвещающая рассмотрение законов, включает в себя категорию «прогресс», которая одновременно входит в блок категорий закона отрицания отрицания. Вместе с тем действительно главный закон — закон единства и борьбы противоположностей — более конкретен, детализован; от него идет прямая связь к соотносительным парным категориям детерминизма, являющимся его конкретизацией и дополнением.

В подтверждение мнения о возможности и целесообразности начинать изложение основных законов диалектики с закона отрицания отрицания можно сослаться на отношение к этому вопросу В. И. Ленина. В произведении «Карл Маркс», содержащем систематическое изложение марксизма, основные законы диалектики (после характеристики материального единства мира) изложены в такой последовательности: «закон отрицания отрицания» — «закон перехода количества в качество и обратно» — «закон единства и борьбы противоположностей».

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55.

Итак, блок основных законов материалистической диалектики в учебниках исходного, базового типа может быть представлен следующей структурой (рис. 5):

В выявлении общей структуры диалектического материализма ведущую роль играют принцип восхождения от абстрактного к конкретному и принцип единства диалектики, логики и теории познания.

Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой способ исследования, применение которого обеспечивает переход от абстрактного к конкретному знанию об объекте. Главное его назначение — раскрытие сущности, законов функционирования предмета¹.

«Абстрактное» в философской системе — это та или иная категория, простые и сложные блоки категорий (в том числе законы диалектики), подсистемы (отдельные аспекты основного вопроса философии, отдельные теории нашей философии), стороны, функции диалектического материализма, иначе говоря, всякая «выделенность», существующая, по словам Э. В. Ильенкова, «сама по себе», в своей относительной независимости от всего другого (в рамках целого).

Принцип восхождения в применении к построению системы категорий обеспечивает их последовательное развертывание в простые и сложные категориальные блоки, в подсистемы и в целостную систему. Это развертывание по своему характеру поступательно, имеет своим источником противоречия.

Важное требование, включаемое в принцип восхождения, состоит в том, что результат исследования должен совпадать с его началом. Правда, начало дается живым созерцанием, а результат — теоретическим познанием.

¹ См.: Готт В. С., Нарский И. С. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному и его методологическая роль // Философские науки. 1986. № 2.

Результат включает в себя начало в «снятом» виде. Проецируя результат на начало, мы приходим к выводу, что начало будет тем же предметом диалектического материализма, только взятым на ином уровне научного познания, а именно — на уровне первоначального о нем представления, на уровне живого созерцания, и в этом смысле на эмпирическом; соотношение категорий «материя» и «сознание» есть начало системы диалектического материализма¹.

Среди философов-марксистов, авторов учебников по философии нет ни одного, кто бы не начинал изложение диалектического материализма с соотношения категорий «материя» и «сознание», хотя бы в контексте темы «Предмет диалектического материализма». Иначе и не может быть, ибо того требует логика преподавания, изложения знаний о предмете. Поэтому нет оснований для преувеличения расхождений между позициями ученых, провозглашающих началом философии диалектического материализма категории «материя» или «бытие», «единичное» или «практика». Разные начала у них на словах, на деле — единый исходный пункт.

Однако если посмотреть на решение вопроса о «клеточке» философского знания, оценка будет иной.

Следует более четко разграничивать понятия «начало» и «клеточка» философской системы, более того, нужно строже определять уровни, плоскости их анализа, специфику критериев. Для «начала» критерием будет его совпадение с «концом», проекция теоретического уровня «конкретного» на его исходное познавательное основание. «Клеточка» же подчиняется иному критерию. Она есть часть, элементарный фрагмент целостности. Она есть «...самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся...»². Такой «клеточкой» буржуазного общества является товар³.

¹ Специфика «начала» в области философии по сравнению с другими науками состоит в том, что за исходный пункт здесь берется не нечто материальное, не конкретная единичная реальная вещь (как, например, товар в политэкономии) и не нечто духовное (как в психологической науке), а соотношение того и другого — соотношение материи и сознания.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

³ Анализируя исходную абстракцию восхождения в «Капитале» К. Маркса, В. А. Вазюлин указывает, что в ней отражается: 1) отношение предмета, которое дальше разложить нельзя, не выходя за рамки данного специфического предмета; 2) отношение, являющееся простейшим по сравнению с остальными сторонами изучаемого специфического предмета; 3) зародышевое противоречие, на основе которого и из кото-

Из сказанного видно, что «начало» не тождественно «клеточке», хотя каждое соотносимо с конкретно-целым, с результатом. Но первое отношение («начало» — «конец») есть отношение разных уровней познания об одном и том же, а второе («клеточка» — «результат») — это отношение части и целого, объективно-конкретного и основной «массовидной» его стороны. С этого (с «клеточки») начинается воспроизведение сущности конкретного как мысленно-конкретного, сам анализ отдельных его сторон и связей. Это предполагает переход от первично-синтетического представления об объекте (т. е. живого созерцания) на уровень сущностного анализа.

«Клеточкой» диалектико-материалистической системы категорий может быть категория «материя». К ней применимы все признаки, на которые указывал В. И. Ленин, называя «клеточкой» буржуазного общества товар. Категория материи характеризует основную ведущую сторону диалектико-материалистической философской теории. Пройдя этап осмысления предмета диалектического материализма на уровне живого созерцания и в теоретическом плане, категория «материя» способна нести в себе «полный заряд» своей противоположности (отношение к «сознанию», связь с ним), не позволяя субъекту исследования оперировать с ним в вульгарно-материалистическом духе. Подобного можно ожидать тогда, когда в качестве «начала» берется только «материя», ибо из такого «начала» будет всячески устраняться (впредь до особого случая) ее самый важный гносеологический признак — противоположность сознанию.

Вопрос о том, что считать «началом», а что «клеточкой» общей структуры, есть отнюдь не малосущественный вопрос, сводимый только к акцентам или терминологическим выражениям. От его решения зависят характер, направление восхождения от абстрактного к конкретному.

Категории «клеточка» и «начало» связаны между собой главным образом через «результат» восхождения, через мысленно-конкретное (иначе говоря, через реальное сущностно-конкретное). Само «начало» служит своеобразным ориентиром, ведущим исследование от одного отношения

рого вырастают все другие отношения данного предмета; 4) исторически первичное отношение предмета; 5) простейшее отношение предмета и, следовательно, некоторая совокупность различных многообразных сторон (см.: Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С. 32—33).

к другому, постоянно углубляя первоначальное внешнее представление об основном отношении объекта; исследование противоречий вширь сочетается с движением вглубь, идет от сущности первого порядка к сущности второго порядка вплоть до теоретического воспроизведения основной сущности, основных законов объекта. При любом направлении движения — экстенсивном или интенсивном — мысль опирается на «начало» и «клеточку», обогащая их различными определениями. Благодаря включению их в каждую ступеньку восхождения любая часть, сторона системы философских категорий не теряет философичности, связи с целым, с основным вопросом философии в его диалектико-материалистическом воспроизведении.

Итак, при помощи принципа восхождения от абстрактного к конкретному могут быть определены важнейшие моменты структуры диалектического материализма — ее «начало» и «клеточка».

Весь путь восхождения, вся сложная структура диалектического материализма, процесс разворачивания его содержательных элементов преследуют главную цель — конкретизировать, обогатить диалектико-материалистическое представление о соотношении материи и сознания, выявить закономерности такого соотношения, раскрыть всеобщие законы развития мышления и бытия.

Принцип восхождения требует подчинения задачи каждого этапа исследования общей задаче наиболее глубокого, полного выражения материалистического решения основного вопроса философии и всеобщих диалектических законов движения и развития.

Никакой другой структурообразующий принцип, взятый в отрыве от принципа восхождения, не в состоянии успешно решить задачи, реализовать свои возможности. Все они лишь дополнения принципа восхождения, точнее, его моменты. Исключение составляет только принцип единства диалектики, логики и теории познания, который определяет общее направление восхождения от абстрактного к конкретному, структурные части (подсистемы) диалектического материализма и их субординацию.

Принцип единства диалектики, логики и теории познания в применении к системе диалектического материализма, как уже отмечалось, требует выявления структурного единства материалистической диалектики, совпадения диалектики, логики и теории познания, и в то же время — их структурной специфичности, несовпадаемости. Этот принцип требует также определенной, однозначной субор-

динации рассматриваемых разделов: онтология должна быть определяющей, первичной по отношению к гносеологии и диалектической логике, а гносеология — по отношению к логике. Структура диалектического материализма вследствие этого имеет такую последовательность: 1) общая теория диалектического материализма; 2) гносеология (диалектика как теория познания); 3) диалектическая логика (диалектика как логика).

Общая теория, в свою очередь, подразделяется на введение (предмет диалектического материализма, предпосылки возникновения марксистской философии, характерные черты диалектико-материалистической философии и т. п.), общетеоретический принцип материального единства мира, принцип развития и принцип детерминизма. Разделение указанных принципов в известной мере условно и определяется прежде всего соображениями методического характера. По существу, принцип материального единства мира немыслим без принципа развития и принципа детерминизма, выступающих его важнейшими сторонами.

ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА МИРА. МАТЕРИЯ И ФОРМЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ГЛАВА I. «МАТЕРИЯ» — ИСХОДНАЯ КАТЕГОРИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В любой исторической форме материализма, а тем более в наиболее последовательной, каковой является философия диалектического материализма, категория материи занимает центральное место и служит исходным пунктом в изложении сущности диалектико-материалистического понимания мира. Фактически все учение диалектического материализма направлено на раскрытие содержания понятия материи, на доказательство материальности мира. Категории движения, пространства, времени, системности, отражения не могут рассматриваться как категории, имеющие самостоятельное значение вне связи с категорией «материя». Они выступают как категории, в которых раскрываются основные атрибутивные свойства материи. Учение о материи определяет мировоззренческую и методологическую направленность всего диалектического материализма.

В понятии «материя» сконцентрирован весь опыт практического и теоретического освоения мира человеком. Эволюция представлений о материальности мира на базе достигнутых наукой знаний о его свойствах, закономерностях, структурных особенностях и формах движения в значительной мере определяла и возникновение основных исторических форм материализма. Поскольку понятие «материя» непосредственно входит в формулировку основного вопроса философии, оно одновременно оказывается и в центре непримиримой борьбы материализма и идеализма в истории философского мышления.

Можно утверждать, что критерием приемлемости учения о материи и ее основных атрибутивных свойствах является его способность последовательно отстаивать принцип материального единства мира при объяснении всех окружающих нас предметов и явлений, а последнее тождественно последовательному проведению материали-

стического решения основного вопроса философии. При изучении категорий, входящих в настоящий раздел, всегда важно отдавать себе отчет в том, что та или иная категория вносит в последовательное проведение принципа материального единства мира. Только при таком подходе к изучению материала II раздела можно получить более или менее целостное представление о диалектико-материалистическом учении о материи и основных формах ее существования и понять глубокую связь категорий материи, движения, пространства, времени, системности и отражения. Такой подход в дальнейшем поможет и лучше понять смысл ленинской установки на необходимость синтеза принципа материального единства мира с принципом развития, раскрытию содержания которого будет посвящен следующий раздел работы.

§ 1. Ленинское определение материи; его сущность и значение

Решение задач, которые стояли перед В. И. Лениным при анализе кризиса естествознания, предполагало разработку нового определения материи. Требовалось, во-первых, чтобы это определение обобщало новейшие достижения науки и позволяло отстоять материалистические философские основы научного знания. Во-вторых, понятие материи должно было быть достаточно широким для того, чтобы быть приложимым к философскому истолкованию сущности не только природных явлений, но и общества. В-третьих, оно должно быть в то же время достаточно определенным, чтобы с его помощью можно было проводить жесткую грань между философией марксизма и всеми формами идеализма и агностицизма. Кроме отстаивания материалистической линии в философской методологии науки перед В. И. Лениным непосредственно стояла задача критики современных форм идеализма.

Среди принципов, на которые опирался В. И. Ленин, давая свое определение материи, можно выделить следующие. Во-первых, новое определение должно было иметь органическую связь со всей материалистической линией в философии, служить развитием взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о материальности мира, т. е. в его основе должно было лежать материалистическое решение основного вопроса философии. Во-вторых, нужно было отказаться от попыток определения материи посредством подведения последнего под более широкое понятие.

В основе определения понятия материи, по Ленину, должно лежать противопоставление другому столь же предельно широкому понятию, понятию сознания. «Это — предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду *всегда* возможных изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология»¹.

Решая выделенные выше задачи и опираясь на указанные принципы, В. И. Ленин сформулировал новое определение материи: материя есть «объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им»².

При поверхностном взгляде может сложиться ошибочное мнение, что понятие материи определяется здесь путем подведения его под более широкое понятие — понятие объективной реальности. На самом деле в определении нет и намек на такой подход. Понятия «материя» и «объективная реальность» в ленинском определении выступают как синонимы. Любое родо-видовое определение понятия материи В. И. Ленин исключает. Что же в таком случае лежит в основе ленинского определения? В его основе лежит противопоставление категории материи другой столь же широкой категории философии — категории сознания. Основным признаком материи как объективной реальности выступает свойство «существовать независимо от сознания». Материальным является то, что противостоит сознанию, отображается сознанием, существуя независимо от него. Почему же Ленин противопоставляет понятие материи именно категории сознания, а не какой-либо другой философской категории? Ответ на этот вопрос вытекает из неразрывной связи ленинского определения материи с материалистическим решением основного вопроса философии. Именно то, что категории материи и сознания входят в формулировку последнего, и позволяет протипоставлять их друг другу. Такое противопоставление превращает определение материи в философское определение, в котором непосредственно не содержится ссылок на те или иные физические свойства материи, наши знания о которых всегда относительны.

Ленинское определение материи имплицитно содержит в себе материалистическое решение основного вопроса философии. Определение материи как объективной реаль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149.

² Там же. С. 276.

ности, существующей независимо от сознания, связано с признанием первичности материи по отношению к сознанию. Первичность материи и предполагает ее существование независимо от сознания. В этом отношении сознание вторично, производно от материи, оно является ее особым свойством. Материалистическое решение второй стороны основного вопроса философии находит отражение в признании того, что материя, объективная реальность, «дана человеку в ощущениях его», она «копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями»¹ или нашим сознанием, в целом будучи, следовательно, познаваемой.

В отличие от всех предшествующих материалистов В. И. Ленин делает особый упор на идею объективности, заключенную в понятии материи с самого начала ее возникновения. Идея субстанциальности в ленинском определении отходит как бы на второй план, хотя, как будет показано позже, характеристика материи как субстанции в диалектическом материализме не исключается.

Как связано ленинское определение материи с тем ее пониманием, которым пользовались К. Маркс и Ф. Энгельс? В «Диалектике природы» Ф. Энгельс, например, писал: «Вещество, материя, есть ничто иное как совокупность веществ, из которых абстрагировано это понятие»². Может сложиться впечатление, что Ф. Энгельс отождествляет материальность с вещественностью. Но в этом высказывании не определяется понятие материи, а только подчеркивается та мысль, что понятие материи есть абстракция от реально существующего многообразия вещей и что материя не может существовать помимо конкретных форм ее проявления. Указания через запятую на термины «вещество» и «материя» в этом контексте для того времени были оправданы, ибо никаких невещественных форм существования материи в тот период науке не было известно. Но даже в этой ситуации Ф. Энгельс понимал недопустимость отождествления материальности с набором известных науке физических свойств. В другом месте той же работы он писал, что обыкновенно принимается, что тяжесть есть наиболее всеобщее определение материи. Но материален ли эфир? Если он вообще есть, то он должен быть материален, должен подходить под

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 131.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 570.

понятие материи. Но он совершенно лишен тяжести¹. Что же заставило Ф. Энгельса поставить вопрос о материальности эфира вопреки отсутствию у него вещественного свойства тяжести? Ответ содержится в самих рассуждениях Энгельса: «Если он вообще есть, то он должен быть материальным...» А «быть вообще» фактически означает для Энгельса быть объективной реальностью, существовать независимо от сознания. Аналогичное контекстуальное понимание материи как объективной реальности хорошо просматривается у Энгельса в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», где он формулирует основной вопрос философии и дает определение материализму, а также в работе «Анти-Дюринг», где он обсуждает вопрос о материальном единстве мира.

Что же касается К. Маркса, то его понимание материальности лучше всего видно из распространения им материалистического решения основного вопроса философии на социально-исторические явления. Если бы К. Маркс сводил понимание материи к набору вещественных, физических свойств, то правильное понимание материальных основ жизни общества было бы весьма затруднительно. Общественное бытие он определяет не через выявление его вещественных свойств, а через противопоставление общественному сознанию, через выявление его первичности по отношению к общественному сознанию. Это означает, что контекстуально под материей он опять же понимает объективную реальность, первичную по отношению к сознанию.

И не случайно, что, обобщая достижения современного ему естествознания при разработке понятия материи, В. И. Ленин постоянно опирался на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. И если у К. Маркса и Ф. Энгельса понимание материи как объективной реальности носило контекстуальный характер, то В. И. Ленин дает явное определение понятия материи, выделяя ее важнейший признак: существовать независимо от сознания. Развитие В. И. Лениным диалектико-материалистических представлений о материи идет в русле материалистической линии в философии и логически вытекает из основных принципов материалистического понимания мира, развитых К. Марксом и Ф. Энгельсом. Определение материи, формулируемое В. И. Лениным, достаточно широко, чтобы давать мате-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 558—559.

риалистическое объяснение явлениям сознания и общественной жизни, и вместе с тем оно достаточно определено, чтобы проводить жесткую демаркационную линию между материализмом и всеми формами идеализма и агностицизма.

В. И. Ленин поясняет, какое сознание он имеет в виду, когда ведет речь о материи как существующей вне сознания: идея, дух, воля, психическое есть функции нормально работающего человеческого мозга. Любая попытка использовать «сознание» в другом смысле ведет к отказу от ленинского определения материи. Именно скрытый постулат о существовании единственного вида сознания — человеческого сознания — и придает ленинскому определению материи также анти-объективно-идеалистическую направленность.

Ленинское определение материи не исчерпывает всего содержания диалектико-материалистического учения о материи и ее основных атрибутах¹. Наряду со свойством «существовать независимо от сознания», «быть объективной реальностью» материя характеризуется как субстанция, имеющая такие атрибутивные свойства, как движение, пространство, время, системность, отражение. В ленинском определении указывается лишь главный, определяющий признак, признание которого характерно для всей материалистической линии в философии.

Ленинское понимание материи указало выход из кризиса, в котором оказалось мышление естествоиспытателей в связи с революционными открытиями в физике на рубеже веков. Главным звеном в этом кризисе был кризис метафизического понятия материи, что вело многих ученых к отрицанию объективной ценности научного знания².

§ 2. Материя как субстанция

При анализе понятия «материя» В. И. Ленин, как уже отмечалось, особенно подчеркивал идею объективности. Но возникает вопрос: а что происходит с идеей субстанциальности материи? Можно ли в диалектическом мате-

¹ Об ошибочности сведения содержания категории «материя» к дефиниции понятия материи см.: Готт В. С., Нарский И. С. Ленинское учение о материи // Философские науки. 1984. № 3.

² Подробней о сущности и причинах кризиса естествознания, а также о ленинской концепции преодоления этого кризиса см. в кн.: Алексеев П. В. Наука и мировоззрение. Союз марксистской философии и естествознания. М., 1983 (гл. 2).

риализме характеризовать материю как субстанцию и если да, то в каком смысле?

В решении этой проблемы в советской философской литературе существует разногласие. Одни авторы, к которым относятся П. В. Копнин, Ю. А. Петров и др., считают, что любая попытка характеризовать материю как субстанцию является шагом назад по сравнению с ленинским определением материи. Основной их довод — ссылка на ленинское определение материи, в котором термин «субстанция» отсутствует, и на положение о том, что единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью. Попытки характеризовать материю как субстанцию рассматриваются этими авторами не только как ненужные, но и вредные. И иногда их опасения оправдываются.

Некоторые советские философы пытались трактовать материю как субстанцию, как некоторую бескачественную основу всех явлений.

Другая группа авторов (С. Т. Мелюхин, Э. В. Ильенков, М. Н. Руткевич, А. П. Шептулин, М. Сухи и др.) в определенном смысле считает возможной характеристику материи как субстанции, не сводя ее к бескачественной основе в духе метафизики. Основные доводы представителей этой точки зрения заключаются в следующем. Во-первых, они отказываются отождествлять ленинское определение материи с диалектико-материалистическим учением о материи. В. И. Ленин в определении указывает важнейший, но не единственный признак материи. Ведь считал же он коренными свойствами материи движение, пространство, время, хотя и не включал их в определение. Во-вторых, В. И. Ленин прямо употреблял понятие субстанции при характеристике процесса познания как движения от поисков причин к субстанции. В-третьих, поскольку марксизм есть итог развития всего предшествующего материализма, рациональные представления о субстанциальности материи, развитые в домарксистском материализме, должны найти в диалектико-материалистическом учении о материи свое отражение. И наконец, в-четвертых, именно характеристика материи как субстанции позволяет снять абсолютную противоположность материи и сознания и дать материалистическое объяснение происхождению самого сознания как одного из свойств материальных систем. Эти доводы звучат достаточно убедительно.

Материя выступает как субстанция, когда противопоставляется всем конкретным формам своего существования, своим свойствам, включая и сознание. В качестве субстанции материя выступает как «объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует»¹.

Несколько иной аспект этого вопроса затрагивает А. П. Шептулин, когда высказывает мысль о том, что «как субстанция материя противостоит не сознанию, а своим проявлениям, в число которых входит и сознание»².

Субстанциальный аспект понятия материи раскрывается наиболее полно в указании на такие свойства материи, как быть причиной самой себя, несотворимость и неуничтожаемость, бесконечность в пространстве времени, и ряд других. Особое значение имеет первое свойство материи быть причиной самой себя, неприменимое к конкретным формам существования материи и характеризующее материю в целом. Каждая конкретная вещь, процесс, явление имеют причину своего возникновения или уничтожения. Но материя как субстанция имеет причину и основание существования в самой себе. Вопрос о том, почему существует материальный мир или как он возник, является бессмысленным, так как он существует вечно, имеет основание для своего существования в себе самом. В этом смысле материя как субстанция выступает самодетерминирующей основой всех конкретных материальных явлений. Именно так понимал субстанциальность материи Б. Спиноза, и эту сторону его учения диалектический материализм наследует и развивает. Саму же способность материи как субстанции порождать все многообразие видимых явлений диалектический материализм объясняет посредством обнаружения у материи внутренней противоречивости, определяющей ее способность к саморазвитию, саморазличению, дифференциации. Именно способность к саморазвитию и обуславливает потенциальную возможность возникновения сознания как особого свойства материи и позволяет объяснить возникновение сознания как естественного, а не сверхприродного явления.

Материю в субстанциальном аспекте характеризует и

¹ Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 151.

² Шептулин А. П. Система категорий материалистической диалектики. М., 1967. С. 115.

такое ее свойство, как неуничтожимость и несотворимость. Конкретные материальные образования и «сотворимы» и «уничтожимы», но сама материя при всех своих взаимопревращениях неуничтожима ни в количественном, ни в качественном отношении. Количество материи в мире остается всегда одним и тем же, какие бы процессы в нем ни происходили. Под качественной неуничтожимостью материи подразумевается сохранение при всех взаимопревращениях ее основных атрибутивных свойств. Иными словами, конкретные вещи возникают и исчезают, а материя как субстанция в противоположность им, постоянно изменяясь и переходя из одного качественного состояния в другое, остается одной и той же: она сохраняет свое количество и не утрачивает при всех своих превращениях основных атрибутивных свойств.

Думается, что именно характеристика материи как субстанции позволяет наиболее правильно охарактеризовать и отношение, существующее между материей и ее атрибутами. Особое внимание на это обращает, в частности, М. Н. Руткевич¹. Он считает, что сам смысл характеристики материи как субстанции заключается в противопоставлении ее атрибутивным свойствам. В этом есть большая доля истины. И движение, и пространство, и время обладают свойством быть объективной реальностью и в этом смысле материальны. Но было бы неверным называть, например, пространство материей. Пространство характеризуется диалектическим материализмом как коренное свойство материи, как коренная форма ее существования, вне связи с ней немыслимая. Сама материя в данном контексте выступает субстанциальной основой свойства пространственности. Любая попытка приписывать свойство субстанциальности не материи, а ее атрибутам ведет к метафизике и, в конечном счете, к идеализму. Именно такую операцию проделал энергетизм, когда приписал свойство субстанциальности не материи, а движению.

Считая правомерной в диалектическом материализме характеристику материи как субстанции, следует тем не менее помнить два момента. Диалектико-материалистическое понимание субстанциальности материи в корне отличается от трактовки материи как субстанции в метафизическом материализме. Хотя материя как субстанция и выступает в качестве первоосновы всех материальных

¹ См.: Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 66—67.

образований, это не бескачественная основа мира древних философов; она не существует наряду с конкретными видами материальных образований, а только в них и через них. Диалектический материализм мыслит материю как субстанцию таким образом, чтобы она не выступала пределом познания мира. Как основа, она относительна. Именно эту мысль подчеркивал В. И. Ленин, когда писал: ««Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны, они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна»¹.

Второй момент, о котором следует помнить при всех попытках характеристики материи как субстанции, заключается в признании органической связи признака субстанциальности со свойством «быть объективной реальностью», которое В. И. Ленин включает в свое определение. Нам кажется, что характеристика материи как субстанции имплицитно входит в ленинское определение материи и в материалистическое решение основного вопроса философии, на котором оно базируется. Ведь признание первичности материи по отношению к сознанию и независимости ее существования от сознания и предполагает характеристику материи как субстанции. Первичным в абсолютном смысле слова и может являться то, что само себя определяет к существованию, а это является основным признаком субстанциальности. Характеристика сознания как вторичного, производного от материи, соответственно не дает права рассматривать как субстанцию сознание, — оно является лишь особым свойством материи. Как подчеркивает А. В. Бодаков, признак субстанциальности непосредственно содержится в ленинском определении материи и в этом есть свой резон².

Характеристика материи как субстанции позволяет снять абсолютный характер противопоставления материи и сознания в рамках основного гносеологического вопроса. «Противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 277.

² См.: Бодаков А. В. Диалектический материализм. Минск, 1972 С. 64.

области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹. Характеристика материи как субстанции и позволяет выйти за пределы абсолютного противопоставления материи и сознания, выявить их взаимосвязь и единство. На этот момент обращает внимание Э. В. Ильенков, когда пишет: «Понимание материи как субстанции как раз и связано с требованием понять (вывести) сознание во всех его формах из движения материи, сознанием не обладающей, — понять противоположность материи и сознания (мышления) как лишь относительную противоположность, а не как абсолютную и исходную, каковой она выступает в пределах основного гносеологического вопроса, лишь в рамках гносеологии как особой науки»².

Г Л А В А 2. ДВИЖЕНИЕ — АТРИБУТ МАТЕРИИ

Трактовка категории движения в той или иной философской концепции складывается в основном из совокупности ответов на три кардинальных вопроса, касающихся сущности понимания движения: является ли движение объективной характеристикой бытия и как оно соотносится с покоем, каково отношение между движением и материей и что понимается под движением. Определенные ответы на эти вопросы дает и диалектический материализм, и в совокупности они определяют сущность диалектико-материалистической трактовки категории движения.

§ 1. Движение и материя.

Основные свойства движения

Что следует понимать под движением? «Движение, в применении к материи, — писал Ф. Энгельс, — это *изменение вообще*»³. Это положение означает, что категорией движения в диалектическом материализме охватываются различные типы изменчивости, наблюдаемые в объективном мире, начиная от перемещения объектов в простран-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 151.

² Философская энциклопедия. Т. 5. С. 152.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 563.

стве и кончая процессами биологической и социальной эволюции. Свою конкретизацию это положение получает через выявление и классификацию различных типов изменчивости. Общепринятой классификации пока не существует, но условно можно выделить следующие типы изменений, имеющие место в объективном мире. В первую очередь это количественные и качественные изменения. Количественные изменения связаны с переносом материи и энергии в пространстве. Примерами количественных изменений являются прежде всего все механические процессы, связанные с перемещением тел в пространстве, процессы нагревания и охлаждения тел, оптические, электромагнитные процессы и т. д. Качественные изменения всегда связаны с резкой перестройкой внутренней структуры объектов и превращения их в новые объекты, обладающие свойствами, резко отличающимися от тех, которыми обладали объекты до процесса качественных изменений. Последовательность необратимых качественных изменений образует новый тип изменчивости, называемый развитием, который может идти с повышением уровня организации объектов на каждой качественно новой стадии, и тогда оно называется прогрессивным развитием или просто прогрессом, или оно может идти с понижением уровня организации, и тогда оно называется регрессом. Признавая многообразие типов изменчивости, диалектический материализм уделяет особое внимание прогрессивному развитию. Это с необходимостью вытекает из самого определения предмета философии марксизма как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Развитие позволяет выявить генетическую связь между вещами и явлениями. Развитие — наиболее важный и высший тип изменчивости, органически включающий в себя все остальные; изучение развития предполагает изучение всех остальных типов изменчивости, на которых оно базируется.

Диалектико-материалистический взгляд на движение как изменение вообще получает также свое развитие в учении о формах движения материи, чему будет посвящен специальный параграф в настоящей главе.

Определенный ответ дает диалектический материализм и на вопрос об отношении движения к материи. В этом плане диалектический материализм определяет движение как «коренной способ бытия материи». Это фактически означает признание неразрывной связи между материей и движением. Как писал Ф.Энгельс, материя так же немыслима без

движения, как и движение без материи¹. В отличие от метафизического материализма движение понимается диалектическим материализмом не как нечто внешнее по отношению к материи, а как внутреннее и атрибутивное свойство всех материальных систем. Любая попытка противопоставить движение материи ведет к превращению понятия движения в чистую абстракцию, лишенную объективного содержания. Движение является объективной характеристикой бытия именно в качестве атрибутивного, коренного свойства материи. Иными словами, диалектический материализм, решая вопрос о соотношении материи и движения, выдвигает два тезиса: о неразрывности материи и движения и об отношении subordinации между ними.

Тезис о неразрывности материи и движения получает в диалектическом материализме как философское, так и конкретно-научное обоснование. Он непосредственно вытекает из ленинского определения материи. Движение реализуется через взаимодействие, и, наоборот, любое взаимодействие порождает движение. Если мы допустим, как это делали некоторые метафизики, существование материи, лишенной движения, то такая материя не может быть подведена под ленинское определение материи. Лишение какого-либо фрагмента материального мира движения фактически будет означать отрицание возможности взаимодействия этого фрагмента с другими частями материального мира и соответственно с нашими органами чувств. Но в таком случае эта «материя» не может отражаться в наших ощущениях, что является одним из обязательных признаков материи в ленинском определении. Другими словами, такого рода материя была бы неспособна обнаруживать свое существование, и она скорее бы напоминала кантовскую вещь в себе, чем то понимание материи, на котором настаивает диалектический материализм. Как писал в этой связи Ф. Энгельс, «тела неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть»². К этому можно лишь добавить, что именно в движении тело обнаруживает свое существование как фрагмент объективной реальности, противостоящей нашему сознанию. Попытка отрыва движе-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 67—68.

ния от материи не только ведет к субъективизации понятия движения, но и вступает в противоречие с диалектико-материалистическим представлением о материальности мира.

Тезис о неразрывности материи и движения находит свое подтверждение в данных современной науки. Наука установила, что все материальные системы, начиная от микромира и кончая космическими объектами, находятся в процессе постоянного изменения и развития. Любой материальный объект представляет собой систему различного рода изменений, в которых и реализуется его сущность. Наблюдаемая устойчивость некоторых материальных образований реализуется через внутреннее динамическое равновесие. В пользу неразрывности материи и движения свидетельствует закон сохранения и превращения энергии, который выполняется во всех природных процессах. Все, что наука может сказать о том или ином материальном объекте, сводится, в конечном счете, к раскрытию присущих ему внутренних процессов движения и изменения. Наука тем самым как бы подтверждает мысль, высказанную Аристотелем, что незнание движения ведет к незнанию природы.

Диалектический материализм настаивает не только на неразрывности материи и движения, но и на субординации категории «движения» категорией «материя». Это означает, что категория материи является исходной, основной, а категория движения — производной, подчиненной. Именно движение является атрибутивным свойством материи, коренным способом ее бытия, а не наоборот. Этот вопрос стал особенно актуальным на рубеже веков, когда диалектический материализм вынужден был вести борьбу с философским течением, именуемым энергетизмом, в основе которого лежала попытка выдать за основную категорию философии понятие энергии и тесно связанное с ним понятие движения, а категории материи и сознания представить как производные от понятий «энергия» и «движение».

Рецидивы энергетизма продолжают проявлять себя до настоящего времени, вот почему ленинская критика энергетизма сохраняет свое значение и в настоящее время, будучи теоретической основой борьбы с неэнергетизмом. Некоторые естествоиспытатели и философы дают энергетическое истолкование формуле Эйнштейна $E = mc^2$, интерпретируя ее как описание процесса превращения материи в энергию. Но смысл формулы заключается в установле-

нии функциональной зависимости между двумя фундаментальными физическими характеристиками материальных образований: массы и энергии. Понятие материи в ней даже не фигурирует. Аналогичная попытка энергетического истолкования встречается и в работах, посвященных физической трактовке сущности такого явления, как превращение пары электрон — позитрон в гамма — кванты и наоборот. Это явление порой истолковывается как превращение материи в чистую энергию¹.

Исходя из понимания движения как изменения вообще и как коренной формы бытия материи диалектический материализм решает вопросы об основных свойствах материи и о соотношении движения и покоя в мире.

Движению присущи такие свойства: объективность, всеобщность, неуничтожимость и несотворимость, абсолютность. Под объективностью движения понимается его существование независимо от нашего сознания как имманентного свойства материальных систем. Под всеобщностью понимается отрицание существования в мире материальных объектов, лишенных движения, не претерпевающих никаких изменений. Любой объект, который с первого взгляда может показаться примером устойчивости и стабильности, реализует эту стабильность посредством определенных процессов движения и изменчивости, т. е. через динамическое равновесие.

Рассмотрение свойства абсолютности движения с необходимостью заставляет обратиться к проблеме соотношения движения и покоя в мире. Признание диалектическим материализмом всеобщего характера движения, вытекающего из определения движения как коренного способа бытия материи, не ведет с необходимостью к отрицанию существования в мире моментов покоя, устойчивости. Движение и покой рассматриваются как противоположности, диалектическая взаимосвязь которых одинаково важна как для объяснения мира, так и для понимания сущности самого движения. С одной стороны, покой рассматривается как необходимая предпосылка существования качественного многообразия в мире, как условие дифференциации материи, с другой — покой является моментом всякого движения. Само движение включает в себя противоречие между изменчивостью и покоем. Говоря о движении, изменении, временной эволюции то-

¹ Обстоятельный анализ неозергетизма см.: *Баженов Л. Б., Морозов К. Е., Слуцкий М. С.* Философия естествознания. Вып. 1. М., 1966.

го или иного объекта, той или иной материальной системы, мы уже должны допускать момент устойчивости этой системы, ее тождественности самой себе, наличия у нее более или менее устойчивой структуры. В то же время, признавая покой и движение противоположностями, одинаково важными для характеристики мира, диалектический материализм не рассматривает их как полностью «равноценные». Именно покой характеризуется как момент движения, а не наоборот. Покой преходящ, временен, относителен, а движение постоянно, вечно, абсолютно.

Относительность покоя проявляется в ряде отношений. Во-первых, о покое можно говорить только по отношению к определенной системе отсчета, если речь идет о механической изменчивости, или по отношению к определенной форме движения, если речь идет о других типах изменчивости, но нельзя говорить о покое по отношению ко всем системам отсчета и всем формам движения. Как пишет в этой связи М. Н. Руткевич, «пока существует данная особь, можно говорить об ее относительном покое по отношению к биологической форме движения, но не по отношению к физико-химическим процессам. Однако рано или поздно количественные изменения переходят в качественные, и состояние относительного покоя по отношению к данной форме движения тоже нарушается: гибель данной особи означает и конец относительной устойчивости, покоя в биологическом отношении»¹. Во-вторых, покой относителен, поскольку он всегда временен, преходящ, и снимается в совокупном движении материи. «...Отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие»², — писал Ф. Энгельс, характеризуя этот момент соотношения движения и покоя. Таким образом, можно говорить о пространственной и временной относительности покоя. Движение же абсолютно, поскольку оно характеризует материю во всех формах ее существования, во всех состояниях и определяет характер и содержание всех процессов, происходящих в материальном мире.

Тезис о несотворимости и неучтожимости движения вытекает из самого определения движения как коренного способа существования материи. Признание у движения начала или конца означает фактически при-

¹ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 88—89.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 561.

вание существования материи без движения. Сильнейшим конкретнонаучным доводом в пользу неуничтожимости движения является закон сохранения и превращения энергии. Из этого закона следует, что движение не может исчезать, а способно переходить из одной формы в другую, сохраняя свои количественные параметры. Этот закон говорит о количественной неуничтожимости движения, утверждая, что в ходе превращения одних форм энергии в другие ее количество сохраняется. Но диалектический материализм настаивает и на качественной неуничтожимости энергии и движения, утверждая фактически, что ни одна форма энергии не может исчезнуть в мире. Признание количественной неуничтожимости движения и энергии при одновременном допущении их качественной уничтожимости входит в противоречие с материалистическим объяснением мира и ведет, в конечном счете, к идеалистическим выводам. Именно такую позицию занимали и занимают сторонники «теории тепловой смерти Вселенной».

Идея тепловой смерти Вселенной была высказана еще основателями классической термодинамики В. Томпсоном и Р. Клаузиусом. В основании этой теории лежит попытка экстраполяции второго начала термодинамики или закона возрастания энтропии на всю Вселенную. Энтропия является физической величиной, характеризующей процессы превращения энергии. Согласно закону возрастания энтропии, при реальных термодинамических процессах энтропия замкнутой системы возрастает. Закон возрастания энтропии определяет течение энергетических превращений: все они в замкнутых системах происходят в одном направлении. Достижение термодинамической системой состояния с максимальной энтропией соответствует достижению состояния теплового равновесия. Это означает, что в системе, предоставленной самой себе, рано или поздно происходит выравнивание температур и тепловая энергия как бы деградирует в качественном отношении. Она теряет способность превращаться в другие формы энергии.

Распространение действия второго начала термодинамики на всю Вселенную ведет к выводу, что со временем все виды энергии перейдут в тепловую, а последняя, в силу выравнивания температур, потеряет способность превращаться в другие виды энергии и Вселенная придет в состояние теплового равновесия, выход из которого естественным путем невозможен. Наступление состояния абсолютного теплового равновесия и будет означать тепловую смерть Вселенной. Теория тепловой смерти Вселенной не отрицает количественного сохранения энергии, но отрицает качественную неуничтожимость энергии и движения.

При всей своей внешней логичности и ссылках на фундаментальные законы физики теория тепловой смерти ведет к парадоксальным выводам. Вселенная существует бесконечно долгое время и в принципе должна бы уже давно достигнуть состояния теплового равновесия. Однако мы наблюдаем в мире существование многообразия видов энергии и движения, что с точки зрения сторонников теории тепловой смерти Вселенной является необъяснимым фактом. Выход может быть предложен двоякий: можно допустить, что наша Вселенная либо существует конечное время, недостаточное для достижения состояния

теплового равновесия, либо она много раз достигала такого состояния, но некоторая, пока неизвестная науке сила время от времени выводила из него Вселенную. Оба эти предположения ведут к идее сотворения мира или вмешательства в ход физических процессов сверхъестественных сил. Но это означает откровенный отказ от материалистического объяснения окружающего нас мира. Как писал в этой связи Ф. Энгельс, «мировые часы сначала должны быть заведены, затем они идут, пока не придут в состояние равновесия, и только чудо может вывести их из этого состояния и снова пустить в ход. Потраченная на завод часов энергия, по крайней мере в качественном отношении, и может быть восстановлена только путем толчка извне. Значит, толчок извне был необходим также и вначале...»¹. В этом высказывании Ф. Энгельса содержится суть философской критики теории тепловой смерти Вселенной. Она заключается в демонстрации несовместимости теории тепловой смерти Вселенной и связанного с ней отрицания качественной неуничтожимости движения с основными принципами материалистического мировоззрения.

Современная наука накопила много данных, свидетельствующих о несостоятельности этой концепции с естественнонаучной точки зрения.

Прежде чем подвергать критике теорию тепловой смерти Вселенной с позиций естествознания, следует напомнить, что, хотя сторонники этой теории апеллируют ко второму началу термодинамики, недопустимо отождествлять теорию тепловой смерти Вселенной с законом возрастания энтропии. Закон возрастания энтропии — хорошо обоснованный закон физики и критике не подлежит. Теория же тепловой смерти Вселенной — мировоззренческая концепция, которая базируется не столько на втором начале, сколько на попытке его экстраполяции на всю Вселенную, что предполагает ряд произвольных допущений о структуре Вселенной. Естественнонаучная критика этой теории направлена не против самого второго начала термодинамики, а против правомерности его экстраполяции на всю Вселенную.

В настоящее время естественнонаучная критика теории тепловой смерти Вселенной опирается на два довода. Второе начало термодинамики было сформулировано для замкнутых изолированных систем. Кроме того, статистическая трактовка закона возрастания энтропии обязательно предполагает, что система должна состоять из сколь угодно большого, но конечного числа частиц. Только при этих условиях можно говорить о возрастании энтропии как переходе от менее вероятных к более вероятным состояниям системы. Но Вселенная не является изолированной системой, и она состоит из бесконечного числа

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 600.

частиц. Последнее означает, что все состояния в ней одинаково вероятны и понятие термодинамического равновесия для ее характеристики оказывается неприменимым. Отсюда следует, что в основе рассматриваемой теории лежит неправомерная экстраполяция второго начала термодинамики с конечных замкнутых систем на бесконечную Вселенную.

По мнению многих ученых, решающий довод против теории тепловой смерти Вселенной следует из релятивистской термодинамики, которая учитывает действие во Вселенной гравитационных полей. Гравитационные поля имеют переменный характер, зависят от координат и времени и выступают в качестве внешних условий протекания во Вселенной термодинамических процессов. Термодинамическая система достигает состояния термодинамического равновесия, только если она находится в стационарных (не зависящих от времени) условиях. В силу наличия внешних нестационарных условий, в качестве которых выступают гравитационные поля, возрастание энтропии во Вселенной не ведет к достижению ее термодинамического равновесия. В свете данных релятивистской термодинамики теория тепловой смерти Вселенной теряет доказательный характер и обнаруживает свою несостоятельность.

§ 2. Формы движения материи и их классификация

Опираясь на тезис о неразрывной связи материи и движения, а также на диалектическую концепцию развития, классики марксизма сделали вывод о том, что основным качественно различающимся видам материи должны соответствовать и свои качественно отличные формы движения.

Исходя из этих соображений, Ф. Энгельс в своих работах «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» развил концепцию основных форм движения материи и, опираясь на данные современной ему науки, предпринял попытку их систематизации.

Под формой движения материи понимается движение, связанное с определенным материальным носителем, имеющее достаточно широкую область распространения и охватывающее явления, которые обладают определенным качественным единством, подчиняются одним и тем же основным закономерностям.

Ф. Энгельс выделял пять основных форм движения:

механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную. Наиболее простая форма движения — механическое движение, перемещение в пространстве макротел (или, говоря словами самого Энгельса, «перемещение земных и небесных масс»). За ней идет физическая форма движения, которая складывается из совокупности подвигов: тепловой, оптической, электромагнитной и т. д. Физическую форму движения Ф. Энгельс понимал как движение молекул и частиц эфира. Далее следует химическая форма движения, носителем которой, по Энгельсу, являются атомы. Наиболее сложной формой природного движения является биологическая, или жизнь, которая определялась им как «форма существования белковых тел». Особое место в классификации Ф. Энгельса занимает социальная форма движения. Ее специфика характеризуется не только специфичностью ее материального носителя, но и специфичностью ее естественно-исторических закономерностей по отношению к природным.

Уже беглый взгляд на классификацию Ф. Энгельса показывает, что в некоторых пунктах она устарела. В ней, например, отсутствуют многие подвиды физической формы движения, связанные с проникновением науки в микромир. В свете данных современной науки было бы неправильным связывать физическую форму движения только с молекулярным движением; наука отказалась от понятия эфира в том смысле, в каком оно фигурировало в физике XIX в. Прогресс биологического познания открыл отличные от белка материальные основы процессов жизнедеятельности (ДНК и РНК). С точки зрения современной науки можно предъявить и другие претензии к энгельсовской классификации форм движения. В свете всего этого может возникнуть подозрение, что энгельсовская концепция форм движения материи в целом потеряла свое значение на данном этапе развития науки. Но такой вывод был бы в принципе неверным.

В концепции Энгельса надо выделять две стороны: основополагающие принципы понимания самих основных форм движения материи и их систематизации и саму классификацию форм движения материи, которая является результатом приложения этих принципов к определенному, исторически обусловленному конкретно-научному материалу. Вторая сторона в этой концепции не может не устаревать в силу постоянного прогресса научного знания. Все претензии, которые мы сейчас можем предъ-

явить к конкретной классификации форм движения, данной Ф. Энгельсом, являются не чем иным, как претензиями науки XX в. науке XIX в. Ф. Энгельс всегда был далек от того, чтобы рассматривать свою классификацию как догму. Уже в то время он понимал ее проблематичность и историческую ограниченность. Но первая сторона энгельсовского учения о формах движения материи, т. е. принципы понимания и принципы классификации форм движения, имеет непреходящую ценность, поскольку вытекает из фундаментальных положений диалектического материализма. Именно уяснение сущности этих принципов и должно находиться в центре внимания, когда речь идет об учении Ф. Энгельса о формах движения материи.

Анализ энгельсовской классификации основных форм движения материи позволяет выделить по крайней мере пять принципов, лежащих в ее основе.

1. Принцип развития. Он лежит в основе самого понятия «форма движения материи» и определяет расположение основных форм движения в их общем ряду. Порядок расположения основных форм движения определяется степенью возрастания их сложности и генетической обусловленности каждой последующей формы движения предыдущей. Субординация форм движения непосредственно совпадает с реальным процессом эволюции материальных систем от простого к сложному, от низшего к высшему, от простейших процессов механического перемещения до таких сложных материальных систем, каковыми являются биологические организмы и человеческое общество. Формы движения материи, рассматриваемые в историческом плане, выступают в своей последовательности как этапы эволюции материальных систем, а сама классификация фиксирует наиболее важные качественные сдвиги в этой эволюции. Этот принцип упорядочивания основных форм движения не навязан природе, а как бы извлечен из нее. Никаких сомнений в его правильности современная наука не выражает.

2. Принцип связи каждой формы движения с определенным материальным носителем. Этот принцип вытекает из самого определения движения как коренного способа бытия материи. Материя является субстанциальной основой движения в целом, а в каждом конкретном случае специфичность той или иной формы взаимодействия в значительной степени определяется природой взаимодействующих элементов. В то же время природа и внутренние свойства материальных носителей той или иной формы

движения раскрываются только через систему внешних взаимодействий с окружающими телами, т. е. посредством их участия в определенной форме движения. Физика, например, не может объяснить свойства многих элементарных частиц путем раскрытия их внутренней структуры. Мы, например, не имеем каких-либо надежных сведений о структуре электрона или нейтрино. Но ученые получают сведения о свойствах элементарных частиц благодаря изучению тех типов взаимодействия, в которые вступают эти частицы. Несмотря на то что, как уже отмечалось, представления о конкретных материальных носителях за последнее столетие значительно изменились, сам принцип связи каждой формы движения с определенным материальным носителем или, точнее, с набором определенных материальных носителей остается в силе и для современной науки.

3. Принцип генетической и структурной обусловленности высших форм движения низшими. Его суть заключается в утверждении, что каждая высшая форма движения порождается более простой, низшей. Вместе с тем, возникая из более простой формы движения, высшая форма сохраняет ее в себе в снятом виде. Структуры, специфичные для высшей формы движения, могут быть объяснены и поняты только на основе функционирования структур соответствующих исходных форм. Иными словами, согласно этому принципу, каждая высшая форма движения должна рассматриваться как естественный продукт развития низших форм. В соответствии с этим Ф. Энгельс писал, что физическую форму можно определить как механику молекул, химию как физику атомов, жизнь как химизм белков¹. В этом высказывании подчеркивается именно генетическая связь между последовательностью основных форм движения, переход одной формы в другую, преемственность и непрерывность в эволюции форм движения с сохранением их качественного различия. Генетическая и структурная связь между формами движения находит выражение в формировании промежуточных научных дисциплин, в которых изучаются взаимосвязи между различными формами движения и различными структурными уровнями существования материальных систем (физическая химия, биохимия, биофизика, геохимия, космическая биология и др.). Прогресс этих наук дает возможность познать отдельные формы

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 567.

движения не в отрыве друг от друга, а в их органической связи.

4. Непосредственно к принципу генетической обусловленности примыкает принцип качественной специфичности каждой высшей формы движения материи по отношению к низшей. Иногда он формулируется как принцип несводимости высших форм движения к низшим. Несводимость в данном случае означает признание действия в каждой высшей форме специфических закономерностей, невыразимых с помощью закономерностей, которым подчиняется низшая форма движения. В методологическом плане это означает, что невозможно познать сущность более высокой формы движения только посредством изучения закономерностей функционирования низшей формы, на основе которой возникла первая. Например, сущность жизни нельзя понять только через изучение тех химических процессов и физических закономерностей, посредством которых осуществляются процессы жизнедеятельности. Жизнь проявляет себя в таких типах взаимодействия, которые специфичны только для биологической формы движения. Например, понятие «приспособительная деятельность» отсутствует в химии и физике и его смысл раскрывается только в системе собственно биологических законов. Особенность живого как раз и проявляется в новом способе организации этих процессов, в котором в первую очередь действуют факторы не химического, физического, а биологического порядка. И если мы попытаемся свести жизнь просто к совокупности химических процессов, мы потеряем то, что специфично именно для живого.

5. Наконец, в качестве еще одного (пятого) принципа, лежащего в основании классификации форм движения, можно выделить принцип связи каждой формы движения с определенной группой наук. Именно изучение той или иной формы движения соответствующей группой наук и позволяет выявлять закономерности, специфичные для этой формы движения, и те материальные носители, с которыми эта форма движения связана. Процесс дифференциации наук ведет к дальнейшей дифференциации наших представлений о той или иной форме движения. Этот принцип также позволяет связать проблему классификации форм движения с проблемой классификации наук.

Опираясь на теоретическое наследие классиков марксизма, и прежде всего на принципы классификации форм

движения, развитые Ф. Энгельсом, советские философы, используя достижения современного естествознания, предложили ряд новых классификаций форм движения материи. Наиболее разработанная и целостная классификация форм движения была предложена Б. М. Кедровым¹. Он предложил отказаться от представления о механической форме как особой форме движения, обосновал необходимость выделить ряд новых видов и подвидов форм движения материи, построил новую схему взаимосвязи между ними.

Принципы классификации форм движения материи, развитые Ф. Энгельсом, выступают также в качестве теоретической основы борьбы с разновидностями метафизических и идеалистических воззрений на соотношение различных форм движения материи. К последним прежде всего следует отнести механицизм и эмерджентизм.

Сторонники механицизма абсолютизируют момент генетической и структурной зависимости высших форм движения от низших и отрицают принцип качественной несводимости высших форм к низшим. Следствием этого являются попытки редукции закономерностей, характеризующих высшие формы движения, к закономерностям низших форм. В узком смысле слова «механицизм» означает сведение всех закономерностей движения материи к законам механики. В широком смысле слова термином «механицизм» обозначают любые попытки сведения более высокой формы движения к закономерностям более низкой, социального — к биологическому, биологического — к физико-химическому и т. д.

Эмерджентизм², наоборот, абсолютизирует качественную специфичность высших форм движения. Наиболее широко известным вариантом эмерджентизма можно считать витализм, представители которого пытались объяснить специфичность живого посредством апелляции к понятию «*vitalis*» — жизненная сила.

И механицистские и эмерджентистские идеи распространены в философии и естествознании буржуазного общества, и борьба с ними — составная часть борьбы с современной буржуазной идеологией.

¹ См.: Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1967; *его же*. Классификация наук. М., 1985.

² Термин «эмерджентизм» происходит от английского слова *emergence* — внезапное возникновение.

§ 1. Отношение пространства и времени к материи

Как и категории материи и движения понятия пространства и времени зарождаются еще в античной философии. На интуитивном уровне в этих понятиях фиксировалась определенная совокупность отношений, в которых могут находиться материальные объекты: впереди, позади, близко, далеко, вне, внутри, больше, меньше, раньше, позже и т. д., и такие свойства материальных объектов, как иметь длину, ширину, иметь определенную форму, длительность, и ряд других. Ввиду первостепенной значимости этих пространственно-временных свойств для практической деятельности уже в древности они становятся объектом измерения и изучения. Не случайно, что одной из первых научных дисциплин была геометрия — наука о пространственных отношениях вещей. Интерес к астрономическим наблюдениям в древности стимулировался в основном задачей измерения времени.

Но одно дело — изучение и измерение отдельных пространственных и временных свойств и отношений вещей, а другое дело — философское осмысление пространства и времени как фундаментальных характеристик бытия. Любому грамотному человеку легко измерить пространственные размеры материального объекта или временную длительность какого-либо процесса, но без специальной философской подготовки ему было бы очень затруднительно ответить на вопросы: что такое пространство и время и в каком отношении они находятся к другим фундаментальным характеристикам бытия? И сама философия на протяжении своей истории долго и мучительно искала ответы на эти вопросы; разные философские школы и направления давали разные ответы на них.

Обсуждение вопроса о сущности пространства и времени в истории философии распадалось на три группы проблем: 1. Каков гносеологический статус этих понятий? Являются ли они характеристиками бытия или характеризуют устройство нашего сознания? (Вопрос об объективности или субъективности пространства и времени.); 2. Каково отношение категорий пространства и времени к категории субстанции? (Для материализма это был вопрос об отношении пространства и времени к материи.);

3. Каковы основные свойства пространства и времени? (Эта проблема оказывалась связанной с развитием естественнонаучных представлений о пространственно-временных характеристиках вещей, и ее решение в значительной степени обуславливалось решением первых двух групп проблем.)

Вопрос о познавательном статусе категорий пространства и времени в истории философии решался по-разному. Одни философы считали пространство и время объективными характеристиками бытия, другие — чисто субъективными понятиями, характеризующими наш способ восприятия мира. Были и философы, которые, признавая объективность пространства, приписывали чисто субъективный статус категории времени, и наоборот.

Но пространство и время являются столь же объективными характеристиками бытия, как его материальность и движение. В. И. Ленин писал: «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания»¹. Основная мысль В. И. Ленина при обосновании объективности пространства и времени заключается в доказательстве тесной связи признания объективности пространства и времени с материалистическим решением основного вопроса философии. Любая попытка внедрить субъективистскую версию трактовки пространства и времени ведет к отрицанию материализма.

Признание объективности пространства и времени не исчерпывает сущности их диалектико-материалистического понимания. Принципиально важным является также и ответ на другой вопрос: в каком отношении находится пространство и время к материи? По этому вопросу в истории философии существовали две точки зрения. Первую из них можно условно назвать субстанциальной концепцией. Ее представители трактовали пространство и время как самостоятельные сущности, существующие наряду с материей и независимо от нее. Соответственно отношение между пространством, временем и материей мыслилось как отношение между двумя видами самостоя-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 181.

тельных субстанций. Это вело к выводу о независимости свойств пространства и времени от характера протекающих в них материальных процессов.

Вторую концепцию можно условно именовать реляционной (от слова «relatio» — отношение). Ее сторонники мыслили пространство и время не как самостоятельные сущности, а как системы отношений, образуемых взаимодействующими материальными объектами. Вне этой системы взаимодействий пространство и время считались несуществующими. В этой концепции пространство и время выступали как общие формы координации материальных объектов и их состояний. Соответственно в рамках этой концепции допускалась и зависимость свойств пространства и времени от характера взаимодействия материальных систем¹.

Какой же из этих концепций отдает предпочтение диалектический материализм? С точки зрения признания объективности пространства и времени обе эти концепции равноценны и в этом смысле одинаково совместимы с материалистическим решением основного вопроса философии. Если говорить об их естественнонаучной обоснованности, то в тот период, когда классики марксизма закладывали основы диалектического материализма, явное преимущество было на стороне субстанциальной концепции; именно она лежала в основе ньютоновской механики, принимавшейся в то время за образец точной науки. В электродинамике в пользу существования абсолютного пространства свидетельствовала гипотеза светового эфира, который заполняет абсолютное пространство и является носителем электромагнитных волн. Наконец, сильнейшим свидетельством в пользу субстанциальной концепции пространства был факт единственности евклидовой геометрии. Хотя еще в 30-х годах XIX в. Лобачевским была открыта неевклидова геометрия, до открытия общей теории относительности, неевклидовы геометрии рассматривались как воображаемые математические конструкции, и им не приписывалось реального физического смысла. Единственной геометрией, описывающей реальные свойства физического пространства и времени, считалась геометрия Евклида. А это как бы подтверждало вывод, следовавший из суб-

¹ Подробное изложение существа этих концепций и их анализ см. в работах: Баженов Л. Б., Морозов К. Е., Слуцкий М. С. Философия естествознания. М., 1966; Молчанов Ю. Б. Проблема синтеза различных концепций времени // Синтез современного научного знания. М., 1973.

станциальной концепции, что свойства пространства и времени неизменны и независимы от характера движения и взаимодействия материальных систем.

Тем не менее Ф. Энгельс, решая вопрос об отношении пространства и времени к материи, отдавал предпочтение реляционной концепции, хотя и вносил в нее новые моменты. В самом общем виде он определял пространство и время как коренные формы бытия, формы существования движущейся материи — как ее всеобщие атрибутивные свойства. Само определение пространства и времени как коренных *форм* существования материи указывает на отказ от их трактовки как самостоятельных сущностей, независимых от материи.

Пространство и время представляют собой формы, выражающие определенные способы координации материальных объектов и их состояний. Содержанием этих форм является движущаяся материя, материальные процессы, и именно особенности и характер последних должны определять их основные свойства. В этом отношении диалектико-материалистическая концепция нацеливает науку на поиски зависимости между определенными свойствами пространства и времени и соответствующими материальными процессами, которые их определяют. Кроме того, наличие у пространства и времени единого содержания — движущейся материи — указывает и на взаимосвязь между самим пространством и временем, на невозможность их существования абсолютно независимо друг от друга.

Возникает вопрос: что позволило Ф. Энгельсу вопреки господству в науке XIX в. субстанциальной концепции отдать предпочтение реляционной концепции, отказаться от трактовки пространства и времени как независимых сущностей? Отрицание независимого от материи существования пространства и времени следует из принципа материального единства мира, который лежит в основе философии марксизма; иное допущение ведет к нарушению этого принципа, порождая плюралистический подход к объяснению мира. В этом смысле реляционная концепция гораздо лучше согласуется с материалистическим монизмом и оказывается более предпочтительной. Допущение самостоятельного, независимого существования пространства и времени вступает в противоречие с принципом всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности материальных явлений, ведет к расчленению представления о мире на отдельные формы, стороны, сущности, никак не связанные друг с другом.

Солидаризуясь буквально с аналогичным рассуждением Лейбница, Ф. Энгельс писал: «...обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове»¹.

§ 2. Диалектико-материалистическая концепция пространства и времени и ее естественнонаучное обоснование

В то время, когда закладывались основы диалектико-материалистического понимания пространства и времени, в естествознании, как отмечалось, продолжала господствовать субстанциальная концепция. В этом смысле к концу XIX в. диалектико-материалистическая концепция опережала свое время, и вопрос о ее естественнонаучном обосновании оставался открытым. Ситуация резко изменилась с созданием в начале XX в. теории относительности, которая заставила ученых существенным образом пересмотреть традиционные воззрения на пространство и время и отказаться от субстанциальной концепции. Теорию относительности можно рассматривать как естественнонаучное обоснование диалектико-материалистических принципов трактовки пространства и времени.

Теория относительности включает в себя две генетически связанные теории: специальную теорию относительности (СТО), основные идеи которой были сформулированы А. Эйнштейном в 1905 г., и общую теорию относительности (ОТО), работу над которой А. Эйнштейн закончил в 1916 г.

СТО возникла как результат попыток А. Эйнштейна распространить действие физического принципа относительности, известного еще со времен Галилея, на законы электродинамики, которые рассматривались как противоречащие последнему. А. Эйнштейн успешно справился с этой задачей, но цена, которую он был вынужден заплатить за обобщение принципа физической относительности и распространение его на все законы физики, заключалась в пересмотре ньютоновских пространственно-временных представлений. СТО показала, что многие пространственно-временные свойства, считавшиеся до сих пор неизменными, абсолютными, фактически являются релятивными. Так, в СТО утратили свой абсолютный характер такие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.

пространственно-временные характеристики, как длина, временной интервал, понятие одновременности. Все эти характеристики оказываются зависящими от взаимного движения материальных объектов.

Новые подтверждения правильности реляционной концепции пространства и времени дала ОТО. Если в СТО принцип относительности был связан только с инерциальными системами отсчета, то общая теория относительности явилась результатом распространения действия принципа относительности и на неинерциальные системы отсчета. Но это в свою очередь привело к установлению тесной зависимости метрических свойств пространства — времени от гравитационных взаимодействий между материальными объектами. В СТО было установлено, что геометрические свойства пространства — времени зависят от распределения в них гравитационных масс. Вблизи тяжелых объектов геометрические свойства пространства начинают отклоняться от евклидовых, а темп течения времени замедляется. ОТО нанесла решительный удар субстанциональной концепции пространства и времени, покончив с понятиями абсолютного пространства и абсолютного времени, на которые опиралась старая физика.

Основное философское значение теории относительности состоит в следующем: 1. Теория относительности исключила из науки понятия абсолютного пространства и абсолютного времени, обнаружив тем самым несостоятельность субстанциональной трактовки пространства и времени как самостоятельных, независимых от материи форм бытия.

2. Она показала зависимость пространственно-временных свойств от характера движения и взаимодействия материальных систем, подтвердила правильность диалектико-материалистической трактовки пространства и времени как основных форм существования материи, в качестве содержания которых выступает движущаяся материя.

Сам Эйнштейн, отвечая на заданный ему вопрос о сущности теории относительности сказал: «Суть такова: раньше считали, что если каким-нибудь чудом все материальные вещи исчезли бы вдруг, то пространство и время остались бы. Согласно же теории относительности вместе с вещами исчезли бы и пространство и время»¹.

3. Теория относительности нанесла удар субъективист-

¹ Цит. по: Баженов Л. Б., Морозов К. Е., Слуцкий М. С. Философия естествознания. С. 191.

ским, априористским трактовкам сущности пространства и времени, которые явно противоречат ее выводам¹.

Говоря о том, что теория относительности подтвердила диалектико-материалистическое понимание пространства и времени как коренных форм существования материи, нельзя думать, что теория относительности положила конец философским спорам об истолковании пространства и времени. Решив одни проблемы, теория относительности поставила другие. Философские споры вокруг теории относительности возникли сразу же при ее создании и не утихают по настоящее время. Ряд философски мыслящих ученых попытались развить новые субъективистские версии трактовки пространства и времени, опираясь на теорию относительности. Связь пространства и времени с тяготением была истолкована как их полная тождественность, что привело к попыткам геометризации гравитационных полей с последующими попытками геометризации всех других видов физических полей (основание для такой трактовки физических полей дал сам А. Эйнштейн). Советские философы и физики показали несостоятельность такого подхода к пониманию сущности пространства и времени, поскольку он ведет к пониманию пространства и времени как исходной физической реальности, исходной субстанции, которая порождает, обуславливает все физические свойства реального мира. Подобно тому как в концепции энергетизма исходным понятием оказывается движение, оторванное от понятия материи, в геометрической картине мира исходной субстанцией оказываются пространство и время, оторванные от материи.

§ 3. Основные свойства пространства и времени

Общие свойства, характеризующие пространство и время, вытекают из их характеристики как основных, коренных форм существования материи. К этим свойствам относятся прежде всего объективность и всеобщность. К основным свойствам пространства относятся протяженность, однородность и изотропность, трехмерность. Время обычно характеризуется такими свойствами, как длительность, одномерность, необратимость, однородность.

Что касается таких свойств, как длительность времени и протяженность пространства, то их трудно называть свойствами, поскольку они совпадают с самой сущно-

¹ См.: Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. М., 1966. Т. 1. С. 6.

стью пространства и времени. Ведь протяженность и проявляется в способности тел существовать одно подле другого, а длительность и способности существовать одно после другого, что и выражает сущность пространства и времени как форм существования материи.

К наиболее характерным свойствам пространства относится его трехмерность. «Трехмерность пространства представляет собой эмпирически констатируемое фундаментальное его свойство, которое выражается в том, что положение любого объекта может быть определено с помощью трех независимых величин»¹. В этом отношении время одномерно, ибо для фиксации положения события во времени достаточно одной величины. Под заданием положения события, объекта в пространстве или времени имеется в виду определение его координат по отношению к другим событиям или объектам. Факт трехмерности реального физического пространства не противоречит существованию в науке понятия многомерного пространства с любым числом измерений. Понятие многомерного пространства является чисто математическим понятием, которое может быть использовано для описания взаимосвязи различного рода физических величин, характеризующих реальные процессы. Если же речь идет о фиксации события в реальном физическом пространстве, то при использовании любой системы координат трех измерений всегда будет достаточно.

Все попытки различного рода мистиков доказать существование у пространства 4-го измерения, недоступного нашему восприятию, не имеют никакого отношения к науке. Материалистически мыслящие философы и естествоиспытатели ищут обоснование трехмерности пространства в структуре некоторых фундаментальных физических процессов и взаимодействий. Так, еще И. Кант в докритический период своей деятельности высказывал предположение, что если бы пространство имело другое число измерений, то сила тяготения убывала бы не в квадрате, а в другой степени. Тем самым И. Кант гениально предугадал связь свойств пространства и времени с гравитацией. Ряд ученых связывают обоснование трехмерности пространства со структурой электромагнитной волны. Наконец, существуют попытки связывать трехмерность пространства со структурой строения некоторых фундаментальных

¹ Баженов Л. Б., Морозов Е. К., Слуцкий М. С. Философия естествознания. С. 141.

элементарных частиц. И хотя до сих пор вопрос об обосновании трехмерности пространства является открытым вопросом, решение его должно лежать в установлении связи трехмерности с фундаментальными физическими процессами.

Другим специфическим свойством пространства является его однородность и изотропность. Однородность пространства означает отсутствие в нем каких-либо выделенных точек, а изотропность — равноправность всех возможных направлений. В отличие от пространства время обладает только свойством однородности, заключающимся в равноправии всех его моментов. Свойства однородности пространства и времени и изотропности пространства теснейшим образом связаны с фундаментальными физическими законами, и прежде всего с законами сохранения. Они лежат и в основании самого принципа физической относительности.

Характерным специфическим свойством времени является его необратимость, которая проявляется в невозможности возврата в прошлое. Время течет от прошлого через настоящее к будущему, и обратное течение его невозможно. Как и трехмерность пространства, необратимость времени связана с необратимостью протекания некоторых фундаментальных материальных процессов. Некоторые философы усматривают связь необратимости времени с необратимостью термодинамических процессов и с действием закона возрастания энтропии. В микрофизике необратимость времени связывается с характером законов квантовой механики. Существуют также космологические подходы к обоснованию необратимости времени. Наиболее широкое распространение получила причинная концепция необратимости времени, ее сторонники считают, что при обратном течении времени причинная связь окazyвалась бы невозможной.

Специфично проявление времени и пространства в микромире, живой природе, в социальной действительности, в связи с чем специально анализируются биологическое время, психологическое время, социальное пространство-время и другие виды времени и пространства¹.

¹ Краткий обзор основных видов пространственно-временных отношений см.: Марксистско-ленинская диалектика. В 8 т. М., 1983. Т. 1. С. 114—119.

§ 1. Системность — атрибут материи. Уровни структурной организации материи

Подобно движению, пространству, времени, отражению системность представляет собой всеобщее, неотъемлемое свойство материи, ее атрибут. Будучи характерной чертой материальной действительности, системность фиксирует преобладание в мире организованности над хаотичными изменениями. Последние не отделены резко от оформленных образований, но включены в них, и подчиняются в конечном счете действию электромагнитных, гравитационных, других материальных сил, действию частных и общих законов. Неоформленность изменений в одном каком-либо отношении оказывается упорядоченностью в другом. Организованность присуща материи в любых ее пространственно-временных масштабах.

Это положение, однако, нуждается в философском и частнонаучном обосновании.

В последнее десятилетие в связи с изменением представлений астрофизики о галактиках, их отношениях с окружением стал интенсивно обсуждаться вопрос о крупномасштабной структуре Вселенной. Выдвинуто предположение, что «единственное и наиболее важное утверждение, касающееся крупномасштабной структуры Вселенной, состоит в том, что в наибольших масштабах — 1000 Мпс (мегапарсек. — П. А., А. П.) или больше — вообще отсутствует какая-либо структура... С другой стороны, в масштабах меньше 50—100 Мпс существует большое разнообразие структур. Это скопления и сверхскопления галактик»¹. Такая идея встречает справедливые возражения. По-видимому, надо уточнить понятия, и прежде всего понятие структуры. Если иметь в виду только некоторые структуры макромира или микромира, то, быть может, мегамир и «бесструктурен».

Структурность — это внутренняя расчлененность материального бытия. И сколь бы широк ни был диапазон мировидения науки, он постоянно связан с обнаружением все новых и новых структурных образований. Если раньше взгляд на Вселенную замыкался галактикой, затем расширялся до системы галактик, то теперь изучается Мегагалактика как особая система со специфическими

¹ Крупномасштабная структура Вселенной. М., 1981. С. 452.

законами, внутренними и внешними взаимодействиями. Представление о структурности шагнуло до масштабов, превышающих 10^{28} см, т. е. до 20 миллиардов световых лет. Речь идет не о спекулятивно сконструированной структурности (как в случае с гипотезой «бесструктурной Вселенной»), а о системности Вселенной, устанавливаемой средствами современной астрофизики. Да и самые общие соображения указывают на необоснованность отмеченной гипотезы: отказывая большему в структурности, невозможно принимать структурность меньшего; следствием должно быть утверждение и об отсутствии структуры части той же Вселенной, чего пытается избежать данная гипотеза. Возможна также разная степень структурированности каких-то сфер и масштабов Вселенной и принятие за «бесструктурность» слабо выраженной структурности относительно высокоразвитых структурных образований. Философские соображения и частнонаучные данные говорят в пользу положения о том, что в целом неорганическая природа есть самоорганизующаяся система, состоящая из развивающихся и взаимосвязанных систем различного уровня организации, не имеющая начала и конца¹.

Материя бесконечна структурно и в масштабах микромира. Ныне все больше подтверждений получает кварковая модель структуры адронов, что ведет к преодолению представления о бесструктурности элементарных частиц (протонов, нейтронов, гиперонов и др.).

Это не означает, что структурную бесконечность материи нужно понимать как бесконечную делимость вещества. Современная физика подошла к такому рубежу, когда выявляются новые возможности в трактовке вопроса. Академик М. А. Марков, например, отмечает трудность, связанную с дальнейшей экстраполяцией понятия «состоит из...» на микромир. Если частица малой массы, пишет он, заключена в очень малом объеме, то, по соотношению неточностей Гейзенберга, ее кинетическая энергия возрастает с уменьшением этой области таким образом, что с неограниченным уменьшением этой области кинетическая энергия частицы и, следовательно, ее полная масса стремятся к бесконечности. Таким образом, оказывается, нельзя построить бесконечно «мелкую» структуру данного объекта данной массы, пытаясь строить его механически из частиц меньших масс, занимающих все меньшие объемы в структуре данного объекта. Возникла идея строить частицы из более фундаментальных частиц, обладающих большими массами. Уменьшение массы результирующей системы возникает за счет сильного взаимодействия тяжелых частиц, составляющих систему. На этой основе — построение П-мезонов из более тяжелых нуклонов

¹ См.: *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира. Методологические проблемы. М., 1985. С. 80—81.

и антинуклонов, нуклонов — из частиц еще больших по массе — кварков¹. И в этой новой ситуации, как видим, материя не перестает быть структурно организованной.

Материя во всех своих масштабах обладает формообразующей активностью. Бесструктурной материи нет.

Рассмотрим теперь конкретней общую организацию материи. Это предполагает, что формы движения материи и ее виды (или состояния) уже известны².

Со спецификой основных видов материи — вещества и поля (к неосновным видам относятся антивещество и антиполе) и с диалектикой их взаимосвязи можно познакомиться по имеющимся учебным пособиям³. Отмечается, что вещество способно переходить в иные виды материи, причем эти иные виды в свою очередь переходят в вещество и уже своим наличием обеспечивают его существование как вида материи, наиболее важного для философии и практической деятельности человека, поскольку именно через вещественно-телесную организацию индивид чувственно воспринимает реальный мир и поскольку вещественными образованиями являются не только порождающий сознание мозг человека, но и его органы чувств. В вещественной области происходят его практические действия, его трудовое поведение, его контакты с окружающей средой⁴.

В науке широко используется представление о структурных уровнях материи, конкретизирующих формы движения и виды материи.

Структурные уровни материи образованы из определенного множества объектов какого-либо класса и характеризуются особым типом взаимодействия между составляющими их элементами. Критерием для выделения различных структурных уровней служат следующие признаки: пространственно-временные масштабы (элементарные частицы имеют размеры 10^{-14} см, атомы — 10^{-8} , молекулы — 10^{-7} см и т. п.); совокупность важнейших свойств и зако-

¹ См.: Марков М. А. О природе материи. М., 1976. С. 136—141.

² В литературе иногда употребляется понятие «форма материи» для выражения структурности материи (например, в монографии: Васильева Т. С., Орлов В. В. Химическая форма материи. Пермь, 1983). Это понятие лежит в русле философско-материалистической традиции, но требует уточнения своего значения, отношения к близким понятиям («форма движения материи», «вид материи» и др.).

³ См., например: Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 187—189.

⁴ См.: Готт В. С., Нарский И. С. Ленинское учение о материи// Философские науки. 1984. № 3. С. 19.

нов изменения; степень относительной сложности, возникшей в процессе исторического развития материи в данной области мира¹.

Неорганическая природа предстает как имеющая такую последовательность структурных уровней: субмикроэлементарный — микроэлементарный (уровень элементарных частиц и полевых взаимодействий)² — ядерный — атомарный — молекулярный — уровень макроскопических тел различной величины (здесь имеется ряд специфических подуровней) — планеты — звездно-планетные комплексы — галактики — метagalактики...

Живая природа также структурирована. В ней выделяются уровни: биологических макромолекул — клеточный уровень — микроорганизменный — органов и тканей — организма в целом — популяционный — биоценозный — биосферный. Общая основа жизни — органический метаболизм (обмен веществом, энергией и информацией с окружающей средой) — специфицируется в каждом из выделенных уровней. Как отмечают М. М. Камшилов и А. И. Филюков, на уровне организмов обмен веществ означает ассимиляцию и диссимиляцию при посредстве внутриклеточных превращений; на уровне экосистемы (биоценоза) он состоит из цепи превращений вещества, первоначально ассимилированного организмами-производителями при посредстве организмов-потребителей и организмов-разрушителей, относящихся к разным видам; на уровне биосферы происходит глобальный круговорот вещества и энергии при непосредственном участии факторов космического масштаба³.

Социальная действительность в структурном аспекте представлена уровнями: индивидов — семьи — различных коллективов (прежде всего производственных) — социальных групп — классов — национальностей и наций — государств и системы государств — общества в целом. Структурные уровни социальной действительности находятся в неоднозначно-линейных связях между собой (пример — уровень наций и уровень государств). Перепле-

¹ См.: Мелюхин С. Т. Виды реальности. Основные свойства и формы материи // Дialectический материализм. М., 1975. С. 44.

² Более подробно о самых низших, т. е. исходных (по современным данным), уровнях организации см.: Станис Л. Я. Материальный субстрат, его виды и структурные уровни // Очерки по диалектическому материализму. М., 1985. С. 114—116.

³ См.: Марксистско-ленинская диалектика. В 8 кн. Кн. 5. Диалектика живой природы. М., 1984. С. 90.

тение разных уровней в рамках общества порождает представление о господстве случайности и хаотичности в социальной действительности. Но внимательный анализ обнаруживает наличие в нем фундаментальной структурности — главных сфер общественной жизни, каковыми являются материально-производственная, социальная, политическая и духовная сферы, имеющие свои законы и свои структуры¹. Все они определенным образом субординированы в составе общественно-экономической формации. Эти формации глубоко структурированы, в том числе в плане изменений, обуславливая генетическое единство общественного развития в целом.

Таким образом, каждая из трех областей материальной действительности образуется из ряда специфических структурных уровней, которые находятся не в беспорядочном их «наборе» в составе той или иной области действительности, но в определенной связи, упорядоченности. Переход от одной области к другой связан с усложнением и увеличением многообразия факторов, обеспечивающих целостность систем (в неживой природе — ядерные, электромагнитные и другие силы, в обществе — производственные отношения, политические, национальные и др.² Внутри каждого из структурных уровней материи существуют отношения субординации: молекулярный уровень включает в себя атомарный (но не наоборот); организменный — тканевый, клеточный; уровень общества — уровни, представленные классами, нациями, иными социальными уровнями. Закономерности новых уровней специфичны, несводимы к закономерностям уровней, на базе которых они возникли, и являются ведущими для данного уровня структурной организации материи.

Структурное многообразие, т. е. системность, является способом существования материи.

§ 2. Понятия «система», «элемент», «структура».

Несостоятельность идеалистического структурализма

Исходным понятием в представлении материи как структурно упорядоченного образования выступает понятие «система». С этим понятием могут быть связаны представления о мире в целом (в оговоренном, разумеется,

¹ См.: Барулин В. С. Диалектика сфер общественной жизни. М., 1982. С. 47, 65.

² См.: Диалектический материализм. М., 1975. С. 45.

значении этого термина), формы движения материи, структурные уровни организации материи, отдельные целостные объекты внутри структурных уровней материи, различные аспекты, уровни, «срезы» этих материальных объектов. На этом понятии как на исходном базируется вся картина всеобщей структурированности материи.

Но что представляет собой система? В. Н. Садовский приводит около 40 определений понятия «система», получивших наибольшее распространение в литературе¹. Мы же выделим из совокупности имеющихся определений базисное определение, по нашему мнению, наиболее корректное и наиболее простое, что немаловажно в целях дальнейшего изучения указанного понятия. Таковым может стать определение, данное одним из основоположников общей теории систем Л. Берталанфи: *система — это комплекс взаимодействующих элементов*².

В понимании того, что такое система, решающую роль играет значение слова «элемент». Без этого само определение может оказаться банальностью, не заключающей в себе сколько-нибудь значительной эвристической ценности. Критериальное свойство элемента — его необходимое непосредственное участие в создании системы: без него, т. е. без какого-либо одного элемента, система не существует. «К системе относятся только те объекты, явления, процессы, которые принимают прямое, непосредственное участие в созидании свойств системы»³. **Элемент есть далее неразложимый компонент системы при данном способе ее рассмотрения.** Если взять, к примеру, человеческий организм, то отдельные клетки, молекулы и атомы не будут выступать его элементами; ими оказываются нервная система в целом, кровеносная система, пищеварительная система и т. п. (по отношению к системе «организм» точнее будет назвать их подсистемами). Что касается отдельных внутриклеточных образований, то они могут быть подсистемами клеток, но не организма; по отношению к системе «организм» они — компонент его содержания, но не элемент, не подсистема.

¹ См.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 77—106.

² К группе исходных определений можно отнести и следующее: система есть ограниченное множество взаимодействующих элементов (Аверьянов А. Н. Системное познание мира. С. 43).

³ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 32. См. также: Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 134.

Понятие «подсистема» выработано для анализа сложноорганизованных, саморазвивающихся систем, когда между элементами и системой имеются «промежуточные» комплексы, более сложные, чем элементы, но менее сложные, чем сама система. Они объединяют в себе разные части (элементы) системы, в своей совокупности способные к выполнению единой (частной) программы системы. Будучи элементом системы, подсистема в свою очередь оказывается системой по отношению к элементам, ее составляющим. Аналогично обстоит дело с отношениями между понятиями «система» и «элемент»: они переходят друг в друга. Иначе говоря, система и элемент относительны. С этой точки зрения вся материя представляется как бесконечная система систем. «Все явления, — подчеркивает В. П. Кузьмин, — обладают системными свойствами. Они сами суть системы и входят в более широкие, связанные условиями существования системы, которые, в свою очередь, образуют системы и т. п. Предметом изучения могут быть как сами объекты — системы, так и системы отношений, системы оснований, детерминаций, подсистемы и, наоборот, суперсистемы»¹.

Наряду с представлением об элементах в представлении о любой системе входит и представление о ее структуре. Структура — это совокупность устойчивых отношений и связей между элементами. Сюда включается общая организация элементов, их пространственное расположение, связи между этапами развития и т. п.

По своей значимости для системы связи элементов (даже устойчивые) неодинаковы: одни малосущественны, другие существенны, закономерны. Структура прежде всего — это закономерные связи элементов. Среди закономерных наиболее значимы интегрирующие связи (или интегрирующие структуры). Они обуславливают интегрированность сторон объекта. В системе производственных отношений, например, имеются связи трех родов: относящиеся к формам собственности, к обмену деятельностью и к распределению. Все они существенны и закономерны. Но интегрирующую роль в этих отношениях играют отношения собственности (иначе формы собственности). Интегрирующая структура является ведущей основой системы.

Встает вопрос: чем определяется качество системы —

¹ Кузьмин В. П. Принцип системности в работах В. И. Ленина// Ленин. Философия. Современность. М., 1985. С. 112—113.

элементами или структурой? Некоторые философы утверждают, что качество системы детерминируется прежде всего или полностью структурой, отношениями, связями внутри системы. Представители школы структурно-функционального анализа, возглавляемой Т. Парсонсом, положили в основу концепции общества «социальные действия» и сфокусировали внимание на функциональных связях, их описании, выявлении структурных феноменов. При этом вне поля зрения остались не только причинные зависимости, но и сами субстратные элементы. В области лингвистики тоже можно встретить направление, абсолютизирующее роль структуры в генезисе качества систем.

Конечно, для целей исследования бывает возможно и необходимо временно абстрагироваться от материальных элементов и сосредоточить усилия на анализе структур. Но одно дело — временное отвлечение от материального субстрата, а другое — абсолютизация этой односторонности, построение на таком отвлечении целостного мировоззрения.

Научно-философский подход к качеству систем выявляет их зависимость от структур. Пример тому — явление изомерии в химии. В пользу выдвинутого положения говорит и относительная независимость структур от природы их субстратных носителей (так, нейроны, электронные импульсы и математические символы способны быть носителями одинаковой структуры). На использовании свойства одинаковости структур, или изоморфизма¹, базируется один из ведущих методов современной науки — метод кибернетического моделирования.

Но как бы значительна ни была роль структуры в обусловливании природы системы, первенствующее значение принадлежит все-таки элементам. Мы имеем в виду невозможность порождения каких-либо материальных систем одними только отношениями. В то же время материальные системы порождаются той или иной совокупностью элементов, вступающих во взаимные связи. Элементы определяют сам характер связи внутри системы. Иначе говоря, природа и количество элементов обуслов-

¹ «Две системы, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в другой, и наоборот. Такое взаимно-однозначное соответствие называется изоморфизмом» (Философский словарь. М., 1980. С. 125).

ливают способ (структуру) их взаимосвязи. Одни элементы детерминируют одну структуру, другие — другую. Элементы — материальный носитель связей и отношений, составляющих структуру системы. Итак, качество системы определяется, во-первых, элементами (их природой, свойствами, количеством) и, во-вторых, структурой, т. е. их связью, взаимодействием. Нет и не может быть «чистых» структур в материальных системах (они возможны только в абстракции), как не может быть и «чистых» элементов. Материальные системы суть единство элементов и структуры. С этой точки зрения структурализм как мировоззрение есть одностороннее, а потому и ошибочное видение мира¹.

§ 3. Типы систем

Материальные системы, существующие в природе или обществе, неравнозначны по многим параметрам, и прежде всего по характеру связей между элементами, по степени интегрированности элементов и структур. При самом общем подходе здесь можно разграничить два класса образований — суммативные и целостные.

Примеры суммаций — терриконы угольных разработок, куча камней, скопление людей на улице и т. п. Об этих совокупностях нельзя сказать, что они бессистемны, хотя их системность слабо выражена и близка к нулю; трудно определить, что выступает в них в качестве элементов; элементы обладают значительной автономностью друг к другу и к самой системе; связи между ними внешние, несущественные, преимущественно случайные; качество системы практически равно сумме качеств (или свойств) ее составных компонентов, взятых изолированно друг от друга.

И все же такие образования не являются, как уже сказано, полностью бессистемными. Между их компонентами существуют связи, взаимодействия, позволяющие этим образованиям в течение известного времени проти-

¹ Подробнее о сущности идеалистического структурализма и его несостоятельности см. в работах: *Свидерский В. И., Зобов Р. А.* Об идеализме и метафизике в подходах к категориям элементов и структуры, части и целого // *Критика современной буржуазной философии в курсе диалектического материализма.* М., 1975; *Фаркаш Л.* Экзистенциализм, структурализм и фальсификация марксизма. М., 1977; *Грецкий М. Н.* Философский структурализм // *Современная буржуазная философия.* М., 1978.

востоять внешним взаимодействиям в качестве относительно самостоятельных совокупностей. Имеются здесь и интегративные свойства, которых не дает простое суммирование исходных свойств, иначе говоря, здесь есть некоторая заданность («программа»), выраженная в основном в структуре, объединяющей компоненты в данную, а не иную совокупность. Своеобразие элементов таких образований (их близость к компонентности) позволяет исключать значительную их часть или, наоборот, добавлять к имеющимся новые компоненты без сколько-нибудь существенного изменения общего качества такой системы; но именно тот факт, что количественные изменения имеют здесь границу, т. е. меру наличного бытия, дает основание говорить о существующей взаимозависимости компонентов и системы, об элементной основе системы и, в частности, о необходимости дальнейшей разработки понятия «элемент», его уточнении.

Тем не менее размытость граней между «элементом» и «компонентом» в суммациях, незначительная интегрированность таких элементов, возможность пренебречь данной интегративностью как мало существенной — все это дает основание не считать такие образования системами. Однако такое мнение, на наш взгляд, не имеет под собой достаточных оснований и складывается главным образом из-за жесткой установки на отождествление системности с целостностью.

Второй класс системных образований и есть класс целостных систем¹. В них четко выражены элементность состава, зависимость генезиса и существования системы от каждого элемента и, наоборот, зависимость элементов от системы, от ее общих свойств. В результате взаимодействия элементов (по сравнению с суммациями более значительными и существенными для бытия системы)

¹ Представление о целостности изучаемой системы выступает исходным пунктом системного подхода; этот подход является не философским, а общенаучным, хотя и базирующимся на философско-методологическом принципе системности. О его сущности, соотношении с диалектическим материализмом и роли в частнонаучных исследованиях см.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980; Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981; Очерки по диалектическому материализму. М., 1985 (гл. VIII).

внутренние связи таких систем оказываются намного прочнее и стабильнее внешних. Интегративные качества, составляющие специфику целостности, принципиально новые по сравнению с теми, что имеются у компонентов, выступающих в функции элементов, а нередко и прямо противоположные (например, свойства H_2O и свойства отдельно взятых атомов Н и О).

Существует множество целостных материальных систем, подразделяемых на типы по разным основаниям: по характеру связи между частями и целым — неорганические и органические; по формам движения материи — механические, физические и химические (или физико-химические), биологические, социальные; по отношению к движению — статичные, динамические; по видам изменений — нефункциональные, функциональные, развивающиеся; по характеру обмена со средой — открытые, закрытые, изолированные; по отношению к энтропийному процессу — энтропийные и антиэнтропийные; по степени организации — простые и сложные; по характеру внутренней детерминации — однозначно-детерминированные и вероятностные; по уровню развития — низшие и высшие; по характеру происхождения — естественные, искусственные, смешанные («человек — машина», «наблюдатель — прибор — объект» и т. п.); по направлению развития — прогрессивные и регрессивные. Помимо этих и иных типов материальных систем имеются также идеальные системы, подразделяемые на ейдетические и концептуальные, эмпирические и теоретические и т. п.

Остановимся, однако, на следующих двух типах материальных целостных систем — неорганических и органических¹. Примеры неорганических систем — солнечная система, атомы, молекулы H_2O , $NaCl$ и др., симбиозы в органической природе, часы и автомашина, производственная кооперация в экономической сфере общества и т. п.

По степени взаимозависимости частей и целого неорганические системы различны: есть системы, в которых целое больше зависит от частей, чем части от целого,

¹ Необходимо обратить внимание на различия терминов «неорганический» и «неорганический». Последний связан с физической (в том числе механической) и химической формами движения материи, а первый применим ко всем — им охватываются определенного рода системы, отличающиеся и от суммативных систем, и от органических по характеру связи элементов.

и есть системы, в которых зависимость частей от целого более значительна. Неорганичные системы подразделяются на нефункциональные (например, кристаллы) и функциональные (например, машина).

В функциональных механических системах¹ имеется комплекс самостоятельно сосуществующих элементов. Внешний характер связи, взаимодействия частей заключается в том, что оно не вызывает изменения внутреннего строения, взаимного преобразования частей. Взаимодействие частей совершается под действием внешних сил, по определенному извне техническому назначению. Любая часть в машине выполняет определенную функцию и зависит от целого, от других частей, от их взаимодействия. Выход из строя даже единичных частей может повлечь за собой дезорганизацию функций (в ЭВМ — серьезные ошибки в расчетах) или остановку всей машины в целом. В связи с этим большое значение приобретает проблема обеспечения работы механизмов с большей надежностью, что является предметом специальной теории надежности системы.

Следующий тип систем — органичные. Они характеризуются большой активностью целого по отношению к частям, подчинением частей целому (вплоть до порождения отдельных частей, требуемых структурой целого), гибкой вероятностной, а не жестко-однозначной связью между элементами и между элементами и системой, самовоспроизведением и саморазвитием. Наиболее яркие тому примеры — организмы животных и человека, общество как система. Если в суммативных, да и в неорганичных системах, части могут существовать без системы, сохраняясь в основном своем субстрате, то в целостных органичных системах части являются частями только в составе единого функционального целого². Вне этой связи, вне целого части перестают быть частями, прекращают свое существование вообще (например, сердце вне организма, производительные силы вне способа произ-

¹ См.: Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965. С. 103—104.

² Различные аспекты функционирования сложных систем в последние десятилетия интенсивно изучаются кибернетикой, теорией автоматов, теорией информации, теорией алгоритмов и другими теориями; в них широко применяется функциональный подход (см.: Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982).

водства). Помимо связей координации в структуре таких систем большое место занимают связи субординации, детерминированные генезисом одних частей целого из других. Структура оказывается связанной с определенной программой, в обществе — с сознательно выдвигаемой целью, с управляющими механизмами, посредством которых структура целого активно воздействует на функционирование и развитие частей¹.

Все отмеченные классы и типы систем (суммативные и целостные, целостно-неорганичные и целостно-органичные) одновременно существуют в трех сферах материальной действительности. Между ними нет непреходимой грани, наоборот, эти грани подвижны, а конкретные материальные системы одного типа или класса способны переходить в системы другого типа или класса. Так, под влиянием гравитационных и других интегративных сил суммативные системы в неорганической природе способны приобретать характер целостных систем, а впоследствии, в результате роста энтропийных процессов, превращаться в суммативные или бессистемные образования. В социальной области, в условиях строительства коммунистического общества важное значение приобретает содействие интегративным процессам, направленным на ускорение научно-технического прогресса (например, содействие интегрированию в новую целостность общественных, естественных и технических наук, созданию еще более эффективных трудовых коллективов и т. п.), и одновременно активизация усилий по преодолению негативных для прогресса общества системных образований (системы индивидуалистических интересов среди части населения, системы религиозных пережитков и т. п.)². Знание о возможности превращения систем одного типа в системы другого типа (или класса) нацеливает на изучение механизмов такого перехода в общефилософском и частнонаучном аспектах, что может принести пользу как в

¹ Проблема системности и управления достаточно широко освещена в современной философской литературе. См.: *Афанасьев В. Г.* Общество: системность, познание и управление. *Абрамова Н. Т.* Целостность и управление. М., 1974; *Украинцев Б. С.* Возникновение и эволюция феномена управления // Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1983. Т. III.

² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 163—165.

отношении воздействия человека на природу, так и в отношении воздействия на социальную действительность, на ускорение прогресса общества.

§ 4. Целое и часть. Антиномии целостности

Понятие «система» и «целое», как и понятия «элемент» и «часть», близки по содержанию, но полностью не совпадают. Согласно одному из определений, «целым называется [1] то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также [2] то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно»¹.

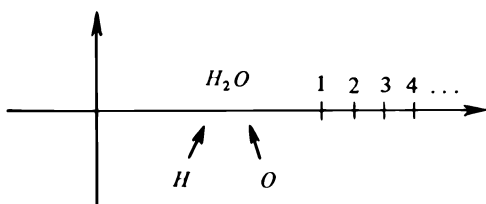
Понятие «целое» по своему объему уже понятия системы. Системами являются не только целостные, но и суммативные системы, не принадлежащие к классу целостных. В этом первое отличие «целого» от «системы». Второе: в понятии «целое» акцент делается на специфичности, на единстве системного образования, а в понятии «система» — на единстве в многообразии. Целое соотносимо с частью, а система — с элементами и структурой.

Понятие «часть» уже по своему объему, чем понятие «элемент» по первой линии отличия целостных образований от систем. С другой стороны, в части могут входить не только субстратные элементы, но и те или иные фрагменты структуры (совокупности отношений) и структура систем в целом. Если соотношение элементов и системы есть соотношение разных структурных уровней (или подуровней) организации материи, то соотношение частей и целого есть соотношение на одном и том же уровне структурной организации²; первое соотношение — эмерджентно-генетическое, вертикальное, второе — адди-

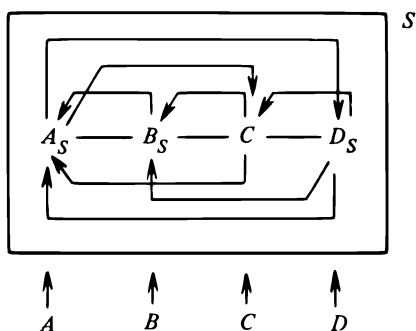
¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 174—175.

² «Часть, как таковая, имеет смысл только по отношению к целому, она несет на себе черты его качественной определенности и не существует самостоятельно. В отличие от части элемент является определенным компонентом любой системы, относительным пределом ее делимости, означающим переход к следующему, соответственно более низкому по организации уровню развития материи, и, следовательно, по отношению к системе всегда будет объектом иного качества» (Зелькина О. С. Категория «структура» в системе категорий диалектики // Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971. С. 166).

тивно-координационное, горизонтальное. Это можно видеть на схеме образования молекул воды и соотношения частей самой воды (рис. 6):

Следует обратить внимание на то, что не каждый элемент может оказаться частью. Например, в организм человека входит в качестве элемента неорганическая подсистема, без нее организм не может существовать, однако совокупность неорганических образований не будет частью этого целого, потому что не несет на себе печати этой целостности. Понятие части соотносимо только с понятием целого (целостности) и означает момент, фрагмент целостности, необходимо заключающий в себе ее специфичность. Элемент и части совпадают тогда, когда элемент, взаимодействуя с другими элементами, в результате порождения нового качества становится носителем качественной специфичности системы; но элемент не становится частью без его преобразования под воздействием специфики системы. Сказанное можно выразить следующей схемой (рис. 7):

Здесь $A, B, C, D \dots$ — исходные элементы; S — система; A_S, B_S, D_S — элементы — части систем; C — элемент, участвующий в образовании системы, в ее функционировании, но не имеющий специфики целостности.

Итак, включение отношения «части — целое» в анализ элементов (аналогично обстоит дело и с частными структурами) позволяет увидеть два вида элементов: исходные элементы (они же могут оставаться таковыми и в составе системно-целого) и элементы — части.

«Целое» и «часть» — это не совпадающие, противоположные категории. В части — не только специфичность целого, но и индивидуальность, своеобразие, зависящее от природы исходного элемента. Часть отделена от целого, обладает относительной автономностью, выполняет свои функции в составе целого (одни части — более существенные функции, другие — менее существенные). Наряду с этим «целое управляет частью... по крайней мере в главном»¹.

В трактовке соотношения целого и части в истории философии имели место, а в настоящее время существуют в буржуазных странах две прямо противоположные позиции — меризм и холизм. Первая абсолютизирует в этих взаимоотношениях роль частей, вторая — роль целого. Если первая позиция преимущественно связывалась с материализмом, то вторая — главным образом с идеализмом. Наряду с меризмом и холизмом издавна существовала также диалектическая концепция, преемником и продолжателем которой является диалектический материализм.

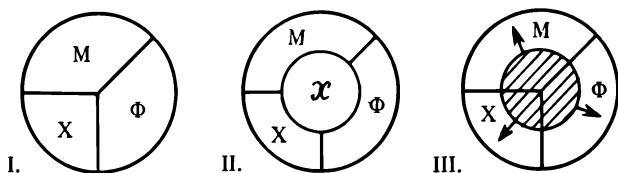
Рассмотрим, как решаются некоторые из антиномий² целостности в меризме, холизме и диалектическом материализме.

Первая антиномия выражается в формулировке положения: целое есть сумма частей, и противоположения: целое есть нечто большее, чем сумма частей. Применительно к биологической целостности позиция меризма выражалась в утверждении, что биологическое есть простая сумма механического, физического и химического (см. рис. 8, I). Согласно холистской концепции, помимо механических, физических и химических элементов в органической системе есть некий загадочный элемент (фактор) «х», который организует всю структуру живого и направляет его функционирование и развитие; этот элемент — духовный (энтелехия), он непознаваем (см. рис. 8, II). Диалектический материализм подходит к этой

¹ Дигген И. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 322.

² Антиномия — противоречие между положениями, каждое из которых признается логически доказуемым.

антиномии на основе решения проблемы соотношения высших и низших форм движения материи: генетически высшая форма базируется на низших, включает в себя низшие, но не сводится к ним; она обладает материальной специфичностью, которая решающим образом воздействует на входящие в нее низшие формы (см. рис. 8, III).

Поэтому в количественном аспекте целое есть сумма частей, в качественном — целое больше суммы частей. Ориентация на вхождение в биологическое физико-химического соответствует современному развитию молекулярной биологии, нацеленности на изучение физико-химических основ жизни: ориентация же на специфически-биологическое, в том числе на надорганизменных уровнях структурной организации, — развитию синтетической теории эволюции, экологии, биоценологии и других наук. Меризм и холизм отсекают часть направлений в биологическом исследовании или дают искаженную трактовку тем данным биологии, которые входят в их поле зрения.

Вторая антиномия: «части предшествуют целому» (меризм), «целое предшествует частям» (холизм). Порождения частью целого, а целым — части не наблюдаются в материальной действительности. И это понятно — нет части без целого, как и целого без частей. Решение диалектично: целое порождается целым посредством частей. Одна из частей, будучи непосредственно связанной не только с одним целым, но и с другим, в силу каких-либо условий приобретает тенденцию к выходу за пределы исходного целого и к преобразованию себя и всего целого (например, пролетариат капиталистической системы и социализм). Итак, целое порождается целым посредством частей.

Третья антиномия: «целое — всё, часть — ничто»; «часть — всё, целое — ничто». На основе первого тезиса формируются тоталитарные политические концепции. В современных условиях принцип тоталитаризма

свое наиболее полное выражение находит в теории и практике фашизма, который использует идею безоговорочного подчинения части «целому». Наряду с такого рода решением проблемы «целое и часть» существует концепция «социального атомизма» (социологический вариант меризма), не менее полезная реакционным силам. Согласно этой концепции, предпочтение должно быть отдано интересам индивида, а интересы общества — им подчинены. В буржуазной социологии индивидуализм возведен в принцип. Фактически здесь наблюдается тот же «культ личности», что и в тоталитаризме, только в иной форме. Но, как справедливо подчеркивают марксисты, производ личности ничуть не лучше произвола общества.

Диалектико-материалистическое (мировоззренческое и методологическое) понимание вопроса несовместимо ни с тоталитаризмом, ни с индивидуализмом. Марксизм отвергает антигуманные цели и средства социальной деятельности. «...Цель, для которой требуются неправомерные средства, — указывал К. Маркс, — не есть правая цель...»¹ Общество и человек одновременно выступают друг для друга средством и целью. Ни одна из сторон не подавляет интересы другой, поскольку они органически совпадают в главном. Марксизм исходит не из человека вне общества и не из общества над людьми, но из общественного человека и человеческого общества. Он провозглашает взаимное соответствие целей системы и целей ее частей.

«Коммунизм, — подчеркивается в Программе КПСС, — общественный строй, при котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»².

Таковы основные антиномии целостности и их решение в марксистской философии.

§ 5. Форма и содержание материальных систем

Для понимания структурности материи важное значение имеет уяснение соотношения формы и содержания. Подобно диалектике части и целого, элементов и системы диалектика формы и содержания конкретизирует представление о структурности как атрибуте материи, связывает структурность с противоречиями, с развитием (быть может, даже больше, чем категории части

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 65.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 139.

и целого), отсекает метафизическую односторонность в их трактовке и выявляет новые грани в проблеме использования этих категорий в практической деятельности людей.

Под «содержанием» в диалектическом материализме понимается все, что содержится в системе. Сюда входят не только субстраты — элементы, но и отношения, связи, процессы, тенденции развития, все части системы. Если, к примеру, при рассмотрении организма человека мы не могли считать элементами данной системы отдельные клетки, молекулы, непосредственно не участвующие в ее создании, если при анализе частей данного организма мы по определению не могли считать специфицированной частью его неорганическую подсистему, то теперь, при сосредоточении внимания на содержании системы, мы должны охватывать буквально все, что в ней есть. Для выражения фрагмента содержания системы, используется слово «компонент» системы (а не «элемент», «часть»).

Понятие формы многозначно. Часто под формой понимается способ внешнего выражения содержания, иногда при этом указывается, что форма к тому же есть относительно устойчивая определенность связи элементов (точнее, компонентов) содержания и их взаимодействия, тип и структура содержания. Конечно, форма есть внешнее выражение содержания, внешняя конфигурация вещи, предмета, его внешние пространственные и временные границы. Форма есть также способ существования материи (например, когда речь идет о пространстве и времени как атрибутах материи). Понятие формы градуирует единое (например, «формы движения материи», «органические формы», «формы общественного сознания» и т. п.). Под формой понимается также внутренняя организация, способ связи элементов внутри системы (в данном случае понятие формы совпадает с понятием структуры). В интересующем нас плане форма есть внутренняя и внешняя организация системы.

Существуют различные типы содержания (существенное и несущественное, необходимое и случайное, материальное и идеальное и т. п.) и соответственно различные типы формы.

Сами понятия формы и содержания относительны. Например, производственные отношения являются содержанием по отношению к надстройке и формой — по отношению к производительным силам общества.

Диалектико-материалистическую позицию в трактовке соотношения формы и содержания достаточно четко представляют следующие положения: 1) их неразрывность; 2) неоднозначность связи; 3) противоречивость единства; 4) оптимальность развития — при соответствии формы содержанию, содержания — форме.

Форма и содержание неразрывны в том смысле, что нет ни одной материальной системы, у которой не было бы содержания и формы. Форма содержательна, содержание оформлено. Одно без другого не существует. Когда говорят: «Этот кинофильм бессодержателен», то при этом имеют в виду не отсутствие содержания вообще, а отсутствие надлежащего содержания. Попытки оторвать форму от содержания, придать ей самодовлеющее значение ведут к формализму. К. Маркс подчеркивал: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»¹. Недооценка формы в художественном творчестве чревата вульгарным натурализмом, потерей средств выразительности и эмоционально-психологического воздействия. Отвергая натурализацию как лжереалистичность, основоположники марксизма выступали за высокохудожественное отражение действительности, преломленной через чувства художника. К. Маркс, например, глубоко ценил произведения И. В. Гете, Ф. Шиллера, В. Шекспира и других выдающихся деятелей литературы и искусства. В. И. Ленин писал о Л. Н. Толстом, что это «гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы»². Единство высокохудожественной формы и глубокого содержания — такова прогрессивная традиция передовой эстетической мысли прошлого³, продолжаемая и развиваемая марксизмом.

Второй момент диалектико-материалистического понимания соотношения формы и содержания состоит в неод-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 159.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 209.

³ Гегель, например, писал: «Можно сказать об Илиаде, что ее содержанием является Троянская война или, еще определеннее, гнев Ахилла; это дает нам все, и одновременно еще очень мало, ибо то, что делает Илиаду Илиадой, есть та поэтическая форма, в которой выражено содержание. Точно так же и содержанием «Ромео и Джульетты» является гибель двух любящих вследствие раздора между их семьями; но это — еще не бессмертная трагедия Шекспира» (Гегель Г. В. Ф. Соч. 1929. Т. 1. С. 225). «Произведение искусства, которому недостает надлежащей формы, не есть именно поэтому подлинное, т. е. истинное произведение искусства, и для художника, как такового, служит плохим оправданием,

нозначности их связи: одно и то же содержание может иметь разные формы (например, классовая борьба и ее выражение в экономической, политической и идеологической формах); но может быть и иначе: одна и та же форма может иметь различное содержание (Советы — с июля 1917 г. с их эсеровско-меньшевистским содержанием, затем Советы после Октября, Советы последних десятилетий и их дальнейшая демократизация в наши дни).

Третье положение фиксирует противоречивость единства формы и содержания, внутри которых порой возникают разнонаправленные тенденции. У содержания преобладает тенденция к изменениям, у формы (как внутренней структуры системы) — тенденция к устойчивости. До некоторых пор эти тенденции находятся в гармонии: сама форма как внутренняя структура детерминирует развитие содержания и развитие самой себя (ведь форма есть часть содержания). Но существуют рамки для изменения формы, обусловленные ее качеством. Она может не быть своевременно преобразована (а в социальных системах в этом могут быть заинтересованы определенные социальные силы). Тогда форма как внутренняя структура системы становится тормозом развития содержания, наступает конфликт формы и содержания, требующий соответствующих средств своего преодоления. В периоды преобразования структуры — при бесконфликтном или конфликтном развитии — происходит «переход» содержания в форму и формы в содержание (в том смысле, что форма оказывается наиболее тесно связанной с содержанием, близкой к содержанию).

Следующее, четвертое положение, касающееся диалектики формы и содержания, связано с характером их единства. Форма, как мы видели, может не соответствовать (в условиях дисгармоничного и конфликтного развития) измененному содержанию. Правда, и в этих условиях сохраняется единство содержания и внутренней структуры системы. Но возникает потребность в разрушении одной из сторон противоречия как средстве преодоления конфликта. В условиях же гармонии формы и содержания обе стороны противоречия, будучи противоположными по тенденциям своих изменений, объективно содействуют

если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы. Только те произведения искусства, в которых содержание и форма тождественны, представляют собою истинные произведения искусства» (там же).

укреплению друг друга и системы в целом. Они, таким образом, соответствуют друг другу.

Соответствие и несоответствие формы содержанию свидетельствуют о ее относительной самостоятельности, о возможности ее двоякого — позитивного или негативного, организующе-конструктивного или деструктивного воздействия на содержание. Это, в свою очередь, приводит к мысли: а нельзя ли сначала создать конструктивную структуру (форму), а потом «подтягивать» под нее содержание? Конечно, могут быть и нежизненные, преждевременные и просто никуда не годные формы, насильно навязываемые содержанию, как, например, при волюнтаристском подходе к социальным структурам. Это тоже ведет к несоответствию формы содержанию. Такой бездумный активизм ничуть не лучше консерватизма. Он сторонится научного анализа конкретного соотношения формы и содержания, страшится реальности.

Большое значение в решении проблемы социального переустройства общества придавали конструктивной форме основоположники марксизма. Критикуя недооценку меньшевиками такой формы, как организация партии, В. И. Ленин говорил: «Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания...»¹. В своей деятельности по организации нашей партии В. И. Ленин исходил из необходимости обеспечить соответствие формы и содержания партийной работы. Находясь во главе молодого Советского государства, В. И. Ленин много внимания уделял созданию и совершенствованию структур в сфере народного хозяйства, в области народного образования, культуры, науки (вспомним в этой связи структуры ВСНХ, Госплана, Наркомпроса, проект Комиссариата науки, воплощенный во Временном комитете науки и т. п.).

В Программе КПСС, принятой на XXVII съезде нашей партии, выдвигаются задачи по осуществлению глубоких сдвигов в экономике, по кардинальному ускорению научно-технического прогресса. Наряду с этим ставятся задачи и по структурной перестройке общественного производства. «Переход на рельсы интенсификации, — говорится в Программе КПСС, — требует серьезных структурных изменений в экономике... Необходимо более высокими темпами развивать отрасли, обеспечивающие научно-технический прогресс и успешное решение социальных задач,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 378.

добиваться оптимального соотношения потребления и накопления, улучшения пропорций между производством средств производства и предметов потребления, отраслями агропромышленного комплекса»¹. Выдвигаются и другие задачи, решение которых будет способствовать гармоническому развитию содержания и внутренней структуры производства.

Итак, оптимальность развития достигается только при взаимном соответствии содержания и формы (структуры).

§ 6. Сущность и явление в материальных системах

Отдельные материальные системы, как и объекты, состоящие из таких систем, имеют еще один структурный параметр — отношение между явлением и сущностью, или, иначе говоря, отношение между феноменалистской и эссенциалистской сторонами. Этот аспект систем является наиболее важным среди атрибутов материального объекта; с ним тесно связана структура процесса познания². Все другие аспекты, выраженные в соотношениях категорий «система — элемент», «целое — часть», «содержание — форма», в своем конкретном превращении из «вещи в себе» в «вещь для нас» имеют исходным своим звеном явление. В разрабатываемой В. П. Бранским атрибутивной модели материального объекта явление и сущность занимают место фундаментальных, наиболее сложных атрибутов; все другие атрибуты (качество, изменение, закон, возможность, причинность и т. д.) характеризуют различные стороны этих атрибутов или различные аспекты взаимоотношения между ними³.

Понятие явления определяется как форма проявления сущности, как внешнее обнаружение сущности, т. е. как внешние свойства и их системная структурированность. Такое определение малоинформативно, если не раскрыть понятия «сущность» (ситуация, аналогичная сложившейся

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 143.

² Реальный процесс познания материи начинается не с основного вопроса философии (с этого начинается изложение теории диалектического материализма), а с исследования отдельных вещей; явление выступает логическим началом, исходным пунктом логики движения познания к сущности (см.: Кириллов В. И. Логика познания сущности. М., 1980. С. 16—17).

³ См.: Бранский В. П. Принцип противоречивости объекта и его атрибутов // Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 1. Объективная диалектика. М., 1981. С. 27.

при определении понятия «система»). Под сущностью обычно понимают главное, основное, определяющее в содержании системы, заключенное в предмете основание всех происходящих с ним изменений при взаимодействии с другими предметами. Это определение недостаточно корректно в том плане, что в нем сущность (а с ней и явление) лишены подвижности; а между тем они подвижны в своем соотношении, что и должно быть отражено, на наш взгляд, в исходном определении сущности.

Таковым может быть понимание сущности как элемента или свойства системы, от которого зависят другие ее элементы или свойства¹. Категория сущности служит для выделения в системе таких ее свойств и отношений, которые обуславливают другие ее свойства и отношения².

Все материальные системы, заключая в своем содержании причинно-следственные связи, имеют обусловленное и обуславливающее. Нет ни одной системы, которая имела бы одно и не имела бы другого; нет сущности без ее проявления, нет явления без сущности. Сущность и явление неразрывно связаны друг с другом.

Они связаны и тогда, когда сущность проявляет себя неадекватно, в форме видимости. Видимость отражает мнимую сущность³ и проистекает из-за обмана органов чувств (галлюцинации, аггравации и т. п.), из-за недостаточной осведомленности, искажающей картину реальности, из-за классовой позиции субъекта познания (мнения буржуазных экономистов о стоимости, цене, рабочей силе) и т. п. В отличие от этих субъективных заблуждений (имеющих, кстати, некоторую реальную основу) объективная кажимость имеет непосредственное полное основание внутри структуры действительной сущности или во взаимодействии таких сущностей. При капитализме, например, заработная плата выступает как оплата всей произведенной работы; на самом же деле она представляет собой денежное выражение стоимости рабочей силы и детерминирована структурой капиталистических производственных отношений. Приведенный пример относится к внутрисущностной кажимости. Е. П. Никитин предлагает выделять и другой вид кажимости — кондициональную, или межсущностную, кажимость.

¹ См.: Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 332.

² См.: Петров Ю. А. Логическая функция категорий диалектики. М., 1972. С. 130.

³ См.: Звилянич В. А. Логико-гносеологические и социальные аспекты категорий видимости и сущности. Киев, 1980.

К последней можно отнести кажущийся излом линий предметов, частично погруженных в воду. Здесь нет обмана органов чувств: они верно передают преломление лучей света от разных поверхностей. Эта кажимость вызвана взаимодействием двух сущностей, двух структур и является следствием соответствующих условий. Отсюда и название — «межсущностная», или «кондициональная» (*conditio* — условие), кажимость. Вне данных условий ее нет. В обоих случаях кажимость противоположна сущности. Кажимость искаженно выражает сущность. Но и будучи противоположной сущности, ее искаженным выражением, она остается объективной, находится в единстве с явлением. «... Объективна и кажимость...»¹.

Явления, как мы видим, бывают двух типов: 1) адекватные и 2) неадекватные. Кажимости, как подтип неадекватных явлений (видимостей), тоже подразделяются на два вида: а) внутрисущностные и б) кондициональные (межсущностные). При рассмотрении категорий «явление» и «сущность» имеются в виду оба типа явлений (заметим, что термин «явление» даже в философской литературе часто употребляется в значениях, тождественных понятиям «материальный объект», «событие», «процесс», «существование», «реальность», а не только отражает проявление сущности).

Диалектика соотношения явления и сущности раскрывается в нескольких планах, наиболее значимыми из которых будут взаимодействие (движение) систем, развитие систем, познание систем.

Вне взаимодействий системы остаются «вещами в себе», не «являются», следовательно, и об их сущностях ничего узнать не удастся. Только взаимодействие раскрывает их природу, их характер, внутреннюю структуру. Будучи неразрывно связанным со своей сущностью, явление в результате взаимодействия данной системы с другой не только проявляет эту сущность, но и несет на себе печать другой сущности, отражение специфики явления и сущности другой системы. Явление в известной мере — и «для-других-бытие».

Взаимодействуя с множеством других материальных систем, данная система обретает множество проявлений своего бытия («в-себе-бытия»). В каждом из них проявляется одна из сторон сущности системы, одна из ее граней,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 89 (см. также с. 116, 118—119).

один из ее моментов. В своей же внутренней структурной взаимосвязи эти моменты, грани, стороны образуют единство (как единое), раскрываясь во множестве связей с другими системами. Сущность одна, явлений множество. На этом же основании явления, поскольку они также «для-других-бытие», в своей совокупности богаче сущности (хотя несомненно, что сущность глубже любого из своих проявлений, глубже всего комплекса своих явлений). «В явлении, кроме необходимого, общего и существенного, есть ряд случайных, индивидуальных, временных моментов... В смысле обширности, объема свойств явление богаче сущности, но в смысле глубины сущность богаче явления»¹. Явление выражает лишь одну из сторон сущности, никогда полностью не совпадая со всей сущностью. В свою очередь сущность никогда полностью не совпадает со своими явлениями, ни взятыми порознь, ни в совокупности.

В процессе развития ведущая роль принадлежит сущности. Социализм как экономическая система, например, детерминируется прежде всего своими внутренними, сущностными структурами, внутренними, собственно социалистическими (основными и производными) противоречиями. Вместе с тем отдельные проявления этой сущности не безразличны для прогресса нашего общества. Если взять аспект взаимоотношения социализма с капитализмом в процессе развития общества, то одним из важнейших (а на данном этапе важнейшим) проявлений природы социализма будет политика мира и предотвращения войны, конкретные меры по реализации этой политики. Как подчеркивается в Программе КПСС, «социализм — это общество, помыслы и действия которого на международной арене направлены на поддержку стремления народов к независимости и социальному прогрессу, подчинены главной задаче — сохранению и упрочению мира»².

Таким образом, в диалектике сущности и явления в развивающихся системах основное значение принадлежит сущности; проявления же последней, сами по себе многообразные, оказывают влияние на развитие своей основы, своей сущности.

В процессе развития материальных целостных систем

¹ Никитин Е. П. Сущность и явление. Категории «сущность» и «явление» и методология научного исследования. М., 1961. С. 11—12.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 128.

имеет место множество противоречий. Они образуют определенную иерархизированную структуру, обладающую связями субординации. Наиболее фундаментальными их подразделениями, или уровнями, являются уровень сущности и уровень явлений, причем второй подчинен первому. Внешний уровень настолько тесно взаимосвязан с иными системами, что принимается иногда за систему внешних противоречий вообще, соотносимых с внутренними противоречиями. Но если быть более внимательным, то обнаружится, что противоречия, развертываемые в сфере явлений, в общем-то входят в состав именно данной системы, хотя и несут на себе следы другой. С этой точки зрения можно скорректировать в целом интересную идею двухуровневого предметного противоречия, изложенную в монографии В. А. Кайдалова (противоречие на уровне явления квалифицируется как «внешнее»)¹. Внешнее противоречие остается внешним для системы, а внутренние противоречия расчленяются на эссенциалистские и феноменологические; последние лишь постольку связаны с внешними, поскольку явление данной системы оказывается вовлеченным во взаимодействие с другой системой, не более. И вопрос не в том, в какой пропорции «феноменологическое» покрывается «внешним», а в том, что это особые пары категорий, выражающие специфические отношения: понятие «сущность» выражает отношение обуславливания (явление — обусловленное), а понятие «внешнее» — то, что находится вне системы, вне сущности и ее проявлений.

В процессе объективно-материального развития и в особенности в развитии познания обнаруживается взаимопереход сущности и явления, а вместе с ним и относительность данных категорий.

Как отмечал В. И. Ленин, «мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка, и т. д. *без конца*»². Познание идет «от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»³. В. И. Ленин отмечает разнопорядковость, многоступенчатость сущности. Но бесконечность познания сущности не есть релятивность, ведущая к скепсису как пессимистической жизненной установке. Признание многопорядковости сущ-

¹ См.: Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск, 1982. С. 49—50.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

³ Там же. С. 203.

ности в диалектическом материализме не исключает, а предполагает возможность ее объективного отражения и достижения первого ее «абсолютного» рубежа — закона, позволяющего объяснить главные направления развития этой сущности. Сумму всех изменений «во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, — указывал В. И. Ленин, — что открыты законы этих изменений, показана в главном и в основном объективная логика этих изменений и их исторического развития... Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание»¹. Итак, в процессе познания важно в главном, в основном схватить сущность, выявить ее общую, ведущую структуру, выражаемую основным законом системы. Этим вносится конкретность в диалектику уровней сущности, указывается основной ее структурный узел, но вместе с тем и не перекрывается дальнейшее движение по уровням сущности, тем более по уровням развивающейся, постоянно модифицирующейся сущности. Ленинское положение о многогранности и многоуровневости сущности, о ее бесконечном познании находится в строгом соответствии с задачами научного познания материальных систем; эта установка реализуется ныне в творческой теоретической мысли нашей партии, в ее анализе социалистической и капиталистической социальных систем, что нашло свое яркое выражение в Программе КПСС, принятой XXVII съездом партии.

Процесс познания сложных систем в природе также многоступенчат, труден и связан с поиском главных, определяющих сущностных структур. Если, к примеру, на пути познания злокачественных опухолей уже обозначены этапы, связанные с канцерогенной теорией (которую условно можно соотнести с первым уровнем сущности данного процесса), а также с вирусно-генетической теорией (сущностью, так сказать, второго порядка), и на этих этапах несколько расширяются возможности лечения рака, то не может быть сомнений в достижении уровня, который будет связан с открытием структур, управляющих в целом механизмами патологических новообразований. Познание сущности (как и познание формы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

и содержания, элементов и системы) важно не само по себе, а для овладения ею, для управления системами.

По мере развития знания о материальных системах обнаруживается, что сфера явления в ходе этого процесса расширяется. То, что было сущностью первого порядка вчера, сегодня, при сопоставлении с сущностью второго порядка, т. е. с тем, что обуславливает первичную сущность, может оказаться явлением. В нашем примере со злокачественным заболеванием в сферу явления попадают, таким образом, не только внешние симптомы болезни, устанавливаемые при терапевтической диагностике, но и те процессы, признаки, которые на начально-сущностном уровне фиксируются канцерогенной теорией, однако сколь-нибудь полно ею не объясняются и на этой основе эффективно не «управляются». В литературе приводится и такой факт: атомный вес в одном отношении (к химическим свойствам элементов) выступает как сущность, а в другом (к более глубокой сущности — заряду ядра атома) — как явление. В общем наблюдается такая картина: свойство «*D*» какой-либо материальной системы, будучи сущностью по отношению к свойству «*C*», в то же время выступает как явление по отношению к более глубокой сущности «*E*»; в свою очередь «*E*» будет явлением по отношению к еще более глубокой сущности «*F*» и т. д. Иначе говоря, одна и та же структура может быть одновременно и явлением, и сущностью: явлением в одном отношении, сущностью — в другом.

Отсюда верность того понимания сущности, которое связывает ее с обуславливанием. Сущность определяется лишь по отношению к некоторой системе. Нельзя спрашивать, существует или нет некоторый признак безотносительно к какой-либо системе или безотносительно к специфике отношения обуславливания признаков в этой системе. Конкретный предмет объективно представляет собой множество различных систем (или подсистем). Относительно каждой из них можно выявить ее сущность. Но выявление сущности предмета и определение сущности — вещи разные. Мы определяем понятие сущности не относительно всех систем, которые представляет предмет, а относительно каждой из систем¹.

Таковы основные характеристики системности как атрибута материи, выражаемые понятиями «структура —

¹ См.: Петров Ю. А. Логическая функция категорий диалектики. М., 1972. С. 136—137.

элемент — система», «целое — часть», «содержание — форма», «сущность — явление». К этой группе категорий, характеризующих системность материи, относятся также «вещь — свойство — отношение»; «единичное — особенное — общее», обстоятельно исследованные и в содержательно-методическом плане достаточно четко изложенные¹. Дальнейшую свою конкретизацию системность получает при освещении отражения как атрибута материи и при анализе развития и детерминации (самодетерминации) материальных систем, на чем мы и остановимся.

ГЛАВА 5. ОТРАЖЕНИЕ — АТРИБУТ МАТЕРИИ. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ

§ 1. Отражение как атрибутивное свойство материи. Сознание — высшая форма отражения

К решению вопроса о соотношении материи и сознания диалектический материализм подходит исторически. В. И. Ленин ставит вопрос о том, «каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения»², и выдвигает предположение, что «вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»³. Такой подход к генетической связи материи и сознания исключает дуализм. Кроме того, он в принципе отличается от гилозоизма. Отражение постулируется в качестве всеобщего свойства материи, но не отождествляется с сознанием. Речь идет лишь о том, что это свойство генетически связано с ощущением, но не тождественно ему. Идея В. И. Ленина об отражении как атрибутивном свойстве материи получила свое дальнейшее развитие и конкретизацию в советской

¹ См.: Уемов А. И. *Вещь, свойство и отношение*. М., 1963; Шенгулин А. П. *Диалектика единичного, особенного и общего*. М., 1973; *его же*. *Вещь, свойство и отношение как всеобщие формы существования материи*//Марксистско-ленинская диалектика. М., 1983 Т. 1, Левин Г. Д. *Эволюция понятий «вещь», «свойство», «отношение»*//Марксистско-ленинская диалектика. М., 1983. Т. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 40.

³ Там же. С. 91.

философской литературе; она лежит в основании диалектико-материалистического решения вопроса о соотношении материи и сознания, а также в основе понимания природы сознания.

Отражение есть способность одних тел в результате их взаимодействия с другими телами воспроизводить некоторые особенности последних в своей собственной природе¹. Атрибутивный характер свойства отражения вытекает из атрибутивного характера движения. Везде, где имеет место движение и взаимодействие, имеет место и отражение. Отражение — это момент, сторона взаимодействия. Будучи всеобщим свойством, отражение усложняется и эволюционирует вместе с усложнением и эволюцией материальных систем. В ходе эволюции материи возникает целый спектр форм отражения, упорядоченных по степени их сложности.

Принято различать отражение в неживой и живой природе. В неживой природе отражение имеет пассивный характер. Оно выступает в виде соответствующих изменений физических или химических свойств и состояний объектов в результате внешних воздействий. В живой природе отражение приобретает активный характер.

Исторически первой формой биологического отражения в живой природе является раздражимость. Раздражимость — это способность всего живого избирательно реагировать на внешние воздействия. Свойство раздражимости имеет для организмов приспособительный характер².

Активность отражения выражается здесь в избирательности и целесообразности реакции организма на внешнее воздействие.

Раздражимость — допсихическая форма отражения. Психические формы отражения возникают на основе образования у организмов нервной системы.

¹ Простейшим примером отражения является отпечаток следов на снегу или на песке. Песок воспроизводит в своей природе геометрические особенности того предмета, который оставил в нем отпечаток. Но реально в ходе взаимодействия отражаются не только геометрические свойства, но и физические, химические, биологические в зависимости от природы взаимодействующих объектов.

² К формам раздражимости в живой природе относятся таксисы, тропизмы и настиги. В настоящее время раскрытие содержания понятия отражения тесно связано с понятием информации (информационный аспект отражения будет освещен далее — в вопросе об информационной причинности в разделе по теории познания).

Исходной формой психического отражения является ощущение. Ощущение выступает прежде всего как субъективное, внутреннее состояние организма, оказывающее влияние на его поведение. Во-вторых, ощущение выступает как субъективный образ внешнего мира. В ощущениях отражаются все жизненно важные для организма факторы, и в этом смысле оно объективно. Сам образ зависит от физиологических особенностей рецепторов и нервной системы организма. Соответственно разные животные воспринимают мир по-разному. В-третьих, ощущение приобретает сигнальный характер. В нем содержится информация об окружающей среде, которая может накапливаться и использоваться организмом для приспособления к окружающим условиям. Ощущения начинают влиять на поведенческую деятельность организма. С возникновением ощущения повышается степень избирательности отражения. На основе ощущения у высших животных появляются более сложные формы отражения: восприятие и представление, наличие которых определяет и более сложный характер поведенческой деятельности животных.

Вместе с эволюцией форм отражения возрастает и степень его адекватности. Оно приобретает все более дифференцированный характер и дает организму более полную информацию об окружающей среде. Высокий уровень развития психики животных и высокая степень адекватности отражения создают биологические предпосылки для возникновения человеческого сознания.

Сознание возникает при переходе биологической формы движения материи к социальной под воздействием прежде всего трудовой деятельности. Предпосылки трудовой деятельности были подготовлены биологической эволюцией. В качестве таковых выступает переход к прямохождению, высвобождение передних конечностей, их совершенствование, овладение огнем, изменение характера питания, систематическое употребление различного рода предметов в качестве орудий добывания средств к существованию, возрастание объема мозга и др.

Но собственно трудовая деятельность человека и возникновение у него сознания начинаются с процесса изготовления орудий труда, которое знаменует начало целенаправленной, сознательной деятельности человека по изменению окружающей природы. Трудовая деятельность способствовала становлению и логических форм мышления: анализу и синтезу, индивидуализации и обобщению,

суждению и умозаключению. **«ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, Д А Б Ы ЭТИ ФИГУРЫ М О Г Л И ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ А К С И О М»**¹. В основе всего богатства человеческих форм мышления лежит богатство различного рода приемов трудовой деятельности.

Совместная трудовая деятельность первобытных людей не могла успешно развиваться без ее координации и обмена информацией. Возникая как средство коммуникации, человеческий язык одновременно начинает выполнять и функции материальной оболочки зарождающегося мышления. Развитие речи способствует развитию абстрактного мышления и совершенствованию трудовой деятельности человека, испытывая, в свою очередь, обратное воздействие.

Зарождение и эволюция трудовой деятельности человека и зарождение и эволюция языка мыслимы лишь постольку, поскольку человеческая жизнь с самого начала носила общественный характер. Накопленные трудовые навыки не подлежат биологическому наследованию, не закрепляются в наследственных биологических структурах, они могут наследоваться только социально, через передачу накопленной в обществе информации от поколения к поколению. Аналогичным образом социальному наследованию подлежат и достижения духовной и материальной культуры. Сам язык «возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»², что также предполагает социальность.

Сознание по самой своей природе имеет социальный характер. Будучи высшей формой отражения, оно не могло появиться вне общества и независимо от него. Сознание «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»³. Оно является общественным и по источнику своего происхождения, и по содержанию, и по своим функциям. Носитель сознания — человек как общественное существо. Человек не рождается сознательным, он обретает сознание, включаясь в человеческую культуру, в систему социальных отношений. Науке известен ряд случаев, когда человеческие дети,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

³ Там же.

«воспитанные» животными, сознательными существами не становились. Волей случая выключенные из социальной формы движения материи они теряли способность к формированию сознания. Однако это не означает, что сознание существует само по себе, независимо от индивидов, от деятельности человеческого мозга. Непосредственными носителями сознания являются отдельные люди, а не общество вообще. Мышление «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей»¹.

Но мысль, порожденная сознанием отдельного человека и зафиксированная в языке, перестает принадлежать только этому индивиду. Она становится достоянием общества, других людей. Ее носителем становится общественный субъект. Мысль сохраняет свое реальное существование только в той степени, в какой входит в сознание других индивидов. Мысли, идеи, концепции, теории, объективированные в языке, обладают известного рода автономией по отношению к порождающему их индивиду. Секрет этой автономии заключается в социальной природе сознания, в способности превращения продуктов деятельности отдельного индивида в достояние общества, в достояние сознания других людей². Именно социальная фиксация, хранение и трансформация продуктов деятельности сознания отдельных индивидов и определяют способность человеческого сознания к саморазвитию.

Качественное отличие сознания от психических форм отражения, присущих животным, проявляется в ряде отношений. Прежде всего это способность фиксации познавательных образов в экзосоматических структурах, в языке, что ведет к возникновению понятийного мышления. У животных все психические отражательные акты вплетены в приспособительно-рефлекторные действия и не отделяются от самого действия.

Развитие понятийного мышления обуславливает появление второй специфической черты отражательной деятельности человека — ее целеполагающего характера, выражающегося в способности формировать цели, идеалы своих действий. Разумность, сознательность человеческой деятельности и проявляется прежде всего в том, что в ней

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 87.

² Абсолютизация автономии мышления по отношению к сознанию индивида является одним из гносеологических корней объективного идеализма.

человек всегда реализует определенную цель. Деятельность животных носит инстинктивный характер, даже если внешне она кажется крайне целесообразной. Эта целесообразность имеет биологическую природу и не осознается самим животным. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»¹.

Наличие цели позволяет человеку выбирать средства для ее достижения. Уже изготовление первобытным человеком самого простейшего орудия труда свидетельствует о наличии у него определенной сознательной цели, которой он и подчиняет свою волю, изготавливая орудие труда, непосредственно само по себе не удовлетворяющее его потребности, но опосредованно ведущее к удовлетворению его потребности, зафиксированной в этой цели.

Наличие сознательной цели связано с качественным преобразованием активности сознания. Изменяется характер избирательности отражения. Если в живой природе избирательность определялась в основном устройством физиологического аппарата отражения, то у человека избирательность начинает одновременно обуславливаться и реализоваться в целеполагании в зависимости от уже накопленного знания. Качественные изменения претерпевает и опережающий характер отражения. В человеческом сознании это свойство отражения приобретает характер предвидения, в основе которого лежит познание законов природы и общества.

Все это в совокупности меняет сам характер и функции отражательной деятельности. Если эволюция форм отражения в живой природе была направлена в основном на обеспечение приспособительной деятельности животного по отношению к окружающей среде, то сознание лежит в основе преобразовательной деятельности, осуществляемой человеком. Человек не только приспосабливается к среде, но также изменяет ее, приспосабливая среду к своим потребностям и желаниям. В этой деятельности и находит наибольшую реализацию активность сознания.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189.

Как писал В. И. Ленин: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹. Опираясь на результаты познавательной деятельности, человек способен преобразовывать природу, создавать в ней такие предметы и процессы, которые до человека в ней не существовали. Эта творческая функция сознания выступает как высшая форма проявления активности отражения².

§ 2. Взаимосвязь материи и сознания

Специфичность сознания выражается в его характеристике как субъективной реальности, противостоящей материи как реальности объективной. Если признаками материи как объективной реальности служат ее данность в наших ощущениях и независимое от сознания существование, то сознание как субъективная реальность существует только в нас, зависимо от нас, от наших желаний, воли, стремлений; оно непосредственно не дано в ощущении, т. е. не может непосредственно фиксироваться с помощью органов чувств. Человеческую мысль, эмоцию нельзя увидеть ни в один микроскоп, она не оставляет «следов» в камере Вильсона. Мысли и эмоции даны нам непосредственно и составляют наш субъективный, внутренний мир.

Однако это не означает, что наше сознание никак не проявляет себя. Оно проявляет себя в характере и структуре нашей деятельности, которая выступает в единстве процессов опредмечивания и распредмечивания. Процесс опредмечивания — это процесс превращения в практической деятельности идеального в материальное, создание человеком на основе осознания своих идеалов, стремлений, нового предметного мира. Печать сознательной целеполагающей деятельности лежит на всех продуктах человеческого труда, на всех продуктах человеческой материальной культуры. Поэтому сознание как субъективная реальность не является скрытой сущностью, оно постоянно проявляет себя в характере и продуктах человеческой материальной деятельности. Можно сказать, что сознание как бы вплетено в предметно-практическую деятельность человека.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

² Более подробно по данному вопросу см.: Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972; Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979; Кукушкина Е. И. Познание, язык, культура. М., 1984; Очерки по диалектическому материализму. М., 1985 (раздел «Сознание, его происхождение и сущность»).

Однако признавая специфичность сознания по отношению к материи, диалектический материализм не доводит эту специфичность до абстрактного противопоставления сознания и материи, что было характерно для дуализма. При любых аспектах противопоставления материи и сознания сознание вторично, производно от материи; оно не имеет субстанциального характера. Эта вторичность сознания зафиксирована в материалистическом решении основного вопроса философии и лежит в основе ленинской теории отражения и трактовке сознания как высшей (из известных науке) формы отражения.

Признание вторичности сознания по отношению к материи как исходной, первичной, субстанциальной реальности позволяет снять абсолютность противопоставления материи и сознания, не отрицая специфичности последнего. Сознание выступает как особое свойство материи, возникающее на определенном этапе ее эволюции. В основании этого особого свойства материи лежит отражение как атрибутивное свойство материи, проявляющееся на всех структурных уровнях ее существования. Обладая специфичностью, проявляющейся прежде всего в его идеальности, принадлежности к миру субъективной реальности, сознание ни в одной из своих форм, ни в одном из своих проявлений не может существовать вне материи и независимо от материи. Такое понимание природы сознания не ведет к отождествлению материи и сознания в рамках основного гносеологического вопроса. В противоположность этому все формы идеализма рассматривают сознание как исходную, первичную реальность, способную существовать вне материального мира. Диалектико-материалистическое учение о сознании не исчерпывается выявлением его отношения к материи или его характеристикой как высшей формы отражения. Сознание имеет сложную внутреннюю структуру, включающую различные уровни своего существования и различные элементы. Более обстоятельный анализ проблемы сознания дается в марксистской теории познания, выступающей в качестве относительно самостоятельного раздела курса диалектического материализма.

ГЛАВА 6. ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА МИРА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИНЦИПОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

§ 1. Диалектико-материалистическая концепция единства мира

Принцип материального единства мира наряду с диалектическим принципом развития является одним из основополагающих принципов диалектического материализма, лежащим в основании мировоззрения и методологии марксизма. Его фундаментальность определяется прежде всего его органической связью с материалистическим решением основного вопроса философии. Последовательное материалистическое решение основного вопроса философии при объяснении всех явлений окружающего мира эквивалентно последовательному проведению принципа материального единства мира, и наоборот, последовательный материалистический монизм всегда является и последовательным материализмом. Принцип материального единства мира пронизывает содержание всех категорий материалистической диалектики, выступая всеобщей организующей основой познания и объяснения мира. Одновременно он входит и в философские основания современной науки, определяя ход развития частнонаучного познания и находя в нем свое конкретно-научное обоснование.

В зависимости от решения проблемы единства мира всех философов можно подразделить на две группы: монистов и плюралистов.

Философы-монисты стремились объяснить все многообразие чувственно воспринимаемых явлений исходя из единого основания, единого принципа, стараясь понять мир как единство многообразия. Плюралисты, наоборот, для объяснения наблюдаемого многообразия вещей постулировали существование в мире нескольких исходных родов бытия, нескольких субстанциональных основ. В зависимости от того как тот или иной философ трактует природу исходных оснований бытия, монизм и плюрализм могут быть подразделены на материалистический и идеалистический монизм и материалистический и идеалистический плюрализм. Деление идеализма на объективный и субъективный позволяет говорить и о существовании двух типов идеалистического монизма и плюрализма. К представителям материалистического монизма могут быть отнесены

Фалес, Гераклит, Спиноза и др. Наиболее стройная доктрина идеалистического монизма была развита в философии Гегеля. К материалистическим плюралистам могут быть причислены Демокрит и Эмпедокл. У Демокрита в основании мира лежат две сущности: атомы и пустота. Эмпедокл постулирует существование четырех исходных сущностей: воды, воздуха, огня и земли. Элементы плюралистического материализма были характерны для философии механицизма. Так, постулирование в ньютоновской философии существования в качестве независимых сущностей материальных частиц, пространства и времени может быть квалифицировано как плюрализм.

Классическим примером идеалистического плюрализма обычно считается философия Лейбница с его учением о монадах как изолированных друг от друга духовных сущностях. Наиболее ярко выраженной современной формой идеалистического плюрализма является философия персонализма.

Частным, но распространенным вариантом плюрализма в истории философского мышления выступает дуализм, который обычно связывается с именем Р. Декарта. Дуализм Декарта не укладывается полностью в приведенную выше схему разновидностей монизма и плюрализма. Постулируя существование в мире двух исходных начал, Декарт считает одно из них материальным, а другое — идеальным. Поэтому термин «дуализм» ассоциируется обычно не только с признанием двойственности исходных родов бытия, но и с их поляризацией на материальное и идеальное начала. Дуализм не является уникальным явлением в истории философии. Эта позиция явно прослеживается в учении Аристотеля о четырех причинах вещей. Две из этих причин: материальная и действующая — имеют явно материальный характер, в то время как формальная и целевая причины могут иметь только идеалистическую интерпретацию. Элементы дуализма сохраняются и в философии Канта с его признанием наряду с существованием вещи в себе вещей для нас. Современной версией дуалистического плюрализма является теория трех миров К. Поппера, в рамках которой различается существование трех родов бытия или трех миров: мира знания, существующего независимо от знающего субъекта, мира психических состояний и мира физических состояний.

По вопросу о единстве мира диалектический материализм с самого начала своего зарождения занимает вполне четкую и однозначную позицию. Он отрицает все разно-

видности плюрализма, дуализма и идеалистического монизма, отстаивая принцип материального единства мира. Диалектический материализм не только наследует идею материального единства мира из предшествующей материалистической философии, но и вносит существенный вклад в ее развитие, преодолевая ограниченность метафизических воззрений на понятие материи и совмещая принцип материального единства мира с диалектическим принципом развития, что, в свою очередь, позволяет не только распространить действие этого принципа на понимание природных явлений, но и с позиций материалистического монизма объяснить природу сознания и общественных явлений.

Ф. Энгельс убедительно показал, что последовательная материалистическая линия в решении основного вопроса философии с необходимостью приводит к принятию тезиса о том, что единство мира в первую очередь заключается в его материальности. Любая попытка объяснения единства мира иным путем ведет к идеализму. Примером тому является попытка Е. Дюринга усматривать единство мира в его бытии, а не в его материальности. Е. Дюринг ставит единство бытия в зависимость от нашего мышления. Согласно его рассуждениям, бытие едино, потому что мы мыслим его единым, ибо сущность всякого мышления состоит в объединении элементов сознания в единство. Ф. Энгельс показывает, что попытка объяснять единство мира его бытием ведет или к тавтологиям типа «Всеобъемлющее бытие единственно», или к чистейшей воды идеализму, если единство самого бытия объяснять объединяющей способностью нашего мышления. Как писал Ф. Энгельс, «мышление, если оно не делает промахов, может объединить элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало*. Оттого, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающим, — от этого у нее еще не вырастут молочные железы. Таким образом, единство бытия и, соответственно, правомерность понимания бытия как единства и есть как раз то, что нужно было доказать»¹. Ф. Энгельс подчеркивает: «Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*. Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 41.

с той границы, где прекращается наше поле зрения. Действительное единство мира состоит в его материальности...»¹ Бытие может быть предпосылкой как для идеалистического монизма типа гегелевского, так и для материалистического монизма, и только обоснование единства мира его материальностью позволяет последовательно проводить линию материалистического монизма.

По Ф. Энгельсу, материальное единство мира доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и долгим развитием философии и естествознания.

Утверждение о том, что мир един и это единство заключается в его материальности, хотя и является определяющим, не исчерпывает полностью содержание принципа материального единства мира в диалектическом материализме. Дело в том, что само материальное единство мира может мыслиться либо метафизически, либо диалектически². Конкретизация принципа материального единства мира должна иметь такой характер, чтобы просматривалась органическая связь этого принципа с другими основополагающими принципами материалистической диалектики и с данными конкретных наук. Разные варианты реализации этой идеи содержатся в трудах Б. М. Кедрова, С. Т. Мелюхина, Д. П. Грибанова.

Все существующие в советской литературе подходы к конкретизации понятия «материальное единство мира» правомерны. В них обнаруживаются различные аспекты проявления единства мира.

Можно говорить по крайней мере о четырех основных аспектах проявления материального единства мира: субстанциальном, атрибутивном, генетическом и номологическом. Если характеристика материи как субстанции признана правомерной, то при раскрытии содержания принципа материального единства мира совершенно логично говорить о существовании субстанциального аспекта его проявления. Свое проявление субстанциальный аспект единства мира находит в ряде отношений. Среди них прежде всего следует назвать всеобщую взаимопревращаемость всех материальных явлений друг в друга. При этом во всех взаимопревращениях материя сохраняется в количественном отношении и не утрачивает своих основ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 43.

² Аналогично тому, как могут существовать две концепции развития: диалектическая и метафизическая, возможно существование и двух концепций материального единства мира.

ных атрибутивных свойств. Как правильно отмечают И. Д. Панцхава и Б. Я. Пахомов, «на вопрос, почему возможно превращение двух качественно различных вещей друг в друга, опираясь на научное знание, мы можем ответить: это возможно потому, что для любых двух качественно различных вещей может быть указан общий для них более фундаментальный уровень материи, элементарные объекты которого служат своего рода «строительным материалом» для каждой из этих вещей»¹. А поскольку «более фундаментальный уровень материи» всегда относителен в силу структурной неисчерпаемости материи вглубь, возможность универсальной взаимопревращаемости вещей может быть объяснена только субстанциальным единством мира.

Другая важная сторона субстанциального единства мира связана с причинной обусловленностью всех явлений. В процессах причинения происходит перенос материи и энергии, что в философском отношении можно интерпретировать как перенос субстанции. Причинная связь всегда субстанциальна. Через причинность реализуется субстанциальное единство мира. Эту связь субстанциальности мира и причинности очень хорошо выразил Гегель, заметив, что через причинность и взаимодействие осуществляется «шествие субстанции»². Тесная связь субстанциальности и причинности указывает на то, что субстанция является не пассивной, а активной основой всего многообразия явлений. Она обладает внутренней способностью к саморазличению, дифференциации, к порождению различных конкретных форм многообразия вещей, свойств и процессов, оставаясь постоянно и внутренней основой их единства.

Из субстанциального аспекта единства мира вытекает непосредственно и его атрибутивный аспект, который проявляется в сохранении у материи на всех структурных уровнях ее существования таких атрибутивных свойств, как движение, пространство, время, системность, отражение. Объяснить сохраняемость у материи атрибутивных свойств можно только признавая субстанциальное единство мира, поскольку с точки зрения атрибутов материя и характеризуется как субстанция. Материя является внутренней основой единства всех атрибутивных своих

¹ Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971. С. 114.

² Гегель. Соч. М.—Л., 1930. Т. 1. С. 30.

свойств и основой их сохраняемости при всех взаимопревращениях именно как субстанция.

Третьим, важнейшим аспектом проявления материального единства мира является генетическое единство всего существующего многообразия явлений. Генетический аспект единства мира занимает особое место, так как в нем находит свое наиболее полное отражение синтез принципа материального единства мира с принципом развития. Признание за материей способности к саморазвитию, к усложнению своей структурной организации позволяет обнаружить между качественно различными формами и видами материи не только пространственные связи, но и связи, скрытые во времени, связи генетические, позволяющие проследить возникновение одних форм существования материи из других. Именно недоучет генетического аспекта материального единства мира долгое время был наиболее важным недостатком метафизического материализма в плане обоснования этого принципа. Генетический аспект материального единства мира получает свое наиболее полное развитие в учении Ф. Энгельса о формах движения материи.

Субстанциальное, атрибутивное и генетическое единство мира предполагают и его номологическое единство, которое также можно рассматривать как один из принципиально важных аспектов диалектической трактовки сущности принципа материального единства мира. Номологический аспект единства мира заключается в существовании законов различной степени общности, которые своим действием охватывают качественно различные области явлений. Как и в понимании субстанциального единства мира диалектический материализм преодолевает метафизическую ограниченность номологической модели единства мира, характерной для механистического материализма, в котором номологическое единство мира мыслилось как подчиненность всех явлений законам механики. Говоря о номологическом единстве мира, диалектический материализм прежде всего имеет в виду подчиненность всех многообразных сфер действительности действию законов материалистической диалектики.

Выделенные аспекты материального единства мира не рядоположены, а находятся в органической связи друг с другом и взаимно обуславливают друг друга, давая в совокупности дифференцированные представления о содержании принципа материального единства мира. Так, нельзя последовательно отстаивать идею атрибутивного

единства мира, не обращаясь к его субстанциальному единству, и наоборот. В свою очередь генетическое единство мира можно рассматривать как одно из проявлений субстанциального единства мира и вместе с тем как одну из сторон его философского обоснования. Раскрытие смысла номологического единства мира немыслимо без ссылки на его генетическое единство. В основе всех сторон диалектико-материалистического учения о материальном единстве мира лежит признание его объективного, независимого от сознания существования.

Когда материальное единство мира связывается со свойством материи быть объективной реальностью, существовать независимо от сознания, единство мира в первую очередь понимается как «единственность» материального мира, в смысле отрицания возможности существования в нем нематериальных явлений. Говоря о субстанциальном единстве мира, мы понимаем под единством наличие у всех материальных явлений единого основания, существование которого объясняет факт универсальной взаимопревращаемости явлений, взаимосвязи явлений, невозможности их раздельного существования. Атрибутивное единство мира выводит на первый план единство явлений с точки зрения наличия у них всеобщих универсальных свойств. В генетическом аспекте единство прежде всего понимается как временная связь явлений, связь, реализующаяся в процессе возникновения одного явления из другого. Номологическое единство мира фиксирует закономерную связь между разнокачественными явлениями, подчеркивая, что мир един с точки зрения общности законов его функционирования и развития.

Понимание единства как конкретного тождества и дает возможность говорить о единстве как о единстве многообразия. Различные аспекты материального единства мира свидетельствуют о существовании различных оснований, по которым может выявляться диалектическая тождественность разнопорядковых явлений.

§ 2. Естественнонаучное обоснование материального единства мира

Фиксация различных аспектов проявления материального единства мира позволяет более дифференцированно подойти к решению вопроса о том, какой вклад в обоснование материального единства мира вносит естествознание. Субстанциальный аспект единства мира находит свое

подтверждение и конкретизацию прежде всего в факте установления наукой единства физико-химического состава всех материальных явлений.

Развитие химии показало, что все объекты неживой природы состоят из конечного числа одних и тех же химических элементов. Открытие методов спектрального анализа позволило доказать единство химического состава всех материальных объектов во Вселенной. Проникновение во внутреннюю структуру атома и открытие мира элементарных частиц показали субстратное единство самих химических элементов. Наконец, находящаяся в настоящее время на стадии превращения в теорию кварковая гипотеза в физике элементарных частиц позволит выявить наличие единой субстратной основы у всего многообразия элементарных частиц, что послужит новым шагом на пути к доказательству материального единства мира. Развитие органической химии и биохимии привело к установлению факта тождественности физико-химического состава объектов как живой, так и неживой материи. Например, генетический код всех живых организмов состоит всего из четырех аминокислот. Различие заключается лишь в порядке их расположения. И наконец, наиболее существенный вклад в естественнонаучное обоснование материального единства мира вносит открытие наукой закона сохранения и превращения массы и энергии. В пользу субстанциального единства мира свидетельствуют и открытые наукой процессы превращения вещественных материальных образований в полевые и обратно.

Номологический аспект единства мира находит свое подтверждение в открытии наукой общих законов, действующих в больших классах явлений, в стремлении науки к объединению различных, ранее не связанных областей исследования, к подведению качественно различных явлений под единые теоретические основания.

Первым наиболее существенным естественнонаучным открытием, свидетельствующим в пользу такого единства мира, было открытие законов ньютоновской механики, которым в одинаковой степени подчиняются земные и небесные явления. Создание классической электродинамики дало возможность подвести под единые законы оптические, магнитные и электрические явления. В физике микромира ведутся активные поиски общих законов, которым подчинялись бы слабые и электромагнитные взаимодействия; начиная с работ А. Эйнштейна перед физикой встала задача создания единой теории поля.

Атрибутивный аспект находит свое отражение в том факте, что на всех структурных уровнях материи от мегамира до микромира наука наблюдает существование атрибутивных свойств. И не было еще открыто такое материальное явление или процесс, которые нельзя было бы охарактеризовать с помощью пространственно-временных характеристик, системно-структурных представлений, определенного типа или формы движения и отражения.

В пользу генетической связи всех материальных образований свидетельствуют так называемые эволюционные теории, которые получили широкое распространение в таких областях исследования, как биология, геология, космология, и ряд других.

Так, небулярная теория Канта — Лапласа позволила поставить вопрос о генетической связи всех тел Солнечной системы. Современная космологическая гипотеза «большого взрыва» позволяет говорить о генетическом единстве всех объектов во Вселенной. Существенный вклад в обоснование генетического аспекта материального единства мира вносит дарвиновская теория биологической эволюции. Она позволила не только доказать генетическую связь, существующую между всеми живыми организмами, но и опровергнуть утверждение богословов о непроходимой пропасти, отделяющей человека от животных.

Думается, что при рассмотрении вопроса о естественнонаучном обосновании материального единства мира в особую группу следует выделить законы сохранения, и прежде всего закон сохранения массы и энергии. Законы сохранения, открываемые наукой, в равной степени служат основой естественнонаучного обоснования субстанциального, атрибутивного и номологического единства мира. Будучи прямым свидетельством правильности философского тезиса о несотворимости и неуничтожимости материи, закон сохранения массы и энергии свидетельствует о наличии субстанциальной связи между явлениями. Те законы, которые говорят о сохранении при разного рода взаимопревращениях некоторых базисных свойств материи, подтверждают атрибутивное единство мира. И наконец, сам универсальный характер основных законов сохранения свидетельствует в пользу номологического единства.

Дифференцированный подход к истолкованию философского содержания принципа материального единства мира служит основанием более конкретно решать вопрос и о методологической ценности этого принципа материалистической диалектики в тех или иных ситуациях научного исследования. В зависимости от специфики решаемых познавательных задач в различных областях исследования на первый план может выступать та или иная сторона принципа материального единства мира. Так, во всех областях исследования, где в центре внимания находится изучение субстратных основ тех или иных процессов, наибольшую методологическую ценность представляет субстанциальный аспект принципа материального единства мира. К таким областям исследования относятся изучение структуры элементарных частиц и их взаимодействия, изучение физических основ химических процессов или физико-химиче-

ских основ процессов жизнедеятельности. В области кибернетики наибольшую методологическую ценность представляет принцип материального единства мира, рассматриваемый в номологическом аспекте. На эту сторону дела, в частности, обращает внимание Б. В. Бирюков. «Для уяснения предмета кибернетики, для целей гносеологического анализа ряда исходных ее понятий (например, понятий модели и моделирования), для рассмотрения ее методов, — пишет он, — существенное значение имеет принцип материального единства мира. Принцип этот проявляется в наличии законов (разной степени общности), которые присущи качественно различным предметам, явлениям, процессам и т. п. действительности»¹. При изучении сложных саморазвивающихся систем, для объяснения сущности которых важно понимание их эволюции во времени, наибольшую методологическую ценность представляет принцип материального единства мира, взятый в генетическом аспекте. Однако конкретизация того или иного аспекта проявления материального единства мира применительно к решению тех или иных познавательных задач не должна доводиться до противопоставления различных сторон принципа материального единства мира. Это может привести к методологической односторонности и резко снизить методологическую ценность принципа материального единства мира. Так, в основе противопоставления субстратного и функционального подходов к пониманию сущности процессов жизнедеятельности фактически лежит противопоставление субстанциального и номологического аспектов материального единства мира.

§ 3. Место принципа материального единства мира в теории материалистической диалектики и его мировоззренческое и познавательное значение

При оценке методологической и мировоззренческой роли принципа материального единства мира важно правильно понять то место, которое занимает этот принцип в структуре марксистской философии.

Неверно думать, что содержание принципа материального единства мира исчерпывается учением о материи и основных формах ее существования. Будучи органически связанным с диалектическим принципом развития, принцип материального единства мира лежит и в основе

¹ Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. С. 18.

диалектической теории развития, и его содержание раскрывается в основных законах и категориях материалистической диалектики. Как теоретическая основа марксистского учения о детерминизме, он оказывает непосредственное влияние на содержание таких категорий, как необходимость, случайность, причинность, закон и т. д. Через принцип отражения он входит в содержание гносеологического учения философии марксизма. И наконец, через связь с принципом единства диалектики, логики и теории познания он находит свое проявление и в законах диалектической логики.

Фундаментальное место, занимаемое этим принципом в философии марксизма, объясняется следующими обстоятельствами. Прежде всего, как уже отмечалось, в своем номологическом аспекте принцип материального единства мира имплицитно предполагается самим пониманием предмета философии марксизма. Во-вторых, принцип материального единства мира органически связан с материалистическим решением основного вопроса философии в обоих его аспектах. Обоснование первичности материи по отношению к созданию предполагает субстанциальное единство материального мира. Более того, последовательное проведение материалистического решения основного вопроса философии в раскрытии главных философских проблем, по существу, эквивалентно последовательному проведению принципа материального единства мира при объяснении всего многообразия существующих явлений. Принцип материального единства мира лежит и в основе решения вопроса о природе сознания. Именно при решении этого вопроса некоторые материалистически мыслящие философы скатывались на позиции дуализма, будучи не в состоянии совместить принцип материального единства мира с признанием специфичности сознания. С другой стороны, вульгарные материалисты, слишком прямолинейно понимая материальное единство мира, приходили к отождествлению сознания и материи, тезису, приближающемуся к идеалистическому принципу тождества бытия и мышления. Признание специфичности сознания по отношению к материи, противопоставление их в рамках гносеологического аспекта основного вопроса философии не ведут к отрицанию материального единства мира и провозглашению сознания самостоятельным родом бытия. Противопоставление сознания и материи происходит при характеристике материи как субстанции. Как замечает Э. В. Ильенков, «в понятии субстанции материя отражена уже не в аспекте ее

абстрактной противоположности сознанию (мышлению), а со стороны внутреннего единства всех форм ее движения, всех имманентных ей различий и противоположностей, включая и гносеологическую противоположность «мыслящей» и «немыслящей» материи. В понятии материи как субстанции гносеологическая противоположность фиксирована... как лишь одна из фаз «саморазличения», «саморазвития» объективной действительности»¹. Это означает, что, признавая гносеологическую специфичность сознания по отношению к материи, диалектический материализм признает и их единство в субстанциальном плане. Сознание не есть самостоятельная субстанция. Субстанциальной основой создания является материя, по отношению к которой сознание выступает лишь одним из ее специфических свойств. Тем самым исключается сама возможность дуализма.

В рамках ленинской теории отражения можно также говорить об атрибутивном и генетическом единстве материи и сознания. Так, признание отражения атрибутивным свойством материи и трактовка сознания как высшей формы отражения явно указывают на атрибутивный аспект единства материи и сознания. А концепция эволюции форм отражения дает ответ на вопрос о том, как немыслящая материя связана с материей мыслящей, вскрывая тем самым генетическую связь между ними. Признание же единства законов объективной и субъективной диалектики позволяет говорить и о существовании номологического единства материи и сознания.

Последнее указывает на тесную связь принципа материального единства мира с другим фундаментальным принципом философии марксизма — принципом единства диалектики, логики и теории познания. Последний можно в определенном смысле рассматривать как констатацию номологического единства, существующего между процессами развития объективного мира и процессами познания и мышления. А само номологическое единство бытия и мышления в диалектическом материализме обосновывается через выявление их генетического единства. Как писал Энгельс, единство законов бытия и мышления кажется удивительным и чрезвычайным обстоятельством только до тех пор, пока принимают «сознание» и «мышление» вполне натуралистически, просто как нечто данное,

¹ Ильенков Э. В. Субстанция // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 4. С. 152.

заранее противопоставляемое бытию, природе. Но если, даже поставить вопрос, что такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей¹. Будучи основой принципа единства диалектики, логики и теории познания, принцип материального единства мира может рассматриваться и как одна из теоретических основ диалектической логики.

Наконец, принцип материального единства мира является и одной из определяющих теоретических основ материалистического понимания истории. Г. В. Плеханов не случайно обращал особое внимание на монистический характер марксистской концепции истории, подчеркивая тем самым факт распространения марксистской социологией принципа материального единства мира на общество.

Все вышеизложенное показывает ту фундаментальную роль, которую принцип материального единства мира играет в марксистской философии. Он связан с решением всех фундаментальных проблем материалистической диалектики, начиная от предмета философии и кончая вопросами о природе сознания, мышления и закономерностях общественного развития.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

ГЛАВА I. НЕОБХОДИМОСТЬ СВЯЗИ ПРИНЦИПА МАТЕРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА МИРА И ПРИНЦИПА РАЗВИТИЯ. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

Положение о необходимости связать принцип материального единства мира с принципом развития может показаться излишним: обоснование материального единства мира включает в себя (и это видно из предыдущего изложения) также и обоснование в плане движения, генезиса материальных систем, в том числе в плане всеобщих законов развития. Зачем, спрашивается, специально подчеркивать необходимость этой связи? Разве есть в марксизме иной подход? Не поведет ли особое внимание к данному моменту к умалению значимости других сторон материального единства мира?

Действительно, ввиду сложившегося среди марксистов представления о единстве мира, неотрывного от понятия развития, следовало бы несколько изменить приведенную формулировку, исключив из нее долженствование и представив ее как одну из характерных черт марксистской философии. Однако требование связи указанных принципов относится в известном смысле и к философам-марксистам, а кроме того, дополняется новым ракурсом — обобщением истории всей домарксистской философии и определением стратегического пути изменения философского мировоззрения человечества. Такой крупномасштабный подход к философскому знанию выражен в работах основоположников марксизма.

Знакомясь с лекциями Гегеля по истории философии, В. И. Ленин обратил особое внимание на некоторых представителей элеатской школы, развивавших, с одной стороны, идею материального единства мира, а с другой — диалектику понятий. Гегель отмечал, в частности, что у них уже не только имеются «начала» диалектики понятий, но и схватывается противоположность между мыслью и явлением или чувственным бытием, между тем, что есть в себе, и тем, что есть «бытие-для-другого» этого сущего в себе. В связи с этим в «Философских тетрадах» В. И. Ленин посчитал нужным специально остановиться на проблеме соотношения материального единства мира и развития.

Ведущий представитель элеатской школы Парменид, как известно, подчеркивал в отличие от Гераклита не текучесть, изменчивость бытия, а устойчивость, стремился найти за многообразием вещей единое, сохраняющееся, неизменное. Он подразделил все бытие на являющееся и истинное. Последнее характеризовалось им, помимо прочих признаков, как неизменное, неподвижное (в смысле невозможности передвигаться туда, где нет бытия, т. е. в небытие); оно оказывалось лишенным противоречий, развития. Мир же чувственного бытия не был чужд движения и образовывался смешением противоположных начал — светлого и темного, огня и земли. Светлое начало (огонь) выступало как активное, динамическое. Противопоставление не-истинного и истинного бытия было связано у Парменида с противопоставлением чувственного (как недостоверного) рациональному, разумному как единственно эффективному средству постижения истинного бытия.

Защищая концепцию Парменида, Зенон выдвинул аргументы против мыслимости движения и множественности. Его апории свидетельствовали о противоречивости текучей действительности, о диалектической сложности отображения реальных процессов движения. Одновременно разрабатывалась диалектика как искусство постижения истины посредством спора, истолкования противоположных мнений. Парменид и Зенон сыграли важную роль в формировании античной философии, в разработке диалектики¹.

Рассматривая философские идеи элеатов, В. И. Ленин отмечает их диалектичность, наметившиеся контуры связи субъективной и объективной диалектики и вместе с тем ограниченность представлений элеатов о материальном единстве мира. Он выдвигает прежде всего тезис о связи диалектики явлений с диалектикой сущности материальных систем. «В собственном смысле диалектика, — пишет он, — есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности вещей* также»². В. И. Ленин отмечает затем диалектику понятий, их движение, изменение, взаимопереходы. «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»³. Отвергая противопоставление двух родов бытия — «устойчивого» и «изменчивого» и разрыв субъективной и объективной диалектики, В. И. Ленин указывает: «Во-1-х, надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы. — А во-2-х, если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть

¹ См.: Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. М., 1972. С. 224—285; Чанышев А. Н. Итальянская философия. М., 1975. С. 160—198.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

³ Там же. С. 226—227.

диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»¹. Тут же В. И. Ленин, выделив названия «I принцип развития...» и «II принцип единства...» формулирует тезис: «Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»². Слова «кроме того» означают не просто преемственность данного положения с предыдущими утверждениями (а тем более не переключение мысли на что-то другое), а новую, более высокую степень обобщения изложенного.

Принцип развития в его всеобщности поставлен на один уровень с принципом материального единства мира. Речь идет, заметим, не о подчинении развития материи или материи развитию, а о взаимосвязи соответствующих принципов, установок, за которыми развернуто учение материализма и диалектики. В этом плане требование связать, совместить принцип развития с принципом единства мира означает не что иное, как требование связи материализма и диалектики, недопустимости существования одного без другого. Последовательный материализм невозможен без диалектики, а последовательная диалектика — без материалистической трактовки мира и человека.

Отступления от данного требования ведут к логической противоречивости мировоззренческой концепции. Любая материалистическая система мира, лишенная принципа развития в его всеобщности, приводит к столкновению исходной материалистической установки, из которой логически следует идея временной бесконечности материальной природы, с понятием первотолчка, т. е. надмировой духовной основы природы, что столь же логично следует не только из отказа от развития, но и из частичного его признания. Пример тому — концепция тепловой смерти Вселенной, которую разделяют и в XX в. многие зарубежные ученые, в том числе Н. Винер³. Обремененной внутренней противоречивостью была и мировоззренческая концепция Парменида и Зенона, чья материалистическая в целом ориентация все же оставляла места для идеалистических допущений в проблеме генезиса многого из единого (от них не случайно прослеживается линия к объективному идеализму Платона).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

² Там же.

³ См.: Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 28, 49, 51—52, 58.

С другой стороны, признание только принципа развития и отказ от принципа материального единства мира ведет, по существу, к выводу о преформистском разворачивании природы. Так собственно и случилось с идеей развития у Гегеля. Провозглашенный им тезис «все развивается» терял свою силу при переходе от его логики к природе. Понятие, полагал он, «следует рассматривать как форму, но как бесконечную, творческую форму, которая заключает внутри себя всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником»¹. С теорией включения (преформизмом) Гегеля связывает положение о том, что «понятие в своем процессе остается у самого себя и что через него ничего не полагается нового по содержанию»². В наше время в аналогичном положении оказался панэволюционизм Тейяра де Шардена. Его мировоззренческая система в качестве регулятора космогенеза включала «пункт Омега»; представление о росте и усложнении радиальной психической энергии, нацеленной на реализацию заранее данной программы, вела его к отказу от идеи всеобщего развития.

Для последовательного мышления рано или поздно наступает момент, когда оно вынуждено соотносить друг с другом принцип материального единства мира и принцип развития и либо устанавливать их неразрывное единство, либо признавать их несогласуемость и даже формально-логическую противоречивость. В последнем случае возникает ситуация, которая в явном виде проявилась при кризисе естествознания конца XIX — начала XX в.: в мышлении естествоиспытателя сталкивались принципы двух прямо противоположных мировоззренческих ориентаций — материализма и идеализма, что приводило к теоретическим тупикам и психологическим срывам.

Для марксистов требование связи двух принципов означает не только их защиту и пропаганду, не только обеспечение непротиворечивости системы мировоззренче-

¹ Гегель. Соч. М.—Л., 1929. Т. 1. С. 264—265.

² Там же. С. 266. Анализируя понятие развития в гегелевской логике, А. С. Богомолов отмечает: «Триадический ритм развития от «в-себе-бытия» к «для-себя-бытию» и от него к «в-себе-и-для-себя-бытию» есть разворачивание того, что уже есть, заложено, идеально преобразовано в «понятии» вещи. Поэтому ничего реально нового быть не может. И в этом заключается порок всякого идеалистического понимания развития: если в начале развития лежит «Идея», априори более богатая, чем любое из ее проявлений, то возникновение нового в природном и историческом мире — это лишь видимость» (Богомолов А. С. Понятие развития в гегелевской логике // Философские науки. 1974. № 4. С. 94).

ского знания. Это требование означает также такое единство материализма и диалектики, при котором все категории диалектического материализма, будучи концентрированным выражением теории мира, модифицируются в элементы всеобщего метода познания и действия и оказываются нацеленными на объект. Требование взаимосвязи принципа материального единства мира и принципа развития становится также требованием обеспечить адекватное отражение предмета познания, требованием научной результативности марксистской философской теории.

Таковы основные следствия, вытекающие из требования связать, совместить принцип материального единства мира и принцип развития¹.

Рассмотрение данного вопроса требует более четкого разграничения разных трактовок развития: не всякое понимание развития (и соответственно принципа развития) органично связано с принципом материального единства мира. Кроме диалектической имеется также метафизическая концепция развития, метафизический «принцип развития».

На вопрос: «что такое метафизическая концепция развития?» — некоторые из студентов оказываются в затруднении что-либо ответить. Метафизика в их понимании связана с разобщенностью отдельных родов бытия, с отрицанием всеобщности развития, а в данном вопросе речь идет о метафизике именно в плане уже принятой идеи развития. Между тем здесь нет никакого противоречия: требуется лишь конкретизировать и расширить ранее сложившееся представление о метафизике.

Прежний образ метафизики относится к классическому периоду ее истории, преимущественно к XVII—XVIII вв. Метафизика как метод познания и понимания природы сформировалась вначале в естествознании, затем была перенесена в философию Ф. Бэконом (1561—1626) и Д. Локком (1632—1704). Она сыграла положительную роль в развитии науки; все открытия Нового времени были совершены посредством этого общего метода. Он соответствовал характеру той науки, в которой на первом плане была ориентация на выделение элементов, частей целого,

¹ В буржуазной философии нередко провозглашается взаимосвязь «принципа единства мира» и «принципа развития» как основы «новой картины мира» (например, представителем американского «реализма» Э. Гаррисом). Однако сходная с марксизмом терминология скрывает иное содержание: под «единством» понимается холистски трактуемая «целостность» систем, в том числе «целостный характер мира».

на их анализ. Именно классической форме метафизики были свойственны антидиалектика (в смысле непризнания развития) и механицизм как сводимость всех форм движения материи к механической. К середине XIX в. становится очевидной ограниченность метафизики прошлого.

На основе естественных наук в буржуазной философии начинает разрабатываться концепция развития, отличающаяся от ее гегелевской трактовки. Наиболее видным ее представителем, оказавшим большое влияние на европейскую философию второй половины XIX — начала XX в., был английский философ Г. Спенсер (1820—1903).

В 1852 г. Г. Спенсер выступил со статьей «Гипотеза развития»; эта статья послужила в дальнейшем основой для более детального развертывания его идеи, существо которой сводилось к следующему. В нашем опыте нет явных доказательств превращения видов животных и растений. Но нет фактов и в пользу гипотезы сотворения видов (под влиянием материальных или идеальных факторов). Однако гипотеза превращения видов более согласуема со здравым смыслом, чем гипотеза творения: постоянно наблюдаются некоторые изменения растений и животных. Семя, например, превращается в дерево, причем с такой постепенностью, что нет момента, когда бы можно было сказать: теперь семя прекратило свое существование, и мы имеем перед собой уже дерево. «Рассматривая вещи всегда скорее с точки зрения статической, чем динамической, люди обыкновенно не могут себе представить, чтобы путем малых приращений и изменений могло произойти с течением времени любое превращение... Тем не менее, мы имеем много примеров тому, как путем совершенно незаметных градаций можно перейти от одной формы к форме, коренным образом от нее отличающейся». Сопоставляя гипотезу сотворения видов и гипотезу развития, Г. Спенсер спрашивал: «Более ли вероятно, что мы должны допустить десять миллионов специальных творческих актов, или же мы должны принять, что десять миллионов разновидностей произошли путем непрерывного изменения, благодаря изменениям во внешних условиях, тем более, что разновидности, несомненно, и теперь возникают?»² Используя в дальнейшем дарвиновскую теорию естественного отбора³, он дополнял ее новыми соображениями, адаптировавшими ее к его концепции развития.

Г. Спенсер провозглашал и обосновывал положение о всеобщей постепенной эволюции всей природы. С его точки зрения, в основе всеобщей эволюции лежит процесс механического перераспределения частиц материи, а сама эволюция идет в направлении от однородности к разнородности, от разнородности к еще большей разнородности. «Формула эволюции», по его мнению, такова: дифференциация и интеграция материи и движения, происходящие согласно механическим законам направления движения по линии наименьшего сопротивления и группировки.

Составными частями спенсеровской трактовки развития были идея

¹ Спенсер Г. Гипотеза развития//Теория развития. СПб., 1904. С. 46.

² Там же. С. 44.

³ См., например, в работе «Факторы органической эволюции», опубликованной в 1886 г.

сводимости высших форм движения материи к низшим (социальной — к биологической, биологической — к физической и химической), а также теории равновесия. В дальнейшем мы остановимся на рассмотрении теории равновесия, а сейчас отметим главные недостатки понимания Г. Спенсером всеобщего развития: 1) исключительно постепенный характер эволюции и 2) внешний источник изменения и развития материальных систем.

В современной литературе порой неточно оценивается метафизическая концепция развития. Утверждается, будто основной ее недостаток — отрицание скачков. В некоторых учебниках по философии, например, говорится, что в этой концепции отрицаются качественные скачки и переходы, признаются только количественные изменения, движение рассматривается как простое повторение пройденного. Но, как видно из приведенных суждений Г. Спенсера, он не отвергал переходов «от одной формы к форме, коренным образом от нее отличающейся». В противном случае это не была бы концепция *развития*, включающего в себя (как неотъемлемую часть) связи, переходы *качеств*.

Уяснению этого вопроса помогает сопоставление взглядов Г. Спенсера и Ч. Дарвина. Ч. Дарвин, как и Г. Спенсер, заявлял, что «*natura non facit saltus*», т. е. «природа скачков не делает». Мы же отводим упрек в плоском эволюционизме в адрес Ч. Дарвина, поскольку у него один вид переходит в другой, одно качество — в другое; поскольку такой переход им признавался, постольку по определению понятия скачка в диалектике (как перехода одного качества в другое независимо от того, постепенно или взрывообразно он совершается) его концепция фактически, а не на словах, оказывается совместимой с признанием скачков.

Отличие позиции Ч. Дарвина от концепции Г. Спенсера в другом. Прежде всего Ч. Дарвин не отрицал наличия изменений, названных позже мутациями; он лишь отводил им незначительное место в эволюции живых форм. Г. Спенсер же не признавал их в органическом мире, более того, абсолютизировал частнонаучное представление, утверждая плоский эволюционизм (градуализм) как общее понимание мира. Но более существенно то, что в противоположность Г. Спенсеру Ч. Дарвин видел главный источник развития живых форм во внутренних противоречиях, в естественном отборе, в динамике противоположных сторон — наследственности и изменчивости. Этот аспект дарвиновского учения потенциально содержал в себе ключ к пониманию и постепенных и быстрых новообразований; концепция же Г. Спенсера ограничивалась признанием приспособляемости живых форм к внешним факторам, изменения которых считались только постепенными.

Основной недостаток такой концепции — не в отрицании скачков вообще, а в отрицании скачков взрывообразного типа, каковыми являются в живой природе мутации, а в социальной действительности — политические революции. Лишь в этом смысле спенсеровская концепция разрывала представление о развитии как единстве непрерывного и прерывного, «количественного» и «качественного». Точнее же говорить о «плоскоэволюционистском», градуалистском подходе к развитию, о «постепеновщине» в трактовке развития¹.

¹ Вл. Даль следующим образом поясняет слово «постепенный». «Постепенный — идущий степенями, по степеням, вверх и вниз; исподвольный; мало-помалу, помаленьку: порядком, мерно, одно за другим, без перескоку. Противоположность: вдруг, внезапно, сразу; прыжком; отрывочно, беспорядочно. Постепеновцы, постепенщина — не желающие никаких переворотов в обществе, управлении, а постепенных улучшений» (Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. III. С. 344).

Отмеченные два недостатка спенсеровской концепции были присущи взглядам многих других защитников идеи развития второй половины XIX — начала XX в., хотя многие из них включали своеобразные положения. Ф. Ле Дантек (1869—1917), к примеру, открыто заявлял о своем материализме и признавал борьбу противоположностей одним из ведущих принципов объяснения мира. Однако источник движения у него составляли внешние противоречия. В целом же взгляды Г. Спенсера, Ф. Ле Дантека и других характеризуются как составляющие новую форму мегафизики — неометафизики. Теоретики реформизма, опиравшиеся на эту концепцию, видоизменили ее так, что в ней не осталось места и для постепенных скачков.

Неометафизическую концепцию развития в ее плоско-эволюционистском варианте критиковал В. И. Ленин, сопоставляя ее с диалектической. «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *с а м о* движение, его *д в и г а т е л ь н а я* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника "с а м о"* движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Т о л ь к о* вторая дает ключ к "самодвижению" всего сущего; только она дает ключ к "скачкам", к "перерыву постепенности", к "превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового»¹.

Этот анализ метафизической концепции имел важное значение не только для самой философии, для размежевания направлений в сфере всеобщей методологии и для утверждения диалектической позиции, но также и для естествознания, нацеливая его на раскрытие характера скачков, внутренних противоречий материальных систем, и особенно для социальной практики, для политики. В период быстрого созревания революционных ситуаций в России и в ряде других стран чрезвычайно опасными становились реформистские иллюзии в отношении капитализма. Их основой была вовсе не методология марксизма, как это пытались представить некоторые теоретики правой социал-демократии, а плоский эволюционизм буржуазной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

философии. В. И. Ленин выявил, по сути, метафизическую природу «новой» концепции развития, ее несовместимость с революционной диалектикой.

Плоскоэволюционистская трактовка развития стала приходить в более резкие противоречия с действительностью в первой четверти нашего столетия. Развертывалась научная революция в физике, еще с конца прошлого века заявившая о себе открытием рентгеновых лучей и явления радиоактивности. Важное значение для понимания характера движения имела разработка квантовой теории. Был обнаружен качественно новый структурный уровень материи, вернее, ряд структурных уровней, образующих особую область — микромир, существенно отличающуюся по своей внутренней природе и закономерностям от макромира. В биологии было открыто явление естественного мутагенеза (1907), а затем и явление искусственного мутагенеза (вторая половина 20-х годов). В социальной области произошли кардинальные преобразования — свершилась социалистическая революция в России. Все это свидетельствовало о нередко взрывном характере развития общества и природы, о недостаточности его плоскоэволюционистского понимания. Сама действительность все больше говорила в пользу диалектической концепции, главные принципы которой были угаданы еще Гегелем и широко разработаны Марксом, Энгельсом, Лениным.

Но буржуазная философская мысль и в этой ситуации пошла иным путем, путем теоретической и общеметодологической односторонности. Она стала воспринимать быстрые скачки в развитии, включать их в свои мировоззренческие построения, даже выдвигать на передний план, объясняя их в антидиалектическом духе. Сформировалось течение, называемое «творческий эволюционизм», или «эмерджентизм»¹.

Ведущие идеи этого течения могут быть сведены к четырем². Во-первых, «творческая эволюция» строится на основе признания факта возникновения нового качества, несводимого к исходному; признается «взрывообразный»,

¹ В соответствии со значением термина «эмерджентный» мы считаем более корректным обозначать им не только собственно эмерджентные построения (С. Александера и К. Л. Моргана), но и систему «творческой эволюции» А. Бергсона, «философию процесса» А. Н. Уайтхеда, холизм Я. Х. Смэтса и другие направления в трактовке развития, ставящие в центр внимания внезапные, быстрые скачки.

² См.: Критика современной буржуазной философии в курсе диалектического материализма. М., 1975. С. 70.

быстрый скачок. Во-вторых, новое качество выступает результатом внутренней «творческой силы», по-разному называемой и по-разному истолковываемой. В-третьих, как несводимые друг к другу более высокие ступени не могут быть предсказаны исходя из начальных качеств. В-четвертых, благодаря творческой эволюции в действительности образуется система уровней эволюции, сформировавшихся в итоге внезапных скачков.

В книге «Эмерджентная эволюция» Ллойда Моргана, изданной в 1922 г. различались (как и в некоторых других работах эмерджентистов) два понятия — «результант» и «эмерджент». Результант соотносился с суммативным типом изменений, определяемым арифметическим сложением исходных элементов, эмерджент — с интегративным изменением, несводимым к исходным. Свойства первого могут быть предсказаны априорно: общий вес двух предметов определяется путем простого сложения их индивидуального веса (без обращения к непосредственному взвешиванию). Свойства же эмерджентов могут быть определены лишь апостериорно: свойства воды не могут быть предсказаны лишь на основе свойств водорода и кислорода. Это говорит о существовании внезапных изменений, не детерминированных материальными, природными силами.

Сторонники эмерджентной трактовки развития подменяют реальную, онтологическую характеристику процесса возникновения нового качества познавательной (причем чисто отрицательной) его характеристикой. Но познавательный аргумент несостоятелен: результаты тоже определяются в результате опыта, а многие эмердженты наука способна эффективно предсказывать¹. Наряду с ошибочностью такой аргументации в эмерджентизме, конечно, схвачена одна из специфических черт познания суммативных и целостных систем.

Однако дело не столько в этом, сколько в том, что, абсолютизируя этот реальный момент, сторонники эмерджентной концепции обращаются затем к некоей «творческой силе», якобы находящейся внутри исходных материальных элементов или в связи с ними. Такую силу Ллойд Морган усматривает в боге. Он признает, с одной стороны, физический мир, а с другой — «нематериальный Источник всех изменений в нем», включенность физических событий «в бога, от которого весь эволюционный процесс в конечном счете зависит»². Анри Бергсон, со временем усиливший в своих философских взглядах объективно-идеалистический компонент, писал: «Сознание или сверхсознание — это ракета, потухшие остатки которой падают в виде материи; сознание есть также и то, что сохраняется от самой ракеты и, прорезая эти остатки, зажигает их в организмы»³. «Жизненный порыв», лежащий с его точки зрения в основании «творческой эволюции», представляет собой самопроизвольную активность, последствия которой непредсказуемы. Непредсказуемость новобразований и идеализм оказываются тесно связанными в концепции развития А. Бергсона.

Следует, однако, учитывать, что не всякая эмерджентистская трактовка природы обязательно должна быть соединена с идеализмом. При-

¹ См.: Богомолов А. С. *Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков*. М., 1962. С. 229—233.

² Morgan C. L. *Emergent Evolution*. L., 1927. P. 298.

³ Бергсон А. *Творческая эволюция*. М. — СПб., 1914. С. 233.

мер тому — американский философ Рой Вуд Селларс (1880—1973)¹. Он рассматривал мир как самодвижущуюся динамическую систему, признавал возможность предвидения и познания закономерностей возникновения новых качеств. В основе скачков — материальные причинные факторы. Полагая, что новые качества возникают в единстве структуры и функций, Р. В. Селларс вместе с тем не обращался к действию диалектического закона перехода количества в качество и не принял диалектическую трактовку противоречия как движущей силы развития. Его материализм был ограниченным, не распространялся на понимание общества².

Такова вкратце суть эмерджентизма — второй разновидности неометафизической концепции развития. Главная ее черта — абсолютизация скачков в развитии, причем скачков интегративных, взрывообразных.

Встает вопрос: относится ли оценка В. И. Лениным двух концепций развития к эмерджентизму? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. В тот период, когда В. И. Ленин формулировал свое положение о двух концепциях развития (1915), в его распоряжении был материал, свидетельствующий о доминировании в буржуазной философии плоскоэволюционистской, механистической концепции. Для более полного ответа, как справедливо отмечает А. С. Богомолов³, у В. И. Ленина еще не было достаточного материала. Один из главных трудов эмерджентизма — «Творческая эволюция» А. Бергсона — появился в 1907 г., а основные работы С. Александера и К. Л. Моргана — в 1920 и 1922 гг. Тем не менее сформулированное В. И. Лениным положение затрагивает и эту разновидность неометафизики. И не только потому, что В. И. Ленин в научном отношении осторожен, говоря о «двух основных концепциях развития». Важно другое, а именно: диалектическая концепция развития оказывается неотделимой от признания материального внутреннего противоречия как ведущего фактора развития. «Условие познания всех процессов мира в их "самодвижении", в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть "борьба" противоположностей»⁴. При неометафизической концепции, наоборот, «остается в тени» двигательная сила, источник развития. Эта оценка

¹ См.: Быховский Б. Э. Памяти Р. В. Селларса // *Философские науки*. 1974. № 4. С. 156—157.

² См.: Богомолов А. С. Эволюционный натурализм Р. В. Селларса и диалектический материализм // *Вопросы философии*. 1959. № 3.

³ См.: Богомолов А. С. Метафизическая концепция развития в XIX и XX веках // *Вопросы философии*. 1960. № 10. С. 97.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

полностью относится к эмерджентистской разновидности неометафизики.

И плоскоэволюционистская, и эмерджентистская концепции сходны в главном — в отказе от имманентных материальных противоречий как источника развития природы и общества.

Различие же между этими концепциями в том, что если одна из них абсолютизирует постепенные скачки (и в этом смысле эволюционную сторону развития), то вторая столь же односторонне преувеличивает роль внезапных, взрывообразных скачков. И та, и другая одинаковы в своем разрыве «постепенности — внезапности» («непрерывности — прерывности»).

В социально-политическом плане эмерджентизм служит методологией экстремизма, анархизма и левацкого авантюризма.

Итак, метафизический подход к природе и обществу имеет две исторические формы: 1) классическую метафизику (главным образом XVII—XVIII вв.) и 2) современную метафизику, или неометафизику; вторая подразделяется на две разновидности: плоско-эволюционистскую, механистическую (середина XIX — первая четверть XX в.) и эмерджентистскую, возникшую в самом начале текущего столетия и получившую распространение с 20-х годов.

Диалектическая концепция развития в наиболее полном, по словам В. И. Ленина, и свободном от односторонности виде представлена марксистской философской диалектикой. Ее он и характеризовал как антипод неометафизической концепции развития.

Но наряду с диалектико-материалистической существует и такая трактовка развития, которая отличается от нее степенью философской осознанности и разработанности диалектики. Ее анализ также содержится в ряде работ В. И. Ленина и в первую очередь в «Материализме и эмпириокритицизме» и в «Философских тетрадах». Это — стихийно-диалектическая позиция буржуазных естествоиспытателей, диалектика естественнонаучных материалистов. Наиболее яркое представление о стихийно-диалектической концепции развития дает эволюционизм Ч. Дарвина, высоко оцененный основоположниками марксизма. Наряду с глубокими идеями, касающимися развития (что мы уже отметили выше), дарвиновская концепция, однако, была ограниченной. Ее нельзя рассматривать в качестве диалектико-материалистической, что между прочим утверждалось в недалеком прошлом и что вело к ошибочной трактовке

самой марксистской теории развития. При таком подходе ряд общих моментов этой теории, касающихся критериев прогресса, соотношения прогресса и регресса и др., распространялся на область неорганической природы, на социальную действительность, на мир в целом. Упускали из виду, что это не диалектика как способ мышления и даже не вся диалектика природы (в смысле отражения диалектики природы в соответствующих понятиях). Дарвиновская теория содержала в себе некоторые элементы диалектики, причем в философски не оформленном, естественнонаучном виде. Она фактически соотносилась с частнонаучным понятием «эволюция», а не с всеобще-философским понятием развития. В этом плане она не могла иметь философского (в собственном смысле этого слова) статуса, поскольку не учитывала специфики социального развития. Тем более она не включала в себя исследования развития как всеобщего, универсального методологического принципа, не анализировала, в частности, тех понятий, логических средств, с помощью которых можно достигать адекватного отражения в мышлении развивающихся органических форм.

И. Дицген отмечал, что «Гегель предвосхитил Дарвина, но Дарвин, к сожалению, не знал Гегеля. Этим «к сожалению» мы не думаем упрекать великого натуралиста; мы этим хотим лишь напомнить, что дело специалиста Дарвина должно быть дополнено великой обобщающей работой Гегеля»¹. «Гегель изложил учение о развитии гораздо шире, чем Дарвин»². Отмечая эти положения из работы И. Дицгена и имея в виду общефилософское учение о развитии, В. И. Ленин указывал: «Гегель выше Дарвина в учении о развитии»³. Сказанное не ставит под вопрос огромное мировоззренческое значение дарвиновской теории в конкретно-исторической ретроспективе, в том числе в процессе формирования теории и метода материалистической диалектики. Не ставится под сомнение и мировоззренческое значение этой теории в борьбе с религиозным мировоззрением. Здесь отмечается лишь предел ее диалектичности, ограниченный предметом биологии, стихийный (ограниченный) характер данной диалектической идеи развития.

В XX столетии стихийно-диалектическая концепция

¹ Дицген И. Избранные философские сочинения. С. 126.

² Там же. С. 130.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 454.

развития получила широкое распространение в естествознании буржуазного общества¹. Она разрабатывается в трудах Дж. Хаксли, Л. Берта-ланфи, Г. Меллера, Дж. Г. Симпсона, Э. Майра, А. Сент-Дьерди и многих других ученых. Естественнаучные материалисты, как стихийные диалектики, не могут считаться представителями диалектико-материалистической концепции развития, они выступают ее потенциальными союзниками. Их позиции ближе к диалектическому материализму, чем к неометафизическому подходу. Стихийно-диалектическая, сциентистская концепция развития не стоит в одном ряду с диалектико-материалистической и неометафизической. Но в ее динамизме, выявляющем порой признаки движения вспять, обнаруживается неуклонная тенденция к сближению с научно-диалектической концепцией развития.

Основными концепциями развития и поныне являются диалектико-материалистическая и неометафизическая концепции.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ РАЗВИТИЯ. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Развитие является основным предметом изучения диалектики, а сама диалектика выступает как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. «Наша теория — это теория развития...»². Нацеленность на развитие служит критерием диалектики³. Познание законов развития дает возможность управлять процессами развития, изменять мир в соответствии с объективными законами и потребностями человеческой цивилизации.

Диалектика по своей сути тесно связана с революционно-созидательным отношением к миру. «Именно в силу неразрывной сопряженности с «позицией изменения» диалектико-материалистическая концепция разви-

¹ См.: Давиташвили Л. Ш. Современное состояние эволюционного учения на Западе. М., 1966; Смирнов И. Н. Материалистическая диалектика и современная теория эволюции. М., 1978; Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1983. Т. III (разделы: Омеляновский М. Э. «Диалектика революций в физической науке»; Жданов Ю. А. «Материалистическая диалектика и проблемы химической эволюции»; Карпинская Р. С. «Идея развития в науках о живой природе»).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 504.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 139.

тия не ограничивается вопросами, как протекает процесс развития и как он познается, а включает их в контекст решения задачи сознательного управления процессами развития в обществе и природе... Для нее вопрос о развитии — это вопрос не только о том, как его выражать в логике понятий, но и о том, как претворять познанные законы в логику действия, творчества «новых форм жизни»¹. Фундаментальный характер развития обуславливает большое внимание к изучению феномена развития, его направлений, законов, его связи с причинностью, познанием, практикой.

Важное значение в познании развития имеет, конечно, исходное определение самого понятия развития.

Развитие не есть развитие «вообще», «всего», «всей материи», «Вселенной в целом», «всего и вся в предмете». Развитие связано только с конкретными материальными или духовными системами: развивающейся системой может быть отдельный организм, Солнечная система, общество, теория и т. п. Вне конкретных систем нет никакого развития². О развитии материи («Вселенной в целом») можно говорить, подразумевая под этим бесконечное множество развивающихся конкретных систем и реализацию бесконечного множества возможностей к новообразованиям, заключенным в материи. Даже признание в качестве конкретностей системы форм движения материи или Метагалактики не может дать достаточного основания для заключения о бесконечном прогрессивном развитии материи, поскольку в первом случае даже учет возможности еще одной какой-то более высокой гипотетической формы движения материи по сравнению с социальной не означает ведь доказанности их бесконечного ряда; во втором же случае произойдет подмена частного всеобщим и конструирование картины мира с бесконечно большими физическими силами и скоростями, представление о которых приходит в противоречие с уже установленными законами природы. Материя конкретна через свою системность и структурность.

¹ Ильичев Л. Ф., Давыдова Г. А. Материалистическая диалектика и проблема развития//Вопросы философии. 1985. № 4. С. 63.

² Существует точка зрения, согласно которой развивается, притом неограниченно прогрессивно, материя, Вселенная в целом. Эта концепция наиболее полно разработана В. В. Орловым (см.: Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; К понятию развития//Философские науки. 1980. № 1; Человек, мир, мировоззрение. М., 1985).

Признание же положения о том, что развитие реализуется через конкретные целостные системы (суммативные лишены саморазвития), не означает, что развитие есть порождение целостностью новой целостности. В этом отношении нужно уточнить, о чем идет речь, когда говорится об изменениях качеств при развитии. Вполне возможно, что происходит смешение «систем отсчета»: при анализе одной и той же системы за «целое» принимается лишь элемент или подсистема и их преобразование при некотором изменении самой основы системы.

Развитие разнопланово, многоуровнево и многоэтапно. Но несомненным должно быть исключение из развития момента возникновения самой системы и момента ее распада, ликвидации, прекращения существования¹. Наличное же бытие системы есть уже определенное качество, впоследствии (после возникновения) изменяемое, но сохраняемое на всем протяжении ее существования. Справедливо поэтому подчеркивается, что развитие «есть такое изменение состояний, которое происходит при условии сохранения их основы, т.е. некоего исходного состояния, порождающего новые состояния. Сохранение исходного состояния или основы... только и делает возможным осуществление закономерностей развития»². У конкретной целостной системы одна природа, одно интегративное качество, иначе она перестает быть данной системой. Когда говорится о развитии, выражение «изменение качества» надо понимать не

¹ Возникновение целостной органичной системы, ее исходной формы хотя и связано с развитием, однако не есть еще собственно развитие; оно представляет собой взаимодействие элементов, рождающих новую структуру, полагающее начало развитию. Возникновение связано с прохождением и вместе с ним дает становление. Становление представляет собой, как отмечал Гегель, среднее состояние между ничто и бытием, вернее, единства бытия и ничто (см.: Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 140—169). «Из становления возникает наличное бытие... Его опосредствование, становление, находится позади него; это опосредствование сняло себя, и наличное бытие предстает поэтому как некое первое, из которого исходят» (там же. С. 170). Становление — это и отсутствие качества (наличного бытия) и в то же время существование и формирование предпосылок именно данного, а не какого-то другого качества.

² Свидерский В. И. О некоторых особенностях развития // Вопросы философии. 1985. № 7. С. 27—28.

Данный момент в характеристике развития настолько существенен, что некоторые специалисты по теории диалектики считают целесообразным включать его в формулировку исходного понятия развития (см.: Hörz H., Wessel K.-F. Philosophische Entwicklungstheorie. Berlin, 1983. S. 49).

в смысле исчезновения у системы ее основного, собственного качества. Необходимо изменение ракурса рассмотрения, вернее — более четкое разграничение, с одной стороны, интегративной основы той или иной конкретной целостной системы и, с другой — ее подсистем (сложноорганизованных комплексов элементов, в том числе состояний, стадий).

По подсистемным изменениям и устанавливается характер движения конкретной материальной системы: круговорот ли это, хаотические ли изменения, или изменения типа развития.

Теперь посмотрим, какие могут быть простые и вместе с тем фундаментальные черты развития.

Развитие характеризуется прежде всего своей неотрывностью от движения, изменения. Но это — не отдельные изменения, а множество, комплекс, система изменений в составе элементов, в структуре, т. е. в рамках качества подсистем данной материальной системы¹. Системный характер изменений означает, что меняется качество (в оговоренном значении этого термина). Поэтому необходимо фиксировать признак *«качественное изменение»* в определении развития.

Помимо этого, развитие характеризуется не единственным, не разовым качественным преобразованием, а некоторым комплексом, связью ряда таких преобразований. В этом плане развитие есть связь качественных преобразований системы. Для этой связи характерна прежде всего *необратимость*. Противоположное этому понятие обратимости связано с круговоротами и фун-

¹ Важное значение при этом имеют развертывающиеся в системах процессы дифференциации, которые некоторыми авторами оцениваются как условия развития вообще (см.: *Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я.* Диалектический материализм в свете современной науки. С. 170—172). Замечено также, что возникающие в результате дифференциации подсистемы неравны между собой по субстратно-вещественным и актуально-энергетическим параметрам, взятым в отдельности, в то время как эти же параметры, взятые в их единстве, распределяются более или менее равномерно. Поэтому целесообразно считать закон компенсирующего деления, выражающий данный феномен, одним из критериев развития (см.: *Исаев И. Т.* Диалектика и проблема развития. М., 1979. С. 154—159, 167—171). Это предложение заслуживает серьезного внимания и обсуждения. Если отмеченная регулярность окажется общей для материальных систем (а она пока установлена лишь в некоторых областях материальной действительности), то и в этом случае, как нам представляется, она все-таки не будет всеобщей, так как не охватит область духовного развития. Тем не менее она будет одним из критериев, специфицирующим всеобщие критерии применительно к развитию материальных систем.

кционированием, представляющими собой изменения качеств с возвратом к прежним состояниям в своих главных структурах. В отличие от метафизики, трактующей обратимость как «чистое» круговращение, как возврат к старому, диалектика понимает круговороты как не имеющие абсолютно замкнутого характера и в этом смысле обладающие моментом обратимости; абсолютной обратимости нет, как нет и чистой необратимости. Если круговороты и функционирование в основном обратимы, то развитие — в основном необратимый процесс. Необратимость изменений понимается в диалектике как возникновение качественно новых возможностей, не существовавших раньше.

Изменения типа развития наиболее близки к изменениям типа функционирования. Связи развития можно рассматривать под определенным углом зрения «как модификацию функциональных связей состояний с той, однако, разницей, что процесс развития существенно отличен от простой смены состояний... Развитие также описывается обычно как смена состояний развивающегося объекта, однако основное содержание процесса составляют при этом достаточно существенные изменения в строении объекта и формах его жизни. С чисто функциональной точки зрения функционирование есть движение в состояниях одного и того же уровня, связанное лишь с перераспределением элементов, функций и связей в объекте... Развитие же есть не просто самораскрытие объекта, актуализация уже заложенных в нем потенций, а такая смена состояний, в основе которой лежит невозможность по тем или иным причинам сохранения существующих форм функционирования. Здесь объект как бы оказывается вынужденным выйти на иной уровень функционирования, прежде недоступный и невозможный для него, а условием такого выхода является изменение организации объекта»¹.

Развитие есть особого рода связь состояний. Эта связь тоже не беспорядочна; если хаотичность на уровне первичных изменений «преодолевается» в целостности изменений, в одном каком-либо качественном преобразовании подсистемы, то на уровне всей системы этим преобразованиям может и не быть присуща внутренняя связность; на этом уровне они могут оказаться беспоря-

¹ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 189—190.

дочными изменениями, и тогда не будет развития. Развитие же, напротив, показывает наличие преемственности между качественными изменениями на уровне системы, аккумулятивную связь последующего с предыдущим, определенную тенденцию в изменениях (в этом отношении их известную организованность) и именно на этой основе появление у системы новых возможностей. Иначе говоря, развитие соотносится с направленными преобразованиями¹. *Направленность* — третий критериальный признак развития².

В определение развития иногда включается указание на закономерный характер изменений, отмечается, что развитие — это изменение качества системы в определенном направлении и по определенным законам. Конечно, эту черту развития можно принимать во внимание, но вряд ли целесообразно рассматривать ее в числе ведущих признаков. Дело в том, что закономерность сама по себе лишена ценностно направленной значимости, между тем как, к примеру, прогресс, предполагая закономерность процесса, одновременно указывает и вектор, направление преобразований системы. Понятие «направленный» лучше, на наш взгляд, оттеняет противоположность развития беспорядочному, хаотическому движению.

Таковы самые основные признаки развития: 1) качественный характер изменений, 2) их необратимость и 3) направленность. Ни один из этих признаков не является, как мы видели, достаточным для определения развития. Недостаточны и какие-либо два из них. Пример — определение, имеющееся в «Философском энциклопедическом словаре». В нем указывается, что «развитие — это необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов»³. В этом определении уже нет того акцентирования внимания на «качестве», «переходе одного качества в другое качество», которое

¹ «Накопление новообразований не только необратимо «уводит» систему от ее исходного состояния, но и закономерно изменяет уровень (или степень) ее организованности. Сопоставляя исходное и конечное состояния системы, мы тем самым выясняем объективную направленность ее развития, т. е. необратимое изменение системы либо в сторону повышения, либо в сторону понижения ее уровня (степени) организованности» (Молевич Е. Ф. Тожественны ли понятия «развитие» и «прогресс»? // Философские науки. 1978. № 6. С. 39).

² Более подробно по вопросу о направленности см.: Жердев Р. В., Миклин А. М. Общие основы и составляющие направленности развития // Материалистическая диалектика. В 5 т. М., 1981. Т. 1.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 561.

имело место в «Философской энциклопедии». Выделены такие критерии, как необратимость и направленность. Однако отсутствие признака «системности изменений» (качественных преобразований подсистем) способно размыть грань, отделяющую понятие развития от понятия механического движения, которое в известном смысле тоже необратимо, направленно и закономерно. Не проясняет ситуацию и последующее положение, касающееся качества, а именно, что «в результате развития возникает новое качественное состояние объекта». Получается, что развитие лишь подготавливает одно качественное изменение, развертывается до качественных изменений.

Выделенные выше три признака развития необходимы и достаточны для отграничения данного типа изменений одновременно от хаотических изменений, механических движений, круговоротов и функционирования. Указание на эти три признака и должно составлять исходное определение понятия развития. Критерий развития — комплексный.

В философской литературе иногда предлагается определять развитие через указание на основные законы диалектики¹.

По этому поводу можно заметить следующее. Основные законы диалектики, конечно, характеризуют развитие подобно тому, как законы Ньютона характеризуют механическое движение. Но, во-первых, дефиниция понятия и концепция, развернутая трактовка феномена — несколько разные вещи. «Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция»². С выходом на уровень законов возможность для определений хотя и сохраняется, все же происходит переключение внимания с логического приема, с помощью которого фиксируются критерии отличия изучаемого феномена от других явлений, на теорию, объясняющую данный феномен, в том числе его критериальные признаки. Во-вторых, включение в определение развития закона отрицания отрицания, требующего фиксирования повтора «на более высокой базе», опять-таки ведет к сужению понятия развития, к его отождествлению с прогрессом. Здесь еще более заметно различие

¹ См.: Семенцев В. М. Понятие развития и законы диалектики// Вопросы философии. 1968. № 2. С. 108, 109. Рузавин Г. И. О соотношении категорий «движение», «развитие» и «прогресс»//Философские науки 1980. № 1. С. 56.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 634—635.

между определением развития, которое должно охватывать все его виды, и целостной, диалектической концепцией развития, сознательно ставящей в центр внимания развитие прогрессивное.

Не будем, однако, полностью отвергать попыток определения развития через основные законы диалектики. В первую очередь это касается закона единства и борьбы противоположностей. Развитие всегда есть там, где есть противоречия и их преодоление. В этом аспекте как определение звучит положение В. И. Ленина: «Развитие есть „борьба“ противоположностей»¹.

Но В. И. Ленин никогда не сводил раскрытие содержания сложных понятий к какой-либо одной дефиниции (вспомним, к примеру, его определения понятия материи). Конспектируя «Науку логики» Гегеля, он, между прочим, выписал интересную мысль Гегеля о том, что чем богаче определяемый предмет, т. е. чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения. В. И. Ленин в связи с этим говорил: «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах...»² Такова и ситуация с понятием развития. Дефиниций этого понятия может быть много. Можно согласиться с Г. И. Рузавиным в том, что вполне «законными» могут быть дефиниции развития, даваемые на феноменологическом и сущностном уровнях познания. Однако в исходном определении всегда будут главными самые простые и самые общие признаки развития.

Рассмотренные критерии развития позволяют предложить следующее исходное определение данного понятия: **развитие — это направленные, необратимые качественные изменения системы.** Данное определение достаточно, чтобы вычленять любые развивающиеся системы. При необходимости же учесть специфику диалектико-материалистической концепции развития это определение может быть расширено посредством указания на внутренний механизм развития. В таком случае развитие — это качественные, необратимые, направленные изменения, обусловленные противоречиями системы.

Процесс развития детерминирован внутренними и внешними противоречиями. В самом общем виде противоречия выступают как взаимосвязь тенденций к устой-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Там же. С. 216.

чивости и изменчивости, а само развитие может быть как равномерным, так и неравномерным, как всесторонним, так и односторонним. При этом обнаруживается, что тенденция неравномерного, первоначально одностороннего, преимущественного развития отдельных элементов системы выступает как закономерная тенденция, создающая условия для всестороннего развития системы в целом; вместе с тем тенденция равномерности является главной в развитии, так как она отражает «запросы» всего множества элементов системы, а не только какой-либо ее части¹.

Развитие не является ни однолинейным, ни круговым, но более многообразным и сложным. Развитие может быть однолинейным и многолинейным, в том числе дивергированным; прямолинейным и зигзагообразным; восходящим и попятным, возвращающимся к прежним состояниям; общим и локальным; ускоренным и замедляющимся; гармоничным и дисгармоничным (даже конфликтным); индивидуальным и историческим (межвидовым, формационным) и т. п. Все эти типы, виды и формы могут переплетаться друг с другом в конкретных ситуациях. Главными линиями, или направлениями, развития² являются прогресс, регресс и одноуровневое развитие.

Для неорганической природы достаточным критерием прогресса (или восходящей линии развития) можно считать степень усложнения структуры системы (например, молекулярный уровень в сопоставлении с атомарным). Переходы от одних основных уровней системной организации объектов к другим означают расширение возможностей взаимодействия, изменения этих систем. Правда, не все формы движения возникшей целостной системы сложнее форм движения ее элементов. Движение микрочастиц, например, подчиняется сложным волновым законам; при объединении частиц в молекулы и макроскопические тела волновые свойства становятся

¹ См.: Свидерский В. И. О некоторых особенностях развития // Вопросы философии. 1985. № 7. С. 32, 34.

² Направление развития и направленность развития — не одно и то же. «Проблема направленности значительно шире проблемы отдельных направлений и форм развития и их соотношения хотя бы потому, что включает в качестве важнейших звеньев вопросы: 1) о причинных и направляющих факторах, обуславливающих развитие в данном, а не в ином направлении и смену путей развития, 2) о целенаправленности, или телеономичности, индивидуального и исторического развития» (Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980. С. 83).

практически незаметными, поскольку длина волны де Бройля при увеличении массы стремится к нулю. Соответственно квантовые законы движения уступают место законам классической механики; последние являются более простым, частным случаем квантовых закономерностей¹. Но внутри этого «более простого» имеют место более сложные закономерности, так что содержание системы в целом все же оказывается более многообразным. Усложнение здесь происходит не столько в экстенсивном, сколько в интенсивном плане. В связи с этим наряду с составной сложностью (ее-то значение между прочим и абсолютизируется в концепции, принимающей за универсальный критерий прогресса «движение от простого к сложному») выделяется гетерогенная сложность. Эти два типа сложности играют разную роль в определении направленности развития². При этом к развитию непосредственно относятся сложности с устойчивыми структурами, являющиеся результатом самоорганизации (механизмы и закономерности самоорганизации в настоящее время изучаются синергетикой³). Общей линией являются усложнение состава и структуры системы, появление новых подсистем (или систем), рост числа внутренних и внешних взаимодействий системы, увеличение возможностей для таких взаимодействий (и в этом смысле — рост степеней свободы систем).

Для низших видов прогресса на элементарном и ядерно-атомном уровнях организации материи характерной оказывается внутренняя нерасчлененность, недифференцированность, определенная линейность прогрессивных изменений. С возникновением простейших химических соединений дальнейшая эволюция сопровождается фундаментальной дифференциацией путей развития химизма: возникают кристаллическая и молекулярная ветви химической организованности. Если первая обусловила формирование почти всей массы земной коры, то историческое значение второй определяется прежде всего тем, что именно в рамках молекулярной организации сложилась многообразная химия высокоорганизованных органических веществ, подготовившая и обусловившая переход к биологической организации материи. С возникновением последней структура прогрессивного развития испытала дальнейшее усложнение, ибо прогрессивное развитие живого связано уже с четырьмя основными стволами эволюции — эволюцией организации

¹ См.: Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. С. 261.

² См.: Молевич Е. Ф. Прогресс и регресс в процессе развития//Материалистическая диалектика как общая теория развития. Т. I. С. 212—215.

³ См.: Рузавин Г. И. Синергетика и принципы самодвижения материи//Вопросы философии. 1984. № 8; *его же*. Синергетика и системный подход//Философские науки. 1985. № 5.

биологических индивидов, филогенетической эволюцией видов, историческим развитием биоценозов и биосферы, в свою очередь представленными многообразными ветвями прогресса. Соответственно и биологический прогресс не сводится к одному лишь филогенетическому прогрессу видов, а оказывается диалектическим единством четырех фундаментальных форм прогрессивного развития живого: прогрессом биологической индивидуальности, морфофункциональным филогенетическим прогрессом видов («арогенез»), прогрессивной эволюцией биоценотической организации и «живого покрова» (биосферы) в целом¹.

По отношению к системам органической природы приходится обращаться к более сложному критерию прогресса. Его отдельными моментами являются следующие: степень дифференциации и интеграции структуры и функций живого и оптимальная связь этих параметров; увеличение конкурентоспособности; степень эффективности и работоспособности структур и функций живых систем; степень экономичности всех форм организации живого на разных ступенях их эволюции; степень эволюционной пластичности организации, сохранение или возрастание эволюционных возможностей; увеличение автономизации или относительной независимости от среды; повышение выживаемости, степени целостности и целесообразности индивида и вида; повышение надежности действия живых систем; увеличение запаса информации в результате установления многочисленных связей со средой. Эти критерии с разных сторон (а именно с точки зрения морфологии, физиологии, энергетики, экологии и кибернетики) характеризуют совершенство живого и только взятые в комплексе могут дать правильное представление о высоте организации живых систем².

Несмотря на то что степень прогресса в органической природе наиболее точно может быть установлена посредством целой совокупности критериев, все же в их составе имеется признак (в некоторые из критериев он входит в качестве их компонента), который оказывается доминирующим среди них. Он характеризует развертывание функциональных возможностей систем, а потому его можно обозначить термином «функциональный» (или «системно-функциональный»). Другие критерии хотя и самостоятельны, в чем-то дополняют, корректируют его, но не способны претендовать на ведущую роль в этом комплексе. Прогресс применительно к живой природе опре-

¹ См.: Молевич Е. Ф. Прогресс и регресс в процессе развития. С. 210—212.

² См.: Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. С. 136—146.

деляется как такое повышение степени системной организации объекта, которое позволяет новой системе (измененному объекту) выполнять функции, недоступные старой (исходной) системе. Регресс же — это понижение уровня системной организации, утрата способности выполнять те или иные функции.

В отношении общества также применяется комплексный критерий прогресса. Фактически каждая его подсистема — производительные силы, производственные отношения, нравственность, культура — требует своего специфического критерия, и только в своей совокупности эти критерии способны наиболее полно охарактеризовать ту или иную общественную систему, степень ее прогрессивности по сравнению с другими общественными системами.

Поскольку способ производства является определяющим основанием общественного развития, постольку главный критерий должен быть связан с его ведущей стороной. Как указывал В. И. Ленин, самым важным, самым главным для победы нового общественного строя является производительность труда. «Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное»¹.

Речь идет не об уровне производительности труда и не об уровне производства вообще, которое может быть на начальном этапе развития нового общества ниже, чем в странах капитализма, но о темпах роста производства, производительности труда, благодаря чему сначала может быть сокращен разрыв в производстве, затем обеспечен выход вперед в экономике. Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, до войны и в первые послевоенные годы уровень экономики США казался труднодостижимым, но уже в 70-е годы по научно-техническому и экономическому потенциалу наша страна существенно приблизилась к нему, а по производству некоторых важнейших видов продукции превзошла. За последнюю четверть века семикратно увеличились основные производственные фонды народного хозяйства страны, национальный доход вырос почти в 4 раза, промышленное производство — в 5 раз².

Наличие общественной собственности на средства производства включает в себе гораздо больше возможностей для оптимизации управ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 21.

² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 22.

ления, улучшения структуры промышленности, сельского хозяйства, внедрения новейшей технологии и тому подобное, чем частнособственническая организация производства. При этом важно рационально использовать имеющиеся возможности, что в решающей мере зависит от субъективного фактора развития. Осуществление разработанной ЦК КПСС стратегии ускорения социально-экономического развития позволит нашей стране в ближайшие полтора десятилетия увеличить национальный доход почти в 2 раза при удвоении производственного потенциала и его качественном преобразовании. Производительность труда вырастет при этом в 2,3—2,5 раза, произойдет крутой поворот к интенсификации производства, повышению качества и эффективности.

Производительность труда, вернее, темпы роста производительности труда во многом определяются человеческим элементом производительных сил, причем во всех общественно-экономических формациях. Однoboко ориентированная экономика, в ущерб развитию человека, его духовных потенций, отрицательно влияет на темпы роста производительности труда.

На протяжении многих столетий социальный прогресс всецело совершался в рамках частной собственности на основные средства производства, менялась лишь форма (степень) эксплуатации человека человеком. Социализм освобождает людей труда от классовой эксплуатации. Действительная ориентация экономики на человека и осознание субъектом производства факта своей работы на общество меняют характер труда и стимулируют творчество в сфере производства. «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»¹. Свободный труд (в смысле свободы от эксплуатации) есть характеристика производственных отношений, а потому указание на эту сторону проблемы прогресса еще теснее связывает критерий общественного прогресса со способом производства, с марксистским учением об обществе.

Но к проблеме человека марксизм обращается не просто потому, что люди являются частью производительных сил, а из их отношений в процессе производства складываются производственные отношения. Проблема человека является ведущей во всей проблематике марксизма, а интересы развития человека — целью всего марксистского учения об обществе. «...На место экономического богатства и экономической нищеты, — писал К. Маркс, характеризуя коммунизм, — становятся богатый человек и богатая чело-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 22.

веческая потребность. *Богатый человек* — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*. Не только *богатство* человека, но и *бедность* его получает при социализме в равной мере *человеческое* и потому общественное значение»¹.

Социальное развитие идет в направлении гармонизации интересов общества и интересов индивида. Общество и индивид одновременно будут выступать друг для друга средством и целью. Подлинный гуманизм исходит не из человека вне общества и не из общества над людьми, но из общественного человека и человеческого общества². Не может быть прогрессивной система, подавляющая интересы людей, не позволяющая развернуться их духовным способностям.

«Все прогрессы — реакционны,
Если рушится человек»³

Гармоничное развитие индивидов, их способностей к творчеству наращивает духовный, общекультурный потенциал общества, прямо и непосредственно ведет к ускорению нравственного и культурного прогресса общества.

Итак, к основным критериям прогрессивности общественных систем относятся: 1) темпы роста производства, производительности труда, ведущие к увеличению свободы человека по отношению к природе; 2) степень свободы работников производства от эксплуатации; 3) уровень демократизации общественной жизни; 4) уровень реальных возможностей для всестороннего развития индивидов. Только вместе взятые названные критерии способны, по крайней мере в главном, отличить более совершенную, более прогрессивную социальную систему от менее совершенной.

Прогрессивность общественной системы — это ее способность обеспечить условия для наиболее эффективного развития производства, культуры, для максимального удовлетворения потребностей людей, для всестороннего, гармоничного развития человека. Прогресс применительно к обществу — это такое повышение степени его системной организации, которое позволяет системе развиваться более

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 125.

² См.: Сагатовский В. Н. Вселенная философа. М., 1972.

³ Вознесенский А. Собр. соч. М., 1983. Т. 1. С. 411.

высокими темпами. Под «более высокими темпами» понимаются темпы не одного только производства, но также темпы культурного, духовного развития общества. В целом же комплексный критерий общественного прогресса может быть обозначен как динамический, или структурно-динамический¹.

Если теперь переключить внимание на общий универсальный критерий развития, т. е. на критерий, который мог бы быть применимым к любым материальным системам, то станет понятной трудность его выделения: функциональный не подойдет к неорганическим системам, а динамический (в его социальной специфичности) — к системам органической природы. Более сложное не может быть мерилom более простого, но простое способно стать фундаментальным, исходным для всех последующих формообразований. Всеобщий критерий прогресса, очевидно, должен базироваться на системно-структурном критерии.

Но представление о системности как критериальном признаке должно быть пояснено. Понятие «системный» не охватывает абсолютно все, что есть в системах. За его пределами ряд понятий других, в том числе «энергетический» и «информационный», хотя, конечно, системы имеют стороны, выражаемые в этих понятиях. Понятие «системный» мы связываем непосредственно с понятиями «структурный», «функциональный» и «развивающийся» (динамичное развитие). Специально не обосновывая данное положение, заметим, что в философскую литературу уже прочно вошло соотнесение функций и развития систем непосредственно со структурой, с организацией систем и связывается тоже с системным подходом². Так что понятия «системно-структурный», «системно-функциональный»

¹ Термин «динамический» может ассоциироваться с выражениями «динамический закон», «действие силы» («силовой»). Но это — одно его значение, преимущественно физическое. Второе его значение — «богатый движением, действием, внутренней силой; динамичный». Нами он применяется в этом разделе во втором своем значении.

² В. Г. Афанасьев выделяет системно-компонентный, системно-структурный, системно-функциональный и системно-интегративный аспекты системы, а также их исторический аспект. Э. Г. Юдин разделяет все множество системных понятий на три группы: 1) относящиеся к описанию внутреннего строения системных объектов (понятия «элемент», «структура», «организация», «целостность» и др.); 2) связанные с описанием функционирования систем («функция», «устойчивость», «регулирование», «обратная связь», «управление» и т. п.) и 3) описывающие процессы развития системных объектов («становление», «генезис», «эволюция» и др.); ряд понятий относится и к функционированию, и к развитию («изменение», «рост», «воспроизводство»).

и «системно-динамический» есть лишь разновидности одного, более общего понятия — «системный».

С этой точки зрения считать универсальным критерием прогресса функциональный критерий не совсем точно. Даже в применении к живой природе, как мы видели, этот критерий должен дополняться рядом других; он считается таковым лишь в оговоренном выше отношении. Что касается социальной действительности, то функциональный подход здесь в еще большей мере требует коррекции (на основании одной только функциональной эффективности можно, например, неверно оценить характер фашистского режима в гитлеровской Германии). Этот критерий базируется на системно-структурном критерии и органично включается в системно-динамический, многосторонний, комплексный критерий, находясь в подчиненном положении у него и переставая действовать в ряде случаев, а значит, и не являясь самодостаточным и универсальным. Возникновение нового, высшего связано не только с внутренними преобразованиями, но и с взаимодействием системы со средой, с получением системой всего необходимого от среды и его ассимиляцией в соответствии с собственной природой.

В системно-структурном плане, как отмечалось, общая тенденция прогресса связана не только с наращиванием состава элементов системы (хотя это важно), сколько с дальнейшей дифференциацией системы, ее подсистем, элементов, структуры, с одновременным усилением интеграции на новых уровнях дифференциации. Происходит аккумуляция свойств и признаков, их интегрирование, возникновение новых интегративных свойств системы. Основное содержание предыдущего развития обогащается, поднимается выше, переходит в «высшее». Как отмечал Гегель, «на каждой ступени... всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»¹.

Что касается роста степеней свободы, то нам представляется, что, во-первых, это явление не тождественно увеличению функциональных возможностей материальных систем, во-вторых, и то и другое есть преимущественно внешние проявления прогресса, во многом зависящие от

¹ Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. III. С. 20.

характера других систем, взаимодействующих с данной, что способно влиять на «свободу» и «функции» и нередко искажать подлинную сущность самой системы и характер ее развития. Уже не раз встречалось толкование прогресса как достижение «максимально полной независимости» материальной системы от среды. На это выдвигались веские контр-аргументы. Так, указывалось на несостоятельность положения о независимости системы от среды, ибо они неразрывны; если считать эту независимость критерием высоты организации, то гораздо большей независимостью от внешней среды обладают, например, микроорганизмы, нежели высшие организмы. Применительно к обществу положение об увеличении степеней свободы как показателя прогресса соотносится с многими негативными тенденциями, например при социализме с тенденцией ряда административных работников к свободе от правовых законов, от контроля снизу, от социалистических норм морали и т. п. По-видимому, трактовка «роста степеней свободы» как показателя прогресса должна быть теснее связана с детерминизмом и системным подходом.

Весьма существенно, что в точках перехода от одного состояния к другому развивающийся объект обычно располагает относительно большим числом «степеней свободы» и ставится в условия необходимости выбора некоторого количества возможностей, относящихся к изменению конкретных форм его организации. Отсюда множественность путей и направлений развития системы¹.

По мере прогрессивного развития во всей материальной действительности нарастают активность, степень свободы систем. Об этом свидетельствует схема самодвижения материи² (см. на с. 200—201).

Но схема убедительна и в другом — степень свободы материальных систем она относит именно к результатам самодвижения, развития, а в их основе — «носители самодвижения», «способы реализации самодвижения», «качество взаимодействий», т. е. то, что составляет сущность, ее стороны и уровни и что характеризуется прежде всего в понятиях системно-структурного подхода.

¹ См.: Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 190.

² См.: Харин Ю. А. Марксистская социальная диалектика. Минск, 1985. С. 93. В схеме сделаны уточнения: у автора было «Пространство», мы заменили на «Области материальной действительности»; в той же графе понятие «Неорганическая природа» заменено на «Космос».

Области материальной действительности	Проявление самодвижения	Способ реализации
Неорганическая природа	Активность	Действие
Биос	Жизнедеятельность	Биологическое действие
Социум	Деятельность человеческая	Социальное действие

В схеме указаны результаты самодвижения материи по трем областям материальной действительности, констатирован прогресс в этих «узлах». Но как обстоит дело внутри этих областей, например внутри «изменений» или «приспособлений»?

Сторонники функционального критерия, как единственного универсального критерия, обращаются за помощью к информационной стороне материальных систем, к росту разнообразия их содержания. Информационный критерий, конечно, в ряде случаев помогает решать вопрос о том, имеет ли место прогресс в каждом данном случае. Взаимосвязь интегрированности с дифференцированностью, увеличение многообразия содержания системы выражаются в тенденции роста объема информации. Так, при переходе от атомного уровня к молекулярному количество информации увеличивается в 10^3 раз, одноклеточные организмы содержат в 10^{11} раз больше информации, чем средняя молекула, состоящая из сотен атомов, а человеческий организм почти в $5 \cdot 10^{14}$ раз больше, чем средний одноклеточный организм¹. На этом основании некоторые философы делают общий вывод о том, что прогресс есть увеличение разнообразия систем, накопление информации, рост общего информационного содержания материальных систем². Но изучение информационных показателей по более конкретным, чем отмеченные узлы, звеньям развития природной материи показало, что этот признак не следует переоценивать: биологические организмы с большей степенью информации могут стоять на низшей ступени развития, а организмы

¹ См.: Антер М. Кибернетика и развитие. М., 1970. С. 95.

² См.: Урсул А. Д. Информация. Методологические аспекты. М., 1971. С. 177—178.

Носитель самодвижения	Качество	Результат
Материальный (неорганический) объект	Перенос вещества и энергии	Изменение
Организм	Информационно направленная активность	Приспособление к среде
Общественный субъект	Целеполагание	Преобразование природы и социальной среды

с меньшей информационной емкостью могут занимать более высокое место в филогенезе¹. Иначе говоря, в природе (да и в обществе) повышение степени целостности и организованности материальных систем имеет неоднозначную, вероятностную связь с ростом степеней свободы материальных систем. «Степени свободы» — это проявления сущности и, как явления, они могут адекватно, но могут и неадекватно отражать сущность материальных систем. Было бы, конечно, удобно пользоваться только одним информационным или функциональным признаком в качестве критерия прогресса. Но реальность заставляет идти от информационной емкости систем и общенаучного понятия «информация», как и от понятия «функциональный», к иным, более широким категориям.

На основании этих соображений мы полагаем, что, хотя «рост степеней свободы» и немаловажен для прогресса и его, несомненно, нужно ставить во главу угла, все же этот параметр включен не в функциональный, но шире — в системно-структурный критерий.

Системно-структурный критерий в своем «чистом» виде, применяясь к процессам неорганической природы, включается затем в качестве основы в системно-функциональный критерий, используемый для анализа сферы живой природы, и, наконец, вместе с ним входит важным компонентом в системно-динамический критерий, нацеленный на выявление прогресса в социальной действительности. Системно-структурный критерий относится ко всей материальной и духовной действительности; при учете же его своеобразного выражения в других сферах он может квалифицироваться как системный критерий вообще.

¹ См.: Исаев И. Т. Диалектика и проблема развития. М., 1979. С. 146.

Следует отметить, что системный (или системно-структурный) критерий диалектичен, помимо прочего, еще и в том отношении, что он неразрывно связан с представлением о противоречиях систем и включает в себе этот момент как один из признаков критериальности. Прогресс неотделим от повышения способности системы и ее частей перестраиваться под воздействием внешних или внутренних факторов и порождать новые состояния. Это способность к преодолению противоречий. Как отмечает Г. Климашевский, материальные процессы одной и той же ступени развития или сами определенные ступени развития материи развиваются прогрессивно, если более поздние процессы (или ступени) могут разрешить или разрешают внутренние противоречия или основное противоречие соответствующих предшествующих процессов (или ступеней)¹.

Конечно, преодоление противоречий, не преодолеваемых на предыдущей ступени развития, имеет место и при регрессе. Но, будучи взятым в единстве с ростом дифференцированности и интегрированности системы, с ростом многообразия ее содержания, оно ведет к увеличению мобильности, пластичности системы, к увеличению ее стабильности, степени свободы от воздействия внешних факторов, к росту автономности таких систем по отношению к внешним условиям. Одновременно усиливается взаимосвязь частей и подсистем, уменьшается степень их внутренней свободы.

Прогресс означает «достижение все большей степени свободы развивающейся системы от воздействия внешних факторов, но свобода эта достигается за счет прогрессирующей несвободы компонентов системы, усиления их взаимосвязи друг с другом, а также усиления целостности, «целесообразности» всей системы. Иными словами, прогрессивное развитие есть усиление степени организации развивающейся системы, ее способности становиться целым все более высокого порядка»². И лишь в этом плане постоянное воспроизводство в расширяющихся масштабах основных функций системы будет показателем ее прогрессивного развития³.

¹ См.: Weltanschauliche und methodologische Probleme der materialistischen Dialektik. Berlin, 1976. S. 133.

² Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964. С. 124—125.

³ См.: Науменко Л. К., Югай Г. А. «Капитал» К. Маркса и методология научного исследования. М., 1968. С. 36.

Итак, в общий, универсальный критерий прогресса включаются следующие признаки: увеличение степени дифференцированности системы, сопряженное с интегрированностью ее частей, компонентов; усиление мобильности, эффективности и надежности материальных систем, увеличение их способности преодолевать противоречия; воспроизведение в расширяющихся масштабах основных функций системы; рост автономности системы по отношению к внешним условиям; усиление степени организации, степени целостности системы. Все это — признаки, объединяемые одним понятием «системный» (или «системно-структурный»). Если все отмеченные признаки системного, или системно-структурного, критерия прогресса (а к ним могут быть добавлены некоторые другие) связать с понятием «высший», то прогресс можно определить как развитие системы от низшего к высшему. Противоположное направление развития — регресс — в таком случае будет изменением системы от высшего к низшему.

Системный критерий прогресса — основной, главный, но он дополняется другими, например, если брать живую природу — экологическим критерием, для всей материальной действительности — энергетическим критерием, а при охвате и духовной сферы — информационным критерием. Но все они находятся под определяющим влиянием системного критерия.

Помимо прогрессивной и регрессивной линий развития имеется еще направление, обозначаемое нередко как «одноуровневое развитие». Оно имеет место там, где обнаруживается увеличение или уменьшение качественного многообразия в пределах одного и того же уровня организации. К этому нейтральному по отношению к прогрессу и регрессу развитию можно отнести, например, многочисленные усложняющиеся структуры на атомарном уровне организации материи, фиксируемые периодической системой химических элементов. Это направление развития выражает частное усовершенствование систем (путем модификации, дошлифовки частей, элементов), не меняющее уровня организации и сохраняющее возможности развития, равноценные исходным¹. В системе органической природы таковыми будут идиоадаптации, связанные с изменениями условий

¹ См.: Жердев Р. В., Миклин А. М. *Формы и типы направленных изменений*//Материалистическая диалектика. Т. 1. С. 343.

существования, морфофизиологические вариации, не сопровождаемые общим повышением или понижением организации и уровня жизнедеятельности.

Прогресс всегда относителен. Для определения того, подчинены ли изменения прогрессу, нужно устанавливать «систему отсчета», ставить вопрос: по отношению к чему рассматривается ряд изменений? В результате одно и то же явление может быть одновременно и прогрессивным и регрессивным: прогрессивным в одном отношении, регрессивным — в другом. Так, возникновение в органической природе паразитических форм оценивается как регресс по сравнению с исходными, им предшествовавшими формами, но в системе органического мира в целом это есть прогресс, связанный с усложнением взаимоотношений живых организмов, с расширением функциональных возможностей живого. Прогресс не абстрактен, но всегда конкретен, для его выявления требуется конкретный анализ.

Прогресс неразрывно связан с регрессом. И не только в том плане, что восходящая ветвь развития материальных систем рано или поздно переходит в нисходящую ветвь. Помимо этого, сама прогрессивная ветвь может совмещаться с временными отступлениями назад (как в случае контрреволюций в социальной области) или иметь возвраты на более высокой ступени развития (во всех случаях проявления спиралевидной формы развития). Прогресс связан с регрессом еще и «вертикально», когда общий прогресс системы включает в себя регресс отдельных элементов, структур, функций. Касаясь эволюции живых форм, Ф. Энгельс отметил, что «каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»¹. Диалектика реального такова, что каждый шаг в осуществлении возможностей, расширяя их диапазон в одних направлениях, закрывает возможности в других.

Из изложенного следует, что нет «чистого», т. е. никак не связанного с регрессом, прогресса (как нет и «чистой» ветви нисходящего развития).

Прогресс всегда связан также с круговоротами (элементов, условий), с механическими движениями;

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 621.

не исключает реальный прогресс и хаотичности в отдельных сторонах материальных систем, суммативных образований. Однако в прогрессе все эти изменения и образования подчинены главной тенденции развития материальной системы, ее интегрирующей силе. В свою очередь прогресс одной материальной системы, включенной в систему большего масштаба, может оказаться лишь стороной нисходящей ветви развития или круговорота системы большего порядка.

Возникает вопрос: а что же происходит с материей в целом, подчинена ли она прогрессу? На этот вопрос некоторые философы отвечают утвердительно, связывая материю с безграничным прогрессом.

Но такая точка зрения имеет уязвимые места. Одно из них — противоречие с принципом материального единства мира. Ведь что такое «безграничность»? Это отсутствие какой-либо границы и в будущем и в прошлом.

Однако если признать ретроспективную безграничность, значит, надо прийти к представлению, будто материя (вся, без исключения) могла находиться не только в начальных состояниях развития, но и в стадии становления, в единстве (по Гегелю) ничто и бытия, одним из моментов которого является возникновение. Признание же становления и возникновения материи предполагает признание «ничто», творение материи из «ничего».

Ошибка происходит из-за того, что понятия, выработанные для применения к конечным системам, экстраполируются на бесконечность, на материю в целом. Следует особо подчеркнуть, что «прогресс», как и другие понятия («возникновение», «становление», «регресс» и т. д.), характеризуют только материальные системы, имеющие начало и конец. Материя же не характеризуется конечностью, а потому к материи, взятой в целом, понятие прогресса не применимо. Не случайно в произведениях основоположников марксизма нет ни одного высказывания, в котором понятие прогресса связывалось бы с материей в целом.

В связи с вопросом о характере движения материи встает проблема развития духа, вернее, вопрос о том, конечен или бесконечен прогресс мыслящего разума, прогресс человеческой цивилизации.

Существует точка зрения, согласно которой финалистское представление об обществе является единственно верным, а противоположное ему представление философ-

ски несостоятельным¹. При этом в качестве аргумента нередко приводится высказывание Ф. Энгельса из «Диалектики природы». В нем отмечается: «Может быть, пройдут еще миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда истощающаяся солнечная теплота будет уже не в силах растапливать надвигающийся с полюсов лед, когда все более и более сгущающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни теплоту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и Земля — мертвый, остывший шар вроде Луны — будет кружить в глубоком мраке по все более коротким орбитам вокруг тоже умершего Солнца, на которое она, в конце концов, упадет»².

Но сторонники финализма, опираясь на приведенное положение Ф. Энгельса, не учитывают двух моментов. Во-первых, они не принимают во внимание других положений Ф. Энгельса, которые фактически несовместимы с финализмом. «...Все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, — пишет Ф. Энгельс, — представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества...»³ Касаясь противоречия между субъектом и объектом познания, Ф. Энгельс подчеркивал, что это противоречие является «главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества...»⁴.

Во-вторых, в финалистской концепции однозначно связываются частнонаучные и философские понятия, более того, философское решение вопроса редуцируется к частнонаучному решению. Но, как мы видели в первой главе данной работы, философские проблемы несводимы к частнонаучным, даже таким широким, как проблемы космологии. Ориентируясь на такое разграничение, мы видим, что материалистическое решение основного вопроса философии и законы диалектики не содержат в себе никакого запрета на признание концепции, противоположной фи-

¹ См.: Ершов Г. Г. Атеистический смысл понятия бессмертия // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Философия. Вып. X. Л., 1969. С. 227.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 359.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 275.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 36.

нализму, не запрещают предполагать вероятность бесконечного прогресса мыслящего духа.

В то же время, будучи научной, диалектико-материалистическая философия в решении своих проблем не может не ориентироваться на данные естествознания, в том числе космологии. А они могут быть разными — на 80-е годы XIX столетия и на 80-е годы нашего века. Приведенные выше суждения Ф. Энгельса, принимающие представление о конце человеческой цивилизации, были ориентированы именно на уровень развития естествознания того времени, на научно обоснованные в то время космологические представления.

Интересно, что даже при такой сравнительно неразвитой космологии Ф. Энгельс формулировал мировоззренческие утверждения, превосходившие широко распространенные в тот период взгляды на Вселенную. Тому пример — несогласие Ф. Энгельса с так называемой теорией тепловой смерти Вселенной, ее критика и обоснование положения о качественной неуничтожимости материи. «Но как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени и в пространстве этот круговорот, — пишет Ф. Энгельс, имея в виду Вселенную, — сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни... — у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹.

Как уже отмечалось в разделе о предмете философии, сознанию нельзя отказывать в признаке вечности в том отношении, что при временной бесконечности материи последняя способна была к его далеко не единственному порождению в бесконечном прошлом. Материализм здесь не делает уступки религии или идеализму: где бы и когда бы ни появлялось сознание, его появление детерминировано материей; материя, природа всегда остается первичной. В принципе научная философия не ставит пределов прогрессу духа, за исключением одного: дух всегда будет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 363.

находиться в зависимости от материи, от природы; материя неисчерпаема, бесконечно ее познание, которое в своем поступательном развитии может вечно приближаться к абсолютному раскрытию ее разнообразия, но при постоянном росте объема истинной информации все же никогда не будет в состоянии охватить бесконечность материи полностью. Бесконечности материи может соответствовать находящаяся в зависимости от нее бесконечность сознания.

Теперь обратимся к некоторым моментам частнонаучного характера.

Современная космология не отрицает неизбежности гибели Солнечной системы. Более того, существуют модели Вселенной (точнее, известной нам части Вселенной), согласно которым должны погибнуть и Солнечная система, и галактика. Открытие в 1926 г. американским астрономом Хабблом красного смещения в спектрах галактик, истолкованное под углом зрения эффекта Допплера и имевшее следствием признание удаления галактик с огромной скоростью, близкой к скорости света, послужило толчком к созданию многих моделей Вселенной — «Расширяющейся», «Осциллирующей», «Инфляционной», — полагающих началом расширения сингулярное состояние материи и возврат Вселенной к этому состоянию, исключаящему не только все живое, но даже молекулярный и атомарный уровни организации материи.

В последние десятилетия, однако, в представлениях о Вселенной происходят глубокие изменения. Все более укрепляется мнение о недопустимости сводить наблюдаемую исследователями Вселенную к «Вселенной вообще», т. е. к материи; тем самым снимается проблема сингулярности материи. Все больше аргументов обретает концепция осциллирующей Вселенной, такая ее разновидность, которая отвергает сингулярность также для Метагалактики, признавая расширение и сжатие до иного предела. В общем вырисовывается картина постоянного изменения, постоянного движения галактик, но не гибели всей их системы.

За прошедшее столетие в качестве теоретической, а затем и практической встала проблема выхода человека в космос. Она разрабатывалась уже К. Э. Циолковским¹. В 1962 г. полетом нашего соотечественника Юрия Га-

¹ См.: *Фадеев Е. Т.* Идея бессмертия человечества у К. Э. Циолковского // *Философские науки*. 1975. № 2.

гарина на космическом корабле «Восток» открылась новая космическая эра человечества. Появилась научная литература, в которой излагаются проекты использования планет Солнечной системы в целях развития производства на Земле.

Возможности освоения космоса, однако, могут использоваться и используются ныне милитаристскими кругами США в целях подготовки к звездным войнам, для развязывания термоядерной войны. Тем самым усиливается опасность гибели человечества. Наша страна и все прогрессивные силы мира настаивают на использовании космоса в мирных целях. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев подчеркивал на XXVII съезде партии: «Решать общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя. Здесь необходимо сотрудничество в общемировом масштабе... Мы реалисты и полностью отдаем себе отчет в том, что два мира разделяет очень многое, и разделяет глубоко. Но ясно видим и другое: потребность решить насущнейшие общечеловеческие задачи должна побудить их к взаимодействию, пробудить невиданные еще силы самосохранения человечества. И здесь заключается стимул к решениям, соразмерным реальностям времени»¹.

Освоение космоса необходимо не только для дальнейшего развития общества на Земле. Оно необходимо и в целях обеспечения бесконечного развития самого человечества. Ставится вопрос о создании принципиально новых ракетных двигателей — ионных, плазменных, фотонных, о создании межзвездных и даже межгалактических кораблей, достигающих околосветных скоростей. Выдвигаются планы преодоления сверхперегрузок, в которых окажется человеческий организм на начальном этапе такого полета. С опорой на теорию относительности Е. Зенгер показал, что, имея новую технику, человек сможет в пределах своей индивидуальной жизни попасть в практически сколь угодно отдаленную область Метагалактики. Предполагается, что если освоение Солнечной системы займет около тысячи лет, то для освоения Галактики потребуются от одного до десяти миллионов лет. Так что если принять, что Солнечная система будет функционировать еще примерно 5—6 миллиардов лет (для галактики 10 миллиардов), то для человечества при оговоренных

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 19—20.

и других условиях не исключается полностью возможность эмиграции на другие звездные системы или в другие галактики.

Такая возможность, однако, перечеркивается угрозой гравитационного коллапса, представление о котором содержится в современных моделях расширяющейся и пульсирующей Вселенной. Но в последние десятилетия появились данные, вызывающие сомнение в правильности интерпретации смещения в спектрах галактик к красному концу на основе эффекта Доплера. Этот феномен может быть объяснен как следствие уменьшения энергии и собственной частоты фотонов $E=h\nu$ при движении их в течение многих миллионов лет в межгалактическом пространстве, в результате взаимодействия с гравитационными полями, фоном нейтрино, не наблюдаемой пока материей¹. Кроме того, установлено аномально высокое красное смещение в спектральных линиях квазаров; если бы такое смещение было обусловлено эффектом Доплера, то скорость удаления квазаров в 2,5—2,8 раза превышала бы скорость света, что невозможно². Все это, как и неясность возникновения сингулярности, характера пребывания материи в этом состоянии, причин большого взрыва и т. п., меняет характер представления о Метагалактике и Вселенной и создает возможность для предположения о бесконечном существовании мыслящего духа³.

Не исключается возможность в крайне отдаленном будущем установления преемственности в развитии ряда однопланетных или одностарых цивилизаций и слияния конечных духовных систем планетного масштаба в единый поток интеркосмического сознания. Такая возможность маловероятна, близка к нулю, но не исключена полностью. Если она реализуется, то мыслящий разум, имея начало в конкретных материальных системах и обладая также «границей» в смысле невозможности стать над природой в виде некоего духовного божества⁴, обретет новое измере-

¹ См.: Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 273.

² См. там же. С. 275.

³ Эта концепция наиболее четко выражена в монографиях: Урсул А. Д. Человечество, Земля, Вселенная. М., 1977; Орлов В. В. Человек, мир, мировоззрение. М., 1985.

⁴ К этому близка конструкция, по которой мыслящий разум, человечество могут стать космическим фактором, определяющим судьбы Вселенной; к ней примыкает концепция, утверждающая, что разум может оказаться силой, способной на основе овладения субфизической формой материи предотвратить коллапс Вселенной или ее превращение в нейтронные звезды.

ние и перед ним откроется перспектива бесконечного прогрессивного развития. В этом плане материалистическому осмыслению подлежит утверждение Гегеля о том, что «природа самого конечного состоит в том, чтобы выходить за свои пределы... и становиться бесконечным»¹.

Итак, у цивилизации, у мыслящего духа, существующего на Земле, есть две возможности: одна — прекращение существования под влиянием внешних или внутренних причин и другая — обеспечение бесконечного прогресса. С этой точки зрения еще более важной оказывается в наше время борьба Коммунистической партии Советского Союза за предотвращение ядерной войны, за ускорение научно-технического прогресса, за нравственное совершенствование человеческой личности и социальных отношений, за коммунизм. Такая борьба имеет в своей значимости «космический параметр» и направлена на обеспечение бесконечного поступательного развития «высшего цвета» материи — мыслящего духа.

Г Л А В А 3. ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

§ 1. Диалектическое и метафизическое понимания отрицания

Закон отрицания отрицания можно сформулировать так: в процессе прогрессивного развития каждая ступень, являющаяся результатом двойного отрицания-снятия, воспроизводит на более высокой основе характерные черты, структуру исходной ступени развития, а само развитие имеет при этом спиралевидную форму.

Из трактовки развития, включающего в себя переходы от одних качеств к другим, следует, что никакое развитие невозможно без отрицаний. «Всякое развитие, — отмечал К. Маркс, — независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»².

Всеобщий характер отрицания признается и диалектиками, и метафизиками. Но как понимается при этом отрицание? На осуществление какого отрицания они

¹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 100.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 296—297.

ориентируются на практике? По этим вопросам их позиции различны. Метафизическое понимание отрицания выступает в двух формах: 1) полное отрицание преемственности с предыдущим этапом развития, абсолютизация момента деструкции, разрушения и 2) абсолютизация момента преемственности в развитии. В первой форме наиболее распространенной разновидностью является нигилизм.

По характеристике Ю. А. Харина¹, нигилизм предстает, с одной стороны, как особое духовное состояние личности и общества, а с другой — как вытекающая из этого состояния негативная установка, проявляющаяся в действиях по отношению к традициям, культуре, законопорядку, морали, личности, семье и т. д. Спектр нигилистического восприятия мира чрезвычайно широк: от состояния разочарования и апатии, сомнения и цинизма до позиции отрицания «всего и вся». Нигилизм находит выражение в усилении настроений социальной пассивности, развитии социальных болезней, алкоголизма и наркомании, в росте преступности, в самоубийствах, в актах бессмысленного насилия, моральной деградации. К нигилистическому экстремизму относятся также ставшие способом существования современной империалистической реакции преступные действия международного государственного терроризма, акты геноцида, установка на развязывание новой мировой войны с применением средств массового уничтожения.

Нигилизм встречается и в социалистических странах. Причины этого многообразны: бюрократические извращения, явления социальной несправедливости и т. п., способные искаженно представлять научно неразвитому сознанию сущность социализма и перспективы социального развития. Формально поставленная идеологическая и воспитательная работа становится также одной из причин, усиливающих нигилизм. Вот почему так важен для социального прогресса тот курс на очищение нашей жизни от чуждых социализму наслоений и на усиление идеологической, воспитательной работы, который был провозглашен XXVII съездом КПСС.

Главная причина нигилизма в капиталистических странах — господство частной собственности, обуславливающее социальную несправедливость тотального характера². Этот нигилизм нашел свое теорети-

¹ См.: Харин Ю. А. Марксистская социальная диалектика. С. 243.

² П. С. Желеско и М. С. Роговин, исследовавшие проблему отрицания как комплексную, имеющую кроме философского также и ряд других аспектов (психологический, психопатологический, формально-логический и т. п.), касаются также тотального отрицания у психически больных людей. Они отмечают, что в 1880 г. Ж. Котар описал психическое расстройство, названное им бредом отрицания. Этот синдром («синдром Котара») может развиваться при периодической шизофрении, пресенильной депрессии, прогрессивном параличе. Его ведущий признак — тотальное отрицание; больные заявляют, что у них нет мозга, тела, «души», нет их самих; они уверены, что присутствуют при катастрофе всего Земного шара (см.: Желеско П. С., Роговин М. С. Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Кишинев, 1985. С. 24). Следовательно, нужно различать социальный нигилизм, имеющий социальные причины, и нигилизм как «бред отрицания», психопатологическое состояние, в основе которого могут лежать иные факторы.

ческое обоснование в концепции так называемой негативной диалектики. Но в ней причины данного явления, средства его преодоления и возможности отрицания представляются не научно. Западногерманский философ и социолог Т. Адорно, например, провозгласил безоговорочное отрицание всех сторон существующей социальной действительности. «Отрицание отрицания, — заявляет он, — не отменяет отрицание, но лишь доказывает, что первое отрицание было недостаточно негативным»¹. Многие современные анархисты в Западной Европе, такие, как М. Жуайё и П. Лоренцо, призывают к полному разрушению культуры буржуазного общества, в том числе и прогрессивной культуры.

В переломные периоды социального развития, когда со всей остротой встает проблема отношения к буржуазному обществу и перспективам дальнейшего развития, нигилизм способен нанести большой ущерб прогрессу. Наша страна пережила в свое время резкое противоборство с нигилизмом. В первые годы после революции он выражался в так называемом пролеткультовском движении, в установках «левых коммунистов», анархистов. Выдвигались положения: «Никакой преемственной связи с культурой буржуазного общества», «Наука — враг народа», «Философия — орудие эксплуататорского обмана» и т. п.². В период так называемой культурной революции в Китайской Народной Республике огромный вред развитию науки и культуры был нанесен хунвейбиновским вандализмом, прикрывавшим свое дикое варварство вывеской «идеологии пролетариата».

Диалектический материализм отвергает метафизическую трактовку отрицания, абсолютизирующую момент разрушения в отношении к предыдущим этапам развития. При полном отрицании предшествующего качества невозможно прогрессивное движение системы. Для того чтобы обеспечить прогрессивную линию ее развития, необходимо

¹ Adorno T. W. Negative Dialektik. Fr. a/M., 1960. S. 160.

² А. В. Луначарский, в то время народный комиссар просвещения (в ведение которого входили наука и искусство), отмечал, что в своей практике он неоднократно сталкивался с работниками, ошибочно понимавшими задачи партии в отношении культуры. Он писал: «Люди, полные революционным пылом (в лучшем случае, а иногда не менее почтенными страстями), много кричали о «культурном Октябре»; они представляли себе, что в один прекрасный час какого-то прекрасного месяца, не менее прекрасного года, произойдет параллельно взятию Зимнего дворца взятие приступом Академии наук или Большого театра и водворение там новых людей, по возможности, пролетарского происхождения или во всяком случае любезно улыбающихся этому пролетариату» (Известия ВЦИК, 1922, 3 нояб.). Предлагалось провести полный разгром в вузах и начать строить новые, ликвидировать старых специалистов науки, создать новые программы по математике, физике, в которых было бы все «наоборот», и т. п.

ориентироваться на иное отрицание. О таком отрицании говорил В. И. Ленин, подчеркивая осуществление при нем «удержания положительного». «Не голое отрицание, не зряшное отрицание... характерно и существенно в диалектике... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»¹

В отношении культуры буржуазного общества это означало восприятие из нее всего того, что могло послужить социализму. «...От раздавленного капитализма, — писал В. И. Ленин, — сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»². Единственное отличие культуры, в том числе науки новой общественной ступени, от культуры капиталистического общества заключено в мировоззренческом, общеметодологическом ее основании. Задача заключалась в том, чтобы, овладев культурным наследством, переосмыслив его результаты под новым углом зрения, освободив их от мистики и идеализма, развить дальше эти результаты на более широкой материальной и организационной основе, на более эффективных принципах научной философии. В этом отношении позиция В. И. Ленина принципиально отличалась от левацкой линии, ориентировавшейся на деструктивное отрицание в социальном развитии.

Метафизическая трактовка отрицания во второй своей форме, как уже отмечалось, выражается в абсолютизации не разрушения, а, наоборот, преемственности в отношении к прошлому этапу развития. Если взять ту же духовную сферу общества, то метафизический подход к буржуазной культуре будет выражен теперь не «левым», а правым оппортунизмом, его стремлением к компромиссу с исторически отжившей буржуазной идеологией, к сдаче позиций идеализму в философско-методологических основаниях науки и культуры. Имеются и такие социальные явления, временно сосуществующие с новой системой, в содержании которых вообще ошибочно искать какие-либо рациональные моменты, моменты связи. Пример тому — фашистская идеология, которая подлежит, бесспорно, полному отрицанию. Диалектико-материалистическая трактовка отрицания несовместима с установкой абсолютно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 207.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 55.

езде и во всем отыскивать «рациональное». Конкретный подход к отрицанию выявляет те компоненты структуры, которые с целью обеспечить прогресс надо устранить, разрушить, сохранив основное позитивное их содержание, или нацеливает на тотальное разрушение всей системы, если она целиком направлена против прогресса.

В заключение одно замечание. В философской литературе иногда встречается выражение «метафизическое отрицание». Можно подумать, что в самой природе есть такого рода отрицание. Это не так. В материальной действительности нет метафизического отрицания, а есть только деструктивные и конструктивные отрицания. «Метафизичность» — это характеристика субъекта, его отношения к чему-то, его понимание чего-то; она может быть только в мышлении. В то же время можно говорить о «диалектическом отрицании», имея при этом в виду объективный диалектический процесс, объективную диалектику.

§ 2. Типы и виды отрицания (онтологический аспект)

Существует множество различных типов и видов отрицания¹. Из них наиболее фундаментальными являются типы, выделяемые по формам движения материи, а также по характеру действия. Мы остановимся на отрицаниях, вычленяемых по характеру действия, поскольку в центре нашего внимания сейчас находится развитие и нам необходимо прежде всего выявить типы отрицаний, непосредственно включенные в восходящую ветвь развития и прогрессивного движения материальных систем.

Как говорилось в предыдущем параграфе, существуют два типа отрицания (по отмеченному основанию деления) — деструктивное и конструктивное. Деструктивное отрицание разрушает систему, ведет к ее распаду, ликвидации; здесь имеет место не регресс, а именно прекращение всякого развития, конец существования системы, ее уничтожение. При деструктивном типе отрицания большую, а часто и решающую роль играют внешние по отношению

¹ См.: Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972. В дискуссионном сборнике «Диалектика отрицания отрицания» ряд вопросов, как мы полагаем, не вызвал бы спора, если бы была более строго учтена типология отрицаний (здесь, кстати, особняком стоит статья А. Ф. Лосева «Типы отрицания», идеи которой не нашли, к сожалению, должного отражения в других статьях сборника).

к материальной системе факторы. Конструктивные отрицания, наоборот, детерминируются главным образом внутренними факторами, внутренними противоречиями. Система в этом случае содержит в себе свое собственное отрицание; это самоотрицание. Оно, как уже отмечалось, представляет собой необходимый момент развития; оно обеспечивает связь низшего и высшего, менее совершенного и более совершенного, причем и в прогрессивном, и в регрессивном, и в горизонтальном развитии.

По отношению к направлениям развития конструктивные отрицания подразделяются на подтипы: существуют прогрессивные, регрессивные и нейтральные отрицания. По своей значимости и роли в осуществлении прогресса прогрессивные отрицания, в свою очередь, делятся на три вида: 1) отрицание-трансформация; 2) отрицание-снятие и 3) отрицание-синтез (первые два имеют место и в регрессивной линии развития).

Для отрицания-трансформации характерно такое изменение свойств и качеств системы, при котором сохраняется сама ее интегрирующая структура. Допустим, если мы выделяем такую систему, как производственные отношения общества, и ведущую их структуру — отношение частной собственности, то отрицание феодализмом рабовладельческой собственности, а со временем отрицание и феодальной собственности на средства производства — капиталистической, с точки зрения развития общества в целом будет отрицанием трансформационного вида. Система здесь осуществляет переход не от одного качества к другому, а (хотя при этом и затрагиваются отдельные стороны сущности) переход (и отрицание) в пределах одного и того же качества — в рамках частной формы собственности.

При отрицании-снятии преобразуется внутренняя, интегрирующая структура системы. Примером может служить переход от первобытнообщинной общей собственности на средства производства к частной собственности и, наоборот, от частной собственности на средства производства к общественной собственности в результате социалистической революции.

«Снятие» означает прекратить, положить конец и в то же время сохранить (как систему отношений), поднять на более высокую ступень (изменив структуру). Поясняя значение термина «снятие», Ф. Энгельс говорил, что это одновременно преодоление и сохранение, преодоление по форме (т. е. по структуре), сохранение по сво-

ему действительному содержанию¹. Структура отрицания-снятия складывается из следующих процессов: 1) процесса устранения, деструкции, 2) процесса преобразования, 3) процесса сохранения и 4) процесса созидания нового. Возьмем, к примеру, процесс общего отрицания капитализма социализмом. В его составе деструкции подвержена политическая надстройка, преобразованию — духовная культура, наука, сохранению — производительные силы, созданию нового — структуры общественной собственности, органы народной власти. В составе четырех линий отрицания ведущей является четвертая, так как она-то и формирует новую целостность, новую интегрирующую основу системы.

Отрицание-снятие охватывает и стадию (или момент) перехода от одного качества к другому, т. е. скачок, и основную стадию утверждения нового качества. Это и процесс перехода, и его результат. Посредством отрицания-снятия должно возникать новое качество, более надежная и более совершенная материальная система.

Третьим видом прогрессивного отрицания является отрицание-синтез. Здесь достигается синтез двух отрицаний-снятий, еще бо́льшая аккумуляция всего положительного в предыдущем развитии². При отрицании-синтезе осуществляется не просто преемственность в содержании, причем не только с предыдущей ступенью (или состоянием) развития, но преемственность в структуре, причем со ступенью еще более ранней, той, которая имела до предыдущей ступени.

Обозначим исходную ступень цифрой 1, последующую — цифрой 2 и завершающую — цифрой 3. На ступени 2 структура 1 в значительной степени разрушается как препятствующая развитию системы, создается новая структура, обладающая новыми возможностями. Развиваясь все более быстрыми темпами на данной основе,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 142.

² В диалектическом развитии имеет место не просто «убегание» будущего от прошлого, а их противоречивое смыкание, и чем выше форма развития, тем глубже будущее захватывает прошлое в качестве своего потенциала, своего базиса. Поэтому показателем уровня развития оказывается не только способность производить новое, но и способность удерживать, сберечь, ассимилировать старое, т. е. широта и глубина той субстанциональной основы, на которую данный особенный процесс опирается и которая определяет в конечном счете его возможности и границы (см.: Давыдова Г. А. Закон отрицания отрицания// Материалистическая диалектика как общая теория развития. Т. 1. С. 308).

система обнаруживает затем необходимость в еще более быстром развитии; в ситуации двузначного выбора выбор падает на альтернативную структуру, в свое время преодоленную, но с «подведением» под нее измененного содержания. На ступени 3 происходит якобы возврат к ступени 1, к ее структуре. Мы говорим «якобы», поскольку содержание значительно изменено и общий уровень содержательного развития на третьей ступени значительно выше, чем он был на исходной, первой ступени. Так, крупное машинное производство, возникшее и развившееся при капитализме, уже переросло рамки частной собственности на средства производства и настоятельно требует перехода к общественной собственности, по своей структуре сходной с общей формой собственности в первой формации человеческой цивилизации. По содержанию средства производства стали к моменту перехода к социализму несравненно более мощными, да и система производственных отношений по своим масштабам превратилась из локальной в национальную и межгосударственную систему, но социалистические производственные отношения по своей качественной определенности, внутренней структуре уже отличаются от буржуазной формы собственности и обнаруживают значительное сходство и в этом смысле — черты преемственности со структурой собственности на начальной ступени развития общества. Произошла аккумуляция не только всего предшествующего содержания, но и всей формы развития, понимаемой как внутренняя структура содержания. «Объективно складывающийся ход развития, реализуя одни возможности, оставляет поле неосуществившихся, несвершившихся возможностей. Возвраты назад, к исходным пунктам, к «началам», и предстают как бы формой «вычерпывания» нереализованных возможностей»¹. Итак, при отрицании-синтезе осуществляется более глубокая преемственность в развитии — структурная.

Следует заметить, что отрицание-синтез не исключает других видов и типов отрицания. В его состав включены деструктивные процессы, отрицание-трансформация, отрицание-снятие. Мы видим, таким образом, что все виды отрицания определенным образом связаны друг с другом.

Отрицание-синтез является высшим видом отрицания. Именно это отрицание придает развитию материальной системы организованность и ритмичность. Помимо ритмов

¹ Давыдова Г. А. Закон отрицания отрицания//Материалистическая диалектика как общая теория развития. Т. 1. С. 309.

при круговоротах, функционировании, включенных в прогресс, само поступательное развитие в действии закона отрицания отрицания обретает общий триадический ритм, развертываясь в логически стройную структуру: тезис — антитезис — синтез. Такому ритму в материальной системе могут быть подчинены отдельные этапы развития и отдельные ее подсистемы и элементы, вследствие чего вся система оказывается ритмично пульсирующей с разной интенсивностью в разных своих аспектах.

§ 3. Критерий закона отрицания отрицания

Встречается мнение, будто для того, чтобы установить, действует ли в той или иной материальной системе данный закон, достаточно обнаружить следующие друг за другом два отрицания независимо от их типа и вида. Такая неконкретность в подходе к закону отрицания отрицания не способствует углублению представления о развитии. При таком понимании закона, конечно, может быть установлена связь двух отрицаний, которые окажутся элементами закона отрицания отрицания, но этого может и не быть. В тривиальных примерах изменений агрегатного состояния воды (пар — жидкость — лед) или в переходах от неорганической природы к живой и от нее к обществу налицо по два следующих друг за другом отрицания, но закон отрицания отрицания не устанавливается. В первом явлении есть движение, но нет никакого развития, а следовательно, и законов развития, во втором имеется развитие, но нет повторения на высшей ступени (3) характерных черт, т. е. структуры исходной ступени. В трактовке сторонников «негативной диалектики» (Т. Адорно) отрицание отрицания тоже теряет эти черты, становясь в лучшем случае установкой на регресс, а не законом поступательного движения (не случайно поэтому они опускают слово «закон», оставляя только «отрицание отрицания»).

Такая неконкретность используется противниками диалектики для дискредитации ее политической революционности. В «Руководстве по марксизму и его влиянию на развитие в СССР», изданной в Англии, П. Г. Вигор, например, заявляет, будто по закону отрицания отрицания рабовладельческий строй — тезис, феодализм — антитезис, капитализм — синтез; а если феодализм будет тезисом, а капитализм — антитезисом, то синтезом будет коммунизм. П. Г. Вигор произвольно и субъективно соединяет

отрицания, приходя к выводу, будто с позиций самой диалектики коммунизм есть возврат к прошлому, т. е. капитализм, соединенный с феодализмом. В последнем случае допускается смешение двух разных видов отрицания: отрицания-снятия (перехода к социализму) с отрицанием-трансформацией (изменением в рамках частной собственности), а общественная форма собственности сводится к суммированию двух разновидностей частной собственности на средства производства. Здесь смешиваются фазы развития классово-антагонистического общества и фазы развития неэксплуататорского общества. Получается явный абсурд с претензией на диалектику.

Закон отрицания отрицания, однако, не допускает такого субъективизма. Он не соотносим с деструктивными отрицаниями, с отрицаниями в круговоротах, механическом движении, функционировании. Он не связан однозначно и с отрицаниями-трансформациями, хотя в процессе своего развертывания он его включает, как и отрицание-деструкцию, лишь в качестве одного из своих моментов — опосредованно, через их включенность в отрицание-снятие. Только два отрицания-снятия при строго определенной системе отсчета выступают составными частями закона отрицания отрицания. В общественном развитии при системе «формы собственности» такими двумя отрицаниями-снятиями будут переходы от общей формы собственности к частной и от частной — к общественной. Закон отрицания отрицания действует тогда, когда предмет дважды претерпевает превращение по типу отрицания-снятия. И может быть множество отрицаний (а не два отрицания во всех случаях), прежде чем произойдет превращение вещи в такое состояние, когда ему будут присущи признаки отрицания-синтеза. Итак, наличие любых двух отрицаний, следующих друг за другом, еще не есть критерий закона отрицания отрицания.

Существует, далее, точка зрения, согласно которой характерная черта закона отрицания отрицания состоит в движении через восходящую ветвь к исходному пункту¹. Иначе говоря, в сферу действия закона включаются регрессивное развитие и даже распад системы. Для подтверждения приводятся факт появления жизни на Земле, отрицающий неорганическую природу, и возможная гибель

¹ См.: *Кедров Б. М.* Отрицание отрицания как один из основных законов материалистической диалектики // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983. С. 19—27.

всего живого на Земле, переход к мертвой (неорганической) природе. Из этого делается вывод, что закон отрицания отрицания носит «интегральный характер», проявляя себя не в ходе данного процесса развития, а лишь в его конце, при его завершении.

Несомненно, закон отрицания отрицания интегрален. Но интегральность его в том, что он аккумулирует содержательные моменты прогрессивного развития, а его наиболее общим признаком является повтор на высшей стадии характерных черт низшей, исходной ступени развития.

Имея в виду то, что не всякие следующие друг за другом отрицания составляют закон отрицания отрицания, и стремясь подчеркнуть связь этого закона с восходящей ветвью развития, некоторые философы видят его отличительную черту в единстве цикличности и поступательности.

Но было бы неточным, как это встречается при обсуждении данного вопроса, преувеличивать роль единства цикличности и поступательности в развитии, выдвигая этот признак в качестве ведущего также для органических форм и для социальных систем. Единство цикличности и поступательности — это более внешняя, чем внутренняя сторона развития. Она важна, однако имеет производный характер. Эта черта зависит от изменения сущности, основного качества материальной системы, от смены отрицаний, от единства двух отрицаний-снятий. В формулировке закона отрицания отрицания, на наш взгляд, следует на первый план выдвигать связь развития с отрицанием-снятием и с его продолжением в наиболее полном оформлении в отрицании-синтезе, учитывая, конечно, и циклически-поступательную форму развития.

Чтобы не расширять излишне границы закона отрицания отрицания, как это имеет место при попытках включить в него помимо восходящей ветви еще и распад системы, нужно хорошо представлять себе, о каком предмете, о каких его стадиях и состояниях идет речь. В «Философской энциклопедии» указывается¹, что действие закона отрицания отрицания полностью обнаруживается лишь в целостном, относительно завершенном процессе развития, через цепь взаимосвязанных переходов, когда можно зафиксировать более или менее законченный (с

¹ См.: Отрицания отрицания закон // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 188.

точки зрения направления развития) его результат; на каждой же отдельной стадии этот закон обнаруживается обычно лишь как тенденция, а потому далеко не всегда полно и очевидно. При этом авторы статьи о законе отрицания отрицания не уточняют, что имеется в виду под «завершенным процессом развития», под «законченным результатом развития».

Между тем закон отрицания отрицания охватывает только восходящее, прогрессивное развитие системы. «...Повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и... возврат якобы к старому (отрицание отрицания)»¹ — так выразил В. И. Ленин критериальный признак данного закона и одновременно сферу его действия, заключенную в движении от низшего к высшему. «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»)»² Подчеркивание движения именно в направлении к «высшему», к «более высокому» несовместимо (если только не менять произвольно значения терминов) с регрессивным движением, а тем более с распадом, уничтожением системы. Итак, повтор на высшей, более высокой ступени развития характерных черт (структуры) исходной ступени является сущностным, критериальным признаком закона отрицания отрицания.

§ 4. Спиралевидная форма развития

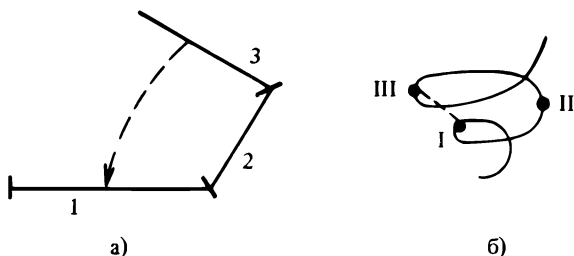
Повтор на высшей ступени внутренней структуры исходной ступени обуславливает особую форму развития — спиралевидную.

«Каждое явление, — писал Г. В. Плеханов, — действием тех самых сил, которые обуславливают его существование, рано или поздно, но неизбежно превращается в свою собственную противоположность. Всякое явление, развиваясь до конца, превращается в свою противоположность, но так как новое, противоположное первому, явление также, в свою очередь, превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55. Ф. Энгельс тоже связывал закон отрицания отрицания с повтором на более высокой ступени (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 640—641).

сходство с первой»¹. Схематически это может выглядеть как ломаная линия, конец которой сориентирован на возврат (рис. 9).

Поскольку осуществляется не круговорот, а лишь «якобы возврат» к прежней ступени при общей поступательности развития системы, постольку эту форму развития правильней представить в виде спрессованной конусообразной спирали, расширяющейся кверху (чем изображается и рост содержания, и убыстрение темпов развития).

В том-то и состоит преимущество спирали, что она как форма более противоречива, чем прямая восходящая линия или замкнутый круг, круговорот, которые, кстати, тоже диалектичны. Но в спирали есть и то, и другое: прямая, совмещенная с круговым движением, поступательность, включающая в себя возврат к исходному, движение вперед и одновременно назад, прогресс и регресс. И все это — при общем преобладании прогресса. Спираль наглядно демонстрирует противоречивость формы развития, свидетельствует о глубокой сущностной противоречивости развития материальных систем.

Закономерен вопрос: является ли закон отрицания

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956 Т. 1. С. 572. Рассматривая это положение, Ю. А. Харин пишет, что в природе и обществе не редкость подобного рода взаимопереходы противоположностей, а тем самым и определяемые ими «возвраты» к старому. Но вряд ли верно, отмечает он, в трактовке причин обнаружения таких «возвратов» ограничиваться лишь приведенным соображением. Конкретные формы проявления относительной повторяемости и «возвратов» многообразны: воспроизведение на высшей ступени развития отдельных свойств низших этапов, попятные движения регрессивного характера, качественные изменения инволюционного типа, «скачки назад» и зигзаги в развитии, замедление темпов количественных и качественных изменений. Подобного рода моменты объективной диалектики с необходимостью вытекают из сочетания в процессах развития деструкции и снятия, отрицания в различных отношениях и по разным параметрам (см.: Харин Ю. А. Марксистская социальная диалектика. С. 195).

отрицания всеобщим? Является ли он менее общим, чем, скажем, закон единства и борьбы противоположностей, действующий также и в регрессе? В литературе можно встретить утвердительный ответ на данный вопрос¹. Нам представляется, что это весьма серьезный аргумент, с ним нельзя не считаться, однако при решении вопроса, по нашему мнению, нужно принять во внимание следующее соображение.

Понятие всеобщего можно трактовать, как уже отмечалось в первых разделах нашего пособия, и как абстрактную и как конкретную всеобщность. В последнем случае, при применении к предмету диалектического материализма как теории развития, оно фокусируется на многообразных определениях (сторонах) процесса развития. С точки зрения абстрактно-всеобщего даже закон единства и борьбы противоположностей не всеобщ, как не всеобщи развитие, сознание, практика и тому подобное, они имеют место не везде; существуют относительно статичные явления, природные явления, лишенные сознания, и т. д. В этом аспекте закон перехода количества в качество оказывается всеобщим, а закону единства и борьбы противоположностей во всеобщности придется отказать. При диалектической же трактовке всеобщего как конкретно-всеобщего любые стороны развивающихся объектов выступают как стороны всеобщего и в этом отношении являются всеобщими. Вследствие этого и поступательная, прогрессивная ветвь развивающихся материальных систем всеобща, следовательно, и характеризующий ее закон отрицания отрицания также носит всеобщий характер. В отмеченном отношении он не менее всеобщ, чем два других основных закона диалектики.

Тем не менее рассматриваемый нами закон не действует в регрессивной ветви, а остальные управляют и регрессом. Как быть? Целесообразно, как нам кажется, для отражения этого явления обращаться к другим понятиям, например к понятию «экстенсивный» и истолковать данную ситуацию примерно в том смысле, что закон отрицания отрицания менее экстенсивен, чем закон единства и борьбы противоположностей (уточняя затем, в чем конкретно это выражается).

Закон отрицания отрицания менее экстенсивен, чем другие основные законы, еще и в другом отношении: не

¹ См., например, материалы обсуждения проблемы в дискуссионном сборнике «Диалектика отрицания отрицания» (М., 1983).

всякая прогрессивная ветвь развития подчинена ему: нередко встречаются прогрессивные линии именно как линии, подобно лестнице, свидетельствующие о наличии крупных «узлов» (при определенном срезе действительности), не имеющих «якобы повторов» на высших ступенях существенных черт низших ступеней. Пример тому — восходящее развитие от неорганической природы к живой природе и от нее — к человеческому обществу. Наличие множества спиралевидных форм развития внутри такой общей структуры не ставит под вопрос ее относительно самостоятельного существования. Развитие здесь имеет в целом «лестнично-поступательную» форму¹.

Итак, закон отрицания отрицания не столь экстенсивен по сравнению с законом единства и борьбы противоположностей. Во-первых, сфера его действия ограничивается прогрессивным, восходящим направлением развития материальных систем (он не действует в регрессе); во-вторых, ему подчинены не все системы с прогрессивной ветвью развития, а лишь такие, в которых в результате двух отрицаний-снятий сначала имеет место поворачивание в противоположность, а затем повторное превращение в противоположность (на более высокой ступени).

Как, быть может, никакой другой закон диалектики, закон отрицания отрицания требует при своем установлении строго конкретного подхода. Известно, что в свое время один из теоретиков народничества Н. К. Михайловский пытался обвинить марксистов в навязывании действительности триадичности развития, в том, что марксисты якобы выводили неизбежность гибели капитализма дедуктивно, из закона отрицания отрицания. Известно также, что еще задолго до Михайловского Гегель абсолютизировал этот закон и использовал его не только при построении своей философской системы (что, кстати, было осуществлено успешно), но и в трактовке конкретных природных явлений, втискивая в триадическую форму даже те из них, которые имели не три, а четыре и более стадий развития. Этот априоризм и натурфилософское отношение к естествознанию и социологии были подвергнуты критике основоположниками марксизма, подчеркивавшими необходимость выводить закон отрицания отрицания из самих

¹ Формы прогрессивного развития не исчерпываются спиралевидной и «лестнично-поступательной» разновидностями. Они могут иметь вид раскручивающейся спирали, т. е. спирали, переходящей в прямую восходящую линию, могут быть ломаной восходящей линией и т. п.

материальных явлений, находить его в них (если он там имеется), а не навязывать его любому развивающемуся предмету.

В этом отношении важное значение имеет замечание В. И. Ленина на полях книги Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Автор утверждал, что «система (социалистической) диктатуры, которую можно было бы назвать государственным социализмом... есть диалектическое отрицание, противоположность государственного капитализма». По поводу этого положения В. И. Ленин указал: «... Автор злоупотребляет словом «диалектическое отрицание»: нельзя употреблять его, не доказав *сначала фактами, осторожно*»¹. Сказанное относится также к закону отрицания отрицания, поскольку он базируется на диалектических отрицаниях. Нельзя подверстывать под схему триад все, что заблагорассудится, любые отрицания, без установления их типа и вида; нужно конкретно анализировать действительность, выявлять специфику отрицаний, устанавливая осторожно, доказывая сначала фактами, действует ли в данной системе закон отрицания отрицания или не действует. Иначе говоря, закон отрицания отрицания требует для своего установления повышенного внимания и конкретности.

Г Л А В А 4. ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

§ 1. Общая характеристика

Закон перехода количества в качество выражает такую взаимозависимость характеристик материальной системы, при которой количественные изменения на определенном этапе приводят к качественным, а новое качество порождает новые возможности и интервалы количественных изменений².

Само название «переход количества в качество» нуждается в осознании материалистичности своего содержания и соотнесенности только с этим содержанием. Дело в том, что Гегель, указывавший на описание зависимости качества от количественных изменений еще в

¹ Ленинский сборник. М., 1985. XL: С. 408.

² См.: Ильин В. В. Мера//Диалектика материального мира. Онтологическая функция материалистической диалектики. Л., 1985. С. 140 — 141.

античной философии и приводивший немало фактов перехода одного качества в другое в результате количественных изменений, говоря о «переходе количества в качество», прежде всего имел в виду их переход как понятий: понятие качества у него переходило (переливалось) в понятие количества и наоборот. Отсюда и название закона, идущее от Гегеля. Если же нам захочется уловить буквальный смысл формулировки закона, связывая соответствующие понятия с материальными явлениями, то мы не придем ни к чему, кроме несуразного представления вроде перехода «двух килограммов» в «груши» и наоборот. Выражение «переход количества в качество» имеет единственный рациональный смысл: переход одного качества в другое на основе количественных изменений, и только в этом смысле оно и будет нами употребляться.

В противоположность идеализму, в том числе эмерджентистского типа, материалистическая диалектика подчеркивает материальную детерминированность качественных превращений. Ф. Энгельс писал, что «в природе качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом — могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения... невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела»¹. Иначе говоря, изменения качества в своей основе имеют прибавление или убавление вещества, энергии, структурных или (и) информационных компонентов системы. Преобразование качества может наступать от замены элементов одной природы теми или иными элементами другой природы или в результате изменения структуры при прежнем составе элементов. Система может получать энергию извне или отдавать ее во внешнюю среду; при одном и том же количестве энергии она может перераспределяться в рамках самой системы. В целостных системах к количественной стороне относятся также информационное содержание систем, изменение информации.

Примером действия рассматриваемого закона может служить явление трисомии, когда во время редукционного деления имеет место нерасхождение хромосом и в клетках тела индивидуумов

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 385.

оказывается вместо двух три хромосомы. Трисомия по хромосоме 21 обуславливает отклонения в развитии человека от нормы, а именно: полное слабоумие, врожденный порок сердца, характерные дефекты лица (синдром Дауна); частота этого заболевания у детей, кстати, повышается с возрастом их матерей, особенно после 35 лет.

Из химии известно, что прибавление или «убавление» одного атома приводит к качественному изменению природы вещества (ОН — гидроксильная группа, H_2O — вода, H_2O_2 — перекись водорода).

Если сообщать снаряду горизонтальную скорость на высоте двух километров в 1000, 2000..., 7000 метров в секунду, то он падает обратно на Землю, но затем при увеличении скорости с 7910 до 7911 метров в секунду (т. е. всего на один метр) он уже не падает на Землю, и «земной» полет превращается в космический. Еще большие изменения в характере движения происходят при достижении скоростей в 11 189 и 16 662 метра в секунду: космический корабль будет обретать межпланетный или межзвездный полет¹.

В социально-экономической области также постоянно наблюдаются переходы количества в качество. Владелец денег, например, превращается в капиталиста только тогда, когда сумма денег, авансируемая им на производство, достигает величины, позволяющей ему освободиться от личного участия в процессе производства и прибегнуть к найму и эксплуатации рабочей силы. «Здесь, как и в естествознании, — подчеркивал К. Маркс, — подтверждается правильность того закона... что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»².

Во всех областях материальной действительности появление нового качества обусловлено материальными факторами, количественными изменениями. Конкретные пути такой зависимости качества от количества выявляются частными науками³.

Будучи философским по своему статусу, закон перехода количества в качество в самой своей формулировке отсекает идеалистическую трактовку качества. Если же его называть «закон качественных изменений»⁴, то указание только на одно явление (качество) без его

¹ См.: Штернфельд А. А. К закону перехода количественных изменений в качественные (несколько примеров из области астронавтики) // Вопросы философии. 1960. № 7. С. 111—112.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 318.

³ Наряду с чисто количественными и качественными изменениями выделяется еще третий тип изменений — количественно-качественные, представляющие собой количественные изменения непосредственно вблизи линии меры, которые рожают новое качество. Они изучаются на философском, общенаучном и специально-научном уровнях. На общенаучном уровне для их анализа применяются понятия динамической системы, структуры, устойчивости, неустойчивости (см.: Костюк В. Н. Количественно-качественные изменения и их специфика // Философские науки. 1985. № 6).

⁴ Такое название дано закону в интересной в целом книге С. Е. Зака «Принципы и основные законы материалистической диалектики» (М., 1974).

отношения к чему-то другому (а всякий закон есть отношение по крайней мере двух феноменов) сразу вызывает сомнение в полноте названия; семантическая неполнота такой формулировки, помимо прочего, лишает ее явной нацеленности на несовместимость с идеалистическим эмерджентизмом.

В философской литературе предложено переименовать данный закон в «закон взаимоперехода количественных, структурных и качественных изменений»¹. Не спорим: структурные изменения важны для изменений качественных. Но в целом эта точка зрения имеет два уязвимых момента. Во-первых, три фигурирующих в новом названии закона понятия не являются однопорядковыми. Лишь категории «качество» и «количество» соотносятся друг с другом. «Структура» же соотносима с понятиями «система» и «элемент», а ее содержание расщепляется на качественную и количественную стороны. Если связать структуру с качеством, которое детерминирует ею, то будет допущено смешение двух качеств: детерминируемого и детерминирующего, что не вносит ясности в происхождение нового качества. Во-вторых, явление изомерии в химии, состоящее в том, что существуют соединения, обладающие одинаковым составом и молекулярной массой, но различающиеся по структуре, не является открытием середины XX в., заставляющим пересмотреть и формулировку, и существо закона. Это явление было хорошо известно Ф. Энгельсу². Однако он связывал структуру, «взаимное расположение атомов» с понятием количества. И действительно, мы наблюдаем здесь количественные изменения в комплексе линий, в углах между ними и т. п. Так что если и структура берется в отношении качества системы, то правильнее будет учитывать только ее количественную сторону. Но в таком случае это будет опять же количество. Таким образом, формулировка Ф. Энгельса была хорошо обоснована.

Наряду с переходом количества в качество происходит также обратный переход — качества в количество (в отмеченном выше значении «перехода»). Новое качество влияет на исчезновение одних и становление других «количеств». Переход качественных изменений в количест-

¹ Обоснование этого предложения см. в работах: Азудов В. В. Количество, качество, структура // Вопросы философии. 1967. № 1; его же. Категории «форма» и «структура». М., 1970.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 388—389.

венные в процессе развития выражается в том, что качество: 1) определяет характер и направление количественных изменений, 2) оказывает существенное влияние на скорость, темпы протекания количественных изменений и 3) определяет меру (или безмерное развитие) данного явления¹.

Итак, основное содержание закона перехода количества в качество состоит в обусловленности качественных изменений количественных и в определяемости количества качеством.

§ 2. Понятия качества и количества

Пока не существует общепринятых исходных определений этих понятий, но имеется немало определений, которые могут претендовать на общезначимость². К феноменологическому уровню систем и предметов, к характеристике качества на этом уровне более всего, на наш взгляд, подходит определение, которое дается через понятие «свойство».

Свойство есть способность вещи проявлять свою сущность при взаимодействии с другими вещами³. Свойства не порождаются отношениями вещей, но лишь обнаруживаются, проявляются в таких отношениях. Свойства столь же материальны, как и сами вещи.

Материальная система (вещь) обладает значительным числом свойств, среди которых имеются аддитивные, эмерджентные, диспозиционные, необходимые, случайные, существенные, несущественные и т. п. Они неравноценны для характеристики качества. «Нечто есть то, что оно есть, только благодаря своему качеству, между тем как, напротив, вещь, хотя она также существует лишь постольку, поскольку она обладает свойствами, все же не связана неразрывно с тем или другим определенным свойством и, следовательно, может также и потерять его, не перестав

¹ См.: Фурман А. Е. Материалистическая диалектика (основные категории и законы). М., 1969. С. 198—199.

² См.: Ефимов В. И. Определения качества и количества как системы дефиниций. Ростов н/Д, 1973.

³ Гегель отмечал эту связь свойства с основой вещи. Он писал: «Вещь обладает свойством вызывать то или другое в ином и лишь ей присущим образом проявляться в соотношении с другими вещами. Она обнаруживает это свойство лишь при наличии соответствующего характера другой вещи, но в то же время оно ей присуще и есть ее тождественная с собой основа; это рефлексированное качество называется поэтому свойством» (Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 121).

из-за этого быть тем, что она есть»¹. Предостерегая против смешения свойств с качеством, Гегель, по сути дела, подходил с системной точки зрения к соотношению свойств и качества, связывая с качеством только наиболее важные свойства (свойства-элементы).

Выделение такого комплекса свойств является сложной задачей. Нужно иметь конечную их совокупность, адекватно соответствующую бесконечному множеству свойств того же объекта, иначе говоря, нужно отвлечься от многих свойств и не потерять при этом ничего существенного из того, чем обладает качественная определенность как таковая. Как полагает Б. В. Ахлибининский, эта задача решается посредством применения принципа детерминизма. Свойства изучаемого объекта перебирают до тех пор, пока набор не начнет вести себя детерминированно. Если исключение какого-то свойства из набора не изменяет его детерминированного поведения, то, значит, это свойство не относится к числу существенных. Если же комплекс ведет себя неоднозначно, т. е. на одно и то же воздействие реагирует по-разному, значит, система является неполной и необходимо учесть какое-то новое свойство. Если же некоторый набор свойств детерминирует все остальные свойства так, что они могут быть из него получены, то этот набор и может рассматриваться как эквивалент всей качественной определенности².

Исходное определение понятия качества (на феноменологическом уровне) может быть таким: **качество — это система важнейших, необходимых свойств предметов.**

Отбор свойств, соотносимых с качеством предмета, является параллельно и движением познания от внешней стороны предмета к его сущности. В важнейших и необходимых свойствах так или иначе уже наличествуют сущностные его моменты. Полный переход на сущностный уровень предмета означает выявление его структуры, основного закона связи элементов. Пример тому — основной экономический закон капитализма, состоящий в получении прибавочной стоимости посредством эксплуатации наемного труда. На сущностном уровне (срезе) объекта качество можно определять как целостность, тождественную внутренней определенности (основному закону) объекта.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 290.

² Ахлибининский Б. В., Ассеев В. А., Шорохов И. М. Принцип детерминизма в системных исследованиях. Л., 1984. С. 49—50.

Если соединить теперь сущностный и феноменологический уровни, то можно сказать, что качество — это внешняя и внутренняя определенность, система характерных черт предметов, теряя которую предметы перестают быть тем, что они есть.

Это определение понятия качества непосредственно связано с понятием количества и фактически формулируется через сопоставление с ним. В повседневном опыте, да и в научном познании, перед нами всегда два типа изменений; одни изменения оказываются безразличными («равнодушными») к бытию предмета, другие представляют изменения самого его бытия. На обыденном уровне эта разница нередко определяется «на глазок», что бывает достаточным. Первые изменения — количественные, вторые — качественные. Количество может быть определено как совокупность таких изменений в материальной системе, которые не тождественны изменению ее сущности. Качество же, как отмечал Гегель, «есть вообще тождественная с бытием, непосредственная определенность в отличие от рассматриваемого после него количества, которое, правда, также есть определенность бытия, но уже не непосредственно тождественная с последним, а безразличная к бытию, внешняя ему определенность. Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть»¹. К такому пониманию количества приходят и представители частных наук. Так, А. Н. Колмогоров полагает, что количественные отношения характеризуются, в отличие от качественных, лишь своим безразличным отношением к конкретной природе тех предметов, которые они связывают. Поэтому они и могут быть совершенно отделены от их содержания как чего-то безразличного для дела². Количество абстрагируется от качества, качество тоже в этом смысле выступает «безразличным» для количества. Последнее есть способ познания, предполагающий, конечно, связь количества с качеством.

В материальной действительности сущность количества выявляется через его сопоставление с качеством, а сущность качества — через его сопоставление с количественными (безразличными для бытия системы) изменениями. Диалектика качества, и количества в исходном

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 228.

² См.: Колмогоров А. Н. Математика // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 26. С. 476.

своем пункте есть их взаимоопределяемость. Каждая из категорий («качество» и «количество») определяется через свою противоположность. Содержание любой из них соотносено с содержанием другой. По словам Гегеля, качество есть в-себе-количество, количество — в-себе-качество.

Учет этого обстоятельства несколько конкретизирует определение количества как безразличной к бытию вещей определенности (или изменчивости): количество обладает также и качественной характеристикой, а изменения количества при более строгом подходе не безразличны, как оказывается, для качества: они либо укрепляют его, либо воздействуют на него репрессирующе¹. Но и в этой ситуации с точки зрения сохраняемой целостности объекта количественные изменения в общем-то остаются «безразличными» для основного качества материальной системы.

При углублении познания объектов, при учете качественного момента количества определение понятия количества может быть таким: количество есть степень развития данного качества. Количественные различия выступают в условиях сохраняемости одного и того же качества или наличия одинаковости качества у разных по форме систем. На первый план здесь выступают пространственные и временные его характеристики. «Количество — объективная определенность качественно однородных явлений, или качество в его пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и времени»².

Сравнение предметов между собой (при их однородности) ведет к установлению определенных пропорций. При этом выявляется эталон, служащий основой измерения количественных параметров систем³. Для измерения

¹ В учебном пособии «Диалектический материализм», изданном в 1975 г., справедливо отмечается, что количество не может быть безразличным к бытию объекта. С этой точки зрения сформулировано замечание по поводу понимания количества как безразличной к качеству определенности; это замечание адресовано и Гегелю (см.: Диалектический материализм. М., 1975. С. 212). По нашему мнению, одно другого не исключает, что следует хотя бы из приведенных положений Гегеля. Понимание количества как безразличной к бытию вещей определенности есть лишь первичное (хотя и фундаментальное) его определение, которое требует последующей своей конкретизации.

² Яновская С. Количество // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 552.

³ Об абсолютном и интенсивном количествах см.: Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я. Диалектический материализм в свете современной науки. С. 87—93.

используются понятия числа, объема, длины, величины и т. п., а само понятие количества может определяться через эти понятия¹. Сравнению подлежат и неоднородные системы — по какому-либо свойству, в каком-либо отношении.

Переход в познании от качественных характеристик предмета к количественным связан с развертыванием математических средств познания², позволяющих достигать точности в исследованиях и более эффективно овладевать природой объекта. В. И. Ленин соотносил прогресс в естествознании с приближением «к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку...»³.

Будучи зафиксированными как количественные в одной системе отсчета, изменения объекта могут выступать как качественные в другой, более «узкой» системе отсчета. Тот же переход капитализма от домонополистической стадии к монополистической есть изменение «количества» в плане развития всех общественно-экономических формаций, общества в целом, и изменение «качества» в рамках одной капиталистической формации.

Нет «чистого» количества, никак не связанного с качеством, и нет «чистого» качества, никак не связанного с количеством. Качество всегда количественно, а количество качественно. Однако их неразрывная связь не означает их слияния. Между ними имеется достаточно четкая граница, которая определяется при установлении системы отсчета, при четком выделении системы (предмета) исследования.

§ 3. Мера. Типы мер

Слово «мера» имеет множество значений. Это и способ определения количества по принятой единице измерения («мера времени», «линейная мера»), и предпринятое действие («крутая мера», «принимать меры»), и «намерение», «закономерность», «мера множеств», и т. п. В мате-

¹ См.: Ильин В. В. Количество//Диалектика материального мира. Л., 1985.

² О соотношении количественных и качественных методов в познании см.: Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972; Ильин В. В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М., 1972.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 326.

риалистической диалектике «мера» служит для выражения взаимосвязи качества и количества.

Всякий предмет, любое развитие материальных систем имеют свою меру. Существуют разные типы мер¹. Выделяются мера непосредственного бытия и субстанциальная мера. Первая связана с внешней стороной предметов, с фиксированием меры на уровне живого созерцания, вторая — с сущностью, соответственно с теоретическим уровнем познания. Мерой непосредственного бытия является жидкое состояние воды, температура которой изменяется (при известных условиях) от 0 до 100°. При углублении познания, на уровне сущности вода предстанет уже как химическое соединение (результат взаимодействия кислорода и водорода), образованное по законам структурных связей соответствующих ионов. Субстанциальная мера есть закон структурной организации системы, соответствие количественных моментов в составе и структуре системы ее качественной специфичности. Этот тип меры содержит в себе причинное объяснение происхождения и движения данной системы.

Мера часто выражается числом, но не всегда она поддается точному числовому описанию. В процессе развития нередко отсутствуют резкие грани, последующая ступень как бы полностью сливается с предыдущей и создается впечатление либо полной гомогенности, либо «неожиданного» появления нового. Подобное происходит и в нравственной сфере, где отмечается размытость граней между осторожностью и трусостью, прямоотой и грубостью, гибкостью и беспринципностью, щедростью и расточительностью; в таких случаях численное значение меры установить нельзя, но мера существует и здесь; переход через эту меру означает переход в иное качественное состояние.

Одним из типов меры является «безмерность». Это та же мера, но деформированная в количественном отношении. Система еще обладает способностью к некоторому развитию и функционированию, однако обремененная «излишним» количеством она теряет ряд возможностей развития, снижает темпы общего развития, становится «однобокой», аритмичной. Это может иметь место у разных объектов, в том числе у отдельных индивидов (например, при патологической устремленности на обога-

¹ См.: Кузьмин В. П. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966.

шение), в экономике (при ее нацеленности на экстенсивные факторы роста) и т. п. В современном капиталистическом обществе многие его стороны — социальные институты, управление, образ жизни и т. п. — подчинены безмерности. Если античный мир, как писал К. Маркс, пронизан «диалектикой меры», то при капитализме вся жизнь подчинена безмерному абстрактно-количественному принципу. Деньги, вещественный носитель абстрактного количества, являются стимулом этого общества. В нем «количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой»¹.

Продолжающийся и при безмерном развитии процесс кумуляции, накопления необратимых изменений в субстрате и структуре системы, ведет к расшатыванию структуры системы, к ее неустойчивости, создающей предпосылку для ее перехода в другое качество. Безмерность, неустойчивость и аритмичность выражают внутреннюю необходимость в замене одной меры другой.

§ 4. Скачок. Виды скачков

Представление о скачке связано с ускорением процесса во времени. Считается, что скачок — всегда относительно ускоренное развитие изменений. Такое представление схватывает лишь один момент. Определяющим является преобразование качества. Скачок — это переход от одного качества к другому.

Разработанный Центральным Комитетом КПСС курс на ускорение социально-экономического развития страны нацелен на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества: коренное обновление его материально-технической базы на основе достижений научно-технической революции; совершенствование общественных отношений и в первую очередь экономических; глубокие перемены в содержании и характере труда, в материальных и духовных условиях жизни людей; активизацию всей системы политических, общественных и идеологических институтов. Как подчеркивается в Программе партии, «результатом этих преобразований

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 128—129.

явится качественно новое состояние советского общества, в полной мере раскрывающее огромные преимущества социализма во всех сферах жизни. Тем самым будет сделан исторический шаг вперед на пути к высшей фазе коммунизма»¹.

Этот шаг — один из самых масштабных во всей истории человечества. Он включает в себя множество скачков в подсистемах и элементах общественной системы; его осуществление потребует исключительной концентрации энергии всех компонентов системы.

В мировоззренческом отношении скачки не являются привилегией человека и человеческого общества, но присущи развитию любых материальных систем, в том числе природных, различаясь по всей силе, динамизму, организационной структуре и т. п. Остановимся на самых общих подразделениях скачков.

Скачки различаются прежде всего по формам движения материи.

Второе основание разделения скачков — время их протекания. По этому признаку все скачки подразделяют на разовые (скачки-взрывы) и ступенчатые («постепенные») ². На обыденном уровне такое деление производится с ориентацией на продолжительность жизни человека, на уровне научного мышления — сравнительно со временем существования основного объекта исследования, с предшествующим этапом его развития. Есть скачки, совершаемые в миллионные доли секунды, и есть скачки в миллионы, а то и в миллиарды лет. Следствием такого деления скачков на два вида является конкретизация определения понятия «скачок». Скачок — это момент или стадия превращения одного качества в другое³.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 140—141.

² В книге «Очерки по диалектическому материализму» (М., 1985) отрицается существование постепенных скачков (с. 256), само же понятие скачка определяется как момент превращения одного качества в другое (с. 255). Нам кажется, что в данном случае произошло смещение аспекта сопоставления: вместо сравнения скачков друг с другом по времени их протекания произошло их сравнение с количественной постепенностью, предшествующей каждому скачку. Не случайно подчеркивается, что скачок — это всегда относительно ускоренное развитие изменений (поэтому фактическое признание автором относительно длительных скачков можно расценивать как его непоследовательность).

³ При скачке-взрыве изменяется сразу вся система, при постепенном скачке — поочередно отдельные подсистемы, стороны и части системы. Скачки взрывного, «разового» типа характерны для систем со сравнительно жесткой организацией или структурой, а постепенные скачки

Третье основание деления — количество систем или подсистем, включенных в скачок — дает два вида скачков: одинарные и комплексные (или интегральные). Промышленная революция в Англии в последней трети XVIII — первой четверти XIX в. или революция в физике на рубеже XIX—XX вв. — это примеры одинарных скачков, Современная же научно-техническая революция — это интегральный, комплексный скачок, вовлекший в свою орбиту и естествознание, и общественные науки, и технику, и производство.

Четвертое основание классификации скачков — отношение к главной стороне сущности предметов. На этом основании скачки подразделяются на коренные и не-коренные. Нельзя сказать, что второе название удачно, так как «не-коренной» скачок, поскольку он скачок, тоже должен относиться к сущности («корню») предмета. В прямом смысле слова это уже не скачок. Но с ним обычно связывают представление о качественных, сущностных изменениях на «подсистемном» уровне развития объекта, в отдельных комплексах его элементов, в его состояниях и т. п. Возможно, их следует называть «микроскачками», но это требует дополнительного обсуждения.

И последнее¹, пятое основание деления скачков — их роль в развитии. С этой точки зрения скачки бывают прогрессивные, регрессивные и одноуровневые (нейтральные по отношению к прогрессу и регрессу).

Если взять переходный период от капитализма к социализму в СССР, исходным пунктом которого явился Октябрь 1917 г., то, рассматривая его как скачок в общественном развитии, можно на основе данной выше классификации выявить его характерные черты: 1) это скачок социальный; 2) скачок-взрыв в политическом аспекте и стадиобразный в области производительных сил, в сфере науки и культуры; 3) скачок комплексный; 4) коренной; 5) прогрессивный.

При конкретном применении закона перехода количества в качество, в частности понятия скачка, следует принимать во внимание все отмеченные основания деле-

свойственны преимущественно системам с пластичной, гибкой организацией (см.: Нарский И. С., Тютин В. С. Закон единства и борьбы противоположностей // Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1981. Т. 1. С. 271, 285, 286, 288).

¹ Выделяются и другие виды скачков: глобальные и локальные, необходимые и случайные и т. п.

ния. Иначе возможны недоразумения в оценке явлений социальной действительности.

В некоторых публикациях понятие революции связывается только с разовым скачком, а не с постепенным. Считается, что если в каком-либо социальном процессе преобладают элементы постепенного скачка, то такой процесс нельзя назвать революционным, преобладание же элементов скачка-переворота может служить одним из важнейших свидетельств революционного характера процесса перехода. При этом революция отождествляется с вооруженным восстанием. Но социалистическая революция — комплексный, интегральный скачок и исключать из него, например, преобразования в области культуры означает неправомерное редуцирование сложной системы к одной его стороне. Да и в области политической надстройки марксизм не видит оснований связывать эту революцию только с разовым скачком. Не исключается и мирный, постепенный политический переход власти в руки трудящихся. Для социалистической революции, где бы и как бы она ни совершалась, критериальными чертами являются ее прогрессивность, коренной характер и интегральность.

Что касается времени протекания скачка в общественном развитии, то этот момент зависит от конкретных исторических условий. Если в какой-либо стране в течение, допустим, нескольких десятилетий произошли изменения, в результате которых появилась общественная собственность на средства производства (преобладающая в масштабах государства), если власть оказалась в руках трудового народа и стала использоваться в интересах трудящихся, в первую очередь рабочего класса, если все сферы жизни стали основываться на принципах научно-философского, марксистского мировоззрения — все это значит, что в стране свершается (или свершилась) социалистическая революция. Закрывать же глаза на эти преобразования как на революционные на том основании, что они не укладываются в схему «скачка-взрыва», было бы формальным подходом к реальности и к применению материалистической диалектики.

По вопросу о скачках в социальной действительности марксистская позиция противостоит реформизму (правой социал-демократии) и «левому» оппортунизму.

Английские лейбористы, западногерманские социал-демократы, французские правые социалисты полагают, будто путем несущественных реформ, постепенной эволюции, сохраняя частную собственность на средства и крупные средства производства, можно достичь социализма: от 20—30% национализированных средств производства можно перейти к 50—70% и осуществить всеобщее государственное планирование. Однако их пребывание у власти не привело к социализму, хотя и не приходится отрицать некоторых проведенных ими относительно прогрессивных реформ (микроскачков в рамках капитализма). Государственная собственность так и осталась в подчинении капиталу, как осталась

в неприкосновенности и эксплуатации наемного труда в интересах капитала. Реальная политическая структура буржуазного общества контролируется и направляется в целом отнюдь не в сторону социализма. Нужна решительная ориентация партий, претендующих на тесную связь с трудящимися, на ломку этой структуры, на ее кардинальное изменение.

В. И. Ленин подчеркивал: «...отличие реформистского и нереформистского изменения данного политического уклада состоит, вообще говоря, в том, что при первом — власть остается в руках прежнего правящего класса; при втором — власть переходит из рук прежнего класса в руки нового»¹. Поэтому суть расхождения марксизма с реформизмом вовсе не в том, каким должен быть характер скачка в историческом развитии — разовым или постепенным (стадиобразным), а в фактическом признании или непризнании скачка. Реформизм ориентирован только на капитализм, его улучшение, а марксизм — на его коренное преобразование. Марксизм не исключает реформ, но в отличие от реформизма ими не ограничивается.

Наряду с этим не всякое признание скачков-взрывов есть диалектический материализм. «Левые» доктринеры, прикрываясь революционной фразеологией, призывают к «немедленным» и «радикальнейшим» скачкам-взрывам. Они недооценивают медленные, подготовительные количественные накопления и постепенные скачки, т. е. построение переходных этапов, тем самым подсекая основания будущих структур. Это не диалектика. По словам В. И. Ленина, нарушение диалектического материализма состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий². В. И. Ленин показал образец непримиримости к «левым» доктринерам. Он писал: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области дейст-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 374.

² См.: Ленинский сборник. XL. С. 426—427.

вия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому»¹.

С точки зрения «левых» доктринеров развитие — это непрерывные взрывные скачки. С точки зрения реформистов развитие — ряд количественных изменений без взрывных и постепенных скачков; это вообще отказ от развития в широком общесоциологическом плане. Для сторонников градуалистского взгляда на развитие оно представляет собой количественные изменения и постепенные, стадиобразные скачки. Согласно же диалектическому материализму развитие есть и эволюция (количественные измерения с постепенными скачками)², и революция: эволюция подготавливает революцию, революция завершает эволюционное, градуальное развитие и кладет начало новой эволюции. В процессе такого развития происходит смена мер, а само развитие выступает узловой линией отношений меры.

Развитие — это единство эволюции и революции, непрерывности и прерывности.

ГЛАВА 5. ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

§ 1. Всеобщность противоречий. Противоречие как процесс

Положение о всеобщности закона единства и борьбы противоположностей стало стандартным; в него перестали вдумываться, оно воспринимается как малоинформативное, иногда «пустое». Вместо ответа на вопрос: «Как Вы понимаете всеобщность этого закона? — некоторые студенты, подготовившиеся к семинару, приводят примеры: «правая и левая стороны дома», «верх и низ стола», «черное и белое» и т. п. Им кажется, что всеобщность означает существование везде и во всем. Приходится вспомнить, что в начале 30-х годов в нашей стране, а также в период «культурной революции» в КНР появились публикации на тему о действии закона единства и борьбы противоположностей в рыбном хозяйстве, в продаже арбузов и т. п.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

² В философской литературе понятие «эволюция» иногда включает представление о взрывных скачках.

И дело не в том, что в них вообще нет противоречий, а в том, что при этом механически соединялись произвольно вычлененные моменты и выдавались за проявление «противоречий» и доказательство силы диалектики. К сожалению, в отдельных наших учебных пособиях также встречаются недостаточно четкие положения, дающие основание для подобных трактовок. В одном из них, например, говорится: «Все без исключения подчиняется этому закону, поскольку все состоит из противоположностей, взаимно связанных между собой. Примерами противоположностей могут служить верх и низ, внешнее и внутреннее, темное и светлое, северный и южный полюсы, сложение и вычитание, отрицательное и положительное электричество, электронная оболочка и ядро в атоме, ассоциация и диссоциация атомов... наследственность и изменчивость, среда и организм...»¹ Если бы после этого рассуждения было пояснено, что приведенные примеры являются примерами только противоположностей, но что не все из них демонстрируют действие закона единства и борьбы противоположностей, то все сказанное можно было бы принять. Однако примеры эти даны под положением, в котором упоминается данный закон, да и в последующем тексте сказанное не уточнено. Между тем именно приведенные примеры нуждаются в более внимательном к ним отношении. Даже если согласиться, что данный закон действует не только в развитии, но и в «просто движении» (т. е. в механическом движении), как на это указывается далее в том же учебном пособии, то не все приведенные примеры будут характеризовать движение, относясь лишь к статике.

Студент, ответивший на вопрос о всеобщности противоречий в духе формальной всеобщности, заходит в тупик, когда его затем спрашивают: «Где же в Ваших примерах развитие? Ведь закон единства и борьбы противоположностей есть источник развития, не так ли?» При всем желании, однако, не удастся узнать, как противоположности правого и левого детерминируют «развитие дома», а верх и низ — «развитие стола».

«Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, — отмечал Ф. Энгельс, — мы, действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них. Мы находим здесь определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат

¹ Диалектический материализм. М., 1974. С. 281.

друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия... Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном взаимодействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия»¹. Если брать не «верх» и «низ», а тот же стол, но в его изменениях физико-химического характера, в течение определенного времени, от момента создания до разрушения, то, очевидно, мы обнаружим в этом предмете тенденцию к устойчивости и тенденцию к изменчивости как взаимопроникающие противоположности, обуславливающие те или иные его состояния, его «движение». Означает ли это, что статичное состояние каких-либо систем (а эта устойчивость статики может быть только относительной) находится за пределами диалектики? Вовсе нет. Та или иная форма, внешняя и внутренняя (в том числе «правое» и «левое» и т. п.), тоже связана с законом единства и борьбы противоположностей (не говоря уже о взаимосвязи качества и количества, формы и содержания и т. п.), но выступает или как результат его действия, или как условие его развертывания. Если бы на поставленный вопрос о всеобщности закона был дан ответ в таком плане, то это можно было бы считать по крайней мере частичным объяснением ситуации.

Не всякие противоположности, находящиеся в единстве, составляют противоречие. Для того чтобы противоположности образовали противоречие, они должны находиться во взаимодействии (проникать и отрицать друг друга). В противоречиях — не только единство, но и борьба.

Противоречие неотрывно от развития, движения, как и развитие от противоречия. Механическое движение противоречиво постольку, поскольку оказывается включенным в развивающуюся систему или имеет внутри себя (как в случае движения планет) развивающиеся стороны. Всеобщность закона единства и борьбы противоположностей идентична всеобщности развития, самодвижения. Противоречия есть только там, где есть развитие, самодвижение. Этот момент включается в само определение противоречия. «Диалектическое противоречие есть взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые находятся во внутреннем

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 123.

единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития»¹.

Второй момент, характеризующий всеобщность противоречий, состоит в констатации того, что противоречия есть в любой развивающейся системе от начала и до конца процесса ее развития. Меняются лишь состояния, количественные параметры, характер противоречий, значимость их в системе.

Сами противоположности находятся в изменении, движении. Их взаимодействие связано с обменом веществом, энергией, информацией, влияющим на их изменения и на изменения общей их системы. Количественное и качественное преобладание ведущей противоположности задает направление движения (функционирования) и развития системы; это преобладание вначале бывает скрытым, потенциальным, затем — актуальным. Изменяется степень интенсивности, остроты и зрелости противоречия как такового, степень его близости к моменту своего разрешения².

Проблема этапности развития самих противоречий недостаточно исследована. Иногда ограничиваются приведением мыслей Гегеля о прохождении противоречием стадий тождества, различия, противоположности и противоречия. При этом упускается из виду, что в данном случае Гегель имел в виду либо процесс возникновения, либо процесс познания противоречий, а не развитие предметно-материального, уже ставшего противоречия системы.

В развитии противоречий можно выделить следующие этапы или состояния: 1) гармонию, 2) дисгармонию, 3) конфликт.

Уже Гераклитом было замечено, что «из расходящихся — прекраснейшая гармония», что гармония состоит из противоположностей. Связывая представление о противоречиях с гармонией, он подчеркивал также, что «скрытая гармония лучше явной»³. По Аристотелю, «все гармонично устроенное возникало из неустроенного»⁴. «Гармония вообще возникает из противоположностей... Гармония есть...

¹ Спиркин А. Г. Противоречие диалектическое // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 545.

² См.: Нарский И. С., Тютин В. С. Закон единства и борьбы противоположностей // Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982. Т. 1. С. 258—261.

³ Материалисты Древней Греции. М., 1965. С. 42, 46.

⁴ Аристотель. Физика. М., 1936. С. 14.

согласие разногласного»¹. Традиции античной философской мысли богаты своими «выходами» в современную проблематику теории развития.

Разрабатываемое в последние десятилетия преимущественно в эстетике понятие гармонии начинает все в большей степени привлекать внимание специалистов по общей теории диалектического материализма².

Среди социальных структур гармоничными будут те, у которых обнаружится единство целей, установок («гармония» — «слаженность», «лад», «равнозвучие»). Гармонична та социально-классовая структура, которая отличается, несмотря на различия, взаимным соответствием коренных интересов и принципов социального действия. Единству и борьбе противоположностей в состоянии гармонии свойственно взаимоукрепление: при разнонаправленности противоположностей каждая из сторон также содействует более полному раскрытию возможностей другой стороны и системы в целом. При гармоничном развитии единство системы непрерывно укрепляется, наращиваются темпы позитивных изменений, увеличивается динамизм, пластичность системы в ее взаимоотношении с окружающими системами, ее устойчивость, надежность.

Дисгармония связана с расшатыванием общих структур, с развитием одной стороны за счет другой. Она характеризуется появлением, углублением и обострением взаимоотношений между противоположностями, преобладанием разнонаправленности и взаимоотрицания. «Коллизия, — писал Гегель, — нарушает... гармонию истинно действительного... и заставляет единый в себе идеал перейти в состояние разлада и антагонизма»³. При конфликте (от лат. *conflictus* — столкновение) такое состояние достигает предела, что ставит под вопрос само существование развивающейся материальной системы.

Итак, состояние противоречий не является неизменным при развитии систем. Оно может быть гармоничным, но может быть и дисгармоничным и даже конфликтным. Гармония может перерасти в дисгармонию, а последняя преобразовываться в гармонию или (как в капиталистической общественной системе) переходить в конфликтное со-

¹ Цит. по: *Маковельский А.* Досократики. Казань, 1919. Ч. III. С. 35.

² См.: *Мещеряков В. Т.* Гармония и гармоническое развитие. Л., 1976; его же. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии. Л., 1981.

³ *Гегель.* Соч. М., 1938. Т. XII. С. 209.

стояние. Для разных систем существует своя мера возможностей преодоления противоречий, в том числе только при гармоничном развитии, минуя состояние дисгармонии. Гармония, чтобы остаться таковой и не обрести черты иного состояния, должна постоянно воспроизводить свои, а не другие предпосылки развития.

Таковы два момента, характеризующие всеобщность противоречий.

Противоречие есть процесс. Во-первых, состояние противоположностей, составляющих противоречие, да и самого противоречия не остается, как мы только что видели, неизменным, а само непрерывно меняется. Во-вторых, противоречия преодолеваются, для чего требуются затраты вещества, энергии, информации, связанные с дополнительным движением.

Сами по себе противоречия еще не обеспечивают переход к новому качеству, т. е. развитие. Противоречия могут быть налицо, но развитие на этом уровне не будет иметь места¹. В этом отношении всеобщность противоречий не идентична всеобщности развития. Чтобы быть источником развития, противоречия должны разрешаться. В строгом смысле слова понятие противоречия включает в себя представление о преодолении противоречия², вследствие чего можно утверждать, что развитие есть там, где есть противоречия и их преодоление. Общая теория диалектического противоречия фиксирует в качестве основных форм разрешения противоречий действительности: а) переход противоположностей друг в друга, соответственно в более высокие формы; б) победу одной из противоположностей; в) исчезновение (гибель) обеих противоположностей при коренном преобразовании системы и др; любое разрешение противоречия есть существенное качественное изменение в бытии, т. е. отрицание³. В то же время могут быть противоречия, окончательно не разрешаемые⁴. Процесс преодоления противоречия представляет

¹ Это положение не исключает признания развития подсистем, элементов, других компонентов системы, т. е. не означает статичности всего, что имеется при этом в материальной системе.

² «...Движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 640).

³ См.: Харин Ю. А. Марксистская социальная диалектика. С. 124, 169. О некоторых других вариантах разрешения противоречий см.: Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 154—155.

⁴ См.: Нарский И. С., Тютин В. С. Закон единства и борьбы противоположностей. С. 275. Касаясь противоречий в жизни индивида, Ю. А. Ха-

собой скачок, который, в свою очередь, складывается из противоречий.

Необходимость преодолеть противоречие выступает для социальной системы как цель. Достигнутая цель становится средством достижения новой цели. Диалектика цели и средства — одна из сторон процесса развития. Одно и то же явление может быть целью в одном отношении, средством в другом. Например, социально-политическое единство социалистического общества является целью, для достижения которой используется развитие демократии, критика и т. п., но в то же время оно само есть средство преодоления внутренних и внешних противоречий социалистического общества¹.

Уточним понятия «противоположность», «единство» и «борьба», посредством которых противоречия отражаются в познании.

Не всякие противоположности, даже находящиеся в единстве, как мы видели, составляют противоречие.

Единство противоположностей, писал В. И. Ленин, по существу формулируя данный закон, «есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»². Под противоположностью, или стороной противоречия, здесь подразумевается одна из взаимоисключающих тенденций развития («тенденция» — склонность, тяготение к чему-либо). Стороны, или элементы, части системы, имеющие противоположные тенденции изменений, называются противоположностями. В самом общем плане (и преимущественно) противоположностями являются тенденция к устойчивости и тенденция к изменчивости. В неорганических системах они проявляются в форме разнонаправленных сил притяжения и отталкивания, в эволюции видов — в форме наследственности и изменчивости, в развитии капитализма — в форме борьбы пролетариата, носителя тенденции к изменчивости, и класса буржуазии, и т. п. Таким образом, противоречие образуют противоположно направленные тенденции, взаимосвязанные в рамках единой системы³.

рин отмечает: «Одни противоречия, будучи противоречиями его собственной жизни, и возникают, и решаются без его участия. Другие возникают помимо него, но могут быть решены только им самим, третьи и вызваны, и разрешаются субъектом. Некоторые противоречия вообще не могут быть сняты, будучи характеристикой развития индивидуальной жизнедеятельности в ее качественной определенности» (Марксистская социальная диалектика. С. 133).

¹ О содержании понятия «цель» и о диалектике цели и средства см.: Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977; Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979; Попков Н. И. Категория цели: проблемы исследования. М., 1980.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

³ Среди философов обсуждается вопрос, отображает ли мышление противоположности в одном и том же отношении или в разных отношениях. Более обоснован, на наш взгляд, синтетический подход, предложенный Ф. Ф. Ваккеревым (см.: Предметное противоречие и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М., 1979).

В формулировке рассматриваемого закона понятие «борьба» имеет специфическое значение. В прямом смысле слово «борьба» относится к обществу, отчасти к органической природе. Применительно же к неорганической природе и к некоторым биологическим явлениям точнее говорить о взаимодействии противоположностей¹ (что включает представление об их «взаимоотвержении» и взаимоотрицании). Ф. Энгельс формулировал этот закон как «закон взаимного проникновения противоположностей»². Поскольку имеют место противоположности, их взаимное проникновение связано с их противоборством, столкновением. Столкновение тенденций означает, что одна из них стремится вытеснить, преодолеть другую т. е. имеет место их взаимоотрицание).

«Единство» противоположностей разноаспектно. Таких аспектов по крайней мере четыре: 1) единство как взаимодополняемость, связь³ в составе целостной материальной системы; 2) единство как равновесие, равнодействие противоположных сторон; 3) единство как возможность перехода одной противоположности в другую (в смысле изменения положения в системе) и 4) единство как возможность временного объединения, «союза» в условиях разнонаправленности (в состоянии полярности и конфликтности). Качественная сторона единства противоположностей выражается в первом, третьем и четвертом аспектах, количественная сторона — во втором⁴.

Единство и борьба противоположностей являются источником и главной движущей силой развития⁵. В их научном конкретном познании — ключ к практическому использованию противоречий, к управлению процессами развития.

«...Жизнь идет вперед противоречиями, — подчеркивал В. И. Ленин, — и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека первоначально кажется»⁶. Нужно не только констатировать наличие в предмете или общественной системе противоречий, а «указавши на них... анализировать их и объяснить их происхождение, развитие и тенденцию...»⁷.

¹ См.: Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. С. 318.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 384.

³ Связь между противоположностями может быть как непосредственной, так и опосредованной. Существует концепция посредствующих звеньев (см.: Оруджев З. М. Формально-логическое и диалектическое противоречия. Различие структур; *его же*. Опосредование и развитие противоречий // Диалектическое противоречие. М., 1979); некоторые из аргументов против такого понимания связи противоположностей см.: Вьяккерев Ф. Ф. Является ли антиномия «образом» противоречия (там же).

⁴ О видах единства и видах борьбы см.: Аверьянов А. Н. Системное познание мира. С. 124—167.

⁵ Разграничение этих понятий обсуждается в работе: Вьяккерев Ф. Ф., Марахов В. Г. Источники и движущие силы развития // Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 219.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 226.

§ 2. Метафизические и диалектическая трактовки соотношения единства противоположностей и их борьбы

Метафизические трактовки этой проблемы представлены теорией равновесия и теорией конфликта.

Рассмотрим вкратце их существо.

Теория равновесия начала складываться с XVII в. в целях объяснения общества. Ее главной идеей было представление о классово-антагонистическом обществе как равновесной системе, все части которой сбалансированы между собой. Сначала общество уподоблялось физической равновесной системе, подчиняющейся третьему закону Ньютона, говорящему о равенстве и противоположной направленности действия двух тел друг на друга. Затем физикалистский редукционизм сменился биологическим (во второй половине XIX в.), и общество стало рассматриваться преимущественно по аналогии с живым организмом, саморегулирующимся и устойчиво равновесным. В настоящее время в теорию равновесия включаются данные кибернетики, ее принципы. Наиболее видными представителями теории равновесия были Г. Спенсер, Ле Дантек, Л. Ф. Уорд. В последние десятилетия в буржуазных странах она выступает в форме концепций классового мира, в том числе в построениях школы структурно-функционального анализа.

Основные положения теории равновесия: 1. Равновесие абсолютно (в том смысле, что оно является преобладающим состоянием систем); борьба относительна. 2. Равновесие лишено противоречий; это положительное состояние; противоречия и борьба негативны, вредны для системы; 3. Нарушение равновесия происходит под воздействием внешних сил (или главным образом этих сил). 4. Преодоление противоречий осуществляется за счет приспособления системы к внешней среде (или ее элемента к ему противоположному), что обеспечивает «нейтрализацию» противоположностей и новое равновесие. 5. Развитие идет по формуле: равновесие — неравновесие — равновесие.

В рассматриваемой теории абсолютизируется значение равновесного состояния систем. Марксизм его не отрицает, а включает в качестве важной стороны единства противоположностей (см. второй аспект «единства»). Равновесие является необходимым моментом развивающихся систем в природе. Для сложных систем с обратной связью харак-

терна динамическая устойчивость, гомеостатичность¹. В общественной жизни равновесные состояния тоже не редкость, в частности в сфере классовых отношений. В первой половине XVII в. во Франции, например, имело место такое положение, когда, как писал К. Маркс, «старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»².

Недостаток теории равновесия прежде всего в том, что она рассматривает равновесные состояния как лишенные противоречий. Она прикрывает столкновение классовых сил с целью представить буржуазное общество устойчивым, равновесным, гармоничным. Между тем во Франции первой половины XVII в., в России в октябре 1905 г. и в период двоевластия с конца февраля до июля 1917 г. происходили классовые столкновения, свидетельствовавшие о наличии острых противоречий в социальной системе. «... Равновесие сил, — подчеркивал В. И. Ленин, анализируя развитие событий в России, — нисколько не исключает борьбы, а, напротив, делает ее особенно острой»³.

Не соответствует действительности положение теории равновесия о том, что противоречия (конфликты) негативны, в принципе губительны для системы. Есть, конечно, противоречия, которые ведут к застою, к регрессу, к гибели системы. Но немало конфликтов и позитивных. Классовая борьба пролетариата с буржуазией, кульминационным пунктом которой является социалистическая революция, неизбежна и прогрессивна; она кладет конец конфликтам, вызываемым частной собственностью на средства производства. Но это не означает ликвидации конфликтов другого порядка: в коллективах производственных предприятий, в семьях и т. п., хотя в условиях социализма их основания существенно преобразуются. Марксистская концепция общественного развития полностью исходит из того, что значение конфликтов для прогресса социальной системы может быть различным.

В современной буржуазной социологии существует так называемая теория конфликта, абсолютизирующая послед-

¹ Гомеостаз, гомеостазис — свойство организма поддерживать свои параметры и физиологические функции в определенном диапазоне, основанное на устойчивости внутренней среды организма по отношению к возмущающим воздействиям внешней среды (см.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 121).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 306.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 73.

ний¹. В этой теории речь идет прежде всего о конфликтах поколений, наций, этнических, профессиональных групп и так далее, которые объявляются вечными. Классовый конфликт в антагонистическом обществе оказался второстепенным. Главным источником конфликтов, по Р. Дарендорфу, является неизбежная в обществе система управления с ее господством и подчинением, с «диалектикой власти и авторитета», порождающая столкновение интересов. Конфликт — неотвратимый процесс. Он ускоряется или замедляется благодаря ряду опосредующих структурных условий. «Решение» конфликта в какой-то момент времени создает такое состояние структуры, которое при определенных условиях с неизбежностью приводит к дальнейшим конфликтам противоборствующих сил. «Вся социальная жизнь в целом есть конфликт»², — утверждает Р. Дарендорф. По его мнению, не только в социальной жизни, но и везде, где есть жизнь вообще, наличествуют конфликты. Понятие «конфликт» становится центральным понятием философии. Конфликт существует для того, считает он, чтобы удовлетворять «потребности» системы в изменениях.

Другой представитель этой концепции Л. Козер критикует Р. Дарендорфа за то, что тот не придает должного значения позитивным функциям конфликта. С его точки зрения многие процессы, которые, как обычно считается, разрушают систему, при определенных условиях укрепляют основы интеграции системы, а также ее приспособляемость к окружающим условиям. В любой социальной системе, полагает он, обнаруживаются отсутствие равновесия, конфликты, делающие социальную систему более гибкой; благодаря конфликтам усиливается способность системы избавляться от грозящих ей в будущем нарушений равновесия, т. е. от еще более острых конфликтов. Изложенные тезисы Р. Дарендорфа и Л. Козера показывают, что различие между ними малосущественно. Объединяет их абсолютизация конфликтов в социальном развитии, стремление обосновать такую схему развития: $Кнфл_1 \rightarrow РВС \rightarrow Кнфл_2$ ³.

¹ См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985 (гл. V—VIII); Нечипоренко Л. А. Буржуазная «социология конфликта». М., 1982.

² Darendorf R. Konflikt und Freiheit: Aut dem Weg zur Dienstklassengesellschaft. München, 1972. S. 47.

³ В маоистской интерпретации социального развития с ее тезисом «раздвоения единого» имела место аналогичная формула: «раскол→спло-

Эта схема развития внешне прямо противоположна схеме развития теории равновесия. Однако по существу они сходны. И та, и другая разрывают единство и борьбу в процессе развития (хотя в первой абсолютизируется единство, во второй — борьба). Источник развития либо полностью, либо преимущественно выводится за пределы системы, неверно трактуется и разрешение противоречий, что искажает картину развития. К тому же конфликты конфликтам рознь. Они могут иметь разное значение для развития системы.

Материалистическая диалектика несовместима ни с теорией равновесия, ни с теорией конфликта как в социально-политическом плане, так и в общетеоретической трактовке развития. Она подчеркивает неразрывность единства и «борьбы» в процессе развития. В соответствии с реальностью в ней утверждается, что «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹. Это положение несовместимо с трактовкой равновесия как беспротиворечивого состояния, и оно может быть понято именно в сопоставлении с одной-единственной, метафизической трактовкой равновесия. Как покой есть частный случай движения, так и равновесие («равнодействие противоположностей») есть частный случай противоречивого развития. Единство как равновесие относительно, его нельзя возводить в абсолют ни по отношению к единству в целом, ни по отношению к другим состояниям системы; тем более нельзя, не искажая картины развития, противопоставлять равновесие борьбе противоположных тенденций.

Подчеркивание относительности единства противоположностей не понимается в диалектическом материализме так, будто всякое единство противоположностей относительно. Даже в случае равнодействия сил имеется момент абсолютного. Поясняя положение об относительности единства (противоположностей), В. И. Ленин писал: «... отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики

чение→раскол», направленная на раскол международного коммунистического движения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»¹.

Единство противоположностей относительно как взаимодействие, равновесие, т. е. во втором своем количественном аспекте. В первом же, качественном аспекте — как взаимодополняемости и связи в составе целостной системы — единство противоположностей абсолютно. Единство противоположностей и абсолютно и относительно.

§ 3. Типы и виды противоречий.

Общедialeктические противоречия

Существуют множество различных противоречий и разные основания их классификации². Исходным, наиболее фундаментальным подразделением противоречий является их деление по степени охвата действительности. Выделяются следующие два типа: 1) общедialeктические, охватывающие материальную и духовную действительность, и 2) специфически-dialeктические, разделяемые, в свою очередь, на два подтипа: а) противоречия материальных систем (предметные противоречия) и б) dialeктические противоречия познания.

Общедialeктические противоречия классифицируются на виды на основании того, в каких всеобщих сторонах действительности они функционируют. По тому, действуют ли они в области явлений (проявлений) или сущности, противоречия образуют два вида: феноменологические и эссенциалистские (их мы касались при рассмотрении вопроса о сущности и явлении). Если берется форма и содержание, то выделяются противоречия формы и противоречия содержания. Выделяются также противоречия внешние и внутренние, необходимые и случайные, действительные и возможные и т. п. Рассмотрим внешние и внутренние противоречия.

Внутреннее противоречие — это такое, которое находится внутри системы, ограничено рамками конкретной целостности. Внешнее — это противоречие между данной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² См.: Дудель С. П., Штракс Г. М. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967. С. 178—243; Горбач В. И. Проблемы dialeктических противоречий. М., 1972. С. 157—332; Оруджев З. М. Виды противоречий // Dialeктический материализм. М., 1974. С. 286—293; Нарский И. С., Тюхтин В. С. Закон единства и борьбы противоположностей // Материалистическая dialeктика как общая теория развития. С. 263—276.

системой и другой, находящейся вне ее. Каким противоречием является, к примеру, противоречие между социализмом и капитализмом? Отвечают иногда сразу — «внешним». Если брать их как системы, то по отношению к социализму его противоречие с капитализмом будет, конечно, внешним. Но если взять иную, более широкую систему отсчета — общество в целом, то с этой точки зрения данное противоречие будет внутренним. Именно в этом смысле подчеркивается, что основным внутренним противоречием нашей эпохи является борьба социализма с капитализмом. Иначе говоря, внешнее и внутреннее относительны. Одно и то же явление (противоречие) есть одновременно и внутреннее и внешнее: в одном отношении внутреннее, в другом — внешнее.

Поставим вопрос: какое из противоречий — внутреннее или внешнее — является источником развития? Кажется интуитивно ясным, что на этот вопрос нужно ответить либо в пользу внутреннего, либо в пользу внешнего противоречия. Но, во-первых, к материи, к миру в целом эти понятия вообще не применимы; отвечая «внутреннее», мы тем самым признаем наличие чего-то внешнего по отношению к материальному миру. Во-вторых, применительно к конкретным материальным системам не может быть только внутреннего или только внешнего противоречия (в этом случае мы видим, что вопрос сформулирован неточно, союз «или» ориентирует на выбор лишь одного вида противоречий). Перечень примеров, где внутреннее противоречие является «источником» развития, столь же значителен, как и перечень фактов в пользу внешнего. Экстенсивный путь здесь малопродуктивен.

Представляется, например, верным такое понимание перехода к новому виду в органической природе. Исходный вид (I) приспособлен к среде. Изменение среды ведет к появлению несоответствия вида и среды, т. е. такого внешнего противоречия, которое вынуждает живую систему изменять свое основное качество; в ней появляется тенденция к изменчивости, которая во взаимодействии с тенденцией к устойчивости (наследственность) определяет дальнейшее движение, в результате чего образуются неоднозначные следствия: одни системы оказываются приспособленными к внешней среде, другие — неприспособленными; действие естественного отбора ликвидирует последние, оставляя жизнеспособную форму (вид II). Такое понимание на первый взгляд кажется достаточно полным, во всяком случае убедительным. Однако в нем не

учитывается самодвижение системы, и это ведет к механицизму.

В эволюционной теории, в генетике (да и в философии) уже давно осмысливаются факты, говорящие о наличии внутренних противоречий. Индивидуальные формы подвержены мутациям, одни из них — под явным воздействием внешних для них факторов, другие — под влиянием изменений в клеточной, физико-химической среде, непосредственно действующей на хромосомы и вызывающей «точечные» и другие мутации. Для вида, а тем более популяции такие мутации будут результатом внутренних противоречий. Сами импульсы к развитию заключены внутри системы, да и направления возможных изменений качества, границы возможной изменчивости преимущественно определяются природой исходной популяции.

С учетом всего этого роль внешних противоречий, т. е. противоречий живых форм со средой, тоже важна: они могут вызывать изменчивость, выполняя роль «искры» или толчка; внешние факторы могут существенным образом определять направление изменчивости (отсюда установка медицинской генетики на поиски химических веществ, способных направленно воздействовать на наследственные болезни); внешняя среда выступает также важнейшим моментом естественного отбора, определяющего филогенетическое развитие живой природы.

Итак, мы видим, что развитие определяется и внутренними и внешними противоречиями. Удельный вес каждого из них в детерминации конкретных изменений устанавливается в каждом случае конкретно¹. Но в общей форме обнаруживается неразрывность внешних и внутренних противоречий.

Поскольку вся материя системна и одни системы взаимодействуют с другими, а меньшая система включается в большую по своим масштабам, постольку бытие конкретных материальных и духовных систем определено и внутренними и внешними детерминантами. Ни одно существование с его развитием не базируется только на внешнем или только на внутреннем, но на взаимосвязи внешнего и внутреннего. В этом единстве внутреннее не равнозначно

¹ В последние два десятилетия представления о диалектике внутреннего и внешнего применительно к разным структурным уровням живой природы интенсивно разрабатывались многими советскими философами (И. Т. Фроловым, А. С. Мамзиным, Г. В. Платоновым, Р. С. Карпинской, А. Я. Ильиным, И. Н. Смирновым, В. Г. Борзенковым, Г. А. Югаем, В. И. Стрельченко и др.).

внешнему: развитие сложноорганизованной системы есть прежде всего самодвижение — основные его импульсы заключены во внутренних противоположных тенденциях, их взаимодействии.

Преувеличение внешних противоречий в развитии, их противопоставление внутренним, недооценка внутренних есть метафизическая односторонность (эктогенез), равно метафизична и точка зрения, считающая единственным источником развития внутренние противоречия (автогенез). Источником развития являются внутренние и внешние противоречия системы при ведущей роли в формировании качественной основы системы внутренних противоречий.

§ 4. Противоречия социального развития

В подтипе специфически-диалектических предметных противоречий выделяются виды противоречий по формам движения материи и по структурным уровням ее организации. Возможны другие основания деления. Остановимся на противоречиях социального развития¹.

В обществе, как и в других сферах материальной действительности, действуют разные противоречия (в области экономики, науки, культуры и т. п.). Существуют противоречия отдельных этапов, стадий развития общественно-экономических формаций и этих формаций в целом, имеются также противоречия, так сказать, глобального порядка, функционирующие во всех общественно-экономических формациях (основным из них является противоречие между производительными силами и производственными отношениями); последние принято называть общесоциологическими противоречиями. Они специфицируются в каждой формации. Так, при капитализме это противоречие выступает как противоречие между общественным характером процесса производства и частнокапиталистическим спосо-

¹ О разнообразии противоречий природных процессов и систем дают представление, например, следующие работы: *Омельяновский М. Э.* Диалектика в современной физике. М., 1973; *Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971; *Готт В. С., Тюттин В. С., Чудинов Э. М.* Философские проблемы современного естествознания. М., 1974; *Материалистическая диалектика. Т. 3.* Диалектика природы и естествознания. М., 1983; *Материалистическая диалектика как общая теория развития. Т. 3.* Проблема развития в современных науках. М., 1983; *Марксистско-ленинская диалектика. Кн. 5.* Диалектика живой природы. М. 1984; *Философские проблемы естествознания. М., 1985; Царегородцев Г. И., Ерохин В. Г.* Диалектический материализм и теоретические основы медицины. М., 1986.

бом присвоения его результатов. Это противоречие является основным для капитализма. Оно обуславливает возникновение и обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией, между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией производства в масштабах государства, между излишком средств производства и продуктов, с одной стороны, и излишком рабочих, лишенных работы — с другой, и т. п.¹ Эти производные противоречия вместе с основным образуют систему сущностных противоречий капитализма.

Основное противоречие социализма — это противоречие между растущими производительными силами общества (а значит, и возрастающим вместе с ними общественным характером процесса производства) и существующей в обществе реальной системой социалистических производственных отношений². Это противоречие находится в неразрывной связи с другими сущностными противоречиями социализма. Среди них важное место занимает противоречие между достигнутым и обеспеченным равным отношением трудящихся к средствам производства, к социалистической собственности и сохраняющимся в силу недостаточного уровня развития производительных сил «неравным» способом, принципом распределения по труду, а не по потребностям; это противоречие затрагивает интересы огромной массы людей и обладает большой движущей силой, служит стимулом разрешения основного противоречия социалистического общества³.

При социализме имеют место также противоречия преходящего, этапного характера, выдвигающиеся на передний план в тех или иных конкретных условиях развития социализма. Например, в нашей стране на современном этапе актуальное значение приобретают: противоречие между существующим преимущественно экстенсивным путем развития экономики и объективно требуемым преимущественно интенсивным путем экономического развития, противоречие между существующими темпами внедрения достижений науки в производство и необходимостью еще

¹ Многосторонний анализ различных групп противоречий современного капитализма см.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 13—18, 130—133.

² См.: Бутенко А. П. Еще раз о противоречиях социализма // Вопросы философии. 1984. № 2. С. 125.

³ См.: Семенов В. С. К теоретическому углублению и конкретизации анализа проблемы противоречий в условиях развитого социализма // Вопросы философии. 1984. № 2. С. 135.

более оперативного внедрения научных идей в технические и технологические конструкции, противоречие между объективными требованиями целостно-сбалансированного общественного развития и сохраняющимися еще тенденциями и явлениями несбалансированного, диспропорционального развития и др. Глубокий анализ этих и других противоречий современного этапа развития социализма и путей их разрешения дан в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Большое значение для уяснения характера социального развития имеет подразделение противоречий на антагонистические и неантагонистические. Для капитализма характерны антагонистические противоречия, и наиболее яркой иллюстрацией этого положения служит непрерывающаяся классовая борьба пролетариата и буржуазии. Помимо этого основного классового антагонизма здесь имеются и производные антагонистические противоречия, например между самими капиталистами, монополиями, государствами, порожденные стремлением конкурирующих сторон к получению наибольшей доли прибыли. Существуют в этом обществе и неантагонистические противоречия (между пролетариатом и трудовым крестьянством) и возможность совпадения частных интересов пролетариата и буржуазии. Последнее обстоятельство, кстати, питает иллюзии о снятии основного антагонизма этого строя путем реформ, без ликвидации его политической надстройки и самой частной собственности.

В переходный период от капитализма к социализму в пределах одной страны в единый комплекс связаны антагонистические и неантагонистические противоречия с общей тенденцией роста удельного веса неантагонистических противоречий. В. И. Ленин писал: «Антагонизм и противоречия совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»¹.

Под «антагонистическими противоречиями» понимаются противоречия между социальными силами (социальными группами, классами), интересы которых в корне противоположны и обусловлены различным отношением к частной собственности на средства производства. Неантагонистические противоречия — противоречия между индивидами, социальными группами (включая классы) и странами,

¹ Ленинский сборник. XL. С. 391.

предполагающие общность их коренных социальных интересов¹.

Для социализма характерны неантагонистические противоречия. Но развитие социализма в отдельных странах не застраховано от дисгармоний и даже коллизий. Пример тому — кризисные явления в Польше конца 70-х — начала 80-х годов. Как отмечалось в материалах IX Чрезвычайного съезда ПОРП, в результате некомпетентного руководства страной, в условиях деформаций социализма возникали и обострялись все новые и новые противоречия. Это были противоречия: между моральными основами социализма и их частым нарушением на практике на разных уровнях власти и во многих общественных сферах; между упорно провозглашаемым тезисом о ведущей роли рабочего класса и фактическим ослаблением его влияния в общественной и хозяйственной жизни; между официально провозглашаемой идеологией общественной справедливости и стремительно возрастающей разницей в заработках и доходах при привилегированном положении руководящих кадров народного хозяйства; между словом и делом, между показом действительности в средствах массовой информации и подлинным ее состоянием и общественным восприятием, что подрывало значимость основных ценностей и снижало авторитет партии в глазах общественности. Все эти противоречия привели к серьезным коллизиям в общественно-политической жизни Польши, которые попытались использовать антисоциалистические силы.

В свете фактов, свидетельствующих о наличии при социализме (или, точнее, о возможности возникновения) противоречий, не являющихся, по существу, антагонистическими, но в то же время и не вытекающих из природы социализма, встает вопрос о том, чтобы точнее дифференцировать неантагонистические противоречия². В этой связи, как мы полагаем, можно подразделить противоречия при социализме на такие два подвида: 1) собственно социалистические, конструктивные и 2) деструктивные.

Выделение деструктивных противоречий наталкивается на точку зрения, согласно которой никакие противоречия при социализме не могут быть тормозом развития. Но если подходить к вопросу по существу, то надо признать,

¹ См.: Оруджев З. М. Антагонистические и неантагонистические противоречия//Диалектический материализм. С. 288.

² См., например: Штракс Г. М. Социальное противоречие. М., 1977; Харин Ю. А. Марксистская социальная диалектика.

что отмеченные выше противоречия, имевшие место в Польше, отнюдь не способствовали прогрессивному развитию социализма в этой стране, а по своим следствиям были разрушительны. Деструктивные противоречия могут обретать черты антагонистических противоречий. Эти противоречия для своего преодоления нуждаются в их разрушении. Все это и укладывается в понятие «деструкция». Таким образом, возможны противоречия, не способствующие развитию социализма. С другой стороны, в обыденном сознании социалистического общества слово «противоречие» еще не связывается органично с социализмом; не изжито представление, будто наличие противоречия у предмета пагубно для него. Но еще Гегель писал: «Если в той или иной вещи можно обнаружить противоречие, то это само по себе еще не есть, так сказать, изъян, недостаток или погрешность этой вещи»¹. Соотнося всякое «противоречие» с «разладом», «дисгармонией», «конфликтом», обыденное мышление предпочитает поэтому слова «проблема», «трудность» и тому подобное понятию «противоречие». Закрепляет такое отношение к противоречиям, помимо прочего, и то, что анализ капитализма часто разворачивается лишь в ракурсе таких его противоречий, которые непосредственно характеризуют социальную дисгармонию, конфликтность и регресс. Но в отдельных сторонах этого общества (науке, культуре, технике и т. п.) имеются противоречия, хотя и подчиненные принципам его организации, но находящиеся в некоторых аспектах на линии общественного прогресса. «Верно, что и нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, не исключает возможностей роста его экономики, освоения новых научно-технических направлений... Но капитализм, не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, сталкивается ныне с небывалым переплетением, взаимодействием всех групп его противоречий. С таким количеством социальных и прочих тупиков, какого он не знал за все века своего развития»². Здесь указание на тупиковые, или регрессивные, противоречия, являющиеся основными и ведущими при капитализме, сочетается с констатацией противоречивости самого характера этого развития.

XXVII съезд партии уделил много внимания противो-

¹ Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 68.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 13.

речиям современного этапа развития нашей страны, разработке мер по разрешению этих противоречий. Термин «противоречия социализма» все чаще связывается теперь и в повседневном сознании не только с деструктивными, но и с конструктивными противоречиями. В Программе КПСС подчеркивается: «Научный анализ объективных противоречий социалистического общества, выработка обоснованных рекомендаций по их разрешению, надежных экономических и социальных прогнозов — неотложная задача общественных наук на современном этапе развития»¹.

Это положение Программы КПСС для философов важно, помимо прочего, еще в одном плане: в плане развертывания исследований противоречий общественной практики. У нас, как мы убеждаемся, сравнительно широко исследуются общедialeктические противоречия, противоречия неорганической и органической природы и в известной мере противоречия социальной формы движения материи. Но последнее дается порой в форме, отделяющей субъект от объекта, недостаточно акцентирующей внимание на социальном действии. Между тем противоречия социальной действительности — это не только «онтологические» предметные противоречия, но во многих случаях также и противоречия социальной, общественной практики.

Научное познание противоречий социальной действительности и социальной практики необходимо как для управления уже имеющимися противоречиями в интересах прогресса цивилизации, так и для формирования принципиально новых противоречий². Этот способ использования на практике закона единства и борьбы противоположностей эффективно применял В. И. Ленин. Тому пример — соединение, казалось бы, несоединимых противоположностей: философов-марксистов и буржуазных специалистов по науке и технике в едином «союзе философии и естествознания». Касаясь такого применения учения о противоречиях, В. И. Ленин отмечал: «...в нашей революции... мы практически неоднократно соединяли противоположности»³.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 168.

² См., например: *Фролов И. Т.* Перспективы человека (опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения). М., 1979.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 211.

§ 5. Диалектические противоречия познания¹

Познавательные-диалектические противоречия, как и предметные («онтологические») противоречия, выступают источником развития, в данном случае — источником развития знания. Они могут быть двух видов: 1) философско-гносеологические и 2) логико-методологические. Первые связаны с соотношением субъекта и объекта, вторые — с соотношением сторон познавательной деятельности². К первому виду относятся: 1) противоречия между относительной адекватностью приобретенных знаний и содержанием самой действительности, а также беспредельными возможностями их совершенствования; 2) противоречия между имеющимися знаниями и потребностями общества в практической реализации таких задач, для которых этих знаний недостаточно; 3) противоречия между результатами теоретического познания с его абстракциями, идеализациями, упрощениями и результатами непосредственного опыта, противоречия, обнаруживающиеся при отображении движения, в ходе которого приходится прибегать к его «остановкам», «омертвлениям» и огрублениям, и другие субъектно-объектные противоречия.

Вычленение логико-методологических противоречий основано на общем методологическом принципе раздвоения единого и познания противоречивых частей его. Этот принцип ориентирует на осуществление взаимосвязи разных сторон познания в целях отражения противоположностей предметного противоречия сначала в их раздельности, а затем в синтезе.

Нацеленность на мысленное воспроизведение предметного противоречия обуславливает одну из важных черт

¹ В этом разделе лишь в самой общей форме освещаются некоторые моменты, касающиеся действия закона единства и борьбы противоположностей в процессе познания. На примере проблемы противоречий показывается методологическое значение проблем «онтологии». Специально вопрос о логико-методологическом аспекте категорий диалектического материализма рассматривается в диалектической логике.

² См.: Горский Д. П. Принцип диалектической противоречивости познания // Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978. С. 35—39.

Следует заметить, что приводимое разграничение, будучи ценным, требует учета момента взаимопроникновения противоречий этих двух видов. При решении конкретных вопросов возникают немалые трудности с однозначным определением характера тех или иных противоречий познания.

диалектического познания: в его результате, в итоговой познавательной структуре должно быть отражено предметное противоречие.

Если, к примеру, познается такой феномен, как питекантроп, то мышлением должны быть уловлены и его тенденция к устойчивости, и тенденция к изменчивости (в направлении к *homo sapiens*). Его внутренняя противоречивость может быть зафиксирована в двух суждениях: «Питекантроп не человек (животное)» и «Питекантроп человек». Переходность, таким образом, схватывается в двух утверждениях, взятых в разных отношениях (первое — по отношению к человеку, второе — по отношению к животному). Аналогичным образом обстоит дело и с переходным периодом от капитализма к социализму, если брать его разноукладную социально-экономическую структуру. Диалектическое мышление должно уловить момент переходности, противоречивости развития, что и констатируется в противоположных суждениях.

Логико-методологические противоречия охватывают не только явно развивающиеся материальные системы, но и (и поэтому они «шире» предметных противоречий развития) структурную противоположность относительно статичных материальных систем (как это имеет место при познании двойственной природы электрона). Здесь отражается не источник развития, а взаимоисключающие свойства, находящиеся в единстве и выражающие сущность явления.

При диалектическом познании не только его результат, но и его первичный, исходный этап оказываются противоречивыми; они связаны с выявлением антиномии-проблемы.

Антиномией принято называть появление в ходе рассуждения двух противоречащих, но одинаково обоснованных суждений. Примерами могут служить: «Целое больше суммы своих частей — целое равно сумме частей»; «Вирусы есть живые существа — вирусы не есть живые существа». Движущей силой развития знания эти пары утверждений являются не сами по себе; в этом случае они оказываются взаимоисключающими, из двух утверждений одно подлежит немедленному отбрасыванию. Если же они становятся моментами процесса познания систем, в них обозначенных, то они могут выступать как форма фиксации проблемы, которую требуется решить. В таком случае они являются антиномией-проблемой, разрешаемой, в отличие от формально-логического противоречия,

не немедленно, а лишь посредством дополнительного, подчас весьма длительного изучения вопроса.

И. С. Нарский, со всей определенностью поставивший вопрос о познавательном значении антиномий-проблем и в связи с этим о диалектике познания, детально рассматривает их эвристическую функцию на ряде конкретных примеров. Как отмечает он, в положении К. Маркса о генезисе капитала («...возникает... не возникает...») констатируется не совокупность одновременно истинных утверждения и его отрицания, но проблема, которая подлежит исследованию.

Разрешение проблемы, обращает внимание И. С. Нарский¹, происходит не посредством формалистических манипуляций над входящими в нее предикатами, но благодаря исследованию фактических состояний и процессов, что позволяет затем уточнить предикаты и приводит к замене формулировки проблемы формулировкой ответа на нее. Схема «... возникает... не возникает...», выражающая противоречие в одном и том же смысле, в одном и том же отношении тем самым снимается. К. Маркс формулирует следующий результат, к которому приводит исследование: «Весь этот процесс, превращение его (капиталиста — Авт.) денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения — потому что он обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства»². Итак, заключительное утверждение — «Капитал возникает в производстве при посредстве обращения».

Процесс познания, углубление мышления в сущность предмета ведет к снятию антиномии-проблемы, формально-логического противоречия и к формулировке нового положения, исключающего антиномичность³. Диалектическое

¹ См.: Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969. С. 44; *его же*. Противоречия как движущая сила развития научного познания // *Философские науки*. 1981. № 1. С. 65—70.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 206.

³ В этом плане заслуживает внимания выделение двух видов содержательной антиномии — эмпирической и теоретической и трактовка движения мысли от первой ко второй как способа воспроизведения источника самодвижения (см.: Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск. 1982. С. 105—118).

мышление не примиряется с формально-логическим противоречием, а, наоборот, стремится его ликвидировать, ориентируя познание на углубление в сущность вещей, на раскрытие внутренней ее противоречивости. Диалектико-логический принцип противоречивости (раздвоения единого и познания противоречивых частей его) полностью согласуется с законом исключения противоречий в формальной логике.

Но не только способ постановки проблемы для диалектического мышления может быть противоречивым, антиномичным, и оно этот способ принимает; противоречивыми оказываются также исторические пути исследования предметного противоречия¹, что обуславливает борьбу мнений, столкновение подходов, точек зрения. Способы решения проблем, в том числе проблем-антиномий, тоже противоречивы: в познании применяются противоположные приемы (методы), анализ и синтез, индукция и дедукция, и познающее диалектическое мышление преодолевает их односторонность, берет их во взаимосвязи, в единстве.

Итак, логико-методологическое противоречие, во-первых, направляет познание на то, чтобы в его результатах была воспроизведена противоречивость предмета исследования; во-вторых, нацеливает на противоречивость способа фиксации проблемы и способов ее решения.

В современной науке постоянное столкновение познающего мышления с противоположными сущностными свойствами, противоположными тенденциями развития и спо-

¹ Познание природы света, например, исторически шло от явления к сущности; уже в сфере явления обнаружили две стороны этого объекта (корпускулярная и волновая). Ученые, исследовавшие первую сторону, полагали, что она и есть единственная, правильно выражающая сущность. Аналогичное положение сложилось у тех, кто изучал вторую сторону. И у тех, и у других — факты, подтверждавшие их гипотезы, правильность их направления и «несостоятельность» противоположного. Но последующее движение познания противоположных сторон привело к обнаружению большого числа фактов, свидетельствующих о правильности противоположного направления. Те, кто двигался в одном направлении, постепенно оказался идущим в другом, и наоборот. Это — движение познания «по дуге». При таком движении в конце концов осуществился синтез направлений (синтез, а не просто объединение, так как и то и другое оказывается уже обогащенным знанием взаимосвязей между двумя сторонами объекта). Таким образом, противоположные направления приходят к «примирению», становятся едиными. В ходе исторического познания сущности объекта между этими направлениями (корпускулярной и волновой концепциями) шла острая дискуссия (см.: Противоречия в развитии естествознания. М., 1965. С. 99—114).

собом познания становится все более привычным; зарубежные естествоиспытатели нередко стихийно проникаются установками диалектики. Американский ученый А. Ротенберг, проводивший специальное исследование общеметодологических принципов среди значительной группы естествоиспытателей, утверждает, что в наши дни все большее распространение получает янусианское мышление (название «янусианское» — от Януса, бога, имевшего несколько лиц). «Янусианское мышление, — пишет он, — это одновременно восприятие прямо противоположных, казалось бы, исключающих друг друга идей, образов или представлений»¹. К числу наиболее ярких фактов А. Ротенберг относит открытие структуры ДНК в генетике. Это открытие, отмечает он, стало возможным благодаря тому, что Крик и Уотсон сумели воспринять «двойную спираль ДНК как пространственную структуру с одинаковой последовательностью химических соединений, но противоположно направленных... Уотсон воспринял две цепочки как одинаковые и в то же время прямо противоположные»². Подобная ситуация наблюдается в физике, математике, химии, в других науках. Н. Бор говорил об А. Эйнштейне: «В каждом новом шаге физики, который, казалось бы, однозначно следовал из предыдущего, он (Эйнштейн) отыскивал противоречия, и противоречия эти становились импульсом, толкавшим физику вперед. На каждом новом этапе Эйнштейн бросал вызов науке, и не будь этих вызовов, развитие квантовой физики надолго бы затнулось»³.

«Янусианская» установка в частных науках является относительно новой. Она рождена нашим столетием. Но она не нова в философии, где еще с античности пытались осмыслить противоречивую природу окружающего мира и способы ее отражения в познании. Гегелю принадлежит внешне парадоксальное положение: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения»⁴. Это положение не следует понимать буквально. Речь идет о нахождении противоречий, отражение которых разворачивается в понятии, теории, приводя-

¹ Rotenberg A. The emerging goddess: The creative process in art, science and other fields. Z., 1979. P. 55.

² Ibid. P. 110.

³ Цит. по: Бернштейн М. А. Эйнштейн о научном творчестве // Эйнштейновский сборник. М., 1968. С. 202.

⁴ Гегель. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 265.

щих к открытиям и тем самым получающих свое подтверждение на практике.

В марксистской философии ориентация на раскрытие единства противоположностей еще в прошлом столетии была научно обоснована и выражена во всеобщем диалектико-логическом принципе познания.

§ 6. Закон единства и борьбы противоположностей как центральный закон диалектики, его связь с законом перехода количества в качество и законом отрицания отрицания

Рассмотренные выше законы диалектики с трех различных сторон характеризуют развитие: закон единства и борьбы противоположностей — источник, импульс развития; закон перехода количества в качество — механизм возникновения новых качеств; закон отрицания отрицания — форму прогрессивно направленных изменений. Первый закон дает ответ на вопрос: *почему* совершается развитие?, второй — на вопрос: *как* происходит развитие?, третий — на вопрос: *какова* форма поступательного развития? В итоге взаимодействия всех трех отмеченных законов диалектики¹ возникает единая система диалектических связей и переходов, в которой каждый элемент выполняет свою особую функцию, охватывая совокупным действием всю действительность. Закон единства и борьбы противоположностей обнаруживает свое определяющее воздействие в каждом пункте развития, его проявления имеют место в любом масштабе и на любой стадии существования и развития предмета. Закон перехода количества в качество наиболее явно обнаруживает свое действие при переходе к каждому новому этапу развития, т. е. не на каждой отдельно взятой стадии существования предмета, а по меньшей мере в соотношении двух стадий. Действие закона отрицания отрицания проявляется лишь в процессе взаимодействия по крайней мере трех этапов развития.

Обладая специфичностью и несводимостью друг к другу, эти законы в то же время взаимосвязаны и проникают друг в друга, вплоть до полного слияния («развитие путем противоречия, или отрицание отрицания»²).

¹ См.: Нарский И. С. Теория диалектики и ее законы в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1978. № 5. С. 32.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 343.

Их единство многогранно, многоуровнево. Основа этого — взаимодополнение в развитии. Одним из общих звеньев законов диалектики является скачок, т. е. момент, или стадия качественного преобразования развивающейся системы (подсистемы): будучи фокусом закона перехода количества в качество, скачок выступает для закона отрицания отрицания отрицанием-снятием, для закона единства и борьбы противоположностей — разрешением противоречия (скачки происходят не только на этапе конфликта, или в состоянии дисгармонии, но и в процессе гармоничного развития системы), в особенности когда противоречия достигают полной меры.

В комплексе законов развития центральным является закон единства и борьбы противоположностей, причем не столько потому, что он действует в каждом пункте развития, сколько потому, что его воздействие на процесс развития и на другие законы развития является определяющим. Именно его функционирование ведет к переходу количества в качество, а не наоборот (правда, в другой системе отсчета, в рамках отдельных противоположностей разворачиваются количественные изменения несколько иного уровня и характера). Именно внутренние, эссенциалистские, сущностные противоречия определяют общий закон, общую тенденцию развития предмета. «В собственном смысле, — указывал В. И. Ленин, — диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов...*»¹ «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»² Будучи ядром диалектики, закон единства и борьбы противоположностей выступает интегрирующим основанием в системе всех законов диалектики.

§ 7. Основные и неосновные законы диалектики.

Развитие и законы детерминации

Диалектика как наука изучает множество законов развития. Они не сводятся к только что разобранным трем законам. Но в комплексе законов развития эти три закона являются основными, другую же группу составляют неосновные законы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

² Там же. С. 203.

Такое подразделение несколько условно. Сколько-нибудь полное представление о развитии выходит за пределы очерченных законов, составляющих главную часть принципа развития, и захватывает область общетеоретического принципа детерминизма (закон причинности, закон взаимосвязи необходимости и случайности и т. п.) и область, включаемую в общетеоретический принцип материального единства мира (например, закон взаимосвязи формы и содержания материальных систем). Иначе говоря, при заострении внимания не на материальности изменяющегося мира, а на его развитии все содержание диалектического материализма преломляется через призму развития, соотносится с развитием, и под этим углом зрения выявляются многие другие законы развития, требующие своего «подключения» к трем основным.

Нисколько не умаляя значимости неосновных законов, все же приходится признать, что закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество и закон отрицания отрицания являются *основными* законами диалектики. Почему же их следует оценить в качестве основных?

Во-первых, они определяют главное и существенное в развитии как в целом; в своей совокупности они необходимы и достаточны, чтобы отразить в понятиях развитие материальных систем. Закон же взаимосвязи возможности и действительности, закон причинности и многие другие законы детерминизма становятся законами развития лишь в непосредственной связи с развитием, с процессом развития. Они выявляют новые аспекты развития, в своей специфичности и уникальности дополняют картину развития, углубляют, конкретизируют основные законы развития и в любом случае обогащают представление о развитии. Так, развитие предстает, помимо прочего, и в новом виде — как бесконечный процесс реализации одних возможностей и порождения других, как противоречивое взаимоотношение формы и содержания, как «переход» условий в причину, а причины в следствие и т. п. Вместе с тем без развития нет ни одного основного закона диалектики, но есть все другие. И это потому, что они действуют не только при развитии, но и при других видах движения. В рамках принципа детерминизма, охватывающего всю возможную взаимосвязь предметов мира, отмеченные законы являются основными. Они неосновные — только по отношению к трем главным законам развития.

Во-вторых, основные законы диалектики являются основными, потому что они необходимы и достаточны для разграничения метафизической и диалектической концепций развития. Неосновные же законы, взятые отдельно от основных, такой возможности не дают. Поэтому для более четкого прослеживания линий научно-философской методологии и методологии недиалектической все проблемы учения о диалектико-материалистическом детерминизме (а они будут объектом анализа в следующем разделе нашего пособия) необходимо связывать с диалектико-материалистическим общетеоретическим принципом развития.

ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА. КАТЕГОРИИ ДЕТЕРМИНИЗМА

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПА ДЕТЕРМИНИЗМА

Наряду с принципом материального единства мира и принципом развития третьим фундаментальным принципом, утверждаемым философией марксизма, является принцип детерминизма. Если принцип материального единства мира дает ответ на вопрос о том, является ли мир единым или множественным и что лежит в основе его единства, если принцип развития дает ответ на вопрос о том, остается ли мир всегда тождественным себе, неизменным, покоящимся, или он постоянно претерпевает изменения, развивается и как происходит развитие, то принцип детерминизма содержит ответ на вопрос, обусловлены ли явления мира в своем существовании и развитии, имеет ли эта обусловленность регулярный, упорядоченный или произвольный, неупорядоченный характер. Другими словами, это вопрос о том, вступает ли мир в своем существовании и развитии как упорядоченный Космос или неупорядоченный Хаос. Ответ на последний вопрос, как и ответы на первые два, всегда интересовал философов, начиная с античности; в зависимости от этого ответа философские учения распадалась на два направления: философский детерминизм и философский индетерминизм.

Марксизм с самого начала своего формирования стоял на позициях философского детерминизма, и программа преодоления ограниченности механистического понимания детерминизма была доведена в нем до логического конца. Посредством введения понятия естественно-исторической закономерности основоположники марксизма распространили детерминистские воззрения на понимание общественных явлений. Соединив принцип материального единства мира с принципом развития, марксизм органически связал с ними и принцип детерми-

низма, конкретизирующий представление об источнике самодвижения природных и социальных систем¹.

Последующее развитие научного познания подтвердило правильность марксистской концепции детерминизма, но вместе с тем поставило новые задачи в развитии детерминистских философских воззрений. Дальнейшее развитие детерминистского учения марксизма в последние десятилетия связано с именами таких философов, как Б. М. Кедров, И. Т. Фролов, Г. Герц, С. Т. Мелюхин, Г. А. Свечников, И. В. Кузнецов, Л. Б. Баженов, Ю. В. Сачков, Я. Ф. Аскин, В. П. Бранский, В. И. Купцов, Б. Я. Пахомов, В. Черник, В. Г. Иванов, М. А. Парнюк, Н. В. Пилипенко, В. Г. Борзенков, И. Цоуфал, В. Я. Перминов, Г. И. Царегородцев и др.

Общую характеристику принципа детерминизма в интерпретации философии марксизма имеет смысл начать с выяснения и уточнения самого смысла термина «детерминация».

Первоначально смысл этого термина был связан с буквальным его значением и имел антропоморфный характер. Термин «детерминация» происходит от латинского «determinare», означающего «определять», «отделять», «отграничивать», и в этом буквальном смысле он обозначает операцию определения предмета через выявление и фиксацию его признаков, отделяющих один предмет от другого. Ясно, что детерминация в этом смысле обязательно предполагает существование познающего субъекта. Позже детерминацию в философии стали понимать в объективном смысле, как формирование, становление объективных признаков предмета под действием объективных факторов. Но такое изменение употребления термина «детерминация» путем приписывания ему объективного статуса с необходимостью вело и к изменению его смыслового значения. Детерминация в объективном смысле уже означает не определение, ограничение или отделение, а обусловливание одних явлений, процессов и состояний другими явлениями, процессами и состояниями, в результате чего первые и приобретают определенные признаки, которые можно зафиксировать в определениях. Именно это объективное значение термина «детерминация», характеризующее существование в мире отношения объективного обусловливания, и имеет в виду философия марксизма, когда утверждает детерминированность всех объективных явлений.

¹ Отмечая взаимосвязь этих принципов, следует обратить внимание на то, что принцип развития по-новому «высвечивает» саму детерминацию. Как пишет Д. И. Широканов, принцип противоречия «играет решающую роль в раскрытии внутренних импульсов причинных и в целом детерминационных отношений, позволяет понять детерминацию и причинность в качестве самодетерминации... В противоречии сходятся... принципы единства и развития; понятие причины получает свое развитие и углубляется до понятия внутренней причины самодвижения» (Широканов Д. И.) Детерминизм в свете принципов системности и развития // Детерминизм: системы, развитие. Минск, 1985. С. 20).

Детерминизм — это учение о всеобщей взаимообусловленности объективных явлений. В основе такого представления о мире лежит универсальная взаимосвязь всех явлений, которая, с одной стороны, является проявлением материального единства мира и способом его реализации, а с другой — следствием и предпосылкой универсального характера развития.

Исходной категорией детерминизма, таким образом, оказываются понятия связи и взаимодействия. Как писал Ф. Энгельс, картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий — первое, что предстает перед нашим мысленным взором, когда мы приступаем к изучению объективного мира¹. Взаимодействие проявляет себя во взаимном изменении вещей. В нем вещи оказываются теми факторами, через действие которых и реализуется отношение детерминации. Существование всеобщей универсальной взаимосвязи всех явлений, в основании которой лежит взаимодействие, и является исходной предпосылкой марксистского принципа детерминизма. Детерминизм есть общее учение, признающее существование универсальной взаимосвязи и отрицающее существование каких-либо явлений и вещей вне этой универсальной взаимосвязи².

Однако содержание принципа детерминизма в философии марксизма не исчерпывается этим. Марксистский детерминизм предполагает также определенную концепцию природы и структуры отношений детерминации, находящую свое выражение в учении о причинности, необходимости (в ее соотношении со случайностью), закономерности, многообразии типов и видов отношений детерминации, существующих в мире, и в решении ряда других проблем.

В более развернутом виде принцип детерминизма может быть представлен в совокупности следующих тезисов:

1. Тезис о всеобщей обусловленности материальных систем и процессов, посредством которой каждая конкретная вещь приобретает и сохраняет свои характерные признаки и которая объясняет изменение явлений. Как справедливо замечает Я. Ф. Аскин, в рамках этого тезиса «детерминизм — это отношение, выражающее зависимость вещей (свойств вещей, отношений между ними, событий,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 20.

² См.: Кедров Б. М. Научная концепция детерминизма//Современный детерминизм, законы природы. М., 1973. С. 8.

процессов, состояний) в их существовании и изменении от любых факторов»¹. Принцип детерминизма утверждает всеобщий характер такого отношения.

2. В основе всего многообразия отношений детерминации (или обусловливания) лежит генетическая, причинная производительность. Каждое событие имеет свою причину, каждое событие порождается, производится другим событием, и этот процесс порождения сопровождается переносом вещества, движения и информации. Иными словами, марксистский принцип детерминизма в качестве своего обязательного компонента включает *принцип причинности*. Включение принципа причинности в принцип детерминизма позволяет утверждать субстанциальный характер отношения обусловливания или детерминации.

3. Тезис о многообразии типов причинной детерминации и существовании не причинных отношений детерминации. Это означает, что принцип детерминизма в философии марксизма не сводит все отношения детерминации к причинной детерминации и постулирует существование многообразия типов отношения детерминации, непосредственно не сводимых к причинности. В то же время марксистский детерминизм рассматривает причинную детерминацию как основание для существования всех других типов детерминации. В методологическом плане этот тезис нацеливает науку не только на познание отношений причинной детерминации, но и на познание иных типов объективного обусловливания.

4. Тезис о закономерности или регулярности отношений обусловливания: процесс обусловливания имеет регулярный упорядоченный характер. Он подчиняется законам, имманентным схемам бытия, внутренне присущим отношениям между явлениями. Согласно этому тезису, каждое явление, событие подчиняется закономерным отношениям в процессе своего существования и изменения.

5. Наконец, тезис об объективном характере всех отношений закономерного обусловливания (или детерминации), об объективном характере причинного обусловливания.

Требует разъяснения отношение между вторым тезисом, в котором постулируется принцип причинности, и третьим тезисом, в котором утверждается существование

¹ Аскин Я. Ф. К вопросу о категориях детерминизма // Современный детерминизм и наука. Новосибирск, 1975. Т. 1. С. 44—45.

в мире непричинных типов обусловливания или детерминации. На первый взгляд может показаться, что эти тезисы находятся в отношении противоречия. Во втором тезисе утверждается всеобщий характер причинности, а в третьем — существование в мире непричинных типов обусловливания. Если истолковывать содержание третьего тезиса как утверждение о существовании в мире наряду с причинно обусловленными явлениями явлений, не имеющих причин, то действительно мы сталкиваемся с логическим противоречием. Однако в действительности в третьем тезисе лишь утверждается, что, хотя каждое явление имеет причину, многообразие отношений между явлениями не исчерпывается отношениями причинения, существуют и другие виды отношений объективного обусловливания, знание которых в равной степени важно для успешной теоретической и практической деятельности человека. Поэтому принцип закономерности находит свое проявление как в отношениях причинной, так и в отношениях непричинной детерминации. В этом плане принцип закономерности оказывается шире по своему объему, чем принцип причинности.

Требует пояснения и соотношение принципа причинности и принципа детерминизма. Из приведенного выше определения принципа детерминизма следует, что принцип причинности рассматривается как необходимая составная часть принципа детерминизма и что последний утверждает о мире нечто большее, чем принцип причинности.

В нашей литературе имеет место тенденция к отождествлению принципа причинности и принципа детерминизма. Например, в «Философской энциклопедии» детерминизм определяется «как учение о всеобщей причинной материальной обусловленности природных, общественных и психических явлений»¹. При таком отождествлении причинности и детерминизма само использование термина «детерминизм» оказывается излишним. Более логично в таком случае для обозначения учения о регулярной обусловленности использовать термин каузализм. Кроме того, такое отождествление ведет к исключению самой возможности существования непричинных типов и видов обусловливания, а значит, и к исключению возможности существования непричинных законов, что противоречит реальной практике науки. В-третьих, это ведет к отождествлению

¹ Ярошевский М. Детерминизм//Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1. С. 464.

дествлению принципа причинности и принципа закономерности.

Отождествление причинности и детерминизма имеет исторические корни и содержит в себе зерно истины. Рациональным моментом в нем является мысль о неразрывности принципа детерминизма и принципа причинности. Отрицание принципа причинности с необходимостью ведет к отказу от материалистического детерминизма. Однако сведение детерминизма только к учению о причинности значительно обедняет концепцию марксистского детерминизма. В этом отношении мы присоединяемся к точке зрения, согласно которой «сегодня мы не можем всякую детерминацию связывать только с причинностью. Последняя составляет существенную часть содержания принципа детерминизма, но не исчерпывает его»¹.

Альтернативной детерминизму философской позицией является индетерминизм². Существуют различные формы индетерминизма, но все они связаны либо с отрицанием принципа причинности, либо с отрицанием объективного характера отношений детерминации. Последний вариант индетерминизма характерен для философии Д. Юма и И. Канта. Не отрицая значения категорий детерминизма в научном познании, они проводят субъективистскую линию в трактовке природы причинности, необходимости, закономерности: регулярность и обусловленность присущи только нашему восприятию мира, но не самому миру. Эта точка зрения была унаследована позитивизмом и остается весьма популярной в современной буржуазной философии.

В современной буржуазной философии также весьма распространена доктрина, сторонники которой отвергают принцип причинности, но принимают принцип закономерности. Иногда эту доктрину обозначают термином «номологический детерминизм» (от греч. *nomos* — закон). Но фактически эта доктрина является скрытой формой индетерминизма, поскольку, как уже говорилось, исключение принципа причинности всегда ведет к индетерминизму, так как отношения обуславливания тем самым лишаются субстанциальной материальной основы. Философия марксизма несовместима ни с какими формами индетерми-

¹ Аскин Я. Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977. С. 18.

² См.: Огородников В. П. Познание необходимости. Детерминизм как принцип научного мировоззрения. М., 1985 (раздел «Индетерминизм и метафизика против науки»).

низма или непоследовательного детерминизма. Однако изучающий проблемы детерминизма должен иметь в виду многозначность употребления термина «детерминизм» как в советской, так и в зарубежной литературе, а поскольку термины «детерминизм» и «индетерминизм» являются антонимами, эта многозначность оказывается характерной и для употребления термина «индетерминизм». Так, в философской литературе широко распространено употребление термина «детерминизм» для обозначения одной из исторических форм детерминизма — лапласовского детерминизма, в котором детерминированность явлений отождествляется с их однозначной предсказуемостью. Соответственно те философы, которые отрицают лапласовский детерминизм, должны именоваться «индетерминистами», хотя отрицание лапласовского детерминизма не связано однозначно с отрицанием принципа всеобщей обусловленности, причинности, закономерности и, следовательно, не обязательно ведет к доктрине философского индетерминизма.

В полном объеме сущность марксистской концепции детерминизма раскрывается с опорой на ряд философских категорий, к которым относятся прежде всего такие, как «причина» и «следствие», «закон» и «закономерность», «сущность» и «явление», «необходимость» и «случайность», «свобода», «возможность», «действительность» и др.

ГЛАВА 2. ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ. ПРИНЦИП ПРИЧИННОСТИ

Как уже отмечалось, основанием марксистского детерминизма является учение о причинной обусловленности всех явлений. Причинная связь или причинное отношение является отношением между двумя явлениями, событиями, одно из которых выступает в качестве причины, а другое в качестве следствия. В самом общем виде отношение причинения можно определить как такую генетическую связь между явлениями, при которой одно явление, называемое причиной, при наличии определенных условий с необходимостью порождает, вызывает к жизни другое явление, называемое следствием.

В качестве причины можно рассматривать взаимодействие двух тел, а в качестве следствия — те изменения, которые они претерпевают в результате взаимодействия. Из понимания причинности как воздействия одного тела

на другое возникает своего рода абстракция от процесса взаимодействия, когда мы отвлекаемся от изменений, претерпеваемых одним телом, и сосредоточиваем свое внимание на изменениях, претерпеваемых другим телом, и именно эти изменения считаем следствием. Как писал Ф. Энгельс, «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия...»¹

§ 1. Основные признаки причинной связи

Первым и основополагающим признаком причинного отношения является наличие между двумя явлениями отношения *производства или порождения*. Причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, вызывает его к жизни, генетически обуславливает его возникновение и существование. Это свидетельствует о том, что причинная связь является субстанциальной связью. В процессах причинения происходит перенос вещества, энергии и информации. Если мы исключаем возможность существования между двумя явлениями отношения порождения, то тем самым мы исключаем и наличие между ними отношения причинения. Субстанциальный характер причинной связи одним из первых подчеркивал Гегель, определяя причинность как «шествие субстанции».

Связь причинности и субстанциальности неоднократно подчеркивал и В. И. Ленин. Комментируя гегелевский анализ категории причинности, он выделял мысль о том, что «субстанция обладает... действительностью лишь как причина... Отношение субстанциальности переходит в отношение каузальности»².

Субстанциальный характер причинной связи получил свое убедительное обоснование в теории относительности. Из этой теории следует, что причинно связанными могут быть только такие события, которые в принципе могут быть связаны реальным физическим сигналом, процессом, распространяющимся с конечной скоростью. Если физическое воздействие одного события на другое исключено,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 142.

то исключается и возможность причинной связи между ними.

Отношение генетического порождения обуславливает существование и другого признака причинного отношения: причинное отношение характеризуется однонаправленностью и необратимостью, или *временной асимметрией*. Это означает, что формирование причины всегда предшествует возникновению следствия, но не наоборот. Процесс причинения всегда имеет определенную направленность во времени от того, что есть, к тому, что возникает, появляется. Процесс причинения необратим, и на этой необратимости процессов причинения некоторые авторы основывают и необратимость времени. Если мы рассматриваем отношение между двумя явлениями и обнаруживаем, что одно из них предшествует другому во времени, то это другое ни при каких условиях не может рассматриваться как следствие. В то же время сам факт регулярного предшествования одного события другому во времени не дает еще основания считать первое событие причиной, а второе — следствием. Последовательность во времени является необходимым, но недостаточным условием для существования причинного отношения. Только если два следующих одно за другим события, явления связаны отношением порождения, они находятся в причинной связи.

При рассмотрении диалектической взаимосвязи категорий причины и следствия свойство временной асимметрии порождает ряд проблем. Некоторые авторы настаивают на одновременном сосуществовании причины и следствия. В частности, такой точки зрения придерживается А. И. Уемов. Предполагается, что одновременное сосуществование причины и следствия позволяет говорить о их взаимодействии и взаимовлиянии.

Нам кажется, что при такой интерпретации причинно-следственного отношения не учитывается его динамический, процессуальный характер.

Рассмотрим, например, удар молнии в дерево. В результате этого удара дерево разрушается. Разрушение дерева — следствие, а его причиной является действие электрического разряда. В какой-то момент электрический разряд и разрушающееся дерево сосуществуют. Это можно зафиксировать с помощью ускоренной киносъемки. Однако означает ли это, что причина и следствие сосуществуют? Ведь следствием в этом случае является не дерево, а изменения в нем. В каждый момент этого процесса определенная порция энергии электрического разряда производит определенные, соответствующие изменения в структуре дерева. И эта порция энергии как бы «угасает» в нарушениях

структуры дерева. Разрушение дерева и происходит за счет преобразования энергии электрического разряда в механическую энергию. И не может быть ни малейшего нарушения в стволе дерева до «исчезновения» в нем соответствующей порции электрической энергии. Та часть молнии, которая может наблюдаться на фотоснимке вместе с разрушающимся деревом, просто еще не стала причиной его дальнейшего разрушения. А став таковой, она уже не существует.

Все те примеры, которые приводятся сторонниками концепции одновременного существования причины и следствия, основываются на некорректном истолковании причины и следствия в каждом конкретном случае. Следствие всегда выступает как определенного рода изменение, которое может произойти только за счет «использования» определенной доли энергии или вещества, поставляемой явлением, выступающим интегрально в роли причины.

Другая проблема возникает в связи со свойством асимметричности причинного отношения и состоит в истолковании тезиса о том, что причина и следствие могут меняться местами. Если этот тезис понимать буквально, то временная асимметрия и однонаправленность процесса причинения не должны иметь места в причинных связях. Однако возникает естественный вопрос: если причина «угасает» в производимом следствии, то как возможно обратное воздействие на него следствия и тем более не ясно, как они могут меняться местами? Утверждение о том, что причины и следствия постоянно меняются местами, не следует понимать в том смысле, что причина и следствие могут меняться местами во времени в ходе самого процесса причинения. Здесь имеется в виду, что все явления в мире нельзя абсолютным и однозначным образом рассортировать на причины и следствия. Каждое явление может выступать и в роли причины, и в роли следствия в зависимости от контекста рассмотрения. Ведь не случайно, высказав мысль о возможности для причины и следствия поменяться местами, Ф. Энгельс добавляет: «...то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием, и наоборот»¹.

Невозможность перемены мест причины и следствия в любом конкретном процессе причинения доказывает и теория относительности. И. В. Кузнецов, анализируя роль теории относительности в развитии наших представлений о причинности, писал: «Положение о предшество-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 22.

вании причины следствию с новой стороны подтвердила теория относительности. Рассматривая причинность как связь явлений, характерной чертой которой является материальное воздействие, она показала, что причинно связанные события находятся в отношении «абсолютно раньше — абсолютно позже», не нарушаемом ни в какой из физически допустимых систем отсчета»¹.

Третьим обязательным признаком причинного отношения является его *необходимость*. Если причина возникает в строго определенных фиксированных внешних и внутренних условиях, то она с необходимостью порождает определенное следствие, и это имеет место независимо от локализации этого причинного отношения в пространстве и времени. Иными словами, отношение причины и следствия всегда имеет закономерный характер, а само представление о необходимом характере связи между причиной и следствием включается в закон причинности².

Четвертым признаком причинно-следственного отношения является его *пространственная и временная непрерывность*, или смежность. Любое причинное отношение при внимательном его рассмотрении фактически выступает как определенная цепь причинно связанных событий. Если интегральная причина и следствие разделены пространственным промежутком, то эта причинная цепь разворачивается в пространстве. Если причина и следствие сосуществуют в одной точке пространства, то они разделены временным интервалом, и причинная цепь реализуется во времени. Фактически имеет место и то, и другое. Пространственная непрерывность или смежность означает, что когда два явления, выступающие по отношению друг другу как причина и следствие, разделены пространственным интервалом, то этот интервал должен быть заполнен непрерывной цепью необходимо связанных причинных событий. Разрывов в этой цепочке причинно связанных

¹ Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. М., 1975. С. 259.

² Необходимость связи следствия с породившей его причиной не следует смешивать с вопросом о самом характере следствия: оно может быть необходимым или случайным. Случайными те или иные явления считаются не потому, что они не вытекают с необходимостью из своих причин, а потому, что они порождаются случайными причинами. Сама связь следствия с порождающей ее причиной не может быть случайной. Сферой существования случайности является не взаимосвязь причины и следствия, а взаимосвязь элементов, составляющих причину, взаимодействия тел и элементов, их образующих (см.: Шенгулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 234—242).

событий не должно быть. Именно по этой цепи событий и происходит перенос вещества, энергии и информации от причины к следствию. Разрыв в цепи нарушал бы субстанциальный характер связи между причиной и следствием.

Временная непрерывность, или смежность, имеет место тогда, когда два события, выступающие по отношению друг к другу как причина и следствие, имеют место в одной точке пространства, но разделены конечным временным интервалом. Требование временной непрерывности означает, что между этими событиями существует множество других причинно связанных событий, смежных во времени. Поскольку причинная связь всегда реализуется и разворачивается во времени, постольку всегда имеет место и временная смежность.

Пятым важнейшим свойством причинного отношения является его *всеобщность*. Признание всеобщности причинно-следственных отношений означает, что в мире не существует явлений и событий, которые бы не имели причины своего возникновения и существования. Существование беспричинных событий противоречило бы и принципу материального единства мира, и принципу развития, и принципу универсальной взаимосвязи всех явлений. Существование беспричинного события означало бы фактически его независимость от всего остального материального мира; оно должно было бы рассматриваться как самостоятельная субстанция; тем самым нарушался бы субстанциальный аспект единства мира. Поскольку процесс причинения выступает необходимым звеном любого процесса развития, существование беспричинных событий вело бы к отрицанию всеобщего характера развития. С естественнонаучной точки зрения существование беспричинных событий входит в противоречие с законом сохранения материи и энергии, ибо оно демонстрировало бы возникновение чего-либо из ничего.

За признанием всеобщности причинности в силу его субстанциального характера стоит старая философская максима материализма: «Ничто не может возникнуть из ничего или превратиться в ничто».

Утверждение о всеобщем характере причинной обусловленности явлений обычно называется принципом причинности. Возможны различные его формулировки. Наиболее удачной, на наш взгляд, является следующая: «Всякое изменение в состоянии какого бы то ни было материального тела может быть вызвано только мате-

риальным воздействием, определенным материальным процессом»¹.

Хотя принцип причинности и не исчерпывает концепции детерминизма, он составляет его краеугольный камень. Без признания принципа причинности в материалистической его интерпретации последовательный философский детерминизм невозможен, даже если признается существование каких-либо других видов регулярной обусловленности.

Наконец, шестым важнейшим свойством причинного отношения является его *объективность*. Отрицание объективного характера причинности ведет к отрицанию объективного существования материи. Как писал В. И. Ленин, «субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм»².

Опыт истории философии показывает, что атака на материализм обязательно включала в себя и отказ от признания объективного характера причинности, и наоборот, стремление развенчать объективный познавательный статус категории причинности всегда завершалось идеалистическим решением основного вопроса философии³.

§ 2. Механизм процессов причинения

Отношение причинения имеет динамический характер. «Поступившие» от причины вещество, энергия и информация и порождают следствие.

В ходе этого переноса находят свою реализацию две основные закономерности, открытые наукой: закон сохранения массы и энергии и закон превращения одних форм энергии в другие. Количество вещества и энергии, необходимое для вызывания следствия, точно соответствует количеству вещества и энергии, «теряемому» причиной. Вместе с тем переносимые по цепи причинения⁴ материя и энергия претерпевают качественную трансформацию, что

¹ Пахомов Б. Я., Купцов В. И. Закономерность и причинность в современной физике//Философские проблемы естествознания. М., 1967. С. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 159.

³ С критикой субъективистской линии в понимании причинности можно познакомиться подробнее. См.: Критика современной буржуазной философии в курсе диалектического материализма. М., 1975 (гл. VI).

⁴ О цепях причинения, их разновидностях: см.: Бранский В. П., Ильин В. В., Шарыпин Л. П. Причинность и взаимодействие//Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1.

позволяет объяснять в процессах причинения возникновения нового, отличие произведенного следствия от производящей причины. Для количественного описания этой стороны процессов причинения в естествознании выработаны такие понятия, как «поток массы», «поток заряда», «поток излучения», «поток энергии», «поток импульса», или «поток количества движения», и т. д.¹

Вместе с переносом вещества и энергии по цепям причинения может происходить и перенос структуры, в результате чего структура причины, выделенность определенных элементов и способы их связи отображаются в появившемся следствии. Перенос структуры не следует понимать просто как трансляцию самих элементов; здесь скорее речь идет о формировании в следствии структуры, изоморфной структуре причины, хотя элементы этой структуры могут отличаться по природе. В этой связи вспоминается такое атрибутивное свойство материи, как отражение, под которым понимается способность одних тел в результате взаимодействия с другими телами воспроизводить в своей природе особенности последних. Воспроизведение в данном случае и является воспроизведением структурных особенностей.

Анализ механизма причинения играет фундаментальную роль и в обосновании познаваемости мира, в доказательстве адекватности познавательного образа объекту.

Связь переноса структуры с отражением указывает и на то, что по цепям причинения одновременно осуществляется и перенос информации, передача разнообразия, характеризующего каждую материальную систему. Эта сторона воздействия играет важную роль в понимании причинных отношений, существующих в сложных системах с органической целостностью, к которым прежде всего относятся биологические и социальные системы. В связи с этим иногда говорят о так называемой информацион-

¹ См.: Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. С. 251. Процессы причинения связаны и с другими атрибутивными свойствами материи, например с такими, как пространство и время.

² Детальный анализ этой взаимосвязи содержится в работах А. Д. Александрова по философским проблемам теории относительности. В частности, он показывает, что если мы принимаем характерное для теории относительности допущение об инвариантности причинно-следственной связи при преобразовании координат и времени, то причинность оказывается теснейшим образом связанной с тем пониманием свойств пространства и времени, которые зафиксированы в преобразованиях Лоренца, являвшихся одновременно преобразованиями координат и времени.

ной причинности. В сложных системах информация может не только передаваться по цепям причинения, но и храниться, преобразовываться и использоваться в целях управления. В живых системах такого рода использование информации начинается с возникновением нервной системы. Внешнее причинное воздействие на биологическую систему, хотя и связано обязательно с переносом вещества и энергии, может вызвать видимое изменение в поведении этой системы главным образом своей информационной компонентой, подобно тому как команда, отдаваемая солдату, поднимает его в атаку не энергией акустического сигнала, через который передается эта команда, а той информацией, которую этот сигнал содержит.

Информационная компонента причинности обладает известного рода автономностью по отношению к своей вещественно-энергетической основе. Одна и та же информация может передаваться по причинным цепям с различной субстратной основой. Это позволяет анализировать информационные связи, существующие в системах, абстрагируясь от их вещественно-энергетической основы, что и позволяет некоторым авторам говорить об информационной причинности как особой форме причинных связей. Но автономность информационных связей имеет относительный характер, и в конечном счете трансляции информации всегда идет по цепям причинения, в которых одновременно осуществляется перенос вещества и энергии. Обязательное наличие в цепях причинения информационной компоненты позволяет объяснить и универсальный характер кибернетических методов исследования. В основе этой универсальности лежит всеобщий характер причинности. В этой связи представляет интерес попытка советского математика А. А. Маркова определять кибернетику как общую теорию причинных сетей, изучающую их с точностью до изоморфизма.

Информационный аспект причинности имеет фундаментальное значение для изучения и объяснения социальных явлений и познавательных процессов. В той мере, в какой в обществе действуют люди, наделенные сознанием, которое в определенной степени складывается из совокупности информационных процессов, анализ информационных связей в социальных системах позволяет объяснить и целенаправленный характер человеческой деятельности, и формирование социальных групп, важнейшими из которых являются классы, и отношения, складывающиеся между этими группами. Но опять-таки

следует иметь в виду, что в той мере, в какой основой жизнедеятельности общества является материальная деятельность, основанная на причинном воздействии людей на природу, вещественно-энергетические факторы присутствуют и в социальной причинности.

§ 3. Причина и условия. Критика кондиционализма

Как отмечалось ранее, одним из признаков причинно-следственной связи является ее необходимость. Но при этом мы добавляли, что причина с необходимостью порождает следствие только при наличии определенных условий.

Например, попадание инфекции в организм является причиной его заболевания, но сам факт заболевания зависит также от внутреннего состояния организма, состояния иммунной системы, особой предрасположенности к тому или иному виду заболевания и массы других факторов. Известно, что один из оппонентов Л. Пастера, чтобы опровергнуть его теорию, выпил стакан жидкости, зараженной холерным вибрионом, и не заболел. Известно также, что не всякий человек, укушенный малярийным комаром, заболевает малярией. Это означает, что действие той или иной причины зависит от условий.

Представители «кондиционализма» (от лат. «conditio» — условия) абсолютизируют роль условий в возникновении явлений. Д. С. Милль, например, предлагал считать, что причиной является «полная сумма положительных и отрицательных условий явления, взятых вместе, вся совокупность всякого рода случайностей, наличие которых неизменно влечет за собой следствие»¹. Как последовательная доктрина, кондиционализм был развит немецким физиологом М. Ферворном. Правильно фиксируя внимание на важной роли условий в ходе порождения следствия, кондиционалисты фактически растворяли причину в условиях, лишая тем самым понятие причинности познавательного значения. М. Ферворн предлагал вообще исключить понятие причины из научного мышления, заменив его понятием «предшествующих условий».

Другой крайностью в решении вопроса о соотношении причины и условия является монокаузализм, концепция, фактически отрицающая роль условий в порождении причины следствием.

Диалектический материализм отвергает обе эти край-

¹ Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914. С. 299.

ности в решении вопроса о соотношении причины и условия и исходит из того, что действие причины всегда зависимо от условий, но сама действующая причина не должна сводиться к условиям.

Соотношения причины и условий могут трактоваться различным образом. Одни авторы вводят понятие полной причины, различая в ее составе непосредственные причины и причины опосредованные, которые и называются условиями. Другие выделяют детерминацию событий условиями в самостоятельный, существующий наряду с причинностью вид детерминации и говорят о связи причинной детерминации каждого события с его условной детерминацией. Принципиальной разницы между такими трактовками нет. Главный вопрос заключается в выявлении критериев различения причин и условий. Большинство авторов в советской литературе различают причину и условия по характеру действия факторов, их составляющих. Факторы, составляющие причину, при порождении следствия имеют активный характер действия. Изменение причины вызывает существенные изменения и в характере следствий.

Условия содействуют порождению следствия причиной, но сами по себе следствие не вызывают. Так, М. А. Парнюк определяет условия как «совокупность многообразных факторов, от наличия которых зависит возникновение, существование и исчезновение вещей, но которых они сами по себе не продуцируют»¹. Изменение условий может предотвратить порождение причиной соответствующего следствия, но оно не способно существенным образом изменить характер этого следствия. Интересную мысль по этому вопросу высказывает И. В. Кузнецов. «Условия — это совокупность тех независимых от причины явлений, которые превращают концентрирующуюся в причине возможность порождения следствия в актуально существующую действительность. Причина непосредственно и всецело обращена к следствию. В отличие от нее прямое воздействие условий направлено не на следствие, а на причину, так что они определяют способ действия причины. В природе условий нет того, что само по себе могло бы породить данное следствие или содержало бы возможность такого порождения»². Иными словами, это

¹ Парнюк М. А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме // Современный детерминизм и наука. Новосибирск. 1975. Т. 1. С. 13.

² Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. С. 262.

означает, что условия оказывают влияние на следствие не непосредственно, а опосредованно, через причину. Кроме того, причина определяет реальную возможность события, а условия способствуют или не способствуют превращению этой возможности в действительность. Граница, отделяющая причину от условий, весьма относительна. В определенном контексте рассмотрения причина может быть отнесена к совокупности необходимых условий, а условия могут быть включены в состав полной причины. Сама зависимость возникновения явления от условий носит объективный характер. Это означает, что детерминация условиями может рассматриваться как самостоятельный вид детерминации наряду с причинностью.¹

Причинная детерминация не действует изолированно. Каждое явление в процессе своего возникновения и изменения является точкой пересечения различных видов отношений детерминации. Поэтому причина не действует в чистом виде. Однако это не означает, что причина неотделима от условий и может быть растворена в их совокупности, на чем настаивают кондиционалисты².

Попытка отождествления причин и условий ведет не только к субъективистской линии в понимании причинности, но и делает необъяснимой практическую деятельность человека по преобразованию окружающего мира. Реализуя свою цель в практической деятельности, человек, опираясь на знание причин окружающих его явлений, старается достигнуть желаемых следствий. Например, при лечении болезни врач в первую очередь стремится выявить и устранить причину того или иного заболевания, а не просто ликвидировать условия, способствовавшие

¹ См., например: *Огородников В. П.* Познание необходимости. М., 1985 (гл. III, § 2 «Кондициональная детерминация и случайность»).

² Фактически позиция, занимаемая кондиционалистами, ведет к отказу от принципа причинности и соответственно к отрицанию у науки способности выполнять функцию объяснения. Д. С. Милль и М. Ферворн, прикрываясь тезисом о неразличимости причин и условий, проводили субъективистскую линию. Так, М. Ферворн, солидаризируясь с Э. Махом, сводил содержание чувственного опыта к ощущениям, вставая тем самым на позиции феноменализма. «Совокупность всех предшествующих условий» оказывалась на деле совокупностью ощущений. Об объективной причинности или даже объективной обусловленности у него не было и речи, и вполне в духе позитивизма он заявлял, что «понятие причинности — понятие мистическое, возникшее в эпоху примитивного человеческого мышления. Строго научное изложение не знает «причин», а только закономерные зависимости», под которыми он подразумевал лишь способ систематизации формального знания (*Ферворн М.* Вопрос о границах познания. М., 1909. С. 14).

ему. Собственно условия заболевания можно распознать, только предварительно выявив его причину. Аналогичным образом экспериментальная деятельность ученого часто бывает направлена на то, чтобы, варьируя условия, выявить производящую причину того или иного события. Таким образом, во всех случаях действует закон причинности: равные причины порождают всегда равные следствия.

§ 4. Причинность и другие виды объективного обусловливания

Марксистский детерминизм, как учение о материальной регулярной обусловленности явлений, не исключает существования непричинных видов обусловливания. В. И. Ленин писал, что «каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи...»¹. В самом общем виде непричинные отношения между явлениями можно определить как такие отношения, в которых наблюдается взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность между ними, но отсутствует непосредственное отношение генетической производительности и временной асимметрии.

Наиболее характерным примером непричинного обусловливания или детерминации является функциональная связь между отдельными свойствами или характеристиками предмета. Пример — закон Бойля — Мариотта. Он устанавливает необходимую связь между такими характеристиками газа, как температура, объем и давление. Но ни одна из этих характеристик газа не является причиной другой, они не порождают друг друга, а находятся в отношении взаимозависимости. Аналогичным образом нельзя считать выражающей причинное отношение формулу Эйнштейна $E = mc^2$. Эта формула устанавливает лишь количественную взаимосвязь между такими двумя важнейшими характеристиками материального объекта, как масса и энергия. В ней не предполагается, что масса порождает энергию или наоборот.

В функциональной связи между явлениями отсутствуют такие признаки причинного отношения, как производительность, временная асимметричность и необратимость. Стороны функционального отношения сосуществуют во времени, а не возникают одно после другого. Изучение и описание объективно существующих связей между явлениями представляют принципиальный интерес для науки, и целый

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 144.

класс научных законов описывает именно эти отношения.

Вторым видом непричинной обусловленности, зафиксированным наукой, является так называемая связь состояний. Как пишет Г. А. Свечников, «У каждого объекта природы (планеты, падающего камня, электромагнитного поля, термодинамической системы, электрона) существует в общем случае, по крайней мере, два типа отношений: взаимодействие данного объекта с другими телами и отношение разных состояний этого объекта. Очевидно это существенно разные отношения»¹. Отношение причинения, возникающее при взаимодействии двух объектов, имеет генетический, порождающий характер, а в связи состояний элемент производительности отсутствует.

Имеются также серьезные основания говорить о существовании так называемой вероятностной детерминации. В советской литературе существуют два подхода к интерпретации вероятностной детерминации. Одни авторы говорят о «вероятностной причинности», рассматривая вероятностную детерминацию как разновидность причинной детерминации, предполагается при этом, что однозначная причинность выступает в качестве предельного случая вероятностной причинности. Другие считают понятие «вероятностная причинность» внутренне противоречивым и предлагают квалифицировать вероятностную детерминацию как разновидность непричинной детерминации. Вероятностная детерминация проявляет свое действие только в классах событий, характеризующихся определенной внутренней структурой. Такая структура включает три типа отношений: единство иррегулярности и устойчивости; единство автономности и связности событий; единство беспорядка и порядка событий². Примером такого класса событий являются так называемые статистические коллективы, изучаемые в статистической термодинамике, социальной статистике, квантовой механике и т. д. Как отмечает А. С. Кравец, вероятностная связь характеризует не процесс порождения отдельного события, а отношение между различными исходами события. Так, бросание монеты ведет к выпадению двух возможных результатов, каждый из которых причинно обусловлен. При большом числе бросаний эти результаты

¹ Свечников Г. А. Понятие причинности в физике//Физическая наука и философия. М., 1973. С. 182.

² См.: Кравец А. С. Вероятность и причинность//Современный детерминизм и наука. Новосибирск, 1975. Т. 1. С. 182.

образуют определенную последовательность. Вероятностное отношение и характеризует отношение между различными исходами бросаний в этой последовательности. Но такое отношение не имеет производительного характера.

Существуют также попытки выделять в качестве самостоятельных форм детерминации структурную (взаимосвязь между внутренней структурой объекта и его свойствами), системную (взаимосвязь между частью и целым в сложноорганизованных системах) и др. Отношение между формой и содержанием, например, не может быть сведено к причинному отношению, поскольку хотя содержание и определяет форму, но не порождает ее; в процессе формирования и развития того или иного предмета, той или иной материальной системы форма и содержание всегда сосуществуют. Какой-либо целостной классификации типов и видов отношений детерминации или объективного обусловливания в нашей литературе пока не создано, но думается, что само стремление многих советских философов, исследующих проблемы детерминизма, к выявлению различных непричинных типов отношения детерминации вполне оправданно.

Настаивая на самостоятельном значении целого спектра типов непричинной детерминации, нельзя забывать о том, что причинная детерминация лежит в основании формирования всех типов непричинной детерминации. Прежде чем, например, возникает функциональная связь между сторонами, свойствами того или иного процесса или явления, оно должно быть предварительно порождено, причинно вызвано к жизни (например, день и ночь, времена года связаны между собой функционально, но в их основе — причины: вращение Земли вокруг своей оси или ее обращение вокруг Солнца). Аналогичным образом и вероятностные отношения, существующие объективно в статистическом коллективе событий, получают реальное основание только после того, как каждое из событий, образующих статистический коллектив, причинно вызвано к жизни или по крайней мере может быть причинно порождено в принципе. Это не означает, что мы можем исчерпать сущность явления только через познание его внутренних и внешних генетических причинных связей. Существенные связи и отношения предмета гораздо богаче. Но познание причинного компонента сущности обязательно с позиции марксистского детерминизма. Сторонники концепции структурно-функционального анализа в социологии абсолютизируют представление о функцио-

нальных связях, не считают нужным познание причинных связей, выделение ведущих материальных факторов развития общества. Будучи частичкой всемирной связи, причинность одновременно является и базовым элементом этой связи, причем ее субстанциальным элементом. Именно поэтому принцип причинности выступает как краеугольный камень всякого последовательного детерминизма. Любая попытка оставаться на позициях объективного детерминизма при отрицании универсального характера причинности несостоятельна и ведет к идеализму.

ГЛАВА 3. ПРИНЦИП ЗАКОНОМЕРНОСТИ. ПОНЯТИЕ ЗАКОНА

Принцип закономерности утверждает регулярный, упорядоченный характер отношений детерминации. Закономерный характер действительности означает подчиненность всех явлений в своем возникновении и существовании объективным законам. В другой формулировке принцип закономерности утверждает: отношения обусловливания подчиняются законам. Одни явления детерминируют другие в соответствии с законами.

Категория закона оказывается одной из ключевых категорий, в которой раскрывается понятие сущности. Как писал В. И. Ленин, «...закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира ест.»¹. Из этого следует, что раскрытие содержания понятия закона тесно связано с раскрытием диалектики сущности и явления.

Что понимает диалектический материализм под законами объективной действительности? Прежде всего закон определяется как связь (или отношение), что указывает на связь понятия закона с понятием детерминации. Но не всякая связь или отношение является законом: закон не просто связь, но *связь существенная*. В. И. Ленин определяет закон как «отношение сущностей или между сущностями»². Из определения закона как существенного отношения с необходимостью следует вывод о том, что все основные атрибуты сущности распространяются и на закон. Поскольку закон является существенной связью,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

² Там же. С. 138.

постольку она одновременно должна и быть *связью всеобщей*. Закон в этом отношении характеризовался Ф. Энгельсом как «форма всеобщности в природе»¹. Связь, являющаяся законом, присуща не отдельным предметам, явлениям, а всем предметам и явлениям определенного рода. Закономерное отношение выступает как отношение определенного целого, которое характеризует его как всеобщее.

Всеобщность закономерной связи указывает и на второй характерный признак закона — *повторяемость*. Тот факт, что закон есть связь всеобщая, присущая неограниченно большому классу явлений, указывает и на то, что она в этом классе явлений постоянно повторяется в пространственно-временном отношении. Например, закономерное отношение, которое существует между такими объективными свойствами газа, как давление, объем и температура, и которое в приближенной форме выражается в виде функциональной зависимости Бойля — Мариотта, будет всегда повторяться при наличии соответствующих условий, независимо от пространственного положения или времени.

Следующим характерным признаком закона, вытекающим из его определения как существенной связи, является его *необходимость*. Определение понятия необходимости тесно связано с категорией сущности: «Необходимо то, что вытекает из сущности». В свою очередь и сущность определяется как то, что с необходимостью обуславливает возникновение и существование определенного рода явлений. В предисловии к «Капиталу» К. Маркс говорит о законах как о «тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью»². Анализируя тенденцию нормы прибыли к понижению в третьем томе «Капитала», он определяет закон как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями...»³.

Следует иметь в виду и тесную связь понятия «закон природы» с понятием «условие». Необходимость действия любого закона природы всегда проявляется при наличии определенных условий. Так, для того чтобы с необходимостью реализовалась зависимость между напряжением, сопротивлением и силой тока в проводнике, выражаемая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 549.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 246.

в законе Ома, требуется, во-первых, наличие проводника с текущим по нему током (что само по себе тривиально), во-вторых, наличие определенной физической обстановки, в которой этот проводник находится, в частности наличие определенных давления и температуры. При t° , близкой к абсолютному нулю, и при сверхвысоких давлениях эта зависимость реализовываться не будет. Это вовсе не значит, что закон Ома имеет необязательный, не необходимый характер. Пример показывает, что действие с необходимостью любого закона природы всегда зависит от условий его реализации. Изменение соответствующих условий приводит или к смене законов, или к изменению формы их действия. Признание связи законов с условиями их реализации отличает марксистский детерминизм от всех разновидностей фатализма.

Знание закона может выступать основой целенаправленной практической деятельности людей. Именно во взаимозависимости условий и закона состоит возможность использования людьми действия объективных законов природы и общества в своих целях. Эта связь закона и условий его действия находит свое непосредственное отражение и в логической (или языковой) форме утверждений о законах природы: положения, в которых формулируются законы, имеют вид условных предложений.

Закон природы — это связь, которая характеризуется основными признаками существенного отношения: объективностью, всеобщностью, необходимостью, повторяемостью, устойчивостью.

Положение о том, что закон есть существенная, необходимая, общая, повторяющаяся, зависящая от условий связь, разделяется большинством советских философов.

Но в приведенном определении признак существенности закона не ставится в один ряд с признаками необходимости и всеобщности, что нередко встречается в литературе. Важность такого подразделения признаков закона основана на том, что признак существенности, в конечном счете, обуславливает и наличие всех других признаков закономерной связи, субординируют их. Соотносить понятия «необходимость», «всеобщность», «повторяемость» с понятием закона можно не непосредственно, а только через категорию сущности.

Но характеристика закона только через выявление его отношения к категории сущности недостаточна. Важным является вопрос о соотношении закона и явления. Как и сущность, закон нельзя мыслить как нечто существующее

наряду с явлениями и независимо от них. Диалектический материализм преодолевает такое представление, характерное для механицизма. Сами законы не имеют по отношению к явлениям никакой производительной силы. Они не существуют наряду с явлениями и не возвышаются над явлениями в виде мистической или физической силы. Субстанциональную основу своего действия законы имеют в отношениях объективной детерминации, существующей между явлениями. Одни явления детерминируют другие в соответствии с законами. Закономерный порядок обуславливания внутренне присущ объективному миру, материи. Именно так трактовал отношения закона и явления В. И. Ленин. Конспектируя соответствующий раздел гегелевской «Науки логики», где рассматривается вопрос об отношении закона, сущности и явления, он фиксирует основные моменты связи закона и явления. В. И. Ленин говорит не просто о законе, а о «законе (явлений)». Он пишет: «Закон есть прочное (остающееся) в явлении», «закон — идентичное в явлении», «закон = спокойное отражение явлений», «закон есть существенное явление», «явление цельность, тотальность ((закон = часть))», «явление *богаче* закона»¹. Все эти высказывания свидетельствуют о том, что В. И. Ленин нигде не отделяет закон от явления, рассматривая их существование в органической связи.

Признание многообразия видов объективного обуславливания, видов детерминации позволяет говорить и о многообразии видов закономерных отношений или о многообразии типов и видов законов, изучаемых наукой².

Прежде всего законы классифицируются по формам движения материи. На первый взгляд такое подразделение законов может показаться достаточно тривиальным, но это не совсем так, ибо конкретная характеристика закономерностей, специфичных для той или иной формы движения, крайне затруднительна и связана с раскрытием сущности той или иной формы движения. Например, огромным достижением человеческой мысли явилось раскрытие основоположниками марксизма специфики исторической, социальной закономерности; в этом понятии соединено признание объективного характера исторических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136—137.

² См.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973; Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975; Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1. С. 193—196; Очерки по диалектическому материализму. М., 1985 (раздел «Объективные законы и законы науки. Принципы их классификации»).

законов с признанием сознательной деятельности людей как агентов исторического развития. Разработка понятия естественноисторической закономерности позволила подвести под социальную науку объективное основание.

Другим важным подразделением законов, к которому в последнее время обращается все больше советских философов, является их подразделение на законы существования и функционирования объектов и законы развития. Первый тип законов характеризует предметы, процессы, явления с точки зрения их устойчивости, как уже ставшие и относительно стабильные образования. Второй тип раскрывает предметы с точки зрения их развития; в них фиксируется связь между различными стадиями эволюции предметов и явлений.

Некоторые зарубежные философы, признавая законы существования и функционирования, в принципе отрицают законы развития. На такого рода отрицании строит свою критику социологии марксизма, например, западный философ-антикоммунист К. Р. Поппер. Он считает, что какой-либо существенной необходимости, определяющей возникновение одной стадии развития предмета из другой (например, общественно-экономических формаций), не существует.

Однако необходимость перерастания одной стадии развития объекта в другую обуславливается законами существования и функционирования данного объекта. Говоря о необходимости смены капиталистической формации социалистической, марксизм показывает, что эта необходимость коренится в самой сущности капитализма, во внутренних законах его существования и функционирования. Работа К. Маркса «Капитал» и посвящена выявлению внутренних закономерностей функционирования капиталистического общества. Опираясь на знание этих внутренних законов, определяющих жизнь капиталистического общества, К. Маркс показывает и закономерную необходимость возникновения социалистической формации. В равной степени верно и обратное утверждение, что нельзя до конца понять законы существования и функционирования объекта исследования без анализа процесса его становления и формирования, т. е. без знания законов развития. Ведь сущность капитализма до конца становится понятной только при понимании процесса возникновения капитализма из феодализма. Аналогичная ситуация складывается и с пониманием сущности жизни, сознания, других явлений. Обратной стороной проблемы сущности жизни является

проблема ее возникновения, а решение последней связано с раскрытием законов ее возникновения. Говоря о сущности сознания, марксистская философия обязательно ставит и решает вопрос о том, как мыслящая материя возникает из немыслящей. Эта связь законов существования и функционирования и законов развития находит свое отражение в принципе историзма, в единстве исторического и логического, единстве структурно-функциональных и генетических методов исследования.

Основанием для классификации законов может выступать также структура отношений детерминации. По этому признаку в современной науке законы принято делить на динамические и статистические. Под динамическими законами обычно понимают законы, действию которых подчиняются отдельные индивидуальные объекты и которые характеризуются установлением однозначной связи между различными состояниями этого индивидуального объекта. Соответственно знание динамического закона позволяет однозначно предсказывать на основе известного состояния объекта все его будущие состояния.

Статистический закон — это закон, действию которого подчиняется поведение достаточно больших совокупностей объектов или статистических коллективов. Он характеризует поведение не отдельного элемента в этом коллективе, а поведение коллектива в целом. Знание статистической закономерности не позволяет однозначно предсказывать поведение отдельных индивидуальных объектов, входящих в коллектив. В отношении отдельных элементов такие предсказания имеют только вероятностный характер. Классическая физика в основном имела дело с законами динамического типа, и абсолютизация этого типа законов вела к концепции лапласовского, механического детерминизма; считалось, что подлинными законами природы могут быть только динамические законы, а статистические законы возникают как результат неполноты нашего знания.

С возникновением квантовой механики ситуация радикально изменилась. Оказалось, что поведение квантовомеханических объектов в принципе характеризуется действием статистических, вероятностных законов. Основное уравнение квантовой механики позволяет из знания вероятности нахождения микрообъекта в один момент предсказать вероятность его пространственной локализации в другой момент. Все попытки построить квантовую механику на законах динамического типа успеха не принесли. Среди части философов, в том числе и советских, стало

складываться мнение, что именно статистические законы, поскольку они характеризуют поведение микрообъектов, являются фундаментальными законами, а динамические законы выступают лишь итогом нашего огрубления действительности. Думается, однако, что противопоставление динамических и статистических законов с точки зрения их познавательного статуса является проблематичным. Приписывание фундаментального онтологического статуса любому из этих двух типов законов в ущерб другому типу ведет к обеднению концепции детерминизма, к сведению всего многообразия законов к одному типу. Разумнее считать динамические и статистические законы самостоятельными типами законов, характеризующими материальные системы с различных сторон. Они не исключают друг друга и не являются по отношению друг к другу гносеологическими приближениями — они дополняют друг друга, позволяя составить более богатое представление о разнообразии отношений детерминации, существующих в объективном мире. Примат же одних законов над другими в теоретическом познании зависит от качественной специфики изучаемых объектов, от способов их схематизации и идеализации.

Опираясь на введенное ранее представление о многообразии типов отношений детерминации, законы можно подразделять на причинные и не причинные. В основании причинных законов лежит отношение причинения, и фиксируемая в них связь имеет генетический характер. В свою очередь не причинные законы могут подразделяться на функциональные, структурные, законы корреляции и т. д. Решение вопроса о типологии законов при таком подходе тесно связано с решением вопроса о многообразии типов детерминации или объективного обусловливания, существующих в мире. Кстати сказать, если рассматривать вероятностную связь как разновидность не причинной детерминации, то существование такого типа детерминации и является основанием для выделения в особый класс законов вероятностно-статистического типа.

Каково соотношение причинности и закона? Метафизический детерминизм и некоторые разновидности индетерминизма часто отождествляли закон и причинность. На самом деле такое отождествление недопустимо, ибо в методологическом плане оно нацеливает науку на познание лишь причинных законов и делает проблематичным статус законов, в которых причинная связь непосредственно не отображается. В рамках марксистского детерми-

низма, как это уже отмечалось, логично считать, что причинная детерминация лежит в основании всех других типов детерминации, закон же охватывает все типы отношений объективного обусловливания, как причинные, так и не причинные (это не означает, что любое зафиксированное отношение обусловливания является законом). Для того чтобы стать законом, такая связь должна обладать всеми признаками существенного отношения: всеобщностью, необходимостью, повторяемостью и т. д.

Для философии и науки принципиальное значение имеет деление законов по степени их общности. По этому основанию законы делятся на частные (специфические), общие и всеобщие. Подразделение законов по степени общности сталкивается с одной трудностью. Любой закон является формой всеобщности, он характеризует отношения, реализующиеся в бесконечном множестве объектов (так, закон расширения металлов при нагревании утверждает нечто о всех металлах, которые существуют или могут существовать в мире). Поэтому точнее говорить о подразделении законов по сфере их действия. Специфические, или частные, законы управляют поведением качественно ограниченной сферы объектов. Общие законы характеризуют поведение объектов, принадлежащих к достаточно широкой предметной области. Принято делить мир на три большие сферы: природу, общество и мышление. Общие законы распространяют свое действие на одну из них. Примером общего закона может выступать закон сохранения энергии, действие которого проявляется во всех природных явлениях, изучаемых естественными науками. Всеобщие законы — это такие законы, которые действуют во всех трех сферах действительности и изучаются философией. В рамках каждой науки можно строить иерархию законов по сфере их действия от частных и производных законов до всеобщих и базисных законов той или иной предметной области.

Принципиальный интерес представляет в этой связи вопрос о взаимосвязи законов разной степени общности. На этот вопрос есть два альтернативных ответа: 1) действие общих законов проявляется в специфических законах; 2) общие законы действуют самостоятельно наряду со специфическими. Первое решение вопроса представляется более приемлемым, если исходить из диалектики общего и особенного, принятого в нашей литературе. Общее не существует наряду с отдельным и единичным, а проявляется в них, как отдельное и особенное не существуют вне связи

с общим. Аналогичным образом и действие общих законов проявляется в действии частных, а не помимо них. Трудно, например, допустить существование в сфере общественной жизни наряду с законом противоречия между трудом и капиталом, законом соответствия производительных сил и производственных отношений еще и некоторого абстрактного закона противоречия. Все противоречия общественного развития выступают как конкретные формы проявления действия всеобщего закона диалектического противоречия. Реальность существования общего закона и определяется его неразрывной связью с реальностью действия специфических, частных законов.

ГЛАВА 4. НЕОБХОДИМОСТЬ, СЛУЧАЙНОСТЬ, СВОБОДА

§ 1. Необходимость и случайность как категории детерминизма

В любой концепции детерминизма одно из центральных мест занимают категории необходимости и случайности. Философский детерминизм имплицитно предполагает существование объективной необходимости. Необходимость выступает в качестве определяющей характеристики причинно-следственных связей и отношений регулярной обусловленности, выражаемой в понятиях закона и закономерности. Одновременно от любой концепции детерминизма требуется и выявление ее отношения к существованию в мире случайности. Различные концепции детерминизма дают различный ответ на этот вопрос. Для метафизических концепций детерминизма было характерно отрицание объективного существования случайности. Представители этих концепций считали детерминизм и объективное существование случайности несовместимыми. Авторы некоторых концепций признают объективное существование случайности, но полагают, что именно в силу этого детерминизм не имеет всеобщего характера. Существуют также концепции, в рамках которых предпринимается попытка совместить признание объективного существования случайности с всеобщим характером детерминизма. Последняя линия проводится диалектико-материалистическим детерминизмом.

Необходимость часто определяется как то, что появилось неизбежно, а случайность как то, что появилось,

но могло и не появиться. Эти определения в известной степени тавтологичны, но они позволяют интуитивно уяснить исходный смысл категорий необходимости и случайности. Другой вопрос: почему одно должно появиться с неизбежностью, а другое может появиться, а может не появиться?

Наиболее стандартный ответ на этот вопрос в советской философской литературе связан с привлечением понятий внутреннего, сущности, закономерности. Необходимость — это то, что закономерно вытекает из внутренних существенных связей данного процесса, предмета, явления и что при наличии определенных условий происходит неизбежно; случайность же то, что не определяется к своему существованию внутренними закономерными связями процесса, предмета, явления, а то, что обусловлено действием внешних, несущественных факторов, причин, связей. Такой подход к пониманию необходимости и случайности следует признать некорректным. Во-первых, он может вести к весьма жесткому противопоставлению необходимости и случайности. Во-вторых, можно указать много случаев, когда необходимость обусловлена действием внешних факторов, а случайность — действием внутренних.

Так, обмен веществ является необходимой чертой процессов жизнедеятельности, но его протекание в равной степени обусловлено действием как внутренних, так и внешних факторов. Радиоактивный распад атомов является примером случайного процесса, но наука пока не может указать вызывающих его внешних причин; скорее всего случайность радиоактивного распада коренится во внутренних особенностях атомных систем. То же самое может быть сказано и о природе случайности в квантово-механических процессах. В равной мере нельзя считать, что в сложно организованных органических системах случайности порождаются только внешними причинами. Как было показано многими исследователями, такие системы включают в себя элемент стохастичности как существенный признак, без которого организм не может успешно приспосабливаться к окружающей среде и теряет эволюционную пластичность.

Анализируя проблему причинной обусловленности необходимости и случайности, Н. В. Пилипенко приходит к выводу, что «в реальной действительности есть много таких явлений, вещей, процессов, событий, которые, отражаясь в категории необходимости, порождаются не только внутренними, но и внешними причинами, как есть и много явлений, которые, отражаясь в категории случайности, не только возникают в силу внешних причин, стечения побочных обстоятельств, но проявляются и в силу внутренних причин

их развития»¹. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи². Существуют два типа или вида необходимости и случайности: внешняя необходимость и случайность и внутренняя необходимость и случайность. Внешняя необходимость и случайность порождаются действием внешних факторов. Их проявление зависит от совокупности тех связей, в которых рассматриваемая материальная система находится по отношению к окружающей среде, к другим материальным системам. Среди этих связей также могут быть существенные и несущественные. Первые порождают внешнюю необходимость, а вторые — внешнюю случайность. Существование внутренней необходимости и случайности обусловлено внутренними связями материальной системы и в этом смысле как необходимость, так и случайность являются проявлением сущностных отношений.

Но такое понимание необходимости и случайности требует и нового подхода к их определению, в котором бы необходимость не связывалась однозначно с действием внутренних существенных причин, а случайность — с действием внешних факторов. Анализируя современные представления о необходимости и случайности, Ю. В. Сачков определяет последнюю как то, что «выражает наличие определенного типа, вида взаимоотношений объектов или событий в составе систем, когда между ними отсутствуют прямые, непосредственные, постоянные, друг друга определяющие зависимости»³. Н. В. Пилипенко трактует необходимость как «результат регулярных, постоянных причин, выражающий устойчивое, неизменяющееся в структуре объективного мира, всегда происходящее только так, а не как-нибудь по-другому. Случайность — следствие нерегулярных, непостоянных причин, выражает подвижное, меняющееся в структуре действительности, происходит так или как-то по-другому»⁴. К аналогичному пониманию необходимости и случайности склоняются и авторы коллективного труда «Материалистическая диалектика как система». В частности, в ней утверждается, что «случайность непосредственно связана с сущностью исследуемых про-

¹ Пилипенко Н. В. Диалектика необходимости и случайности. М., 1980. С. 102—103.

² См.: Сачков Ю. В. Введение в вероятностный мир. М., 1973; Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М., 1976; Материалистическая диалектика как система. М., 1983. Кн. 1.

³ Сачков Ю. В. О современных обобщениях категории случайности // Философские основания естественных наук. М., 1975. С. 261.

⁴ Пилипенко Н. В. Диалектика необходимости и случайности. С. 111.

цессов, выступает в качестве структурной характеристики материальных систем, объектов, вызывается внутренними, спонтанными изменениями в них»¹. Нетрудно видеть, что в этих подходах к определению необходимости и случайности ссылака на действие внешних и внутренних причин, факторов, условий отсутствует.

Важным вопросом для философского детерминизма является вопрос об объективном познавательном статусе категории случайности. Суть проблемы заключается в следующем. Если принимать принцип причинности, что для концепции философского детерминизма обязательно, то и случайные явления следует считать причинно обусловленными. Но обязательным признаком причинной связи является необходимость, следовательно, случайность тоже необходима и объективное противопоставление необходимости и случайности лишается смысла.

В истории философии предлагались два выхода из этой ситуации: или случайность выводилась за рамки действия принципа детерминизма и постулировалось объективное существование абсолютной случайности как ни чем не детерминированного события, явления, процесса, или случайность объявлялась лишь продуктом нашего незнания причин того или иного явления. Первое решение вело к отрицанию принципа детерминизма, второе — к лишению категории случайности объективного познавательного значения.

Основоположники марксизма убедительно показали, что, каким бы соблазнительным ни выглядело предложение отказаться в рамках детерминистского учения от объективного существования случайности, в конечном счете оно ведет к абсурдным выводам. Критикуя механистический детерминизм, для которого характерно отрицание объективного содержания категории случайности, Ф. Энгельс показал, что если все в мире является необходимым, то тем самым «необходимость низводится до порождения голой случайности... не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость снижается до уровня случайности»². Эта же мысль звучит и в известном высказывании К. Маркса о том, что «история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли»³. Марксистский

¹ Материалистическая диалектика как система. Кн. 1. С. 170.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 534.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

детерминизм объясняет объективное существование случайности, опираясь на диалектическое понимание необходимости и диалектику взаимосвязи категорий необходимости и случайности.

Если необходимости приписывается абсолютный, ни от чего не зависимый характер, то случайности действительно не остается места в науке. Но необходимость такого рода приобретает характер рока, судьбы, предопределенной миру раз и навсегда свыше. «Для науки почти безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божьим, или, вместе с турками, кисметом, или же необходимостью»¹. Необходимость всегда опосредуется определенным кругом условий, наличие или отсутствие которых не всегда определяется необходимостью. Как было показано ранее, и необходимость причинного обусловливания, и необходимость закона зависят от наличия определенных условий. Эта предпосылка лежит в основе познания наукой необходимости и целенаправленной деятельности людей по преобразованию окружающего мира. Смысл экспериментальной деятельности ученых заключается в создании таких условий, в которых исследуемая причинная связь или закон проявляет свое действие с необходимостью. В равной мере человек использует в своей деятельности знание законов, варьируя условия их действия. Необходимость относительна. На это указывал К. Маркс еще в своих ранних работах: «Необходимость проявляется в конечной природе как *относительная необходимость*, как *детерминизм*. Относительная необходимость может быть выведена только из *реальной возможности*, это значит: существует круг условий, причин, оснований и т. д., которыми опосредствуется эта необходимость»². Поэтому, говоря о необходимости того или иного предмета, процесса, явления, мы всегда неявно или явно определяем и совокупность тех условий, по отношению к которым явления являются необходимыми. Приписывая относительный характер необходимости, мы одновременно должны приписывать относительный характер и случайности. Одно и то же явление может выступать и как необходимое, и как случайное, но по отношению к разным условиям. Одно и то же выступает как необходимое в одном отношении и как случайное в другом, причем второй стороной этого отно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 534.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 36.

шения выступают условия, совокупность различного рода факторов, влияющих на процесс детерминации.

При такой трактовке относительного характера необходимости и случайности существует опасность релятивизма. Может показаться, что различение необходимого и случайного событий определяется выбором круга условий, который осуществляет субъект. Однако это не так. Сами условия существования того или иного предмета или процесса формируются объективно и тесно связаны с формированием внутренней сущности изучаемого явления. Материальные предметы, процессы, явления представляют собой определенные системные образования, относительно отграниченные друг от друга. Совокупность внутренних связей, лежащих в основе таких образований, как бы противостоит совокупности внешних связей, посредством которых одни материальные образования связаны с другими. Внешние связи и выступают в виде условий, в которых реализуются внутренние существенные связи. Все необходимые черты рассматриваемого явления определяются к существованию совокупностью внутренних существенных связей, а случайные черты рассматриваемого явления определяются к существованию варьирующимся кругом внешних связей.

Так, все основные фенотипические черты биологического организма с необходимостью определяются к возникновению и существованию той генетической информации, которая заложена в нем, но воздействие внешних факторов в известных пределах порождает разнообразие этих черт у различных индивидов. Эти черты, отличающие один биологический организм определенного вида от другого организма, принадлежащего к тому же виду, выступают в качестве случайных. Все характерные черты социалистического общества вытекают с необходимостью из общих закономерностей формирования социализма, но вариации региональных условий, связанных с национальными особенностями той или иной страны, ее историческим прошлым, культурными традициями, степенью развитости социальных отношений, обуславливают наличие у каждой страны, в которой построено социалистическое общество, специфических черт, которые не вытекают с необходимостью из основных законов социалистического общества. Например, общественная собственность на средства производства является необходимой чертой любого социалистического общества. Такой же необходимой чертой социализма является и руководящая роль рабочего класса в политической жизни страны. Но формы, в которых осуществляется руководящая роль рабочего класса, могут быть различными. Эти различия по отношению к основным закономерностям формирования социализма выступают как случайные, по отношению же к совокупности конкретных исторических условий, в которых происходило строительство социалистического общества в той или иной стране, эти особенности могут иметь необходимый характер.

Обращение к понятию условия является одним из путей обоснования объективного существования случайности в рамках марксистского детерминизма. Другой путь обоснования объективного существования случайности был предложен Г. В. Плехановым. Он отмечал, что случайность возникает как результат пересечения двух независимых причинных, закономерно обусловленных цепей или линий существования различных объектов. Необходимой является последовательность событий, обусловленных внутренними закономерностями данного предмета. Такая последовательность образует линию его существования. Пересечение внутренне необходимых линий существования двух или более различных объектов в одной точке и порождает случайность.

Если два человека встречаются в определенном месте, не договариваясь о такой встрече, то встреча рассматривается как случайная; она не входит в линию существования этих двух людей; она могла быть, а могла не быть. С другой стороны, если эта встреча планируется с обеих сторон и определяется интересами этих людей, то она является необходимой. Другим примером могут служить несчастные случаи: производственные травмы, дорожные аварии и т. д. Так, организация производственного процесса включает правила техники безопасности, соблюдение которых исключает травматизм. Относительно этих правил несчастный случай на производстве не является необходимым, и если он происходит, то в силу случайного стечения обстоятельств.

Объяснения существования случайности вариациями условий и пересечением необходимых линий существования не противоречат друг другу, а в известной мере совпадают. Например, дорожная авария выступает одновременно как результат пересечения двух независимых необходимых линий существования транспортных средств, но непосредственно дорожное происшествие возникает как результат возникновения непредвиденных обстоятельств или условий: поломка ходовой части или рулевого управления, отказ тормозов, переход пешеходом дороги в неположенном месте, потеря водителем сознания в силу болезни и т. д. Все эти условия являются внешними по отношению к правилам движения и законам, по которым создается и эксплуатируется транспортное средство.

Случайными в науке считаются также события, которые возникают как пересечение необходимых линий существования двух объектов, или события, осуществляющиеся при вариации условий. Случайным является столкновение двух молекул в сосуде с газом: оно выступает как пересечение независимых линий их существования. Случайными являются изменения в наследственной струк-

туре организмов, ибо они определяются действием факторов, непосредственно не связанных с жизнедеятельностью. Случайным является выпадение той или иной стороны монеты при бросании, поскольку исходные условия бросания монеты определенным образом варьируются.

Соответственно к необходимым относятся такие события, которые вытекают из необходимых существенных связей рассматриваемых объектов и которые осуществляются в стабильных условиях. Необходимым всегда было движение планет по неизменным орбитам. Неизменное и необходимое движение планет определяется действием законов, изучаемых небесной механикой; внешние условия движения планет относительно стабильны. К необходимым событиям относят также наследование организмами их видовых свойств. Этот процесс обусловлен действием законов, изучаемых генетикой. Механизм наследования также относительно независим от действия внешних условий.

Любое случайное событие причинно обусловлено и по отношению к определенной группе детерминирующих факторов является закономерным.

В связи с сосуществованием случайных и необходимых явлений следует обратить внимание на утверждение: «Наука — враг случайности». Если понимать эту формулу в том смысле, что наука не должна интересоваться случайностью, то эта формула безусловно ложна и не соответствует практике научного исследования. Интерес науки к изучению случайных явлений и процессов возрастал в геометрической прогрессии начиная с XVIII в. Для исследования случайных процессов были выработаны специальные, так называемые вероятностно-статистические методы исследования, которые широко используются в физике, биологии, социологии, в других науках. Однако если эту формулу понимать как отрицание наукой существования случайности абсолютной, не связанной с необходимостью и не подчиняющейся принципу причинности и закономерности, то такая случайность действительно исключается наукой.

Цель научного исследования случайных процессов и явлений заключается в том, чтобы за случайностью обнаружить необходимость, причинную обусловленность, закономерность. Поэтому для марксистского детерминизма важно не только обоснование объективного существования случайности, но и выявление связи случайности и необходимости.

§ 2. Диалектика взаимосвязи случайности и необходимости

Традиция анализа диалектической взаимосвязи, существующей между случайностью и необходимостью, была заложена Гегелем, а затем унаследована и развита основоположниками марксизма. Анализ их произведений по этому вопросу выявляет несколько основных моментов, характеризующих взаимосвязь необходимости и случайности.

Первый момент связан с пониманием категорий необходимости и случайности как парных категорий, между которыми имеет место отношение диалектического противоречия: они предполагают друг друга, не существуют друг без друга и вместе с тем отрицают друг друга. «...Случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью»¹. При определенных условиях эти категории тождественны, т. е. случайное необходимо, а необходимое точно так же случайно. Ни случайности, ни необходимости не бывает в чистом виде.

Второй важный момент связан с характеристикой случайности как формы проявления необходимости. Необходимость всегда прокладывает себе дорогу через массу случайностей. Как писал К. Маркс, характеризуя действие закона стоимости при капитализме, «...закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний»². Аналогичным образом общественный прогресс, подчиняясь необходимым законам, осуществляется через массу случайных отклонений, которые могут приводить и к попятным движениям. По отношению к общему прогрессу научного познания открытие неевклидовой геометрии именно Лобачевским было случайным событием, но само это открытие было с необходимостью подготовлено всем ходом развития геометрии в конце XVIII — начале XIX в. Именно поэтому независимо от Лобачевского неевклидова геометрия была открыта также Больyai и Гауссом. Все примеры так называемых параллельных научных открытий обнаруживают их внутреннюю необходимость.

В тех случаях, когда мы имеем дело с динамическими закономерностями, случайность также оказывает

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 174.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 452—453.

свое действие. Так, траектория полета снаряда однозначно определяется исходными условиями и законами динамики. Теоретически действие случайностей здесь исключено. Но реальная траектория полета снаряда всегда отклоняется от расчетной в силу действия таких случайных факторов, как состояние атмосферы (ветер, температура, давление). В итоге снаряд летит по траектории, которая отклоняется от расчетной, и в этой траектории результируется как действие начальных условий и законов динамики, так и действие случайных факторов.

Третий момент в диалектике необходимости и случайности связан с пониманием случайности как дополнения необходимости. Наше познание в основном нацелено на раскрытие существенных и необходимых связей предмета, определяющих его существование, функционирование и развитие. Познание сущности и закона одновременно является и познанием общего, того, что характеризует целый класс однородных явлений. Но каждый представитель этого класса наряду со всеобщими имеет и индивидуальные черты, возникновение и проявление которых определяется случайностью. Полное знание о том или ином объекте будет достигнуто только в том случае, когда знание необходимых черт предмета будет дополнено знанием случайных, уникальных черт этого явления. Это требование дополнять знание необходимости знанием случайности особенно важно для таких отраслей науки, как геология, биология, история. Так, понимание процесса зарождения жизни на Земле должно базироваться на знании общих и необходимых закономерностей эволюции и возникновения новых структурных уровней существования материи. Но поскольку мы говорим о происхождении жизни в земных условиях, которые являются относительно уникальными, важно знать также и конкретные условия, существовавшие на Земле в период зарождения жизни, а они были в значительной мере случайными по отношению к общим законам эволюции материи. Равным образом и в истории изучение того или иного исторического периода базируется на знании общих законов зарождения, эволюции и смены общественных формаций. Но на ход истории в равной степени оказывают влияние физиологические и личностные особенности исторических деятелей, климатические условия, географическая среда и т. д.

По отношению к общему ходу истории они имеют случайный характер, но они в равной степени важны для

понимания тех конкретных изменений, которые происходили в развитии человеческого общества.

Еще одна черта, характеризующая диалектику необходимости и случайности, связана с процессом их превращения друг в друга в ходе развития и эволюции материальных систем.

Эволюция видов в органической природе осуществляется на базе случайных изменений, происходящих в генетических структурах отдельных организмов. Эти изменения являются случайными, поскольку детерминируются теми внешними условиями, которые относительно безразличны для жизнедеятельности организма. Известно, например, что мутации в наследственном аппарате могут вызываться теми или иными видами радиации. Общий фон радиации на Земле относительно постоянен, и мутации, вызываемые им в отдельных организмах, однозначно не предопределены. Опыт показывает, что даже целенаправленное облучение живых организмов не ведет с однозначностью к одинаковым наследственным изменениям в них. Но случайные изменения в организмах не безразличны для их жизнедеятельности. В ходе естественного отбора полезные для жизнедеятельности организма изменения закрепляются и со временем становятся его видовыми признаками. Тем самым из случайных они превращаются в необходимые¹.

Этот механизм превращения случайных признаков в необходимые видовые признаки крайне сложен и изучается в рамках так называемой синтетической теории эволюции. И наоборот, те черты организма, которые были необходимы для старого вида, перестают быть таковыми для вновь возникающего. Весь эволюционный процесс под определенным углом рассмотрения может быть представлен как последовательность превращения случайности в необходимость и обратно. То же можно сказать об исследовании процесса зарождения жизни. В современной литературе существуют различные точки зрения на роль необходимости и случайности в процессе зарождения живого. Французский биолог Ж. Моно, анализируя проблему происхождения жизни, приходит к выводу о фундаментальной роли случайности в этом процессе. Сам

¹ Многосторонний и конкретный анализ этого процесса см.: *Фролов И. Т. Жизнь и познание. О диалектике в современной биологии.* М., 1981 (гл. II, § 4, 5); *Борзенков В. Г. Принцип детерминизма и современная биология (методологические аспекты).* М., 1980.

процесс зарождения живого представляется ему как цепочка случайных, маловероятных событий. Случайность в его концепции приобретает абсолютный характер и отрывается от необходимости. Бельгийские ученые И. Пригожин и Г. Николис, анализируя физико-химические основания возникновения живого, показывают, что необходимость возникновения биологических систем коренится в некоторых общих физических законах, присущих нелинейным системам. Опираясь на эти идеи, ученый из ФРГ М. Эйген старается установить связь между случайностью и необходимостью в процессе возникновения биологических структур. Он отбрасывает абсолютную случайность как основной фактор, детерминирующий становление живого; в его концепции проглядывает идея трактовки случайности как формы проявления необходимости, а также идея их взаимопревращения в ходе биологической эволюции.

Вообще говоря, диалектическая взаимосвязь между необходимостью и случайностью коренится в самом процессе развития материальных систем и связана с диалектикой превращения возможности в действительность в ходе этого процесса. Каждый реально осуществившийся этап процесса развития той или иной материальной системы порождает целый спектр возможностей ее дальнейшего развития. Потенциально реализация любой из этих возможностей в будущем является случайным событием. Но фактически реализуется только та возможность, для осуществления которой имеются в наличии необходимые условия. По отношению к этим конкретным условиям осуществляющаяся возможность оказывается необходимой, хотя первоначально она была только случайной. Превращение одной из возможностей в действительность порождает новый спектр возможных путей дальнейшего развития и так до бесконечности¹. В таком представлении процесса развития одновременно происходит и превращение случайности в необходимость, и проявление необходимости сквозь массу случайностей.

§ 3. Возможность и действительность

В широком смысле слова под действительностью понимается весь объективно существующий мир, объек-

¹ О возможности и действительности см.: Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1. Марксистско-ленинская диалектика. М., 1983. Кн. 1. Диалектический и исторический материализм. М., 1985.

тивная реальность во всей ее конкретности, вся совокупность налично существующих явлений, взятых в единстве с их сущностью. На последний момент в характеристике категории действительности обращал особое внимание Гегель, отмечая, что «действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего»¹. В более узком и специфическом смысле слова под действительностью понимают «конкретное бытие отдельного объекта в определенное время, в определенных условиях... Действительность отдельного конкретного материального объекта — это его актуальное бытие в конкретных качественных и количественных, пространственных и временных характеристиках, в его изменении и развитии»². В этом значении категория действительности и сопоставляется с категорией возможности.

Под возможностью понимается то, тенденции возникновения и развития чего уже имеются в действительности, но что еще не стало наличным бытием. Если действительность есть актуальное бытие, то возможность — потенциальное бытие, это будущее, содержащееся в настоящем. В категории возможности отражаются предпосылки возникновения новой действительности, которые уже имеются в наличном бытии. Антонимом понятия возможности является понятие невозможного, т. е. таких событий и явлений, возникновение которых исключается закономерностями, присущими действительности. В противоположность невозможному «возможное — это то, что допускается, соответствует закономерностям природного и общественного развития, содержится в тенденциях этого развития»³.

Диалектическая взаимосвязь возможности и действительности проявляется в ряде отношений. Прежде всего они предполагают друг друга. Всякая конкретная действительность содержит в себе возможность своего дальнейшего изменения и развития, и всякая конкретная действительность возникла как результат реализации ранее существовавших возможностей. В категориях возможности и действительности мир характеризуется прежде всего с точки зрения его становления, изменения, развития. На этот

¹ Гегель. Соч. М.—Л., 1929. Т. 1. С. 238.

² Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1. С. 198.

³ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 446—447.

момент обращал внимание еще Аристотель, когда характеризовал изменение как непрерывный переход возможности в действительность. Признавая диалектическую взаимосвязь этих категорий, диалектический материализм в то же время подчеркивает примат в этой паре категории действительности. Действительность включает в себя все возможности своего дальнейшего развития, но ни одна возможность не охватывает всей действительности. Именно поэтому Гегель характеризовал возможность «как абстрактный момент действительности»¹.

В теории материалистической диалектики категории выполняют двоякую роль: с одной стороны, они выступают как категории диалектической концепции развития, с другой — как категории детерминизма². Весь процесс развития в самом общем виде может быть охарактеризован как процесс зарождения в действительности определенного спектра возможностей, дальнейшего сужения этого спектра до одной реальной возможности и дальнейшего ее превращения в новую действительность. Диалектика возможности и действительности придает связность процессу развития, ведет к пониманию развития прежде всего как саморазвития: действительность через порождение возможностей и их последующую реализацию как бы разворачивает процесс своего становления во времени (разумеется, механизм этого становления может быть понят только на основе действия законов диалектики).

Вместе с тем в категориях возможности и действительности раскрывается сущность объективного процесса обусловливания, в них выражается закономерный характер процесса становления, конкретизируется диалектика взаимосвязи сущности (закона) и явления, необходимости и случайности, причины и следствия.

Связь категорий возможности и действительности с категориями детерминизма проявляется в ряде отношений.

Прежде всего, само определение понятия возможности содержит явное обращение к понятию закона, закономер-

¹ Гегель. Соч. Т. 1. С. 240.

² В советской литературе этот факт находит свое отражение в различных способах включения этих категорий в систему категорий материалистической диалектики. Так, в книге М. Н. Руткевича «Диалектический материализм» категории возможности и действительности рассматриваются в разделе «Диалектика как теория развития». Такое же место отведено им и в работе «Материалистическая диалектика как общая теория развития» (М., 1982). В работе же «Материалистическая диалектика» (М., 1981) эти категории анализируются во взаимосвязи с основными категориями детерминизма.

ности, регулярной обусловленности: возможно то, что не противоречит законам функционирования и развития объекта, что предполагается действующими законами. Отрицание регулярной обусловленности процесса развития и становления делает бессмысленным само понятие возможности. В этом случае возможность просто нельзя рационально мыслить. На обращении к категориям детерминизма базируются и различные классификации видов возможности, имеющиеся в нашей литературе¹. Принято различать по меньшей мере три вида возможностей: формальную, абстрактную и реальную. Под формальной возможностью некоторые авторы понимают такую возможность, которая может мыслиться непротиворечиво, без нарушения законов формальной логики. Думается, что в таком понимании формальная возможность к реальному, действительному миру отношения не имеет, так как она относится к миру воображаемому, логически возможному. Но ссылка на законы присутствует и здесь. Под абстрактной возможностью понимают такое событие или явление, возникновение которого не противоречит известным науке природным или социальным законам, но для осуществления которого нет соответствующих конкретных условий. Реально возможным считается такое событие, осуществление которого согласуется с законом объективной действительности и для осуществления которого складываются необходимые условия. Абсолютной грани между абстрактной и реальной возможностью не существует. Например, в эпоху свободного рыночного капитализма возможность победы социалистической революции в одной стране была абстрактной возможностью, но с переходом капитализма на стадию империализма эта возможность превращается в реальную, что и было теоретически обосновано В. И. Лениным.

Для превращения возможности в действительность необходимо наличие двух факторов: действие объективных законов, которые задают спектр возможных тенденций развития предмета, и формирование определенных условий для реализации одной из возможностей. Как видим, и само определение возможности и действительности, и классификацию возможностей, и процесс превращения возможности в действительность нельзя обосновать без обращения к понятию закономерной обусловленности.

¹ См.: Марксистско-ленинская диалектика. М., 1983. Кн. 1. С. 257—263; Диалектический и исторический материализм. М., 1985. С. 181—185.

Принадлежность категорий возможности и действительности к группе категорий детерминизма проявляется также через их связь с категориями необходимости и случайности. В той мере, в какой возможность может превратиться в действительность (а она может и не превратиться), она является случайностью. Но в той мере, в какой возможность имеет объективные предпосылки своего существования в наличной действительности, в объективных тенденциях ее развития, она обладает и необходимостью. На стадии превращения реальной возможности в действительность возможность из случайности превращается в необходимость, она как бы теряет случайную компоненту в своей природе. Более того, диалектика возможности и действительности, да и случайности и необходимости в определенных контекстах рассмотрения оказывается пересекающейся. В той мере, в какой случайность является формой выражения и дополнения необходимости, возможность является формой проявления и дополнения действительности. Эти две пары категорий органически связаны друг с другом¹. Особенно тесная связь категории возможности с категориями необходимости и случайности обнаружилась в дискуссиях по проблемам детерминизма и причинности в квантовой механике.

Для количественной оценки возможности в науке разработано понятие вероятности. В конкретных науках было развито несколько понятий вероятности: классическое, частотное, диспозиционное, логическое, математическое и т. д. На базе частнонаучных представлений о вероятности в настоящее время формируется философское понятие вероятности, которое определяется как количественная мера возможного. Вероятность характеризует величину основания возможности в реальной действительности. Возможность с большим основанием имеет соответственно и большую вероятность осуществления. Опора на понятие вероятности придает понятию возможности более конкретный операциональный характер и повышает его познавательное и практическое значение.

Диалектическая трактовка взаимосвязи возможности и действительности отличает марксистский детерминизм от механистического детерминизма лапласовского типа.

¹ Диалектическая взаимосвязь категорий возможности и действительности с категориями необходимости и случайности хорошо прослежена в работе «Материалистическая диалектика» (М., 1981. Т. 1. С. 203—209).

Для механистического детерминизма с его отрицанием качественной специфичности законов, характеризующих высшие формы движения, процесс изменения и развития выступает как реализация одной единственной возможности, определяемой к существованию закономерностями механического движения. В этой концепции все будущие состояния однозначно предопределены. Все возможное одновременно является и необходимым, подлежащим реализации в действительность. Места альтернативным или нереализуемым возможностям в этой концепции не остается. Процессы изменения и развития имеют однозначно предопределенный, фатальный характер. Возможность и действительность в механистическом детерминизме оказываются как бы тождественными.

Диалектический материализм понимает развитие прежде всего как последовательность определенным образом упорядоченных необратимых качественных изменений. Каждая качественно новая стадия в развитии характеризуется действием новых, качественно специфических закономерностей. А если это так, то на каждом ключевом этапе развития и эволюции материальных систем возникают и новые возможности, определяемые к существованию возникновением новых закономерностей и дальнейшее развитие идет по пути реализации новых возможностей, возникающих в ходе превращения старых возможностей в новую действительность.

Более того, поскольку развитие осуществляется через столкновение противоположных тенденций, на каждом конкретном этапе развития существует целый спектр возможностей, из которых не все превращаются в действительность. Реализуются только те возможности, для осуществления которых складываются необходимые и достаточные внутренние и внешние условия, а последнее всегда включает в себя элемент случайности. Поэтому развитие не имеет однозначно определенного, фатального характера. Иллюзия однозначной предопределенности и фатальности возникает только при рассмотрении прошлого, где порядок событий остается неизменным. Будущее же в силу многообразия возможностей и условий их реализации всегда имеет вероятный характер.

Правильное понимание взаимосвязи возможности и действительности имеет большое значение для познавательной и практической деятельности человека. Следует иметь в виду, что в познании отражается не только действительность, но и те возможности, которые в ней коре-

няются. Именно знание возможностей и условий их реализации придает человеческому познанию предсказательный, прогностический характер, что в свою очередь позволяет науке опережать практику и объяснять целеполагающий характер человеческой деятельности. Мера познания объективных возможностей и условий их реализации прямо пропорциональна мере познания объективных законов действительности, ибо только в отношении к законам можно выявлять объективные тенденции развития материальных систем.

Сама практическая деятельность человека, направленная на преобразование действительности, может базироваться только на знании и правильной оценке возможностей, тенденций развития и изменения материальных систем. Ведь человек может достигать поставленных перед собой целей только соразмеряя их с объективными возможностями и создавая в ходе практической деятельности такую совокупность условий, при которой реализуются желательные возможности.

Особенно важно правильное понимание диалектики возможности и действительно, когда речь идет от революционном преобразовании общественной жизни. Глубокий анализ взаимосвязи возможности и действительности в практике социалистического строительства в нашей стране был дан в материалах XXVII съезда КПСС. Определяя перспективы нашего дальнейшего развития, XXVII съезд КПСС прежде всего дал объективную характеристику действительного положения дел в нашей социально-экономической жизни. Наряду с достижениями был выявлен и ряд отрицательных тенденций в развитии нашего общества, проанализированы причины этих негативных тенденций и намечены конкретные меры по их устранению. Урок правды, заключающийся в трезвой и объективной оценке положения дел в развитии нашего общества, послужил основой для выявления реальных возможностей нашего дальнейшего развития. Как отмечалось в Политическом докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, «ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее...»¹. Такой определяющей возможностью нашего развития на ближайший период является ускорение социально-экономического развития. Эта возможность в данных конкретных условиях обладает необ-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 23.

ходимым характером, так как имеет свое основание в закономерностях развития социализма и соответствует стратегическим целям построения коммунистического общества. Однако это не означает, что возможность ускорения автоматически превратится в действительность. Для того чтобы эта реальная возможность стала действительностью, необходима сознательная и целеустремленная деятельность всего нашего народа, направленная на создание условий для ее реализации. Как отмечал М. С. Горбачев, «теперь многое, а по существу все, будет зависеть от того, насколько эффективно мы сумеем использовать преимущества и возможности социалистического строя, его экономическую мощь и социальный потенциал, обновить устаревшие общественные формы, стиль и методы работы, привести их в соответствие с изменившимися условиями»¹.

На диалектическом понимании взаимосвязи возможности и действительности базируется и мирная политика КПСС. Угроза возникновения ядерной войны представляет собой реальную и вместе с тем нежелательную возможность для человечества; она грозит человечеству уничтожением. Реальным основанием этой возможности в действительности является прежде всего гонка вооружений, навязываемая человечеству империализмом. Поэтому ядром внешней политики партии является курс на остановку гонки вооружений и полную ликвидацию оружия массового уничтожения. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, главная цель нашей внешней политики — «обеспечить советскому народу возможность трудиться в условиях прочного мира и свободы. Таково, в сущности, первейшее программное требование партии к нашей внешней политике. В нынешней обстановке выполнить его — значит прежде всего остановить материальную подготовку к ядерной войне»².

Известный афоризм гласит: «Политика есть искусство возможного». Секрет этого «искусства» и заключается в умении путем целенаправленной деятельности создать такие условия, в которых нежелательные возможности теряли бы свой реальный характер и не могли превращаться в действительность, а желательные возможности приобретали бы реальный характер и превращались в действительность.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 5—6.

² Там же. С. 62—63.

§ 4. Свобода и необходимость.

Свобода и ответственность

Для любой концепции детерминизма в мировоззренческом отношении одним из кардинальных вопросов является вопрос о соотношении свободы и необходимости. Решение этого вопроса связано с раскрытием смысла понятия «свобода», с обоснованием объективности свободы, с объяснением факта существования свободы.

Что такое свобода? Хотя некоторые авторы и пытаются говорить о «свободе воли электрона» в квантовой механике, но общепринятым является признание свободы как одной из основных характеристик человеческой деятельности. В самом общем виде свободу можно определить как способность человека осуществлять свою деятельность в соответствии со своими внутренними интересами, потребностями и целями. Антонимом термина «свобода» в таком случае выступает «принуждение», т. е. действие человека под влиянием каких-либо внешних сил, вопреки своим внутренним убеждениям, целям и интересам.

Это противопоставление свободы принуждению принципиально важно, поскольку принуждение не тождественно необходимости. На этот момент обращал внимание Б. Спиноза. «Вы предполагаете, — писал он своему оппоненту, — никакого различия между необходимостью и принуждением, или насилием. Стремление человека жить, любить и т. п., отнюдь не вынужденно у него силой, и, однако, оно необходимо... Я называю свободною такую вещь, которая существует и действует по необходимости, вытекающей лишь из ее собственной природы; принужденным же я называю то, что как в своем существовании, так и в действиях обуславливается известным, определенным образом какою-нибудь другою вещью»¹. То, что свобода и необходимость не являются антиподами, предполагает признание возможности существования свободы без отказа от необходимости. К. Маркс относит свободную и сознательную деятельность к одному из родовых признаков человека. Одновременно мера осуществимости свободы человеком выступает и мерой общественного прогресса. Ф. Энгельс писал, что «первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном

¹ Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. М., 1957. Т. II. С. 584—585.

так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»¹. Свободное действие человека начинается с акта волеизъявления; как и действие, волеизъявление должно иметь свободный характер. Без свободы воли нет и свободного действия. Проблема свободы воли тесным образом связана с проблемой моральной и правовой ответственности человека за свои поступки. Если человек силой принужден совершить тот или иной поступок, то он не может нести за него моральной или правовой ответственности. Примером такого поступка является травмирование или убийство насильника в порядке самообороны. Однако в свете принципа детерминизма сразу же возникает вопрос: если все в мире детерминировано, необходимо определено к существованию чем-либо другим, все причинно обусловлено, то может ли существовать акт свободной воли? Ведь и воля человека должна быть с необходимостью обусловлена чем-либо другим. Может сложиться представление, что свободная деятельность человека является только субъективной иллюзией, а объективно каждое свободное действие является лишь звеном в необходимой причинно-следственной цепи событий. Сталкиваясь с такого рода проблемой, некоторые философы делают уступку индетерминизму или переходят на позиции индетерминизма, объявляя свободу воли несовместимой с детерминизмом и естественной необходимостью.

Дуалистическую уступку индетерминизму делал в своей философии И. Кант, считая, что в мире теоретического разума, где господствует естественная необходимость, человек не свободен в своем выборе и его воля является причинно-обусловленной, но в мире практического разума человек, как разумное существо, обладает абсолютной свободой выбора и соответственно несет моральную ответственность за свои поступки. Аналогичная дуалистическая позиция характерна и для Шеллинга. Представители экзистенциализма, столкнувшись с проблемой свободы воли, переходят на позиции тотального индетерминизма. Представители метафизического детерминизма (Гоббс, Гольбах и др.) в этой ситуации объявили свободу субъективной иллюзией, считая, что всякий разговор об объективной свободе воли не совместим с последовательным детерминизмом и принципом причинности. Наиболее определенно эту точку зрения выразил П. Гольбах.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 116.

«Сколько бы мы не размышляли, — писал он, — мы вынуждены будем признать, что во всех своих поступках человек подчиняется необходимости и что его свобода воли есть химера даже в системах теологов»¹.

Марксистский подход к проблеме свободы воли и объяснения свободного характера человеческой деятельности принципиально отличается как от подхода механистического детерминизма, так и от дуализма и индетерминизма. Дело в том, что сама дилемма: или свобода воли, или последовательный детерминизм — является некорректной. Вопрос состоит в том, как возможна свободная деятельность человека в мире, в котором все явления причинно обусловлены и подчиняются закономерности, или как возможна свобода в мире необходимости, если при этом предполагается, что и сам человек с его сознанием принадлежит к этому миру. При ответе на этот вопрос прежде всего следует отвергнуть тезис о существовании абсолютной, ни от чего не зависящей свободы воли. Может ли волевой акт человека выступать как абсолютно спонтанное, ничем не обусловленное событие, являющееся разрывом в причинной цепи или абсолютным началом новой причинной цепи событий?

Человеческий опыт и наука показывает, что даже самые на первый взгляд иррациональные поступки человека всегда обусловлены внутренним миром человека или внешними обстоятельствами. Абсолютная свобода воли — это чистая абстракция от реального процесса формирования волевого акта человека. Безусловно, волевое решение человека, связанное с выбором целей и мотивов деятельности, определяется в основном его внутренним миром, миром его сознания, но ведь этот внутренний мир человека или мир сознания не противостоит внешнему миру, а является в конечном счете отражением этого внешнего объективного мира, и диалектическая взаимообусловленность событий в этом внутреннем мире является отражением диалектической взаимообусловленности явлений в мире внешнем. Объективная детерминация явлений в мире, объективная естественная необходимость отражаются в мире сознания в виде логической и психологической необходимости, связывающей человеческие идеи, познавательные образы, понятия и представления. Более того, сами цели человеческой деятельности, лежащие в основе свободного выбора линии поведения человеком,

¹ Гольбах П. Здравый смысл. М., 1941. С. 60.

определяются его интересами, возникающими в ходе его практической деятельности, в которой субъективная диалектика его сознания формируется и развивается под влиянием объективной диалектики.

Но если абсолютная свобода воли — иллюзия, то что же такое свободное действие человека? Реальное свободное действие человека выступает прежде всего как выбор альтернативных линий поведения. Свобода есть там, где есть выбор: выбор целей деятельности, выбор средств, ведущих к достижению целей, выбор поступков в определенной жизненной ситуации и т. д. Объективным основанием ситуации выбора является объективное существование спектра возможностей, определяемых действием объективных законов и многообразием условий, в которых эти законы реализуют свое действие, в результате чего возможность переходит в действительность. В объективном мире реализации каждого события предшествует возникновение целого спектра возможностей. В конечном счете реализацию в действительности получает только одна из них, а именно та, для осуществления которой частично необходимо, а частично и случайно складываются необходимые условия. В природе реальной ситуации выбора не возникает: реализуется та возможность, которая должна реализоваться в существующих объективных условиях. С возникновением человека, наделенного сознанием, ситуация меняется. Познавая законы природы и общества, человек становится способным выделять и различные возможности; он может сознательно влиять и на создание тех условий, при которых может реализоваться та или иная возможность. Соответственно перед ним встает и проблема выбора: какая возможность должна быть реализована посредством его деятельности?

Из этого видно, что ситуация выбора может иметь объяснение только при наличии объективной регулярной обусловленности событий и явлений. Ведь основанием для ситуации выбора является существование объективного спектра возможностей, а объективным основанием возможности является закономерность и совокупность различных условий, необходимых для ее реализации. Возможно то, что не противоречит объективным законам, для реализации чего существуют необходимые условия. Другими словами, мера возможности того или иного события прямо пропорциональна мере его необходимости.

Однако сама ситуация выбора — это не свобода, а лишь необходимая предпосылка свободы, свободного дей-

ствия. Сам акт свободного действия связан с выбором определенной альтернативы в ситуации выбора и ее реализацией в действительности. Выбор альтернативы поведения определяется прежде всего целевыми установками человека, а они в свою очередь определяются характером практической деятельности человека и той совокупностью знаний, которой человек располагает. Знание же, на которое опирается человек в своем выборе альтернатив, есть прежде всего знание необходимости. Человек выбирает ту линию поведения, которая для него обладает внутренней необходимостью в свете имеющегося в его распоряжении знания. «Свобода воли, — пишет в этой связи Ф. Энгельс, — означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития»¹. Познание необходимости Ф. Энгельс рассматривает как предпосылку свободы, а под свободой он понимает «господство над нами самими и над внешней природой». Господство над внешней природой означает господство над внешними слепыми силами природы, а господство над нами самими означает господство над слепыми силами общественного развития. Под господством понимается не насилие над природой и историей, а использование познанных закономерностей природы и общества для реализации сознательных целей человека. Под господством подразумевается навязывание слепым силам природы и общественного развития своей сознательной воли. Свобода в этом отношении понимается как самореализация человека во внешнем мире или как «самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 116.

труд...»¹. В терминах детерминизма самореализацию человеческой сущности во внешнем мире можно трактовать как самодетерминацию человеческой деятельности, предполагающую известного рода автономию человека как материальной системы по отношению к окружающей среде.

Феномен самодетерминации, а в равной степени и феномен самоорганизации, обнаруживается с возникновением в ходе эволюции материальных систем с органической целостностью. К такого рода системам относятся уже живые организмы. За счет процессов самодетерминации и самоорганизации такие системы обладают относительной автономией по отношению к окружающей среде. Меняется и характер причинного воздействия внешней среды на такие системы. Если изменения, вызываемые действием той или иной причины на объект неорганической природы, адекватны действующей причине, они целиком определяются действием этой причины, количеством массы и энергии, переносимой по цепи причинения, то объекты живой природы реагируют на внешнее причинное воздействие несколько иначе. Внешнее причинное воздействие на биологический объект не только вызывает, порождает следствие путем переноса массы, энергии и информации, но и инициирует, включает в работу совокупность циклических причинных цепей, действующих в самом организме. В результате реакция на внешнее воздействие в значительной степени определяется не действием внешней причины, а теми процессами, которые происходят в организме. В этом процессе внешняя причинная детерминация как бы сталкивается с внутренней причинной самодетерминацией, которая в основном и определяет характер реакции организма на внешнее воздействие. Способность к самодетерминации сложных систем объясняется наличием в них свободной энергии, внутренних, ранее накопленных энергетических ресурсов и свободной информации, которую организм не только получает из внешней среды, но и способен хранить и использовать для организации своей жизнедеятельности. Эта информация закодирована в соответствующих структурах организма. В результате оказывается, что в одних и тех же внешних условиях, при одних и тех же причинных воздействиях организм может вести себя по-разному, хотя каждый элемент его поведения жестко детерминирован его внутренними связями. Такое поведение организма при стабильных внешних условиях мы можем условно именовать «свободным» по отношению к действию внешних факторов.

Возникает иллюзия существования у организма альтернативных путей поведения, альтернативных реакций на внешние воздействия. В действительности же здесь нет свободного действия, ибо организм «не осознает» этих альтернатив, хотя поведение организма определяется действием внутренних факторов. В роли «свободы» здесь просто выступает самодетерминация. Но способность органических систем к самодетерминации является естественной предпосылкой возникновения человеческой свободы.

С возникновением сознания степень самодетерминации у человека резко возрастает; биологическая самодетерминация дополняется социальной самодетерминацией и самодетерминацией сознания. Человек становится способ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 109—110.

ным не только накапливать и хранить информацию, но и осознанно оперировать ею, преобразовывать и использовать ее для достижения своих целей. Он становится способным не только причинно реагировать на действие внешних факторов, приспосабливаясь к окружающей его среде, но и преобразовывать эту среду, подчиняя ее своим целям. В этом преобразовании окружающей среды человек и реализует свою сущность, реализуя тем самым и свою свободу.

Другим аспектом проявления человеческой свободы является его способность не только преобразовывать окружающий его мир, но и его способность преобразовывать самого себя и тот окружающий его социум, частью которого он является. Предпосылка этой способности творить самого себя также возникает еще на досоциальном уровне эволюции материи с возникновением систем с органической целостностью. Имея в виду именно такого рода системы, авторы работы «Системный подход в современной науке» пишут: «В точках перехода от одного состояния к другому развивающийся объект обычно располагает относительно большим числом «степеней свободы» и становится в условия необходимости выбора из некоторого количества возможностей, относящихся к изменению конкретных форм его организации. Все это определяет не только множественность путей и направлений развития, но и то важное обстоятельство, что развивающийся объект как бы сам творит свою историю»¹.

Человек в отличие от системы с органической целостностью не «как бы», а реально творит свою историю и самого себя. С переходом к бесклассовому обществу он начинает уже творить самого себя и историю сознательно, опираясь на знание исторической необходимости, что одновременно является высшим воплощением человеческой свободы. В коммунистическом обществе «объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых

¹ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 44.

они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что в рамках общей концепции детерминизма свобода может быть определена как высшая форма самодетерминации и самоорганизации материи, проявляющая себя на социальном уровне ее движения.

Социальная природа и сущность свободы наиболее четко выявляются в сопоставлении с такой социальной категорией, как ответственность². Свободное действие человека как социального существа всегда предполагает его ответственность перед обществом за свой поступок. Как пишут Р. И. Косолапов и В. С. Марков, «свобода и ответственность — это две стороны одного целого — сознательной человеческой деятельности. Свобода есть возможность осуществления целеполагающей деятельности, способность действовать со знанием дела ради избранной цели, и реализуется она тем полнее, чем лучше знание объективных условий, чем больше избранная цель и средства ее достижения соответствуют объективным условиям, закономерным тенденциям развития действительности. Ответственность же есть диктуемая объективными условиями, их осознанием и субъективно поставленной целью необходимость выбора способа действия, необходимость активной деятельности для осуществления этой цели... Свобода порождает ответственность, ответственность направляет свободу»³.

Для многих представителей буржуазной философии характерным аргументом против любых попыток совмещения принципа детерминизма с признанием свободы является ссылка на то, что если любой поступок причинно обусловлен, то человек не может нести за него ответственность. Только абсолютно свободное, ничем не обусловленное действие является актом свободы, предполагающим и ответственность. Но в таком случае возникает естественный вопрос: что определяет, обуславливает ответственность человека? И почему человек вообще должен иметь

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 295.

² Отметим, что утверждение о существовании у электрона «свободы воли» является хотя и ложным, но осмысленным. Утверждение же о существовании у электрона ответственности просто лишено смысла. Это говорит о том, что любая попытка приписывать свободные действия неодоушевленным объектам ведет к парадоксам.

³ Косолапов Р. И., Марков В. С. Свобода и ответственность. М., 1969. С. 72.

ответственность, если он абсолютно свободен в своих поступках: ведь тогда в его праве и отказаться от ответственности? Согласно научно-философскому мировоззрению, и свобода, и ответственность могут быть мыслимы только в мире, где существует объективная обусловленность, детерминизм. Принимая решение и действуя со знанием дела, с опорой на знание объективной необходимости, человек способен одновременно формировать в себе чувство ответственности перед обществом за свои поступки. Ответственность обусловлена уровнем развития общественного сознания, уровнем развития социальных отношений, существующими социальными институтами. И даже тогда, когда человек несет ответственность перед самим собой, перед своей совестью, в нем отражаются современные ему социальные связи и отношения. Именно объективная детерминированность социальных явлений и явлений сознания и позволяет понять глубокую связь между свободой и ответственностью.

Диалектика свободы и необходимости прослеживается в социально-преобразовательной деятельности людей. Великим актом проявления свободной воли целого народа является Великая Октябрьская социалистическая революция. После Февральской революции существовало множество политических партий, каждая из которых предлагала народам России различные альтернативные пути ее дальнейшего развития. Но в сущности все эти альтернативы сводились к двум: капиталистическому или социалистическому пути развития. Народ сделал выбор в пользу социалистического пути и пошел за партией большевиков. Это был выбор, основанный на глубоком понимании авангардом трудящихся объективной исторической необходимости, это был выбор, сделанный со знанием дела, с опорой на социальное учение марксизма-ленинизма.

В развитии социалистического общества диалектика свободы и необходимости хорошо прослеживается в деятельности КПСС. Решения партии, принимаемые на съездах, являются конкретным воплощением воли партии, отражающей волю всего советского народа. На XXVII съезде КПСС был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития нашего общества. Это был волевой акт, основанный на глубоком понимании необходимых закономерностей развития социализма на данном этапе и на тщательном анализе конкретных условий этого развития. Ускорение социально-экономического развития представляет собой одну из определя-

ющих закономерностей развития социализма при вступлении его в стадию развитого социализма.

Другой аспект диалектики свободы и необходимости, нашедший свое отражение в материалах XXVII съезда КПСС, связан с выявлением тех средств, опора на которые позволит воплотить решения съезда в жизнь. Среди этих средств важнейшим является активизация человеческого фактора. По существу, это и есть обращение к сознательной воле людей, это задача — сделать волю партии и народа волей каждого отдельного гражданина социалистического общества. Курс на перестройку, на ускорение нашего социально-экономического развития может быть успешно реализован только в том случае, если он будет осознан как внутренняя необходимость каждым членом нашего общества, если он станет сознательным выражением свободы воли каждого отдельного человека. Как отмечалось на XXVII съезде партии, «успех любого дела в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем массы»¹. С повышением роли каждого отдельного человека в строительстве коммунизма связана и поставленная партией задача расширения демократии. «Наша партийная Программа нацеливает на самое эффективное использование всех форм непосредственной демократии, прямого участия народных масс в выработке, принятии и выполнении государственных и других решений»². При этом расширение возможности принятия решений связывается партией с повышением ответственности каждого человека за их выполнение.

Можно сказать, что, отвергая, как говорил В. И. Ленин, «побасенку об абсолютной свободе воли», КПСС в своей деятельности постоянно обращается к свободной воле советских людей, опирающейся на знание исторической необходимости. Вопреки утверждениям наших идейных противников о том, что марксистский детерминизм исключает существование свободы воли, понятие свободы является одним из ключевых понятий и марксистского детерминизма, и диалектики как теории развития. Проблема свободы, включающая в себя проблему познания и социального действия, является одной из ведущих проблем, связывающих в единое целое диалектику и теорию

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 23—24.

² Там же. С. 59.

познания, а также диалектический материализм с историческим материализмом и теорией научного коммунизма.

* *
*

Мы кратко рассмотрели основное содержание общей теории диалектического материализма. Для методических целей оказалось удобным сконцентрировать основной материал в трех разделах, составляющих: 1) принцип материального единства мира, 2) принцип развития и 3) принцип детерминизма. Эти принципы были взяты не в качестве общеметодологических (что составляет предмет специального изложения), а в качестве общетеоретических, мировоззренческих принципов, соответственно учений или теорий материального единства мира, развития материи и детерминизма. В рамках диалектического материализма все эти общетеоретические принципы взаимосвязаны и едины. Структурно первый и второй принципы, взятые в учебном ракурсе отдельно, оказываются связанными посредством общетеоретического принципа детерминизма: он входит своим содержанием в состав первого и в состав второго. Наряду с этим (что было отмечено нами) научное представление о материальном единстве мира включает в себя номологическое единство, т. е. единство по действующим законам, и прежде всего аспект единства, связанный с основными, всеобщими законами развития. Иначе говоря, учение о развитии включается в учение о материальном единстве мира. Представление о материи, развиваемое в диалектическом материализме, неотрывно от учения о развитии.

Общая теория диалектического материализма является онтологическим основанием (и обоснованием) двух других сторон диалектического материализма — теории познания и диалектической логики.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова Н. Т. — 132
Авалиани С. Ш. — 63
Августин — 304
Аверьянов А. Н. — 121, 125, 246, 248
Агудов В. В. — 229
Адорно Т. — 213, 219
Акулов В. Л. — 7
Александр С. — 178, 180
Александров А. Д. — 284
Алексеев М. Н. — 7, 66
Алексеев П. В. — 12, 63, 92
Анаксагор — 78
Анаксимандр — 78
Анаксимен — 78
Аптер М. — 200
Аристотель — 42, 51, 78, 133, 158, 244, 313
Архимед — 50
Аскин Я. Ф. — 272, 273, 274, 276
Асеев В. А. — 231
Афанасьев В. Г. — 7, 73, 125, 129, 132, 197, 202
Ахлибининский Б. В. — 231
Бабушкин В. У. — 7
Баженов Л. Б. — 20, 101, 113, 116, 118, 272
Барашенков В. С. — 20
Барулин В. С. — 38, 124
Бергсон А. — 178, 179, 180
Бернштейн М. — 266
Берталанфи Л. — 183
Бирюков Б. В. — 160, 166
Блауберг И. В. — 129, 325
Богомоллов А. С. — 7, 173, 179, 180
Бодаков А. В. — 96
Большой Я. — 308
Бор Н. — 266
Борн М. — 17
Борзенков В. Г. — 255, 272, 310
Бранский В. П. — 7, 58, 142, 272, 283
Броун — 50
Бруккер Я. — 8
Брутян Г. А. — 7
Булатов М. А. — 7
Бунге М. — 49
Бутенко А. П. — 257
Бухарин Н. И. — 266
Быховский Б. Э. — 180
Бэкон Ф. — 51, 174
Вазюлин В. А. — 83, 84
Васильева Т. С. — 122
Вернадский В. И. — 16
Вессель К. Ф. — 7, 185
Вигор П. Г. — 219
Винер Н. — 172
Вознесенский А. — 196
Вяккерев Ф. Ф. — 247, 248
Гагарин Ю. — 208—209
Галилей Г. — 115
Гаррис Э. — 174
Гаусс К. — 308
Гегель — 42, 51, 55, 59, 79, 139, 158, 161, 170, 173, 178, 182, 185, 190, 198, 211, 225, 226, 227, 230, 231, 232, 233, 244, 245, 260, 266, 312, 313
Гераклит — 78, 158, 171, 244
Герц Г. — 7, 24, 185, 272
Гете И. В. — 139
Гоббс Т. — 320
Гольбах П. — 320, 317
Гольдманский В. И. — 20
Гонди И. — 7, 70
Горбач В. И. — 253
Горбачев М. С. — 3, 4, 30, 35, 209, 317, 463
Горский Д. П. — 262
Готт В. С. — 7, 43, 82, 92, 122, 256
Грецкий М. Н. — 128
Гречаный В. В. — 38
Грибанов Д. П. — 160
Гусев С. С. — 48

Давиташвили Л. Ш. — 183
Давыдова Г. А. — 184, 217, 218
Дарвин Ч. — 176, 181
Дарендорф Р. — 251
Даль В. — 51, 57, 176
Декарт Р. — 51, 158
Демидов В. А. — 7
Демин В. Н. — 43
Демокрит — 158
Дицген И. — 135, 182.
Дубровский Д. И. — 7
Дудель С. П. — 253
Дышлевый П. С. — 68
Дюринг Е. — 159

Ерохин В. Г. — 256
Ершов Г. Г. — 206
Ефимов В. И. — 230

Жариков Е. С. — 22
Жбанкова И. И. — 7, 66
Жданов Ю. А. — 183
Желеско П. С. — 212
Желнов М. В. — 7
Жердев Р. В. — 188, 203
Жуайё М. — 213

Зак С. Е. — 228
Звиглянич В. А. — 143
Зелькина О. С. — 133
Зенгер Е. — 209
Зенон — 171, 172
Зиго М. — 7
Зиммель Г. — 53
Зобов Р. А. — 128

Иванов В. Г. — 272
Ильенков Э. В. — 7, 43, 82, 93, 94,
97, 167, 168
Ильин А. Я. — 255
Ильин В. В. — 68, 226, 234, 283
Ильин В. В. — 30
Ильичев Л. Ф. — 5, 7, 184
Ирибаджаков Н. — 7
Исаев И. Т. — 186, 201

Кайдалов В. А. — 146, 264
Калайков И. — 7
Калацкий В. П. — 43
Кальвин Ж. — 304
Камшилов М. М. — 123
Кант И. — 8, 9, 29, 118, 158, 276,
320
Караваев Г. Г. — 38
Кармин А. С. — 58, 68
Карпинская Р. С. — 183, 255

Кедров Б. М. — 7, 13, 50, 110, 160,
220, 256, 272
Кезин А. В. — 30
Кекуле Ф. А. — 50
Кессиди Ф. Х. — 171
Кириллов В. И. — 142
Клаузиус Р. — 103
Климашевский Г. — 202
Козер Л. — 251
Колмогоров А. Н. — 232
Константинов Ф. В. — 5
Копнин П. В. — 7, 42, 77, 93
Коршунов А. М. — 155
Коршунова Л. С. — 47
Косолапов Р. И. — 326
Костюк В. Н. — 228
Котар Ж. — 212
Кравец А. С. — 290
Крик Ф. — 266
Кузнецов И. В. — 272, 273, 280,
281, 284, 287
Кузьмин В. П. — 126, 129, 235
Кукушкина Е. И. — 155
Купцов В. И. — 18, 23, 272, 283,
302

Ладош Я — 7
Лазарев Ф. В. — 68
Лапицкий В. В. — 14
Лапшин И. И. — 50
Ле Дантек — 177, 249
Лебедев С. А. — 68
Левин Г. Д. — 149
Лейбниц Г. В. — 115, 158
Лекторский В. А. — 7
Ленин В. И. — 6, 13, 16, 30, 34, 36,
74, 79, 81, 83, 84, 88, 89, 90, 91,
92, 93, 96, 97, 112, 126, 139, 141,
144, 146, 147, 149, 152, 155, 170,
171, 172, 177, 178, 180, 181, 182,
183, 190, 194, 195, 211, 214, 222,
226, 234, 240, 241, 247, 248, 250,
252, 256, 258, 261, 268, 278, 283,
289, 292, 295, 328
Леонтьев В. М. — 72
Лигачев Е. К. — 4
Лобачевский Н. И. — 113, 308
Локк Д. — 174
Лоренцо П. — 213
Лосев А. Ф. — 215
Луначарский А. В. — 213
Любути К. Н. — 38

Майр Э. — 183
Макаров М. Г. — 247
Маковельский А. — 245

- Мамзин А. С. — 255
 Марахов В. Г. — 5, 248
 Марков А. А. — 285
 Марков В. С. — 326
 Марков М. А. — 121, 122
 Марков Ю. Г. — 131
 Маркс К. — 16, 28, 29, 31, 34, 44, 50, 52, 56, 60, 72, 74, 75, 81, 83, 84, 88, 90, 91, 129, 137, 139, 147, 152, 154, 178, 195, 196, 202, 211, 228, 236, 250, 264, 293, 296, 303, 304, 308, 319, 324
 Мартынович С. Ф. — 66, 70
 Мах Э. — 288
 Меллер Г. — 183
 Мелюхин С. Т. — 7, 93, 123, 160, 192, 248, 272
 Мерзон Л. С. — 68
 Мещеряков В. Т. — 245
 Микешина Л. А. — 7, 41, 58
 Миклин А. М. — 188, 191, 193, 203
 Милль Д. С. — 286, 288
 Митин М. Б. — 5
 Михайловский Н. К. — 225
 Молевич Е. Ф. — 188, 192, 193
 Молчанов Ю. Б. — 20, 113
 Моно Ж. — 20, 310
 Монтень М. — 51
 Морган К. Л. — 178, 179, 180
 Морозов К. Е. — 101, 113, 116, 118
 Мостепаненко М. В. — 68
 Мужик Й. — 7
 Нарский И. С. — 15, 32, 38, 43, 82, 92, 122, 238, 244, 246, 253, 264, 267
 Науменко Л. К. — 7, 202
 Нечипоренко Л. А. — 251
 Никитин Е. П. — 143, 145
 Николис Г. — 311
 Новалис — 49
 Ньютон И. — 16, 50, 189
 Огородников В. П. — 276, 288
 Ойзерман Т. И. — 7, 10, 16, 17, 21, 58, 59
 Омеляновский М. Э. — 183, 256
 Опарин А. И. — 20
 Орлов В. В. — 122, 184, 210
 Оруджев З. М. — 7, 248, 253, 259
 Панцхава И. Д. — 41, 161, 186, 233
 Парменид — 171, 172
 Парнюк М. А. — 272, 287
 Парсонс Т. — 127
 Пахомов Б. Я. — 41, 161, 186, 233, 272, 283
 Пастер Л. — 286
 Перминов В. Я. — 272
 Петров Ю. А. — 93, 143, 148
 Пилипенко Н. В. — 272, 301, 302
 Платон — 51, 172
 Платонов Г. В. — 7, 63, 255
 Плеханов Г. В. — 169, 222, 223, 306
 Подольский В. А. — 191, 193
 Попова Н. Л. — 46
 Поппер К. Р. — 158, 296
 Потемкин А. В. — 7
 Пригожин И. — 311
 Пуанкаре А. — 51
 Ракилов А. И. — 7
 Рапапорт У. Дж. — 17
 Роговин М. С. — 212
 Ропакон Н. И. — 247
 Ротенберг А. — 265, 266
 Рузавин Г. И. — 47, 189, 190, 192
 Руссо Ж. Ж. — 50
 Руткевич М. Н. — 93, 95, 102, 312, 313
 Сагатовский В. Н. — 7, 41, 66, 143, 196
 Садовский В. Н. — 125, 129, 325
 Сачков Ю. В. — 272, 302
 Свечников Г. А. — 272, 290
 Сви́дерский В. И. — 128, 185, 191
 Селларс Р. В. — 180
 Семенов В. С. — 257
 Семенчев В. М. — 189
 Семенюк Э. П. — 7
 Сент-Дьерди А. — 183
 Сержантов В. Ф. — 38
 Сивоконь П. Е. — 72
 Симпсон Дж. Г. — 183
 Славин А. В. — 47
 Слуцкий М. С. — 7, 63, 101, 113, 116, 118
 Смирнов И. Н. — 183, 255
 Смэ́тс Я. Х. — 178
 Солопов Е. Ф. — 7
 Спенсер Г. — 175, 176, 177, 249
 Спиноза Б. — 94, 158, 319
 Спиркин А. Г. — 7, 9, 155, 244
 Станис Л. Я. — 123
 Стрельченко В. И. — 255
 Сухи М. — 93

Тейяр де Шарден — 173
Тернер Дж. — 234
Тимофеев И. С. — 234
Толстой Л. Н. — 139
Томпсон В. — 103
Тулъчинский Г. Л. — 48
Тюхтин В. С. — 7, 238, 244, 246,
253, 256

Уайтхед А. Н. — 178
Уёмов А. И. — 129, 149, 279
Украинцев Б. С. — 132
Уледов А. К. — 295
Уорд Л. Ф. — 249
Уотсон Дж. Д. — 266
Урсул А. Д. — 7, 200, 210

Фадеев Е. Т. — 208
Фалес — 78, 158
Фаркаш Л. — 128
Федосеев П. Н. — 5, 7, 64
Фейербах Л. — 29
Ферворн М. — 286, 288
Филюков А. И. — 123
Фишер К. — 60
Фролов И. Т. — 7, 255, 261, 272,
310
Фурман А. Е. — 230

Хаббл — 208
Хаксли Дж. — 183
Харин Ю. А. — 199, 212, 215, 223,
246, 247, 259
Холдейн Дж. С. — 20

Царегородцев Г. И. — 256, 272
Циолковский К. Э. — 208
Цицерон — 51
Цоуфал Й. — 272

Чанышев А. Н. — 7, 8, 171
Черник В. — 7, 60, 76, 272

Чернов А. П. — 47
Чудинов Э. М. — 256
Чунаева А. А. — 247

Шарыпин Л. П. — 283
Швейцер А. — 9
Шекспир В. — 139
Шеллинг Ф. В. Й. — 320
Шептулин А. П. — 43, 93, 94, 149,
281
Шилков Ю. М. — 14
Шиллер Ф. — 139
Широканов И. Д. — 272
Шорохов И. М. — 231
Штернфельд А. А. — 228
Штракс Г. М. — 253, 259

Эйген М. — 311
Эйнштейн А. — 11, 22, 100, 115,
117, 164, 266, 289
Эйхгорн В. — 7
Эмпедокл — 78, 158
Энгельс Ф. — 16, 20, 28, 29, 31, 34,
42, 44, 50, 52, 55, 68, 74, 75, 88,
90, 91, 97, 98, 99, 102, 104, 105,
106, 107, 108, 110, 114, 115, 152,
153, 159, 160, 162, 168, 178, 183,
189, 204, 206, 207, 216, 217, 222,
227, 229, 242, 243, 246, 248, 267,
273, 278, 280, 293, 303, 304, 319,
320, 323, 326

Югай Г. А. — 131, 202, 255
Юдин Э. Г. — 7, 125, 129, 187, 199,
325
Юм Д. — 51, 276
Юшкевич П. — 54

Янков М. — 7
Яновская С. — 233
Ярошевский М. — 275
Яценко Л. В. — 68

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Раздел I</i>	
Специфика философского знания и диалектического материализма	7
Глава 1. Проблемы философии, их предметное основание . . .	8
Глава 2. Характерные черты марксистской философии	28
Глава 3. Предмет диалектического материализма	35
Глава 4. Средства познания в философии	40
Глава 5. Уровни освоения действительности	61
Глава 6. Структура диалектического материализма	76
<i>Раздел II</i>	
Принцип материального единства мира. Материя и формы ее существования	87
Глава 1. «Материя» — исходная категория диалектического материализма	87
§ 1. Ленинское определение материи, его сущность и значение .	88
§ 2. Материя как субстанция	92
Глава 2. Движение — атрибут материи	97
§ 1. Движение и материя. Основные свойства движения . .	97
§ 2. Формы движения материи, их классификация	105
Глава 3. Пространство и время — атрибуты материи	111
§ 1. Отношения пространства и времени к материи	111
§ 2. Диалектико-материалистическая концепция пространства и времени и ее естественнонаучное обоснование	115
§ 3. Основные свойства пространства и времени	117
Глава 4. Системность материи	120
§ 1. Системность — атрибут материи. Уровни структурной организации материи	120
§ 2. Понятие «система», «элемент», «структура». Несостоятельность идеалистического структурализма	124
§ 3. Типы систем	128
§ 4. Целое и часть. Антиномии целостности	133
§ 5. Форма и содержание материальных систем	137
§ 6. Сущность и явление в материальных системах	142
Глава 5. Отражение — атрибут материи. Проблема соотношения материи и сознания	149
§ 1. Отражение как атрибутивное свойство материи. Сознание — высшая форма отражения	149
§ 2. Взаимосвязь материи и сознания	155
Глава 6. Принцип материального единства мира как один из основополагающих принципов диалектического материализма	157

§ 1. Диалектико-материалистическая концепция единства мира	157
§ 2. Естественнонаучное обоснование материального единства мира	163
§ 3. Место принципа материального единства мира в теории материалистической диалектики и его мировоззренческое и познавательное значение	166
 <i>Раздел III</i>	
Принцип развития	170
<i>Глава 1. Необходимость связи принципа материального единства мира и принципа развития. Основные концепции развития</i>	<i>170</i>
<i>Глава 2. Понятие развития. Направления развития</i>	<i>183</i>
<i>Глава 3. Закон отрицания отрицания</i>	<i>211</i>
§ 1. Диалектическое и метафизическое понимания отрицания	211
§ 2. Типы и виды отрицания (онтологический аспект) . . .	215
§ 3. Критерий закона отрицания отрицания	219
§ 4. Спиралевидная форма развития	222
<i>Глава 4. Закон перехода количества в качество</i>	<i>226</i>
§ 1. Общая характеристика	226
§ 2. Понятия качества и количества	230
§ 3. Мера. Типы мер	234
§ 4. Скачок. Виды скачков	236
<i>Глава 5. Закон единства и борьбы противоположностей . . .</i>	<i>241</i>
§ 1. Всеобщность противоречий. Противоречие как процесс	241
§ 2. Метафизические и диалектическая трактовки соотношения единства противоположностей и их борьбы	249
§ 3. Типы и виды противоречий. Общедиалектические противоречия	253
§ 4. Противоречия социального развития	256
§ 5. Диалектические противоречия познания	262
§ 6. Закон единства и борьбы противоположностей как центральный закон диалектики, его связь с законом перехода количества в качество и законом отрицания отрицания . .	267
§ 7. Основные и неосновные законы диалектики. Развитие и законы детерминации	268
 <i>Раздел IV</i>	
Принцип детерминизма. Категории детерминизма	271
<i>Глава 1. Общая характеристика принципа детерминизма</i>	<i>271</i>
<i>Глава 2. Причина и следствие. Принцип причинности</i>	<i>277</i>
§ 1. Основные признаки причинной связи	278
§ 2. Механизм процессов причинения	283
§ 3. Причина и условия. Критика кондиционализма	286
§ 4. Причинность и другие виды объективного обуславливания	289
<i>Глава 3. Принцип закономерности. Понятие закона</i>	<i>292</i>
<i>Глава 4. Необходимость, случайность, свобода</i>	<i>300</i>
§ 1. Необходимость и случайность как категории детерминизма	300
§ 2. Диалектика взаимосвязи случайности и необходимости .	308
§ 3. Возможность и действительность	311
§ 4. Свобода и необходимость. Свобода и ответственность . .	319
Именной указатель	330

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Петр Васильевич Алексеев
Александр Владимирович Панин

Диалектический материализм

Заведующий редакцией *А. Д. Кашин*
Редактор *Л. Б. Комиссарова*
Младшие редакторы *Т. А. Шангина, Л. Ф. Петецкая*
Художественный редактор *С. Г. Абелин*
Художник *А. И. Шавард.*
Технический редактор *З. А. Муслимова*
Корректор *Л. А. Исаева*

ИБ № 6532

Изд. № ФПН-669. Сдано в набор 26.02.87. Подп. в печать 03.09.87. А-03468. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн. журн. Гарнитура таймс. Печать высокая. Объем 17,64 усл. печ. л. 17,64 усл. кр.-отт. 19,47 уч.-изд. л. Тираж 40 000 экз. Зак. № 161. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.